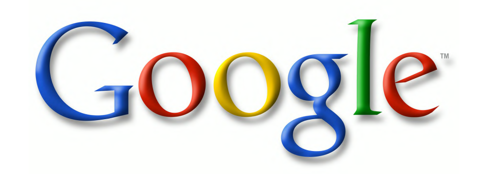

Digitized by Google

Его Превосходительству
Николаю Алексѣевичу
Любимову на память
объ лекціяхъ въ русскомъ
плаваніи Севастопольской батареи
и знакъ глубокаго ува-
женія.

А. [illegible]

19 Нояб 1892 г.

ВЫПУСКЪ I

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

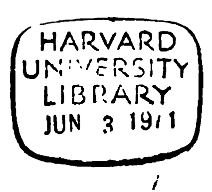
А. Пороховщикова.

Москва.

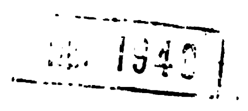
Типографія бр. Вернеръ, Арбатъ, домъ Каринской.

1889.

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, марта 8 дня 1889 года.

Цензоръ Протоіерей *Сгмеонъ Вишняковъ.*

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

ВЫПУСКЪ I.
Предисловіе.—Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

ВЫПУСКЪ II.
Политическій и гражданскій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

ВЫПУСКЪ III.
Экономическія силы Россіи.

ВЫПУСКЪ IV.
Просвѣщеніе Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ V.
Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе Русской жизни (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

ВЫПУСКЪ VI.
Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

ВЫПУСКЪ VII.
Русская печать.

ВЫПУСКЪ VIII.
Москва.

ВЫПУСКЪ IX.
Историческая миссія Русскаго народа.

Дозволено цензурою, Москва, 8 марта 1889 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если канунъ каждаго новолѣтія располагаетъ къ размышленію о томъ, что сдѣлано за истекающій годъ обществомъ и государствомъ на безконечномъ пути преуспѣянія, предопредѣленнаго человѣчеству Божіимъ Промысломъ, тѣмъ естественнѣе такое размышленіе въ преддверіи новаго вѣка, когда подводятся итоги общественной и государственной дѣятельности за цѣлое столѣтіе, и предстоитъ отвѣчать на вопросъ: улучшили общество и государство или нѣтъ и свои учрежденія, и условія жизни своихъ гражданъ за долгій сравнительно промежутокъ цѣлыхъ ста лѣтъ?

Еще болѣе естественно это размышленіе въ гражданинѣ такого государства, какъ Россія, въ членѣ такого общества, какъ русское: XX-е столѣтіе христіанской эры застаетъ Россію едва пережившею политическое 1000-лѣтіе, а на поприщѣ обще-европейской культурной

жизни едва переступающей на третье столѣтіе—страною молодой, въ періодѣ далеко не законченныхъ внутреннихъ реформъ и какъ разъ вслѣдъ за преобразованіями, которыя едва не поколебали ея политическаго фундамента и не потрясли ея государственнаго зданія.

Люди, знавшіе Россію до-реформенную, съ восторгомъ привѣтствовавшіе зарю новой жизни, возвѣщенной Русскому народу въ первые годы минувшаго царствованія, не могутъ не испытывать горькаго чувства разочарованія, всматриваясь въ явленія современной жизни, когда, казалось бы, слѣдовало уже пожинать хотя нѣкоторые добрые плоды обширныхъ преобразованій, совершонныхъ мощною десницей Державнаго Освободителя.

По идеѣ, положенной въ основу всѣхъ провозглашенныхъ имъ реформъ, свободный и просвѣщенный народъ, подъ сѣнію правительственной заботливости, подъ покровомъ правосудія, огражденный гарантіями самоуправленія и свободнаго слова, долженъ бы былъ шествовать путемъ общественнаго и личнаго преуспѣянія.

Настоящее и недавно прошедшее время, къ сожалѣнію, указываютъ намъ лишь одинъ фактъ, осязательно сказавшійся результатомъ исполненнаго четверть вѣка назадъ соціальнаго переворота; это — простая перестановка общественныхъ отношеній, совершившаяся и досе-

лѣ совершающаяся, нерѣдко, притомъ, наперекоръ исторіи, въ ущербъ благосостоянію страны, справедливости и даже здравому смыслу.

Такъ, вмѣсто крѣпкой власти, сознающей свою силу и благовременно дающей ее чувствовать, мы видимъ фиктивное самоуправленіе, и притомъ, всего чаще, въ формѣ самоуправства и нравственнаго насилія *немногихъ* надъ волею и разумомъ *большинства*.

Вмѣсто правосудія, обѣщаннаго созданіемъ гласнаго, праваго, скораго и милостиваго суда, мы нерѣдко видимъ или его бездѣйствіе, или же такую его дѣятельность, которая, подъ давленіемъ извращенныхъ общественныхъ взглядовъ и вкусовъ, направляется не къ единственной истинной его цѣли—возстановленію попираемой правды,—а къ угодливости этимъ взглядамъ и вкусамъ.

Наконецъ, вмѣсто дворянства, которое великодушно пожертвовало своими вѣковыми выгодами простолюдину-земледѣльцу, видимъ даже не этого въ потѣ лица трудящагося земледѣльца, а ненавистный для него самого типъ кулака-міроѣда, или идущій объ руку съ этимъ послѣднимъ, еще болѣе неприглядный, типъ невѣжественнаго и грубаго, чуждаго всякихъ возвышенныхъ чувствъ и нравственныхъ соображеній, равнодушнаго ко всему, кромѣ личной наживы, кулака-коммерсанта, космополита и по

самому роду своей профессіи, да и воспитаннаго, притомъ, на вѣковыхъ традиціяхъ недобросовѣстности и обмана.

Эти два типа новой формаціи, пользуясь поблажкой крестьянскаго, земскаго и сословнаго самоуправленія, затруднительнымъ, послѣ крестьянской реформы, матеріальнымъ положеніемъ какъ высшаго, такъ и низшаго, кореннаго земледѣльческаго сословія, воспособляемые накопленными отъ дворянства и народа капиталами, постепенно распространяя свое тлетворное вліяніе, завладѣли сперва цѣлыми сельскими округами, потомъ цѣлыми городами, выраждались миріадами земскихъ, сословныхъ, банковыхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ дѣльцовъ, пока не заставили, наконецъ, стонать въ своихъ безжалостныхъ тискахъ цѣлые уѣзды и городскія поселенія, и не простерли своей сильной руки даже надъ такими городскими центрами, каковы столицы. Къ нимъ примкнула многочисленная, также вновь народившаяся, формація иновѣрныхъ и иноземныхъ промышленниковъ, близкая имъ и по духу, и по характеру, такъ что въ настоящее время всѣ онѣ составляютъ какъ бы пресловутое *tièrs-etat*, на подобіе зловреднаго рака разъѣдающее и вершину государственнаго зданія, въ лицѣ высшаго, дворянскаго класса, и его корни, въ лицѣ многомилліоннаго крестьянства.

V

Если говорить языкомъ сравненій, и Россію прошедшаго времени уподобить степенному, скромному, зажиточному дому, твердо управляемому крѣпкою, властною, любящею рукой, то Россія настоящаго представится домомъ, гдѣ эта рука какъ бы уступила мѣсто какимъ-то новымъ, невѣдомымъ въ исторіи, неизвѣстно откуда пришедшимъ, ни о чемъ кромѣ своихъ выгодъ незаботливымъ, наглымъ прислужникамъ, которые и принялись въ немъ хозяйничать какъ имъ вздумалось.

Ужасъ объемлетъ душу и скорбь исполняетъ сердце истинно русскаго человѣка, когда онъ спрашиваетъ себя: что же представитъ Россія будущаго, если эти зачатки настоящаго, не вырванные съ корнемъ изъ ея общественной нивы, станутъ развиваться, какъ и доселѣ, пользуясь благопріятными для себя условіями?

Преобладаніе голаго, грубаго капитала, сказавшееся въ нашей общественной и экономической жизни, сопровождалось и другими явленіями, обнаружившими, что параллельныя крестьянской реформы въ другихъ углахъ русскаго общественнаго зданія, прежде чѣмъ обновить, достаточно потрясли его: оскудѣніе религіознаго элемента въ народномъ просвѣщеніи, водворявшееся педагогическимъ и литературнымъ либерализмомъ, выразилось или ложными идеалами, возникшими въ средѣ молодаго

поколѣнія, или, что еще хуже, отсутствіемъ какихъ бы то ни было идеаловъ,—отсутствіемъ, которое обѣщаетъ будущей Россіи не вѣрныхъ и преданныхъ слугъ, какими блещутъ страницы ея исторіи, а развѣ карьеристовъ, способныхъ лишь наживаться на ея счетъ.

Упадокъ религіознаго воспитанія юныхъ поколѣній отразился гибельно и на семейной жизни, крѣпость которой сверху до низу, отъ высшихъ классовъ до крестьянскаго сословія, подъ напоромъ свободолюбивыхъ теорій, не провѣренныхъ практикой жизни, не выдержала и оказалась сильно расшатанной и едва ли не поколебленной.

Освобожденная литература, не имѣя, въ большинствѣ случаевъ, чѣмъ наполнить открывшагося предъ нею простора, устремила свое рвеніе къ тому, чтобы прикрыть свою наготу обносками съ барскаго плеча европейскихъ мыслителей, насыщая общество остатками съ господскаго стола западныхъ теоретиковъ, сколь чуждыми, столь же и ядовитыми для народнаго организма, а впослѣдствіи размѣнялась на стертую мелочь, и почти переставъ давать твердую и здоровую пищу, отказалась отъ всякаго нравственнаго воздѣйствія на общество, ограничившись унизительною угодливостью грубымъ вкусамъ и инстинктамъ невѣжественной толпы, вмѣсто ея просвѣщенія трудясь надъ ея умственнымъ и нравственнымъ развращеніемъ.

Свободомыслie и пренебреженie къ старому, отжившему и устраненному порядку вещей, сопровождающія переходное время послѣ каждой великой общественной реформы, выработались въ глумливое презрѣнie и ко всѣмъ тѣмъ устоямъ гражданской жизни, которые не только пережили реформу, но и продолжаютъ, по милости Божiей, прочно стоять въ основѣ государственнаго зданія, освященные историческимъ преданiемъ и любовiю народной.

Картина, здѣсь изображенная, была бы до крайности мрачной и по истинѣ безотрадной, если бы всѣ эти прискорбныя явленія нашего современнаго быта представляли естественный результатъ послѣдовательно совершавшихся въ народномъ организмѣ историческихъ процессовъ: къ счастiю для Россiи, они суть не иное что, какъ лишь острые симптомы болѣзненнаго состоянія послѣ пережитой нашимъ отечествомъ мирной гражданской революцiи.

Выразившись неслыханнымъ ужасомъ 1 марта, одичавшее безумство разнузданной мысли сразу смѣнилось какъ бы нравственною немощью и умственнымъ усыпленiемъ, подобно тому, какъ за жесточайшими пароксизмами нервной лихорадки наступаетъ мгновенно всеобщая слабость организма и какъ бы притупленность нервъ.

Нѣсколько лѣтъ общество предавалось это-

му естественному отдохновенію отъ искуственнаго, почти 20-лѣтняго болѣзненнаго напряженія мысли, а извѣстная часть литературы ожесточенно громила его за это летаргическое полузабытье.

За послѣднее время, однако, умственная энергія общества пробуждается; мысль его обращается къ причинамъ, которыя привели періодъ реформъ къ столь неожиданному и печальному концу. Нѣкоторые возлагаютъ всю вину на самыя реформы, на ихъ сущность и характеръ, утверждая, притомъ, что онѣ были преждевременны, а слѣд. вовсе и ненужны.

Излишне было бы входить въ подробныя объясненія, сколь далеки подобныя мнѣнія отъ истины: неужели *личное* рабство составляетъ учрежденіе, въ какое бы-то ни было время и при какихъ бы-то ни было условіяхъ достойное христіанской державы? Неужели прежніе полицейскіе и приказные пріюты судейскаго крючкотворства представляли учрежденія, сколько-нибудь обезпечивавшія правосудіе? Равнымъ образомъ — возможно ли отрицать пользу *разумно* поставленныхъ земскихъ, городскихъ и сословныхъ самоуправленій, а также свободной печати?

И если реформы, имѣвшія въ виду дать странѣ эти блага — свободу личности и слова, правосудіе и самоуправленіе — не достигли своей

цѣли, а привели къ противоположной,—виноваты отнюдь не онѣ, не ихъ принципы и сущность, а ихъ постановка, чуждая подчасъ бытовымъ условіямъ страны, не приноровленная къ народной жизни, не соразмѣренная ни съ ея потребностями, ни съ умственными и нравственными силами народа, ни съ его интеллектуальной подготовленностью; отчасти виною тому и ихъ выполненіе, отмѣченное чисто идеалистическими увлеченіями и либеральными, хотя вполнѣ благонамѣренными, тенденціями самихъ реформаторовъ.

Фотографируя Европу и ея учрежденія аппаратомъ, установленнымъ въ такомъ пунктѣ, откуда одинаково не видно ни Европы, ни Россіи, они, при всей чистотѣ своихъ побужденій, возвышенности намѣреній и искренности воодушевленія, естественно могли достигнуть лишь каррикатурныхъ изображеній, требующихъ сильной, умѣлой и заботливой ретушовки.

Личному и имущественному освобожденію крестьянъ, напримѣръ, отнюдь не противорѣчило бы политически и экономически сильное и крѣпкое положеніе дворянскаго сословія: но одновременно съ эмансипаціей былъ осуществленъ рядъ мѣропріятій, въ корнѣ подорвавшихъ силу и крѣпость дворянства, какъ передоваго сословія.

Разумно и практически установленный кон-

троль надъ исполнительными органами судебныхъ учрежденій отнюдь не помѣшалъ бы правосудію, а напротивъ, обезпечилъ бы его и возвысилъ въ глазахъ народа: но всѣ эти органы суда, и единоличные и коллегіальные, поставлены были почти подъ одинъ воображаемый контроль общественнаго мнѣнія и гласности, на практикѣ равнозначительный полному отсутствію всякаго контроля.

Еще болѣе строгаго практическаго контроля и отвѣтственности здравый смыслъ требовалъ отъ земскихъ, городскихъ и сословныхъ самоуправленій, какъ гарантированныхъ въ своемъ личномъ составѣ однимъ лишь, и то незначительнымъ, имущественнымъ цензомъ: но они-то, къ удивленію, и поставлены не только *внѣ*, но и *недосягаемо* для чьего бы то ни было контроля, въ положеніе совершенно безотвѣтственное и безнаказанное.

Что же удивительнаго, если такимъ положеніемъ не замедлили воспользоваться люди, подъ личиною общественнаго долга проникнутые цѣлями эгоистической корысти или личнаго тщеславія?

Что же удивительнаго, если этотъ темный людъ, въ большинствѣ случаевъ лишенный всякихъ принциповъ, кромѣ традиціонной склонности ко лжи, обману и торговымъ плутнямъ, овладѣлъ механизмомъ нашихъ самоуправленій и переполнилъ собою ихъ личный составъ? Мало того:

что удивительнаго, если онъ озаботился устраненіемъ изъ ихъ личнаго состава тѣхъ элементовъ, которые считалъ себѣ чуждыми и опасными — разумѣемъ представителей церкви, духовенство, и хранителей историческихъ преданій, дворянство—а изъ послѣдняго завербовалъ себѣ въ нравственное рабство лишь тѣхъ, кто поступился этими преданіями изъ корыстныхъ разсчетовъ или по безвыходности положенія? Что, наконецъ, удивительнаго, если онъ въ представительствѣ самоуправленій постепенно задавилъ своимъ гнетущимъ вліяніемъ всякую разумную мысль и всякое независимое слово, ставя противъ нихъ свое грубое *veto* и поднимая зазнавшуюся голову не только противъ своихъ сочленовъ, но при случаѣ и противъ высшей административной власти?

Аналогичное этому явленіе замѣчается и въ области печатнаго слова: разумно ограниченною свободой печати пользуются всѣ безъ исключенія европейскія страны, учрежденія коихъ послужили образцами для нашихъ реформъ; всюду эта свобода способствуетъ благотворному политическому и нравственному воздѣйствію печати на общество, равно какъ и для самой печати облегчаетъ служеніе общественному благу, созидая изъ нея великую политическую силу, идущую рука-объ-руку съ правительствомъ и администраціею.

Освобожденная не только отъ предварительной цензуры, но, какъ показалъ послѣдовавшій опытъ, и отъ сколько-нибудь серіозной судебной отвѣтственности, наша печать поставлена была подъ преимущественное давленіе чисто административныхъ вліяній, не всегда обусловливающихся одними интересами общаго блага, а подчасъ и случайными направленіями, господствующими въ личномъ составѣ администраціи. Этою постановкой свободное слово вынуждалось не столько служить истинѣ и общему благу, сколько прислуживаться случайнымъ и измѣнчивымъ взглядамъ и вкусамъ бюрократическихъ сферъ. Отсюда возникла и развилась гибельная для страны деморализація печати: то—служеніе, недавно считавшееся по истинѣ священнымъ, становилось, при случайной небрежности административнаго надзора, удобнымъ средствомъ для проведенія въ общество отрицательныхъ и разрушительныхъ началъ, прикрываемыхъ фальшивыми пломбами европейской философіи; то—народная трибуна, недавно предметъ настойчивыхъ домогательствъ наилучшихъ людей, дѣлалась достояніемъ любаго проходимца, усматривавшаго въ публицистикѣ одно изъ наиудобнѣйшихъ средствъ кормленія на общественный счетъ и вносившаго въ литературу и грубо-тривіальныя замашки своей полудикой среды, и даже плебейскіе пріемы площаднаго жаргона.

Къ счастію, правительство уже обратило вниманіе на нѣкоторыя изъ указываемыхъ нами явленій и, повидимому, утвердилось въ рѣшеніи— согласовать современное состояніе и направленіе преобразованныхъ учрежденій съ общимъ благомъ народа и государства, а равно и уврачевать раны, нанесенныя различнымъ сторонамъ народнаго и общественнаго быта при введеніи въ него новыхъ распорядковъ жизни.

Такъ, стѣснительнымъ экономическимъ положеніемъ двухъ основныхъ сословій государства—дворянскаго и крестьянскаго—правительство уже давно озабочено, приняты даже и нѣкоторыя мѣры къ его улучшенію. Не остаются втунѣ и жалобы общества и литературы на деморализацію сельскихъ населеній подъ эгидой созданныхъ преобразованіями условій жизни, равно какъ и на злоупотребленія сельскихъ, земскихъ, сословныхъ и общественныхъ самоуправленій. Не забыты и нравственные интересы православныхъ населеній, и къ просвѣщенію ихъ приглашено, чрезвычайнымъ призывомъ Верховной Власти, духовенство, въ періодъ реформъ почти устраненное отъ вліянія на народную жизнь.

Эти мѣропріятія, частію осуществленныя, частію осуществляемыя и проектируемыя, обѣщаютъ тѣмъ большую прочность и плодотворность, что и задуманы, и со-

вершаются среди полнаго, повидимому, затишья общественной, государственной и политической жизни, безъ шума рекламъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ каждую реформу 50-хъ и 60-хъ годовъ, съ исполненною достоинства скромностью, которая, однако, и составляетъ наилучшій залогъ ихъ послѣдовательности и успѣшности, служа выраженіемъ мудрой, энергической, сознающей свою силу власти.

И если бы, на ряду съ указанными мѣропріятіями, правительство задалось мыслью объ очищеніи печати, освободивъ ея поле отъ случайно забравшихся на него волковъ и предоставивъ его истиннымъ слугамъ родины и труженикамъ общаго блага, оно бы этимъ и ее спасло отъ конечнаго нравственнаго паденія, и создало бы въ ней благожелательную себѣ, дѣятельную и могучую силу, вѣрную истолковательницу своихъ ко благу народа предначертаній *).

---

*) По истинѣ гибельному вліянію уличной прессы на умы и нравы народа, какъ будто, вовсе не придается значенія: безмыслie, безсмыслie, нравственная распущенность и неблагопристойное скоморошество вотъ уже цѣлые годы питаютъ воспріимчивую душу грамотнаго простонародья безчисленными повѣствованіями о плутняхъ, кражахъ, грабежахъ, убійствахъ и т. п., идеализируя и популяризуя эти отрицательныя стороны жизни и въ разсказахъ, и въ повѣстяхъ, и въ романахъ, и чуть не въ историческихъ хроникахъ, и распространяя ихъ въ массѣ дешевыхъ уличныхъ листковъ. Между тѣмъ трибуны отошедшихъ въ вѣчность публицистовъ,

Новое направленіе, сказывающееся во внутренней политикѣ, не замедлило отразиться и на внѣшнихъ отношеніяхъ нашего отечества: одновременно съ исчезновеніемъ внутренней крамолы, терроризировавшей большую часть минувшаго царствованія, достоинство Русской Державы постепенно поднимается на вѣсахъ международныхъ отношеній, а сообразно съ этимъ улучшается и финансовое положеніе Россіи на международныхъ рынкахъ.

Таково, по нашему мнѣнію, состояніе Россіи въ настоящее время, когда лишь десятилѣтіе отдѣляетъ ее отъ перехода въ новый XX-й вѣкъ.

Съ надеждою на свѣтлую будущность, съ упованіемъ на Промыслъ Божій, съ расче-

---

достойно потрудившихся надъ умственнымъ воспитаніемъ общества, пустуютъ по-прежнему, литература остается почти безъ органовъ серьезной мысли, безъ умственныхъ центровъ. Это явленіе не можетъ не озабочивать правительства. Что значитъ безмыслie и безсмыслie въ литературѣ—извѣстно изъ опыта. Въ позапрошлое царствованіе административный гнетъ надъ общественной мыслью, десятки лѣтъ державшій ее подъ строжайшею, по видимому, цензурною опекой, разрѣшился созданіемъ Герцена, Бакунина и Огарева—этихъ истинныхъ родоначальниковъ того самаго нигилизма, который и отравилъ, и развратилъ своими разнузданными оргіями сначала подневольную, а потомъ и свободную литературу минувшаго царствованія. Дай Богъ, чтобъ русская печать переступила порогъ новаго вѣка, очистившись отъ разъѣдающей ее проказы, и чтобъ правительство, съ своей стороны, подвиглось къ ней состраданіемъ и пособило ей въ томъ.

тами политической мудрости должно, однако, соединять и безпристрастный взглядъ на прошедшее и ясное представленіе настоящаго: вотъ соображеніе, которымъ объясняются и характеръ, и цѣли задуманнаго нами изданія, первый выпускъ коего мы предлагаемъ вниманію читающей публики.

Сообразно съ этими цѣлями изданіе наше, въ полномъ своемъ объемѣ, составитъ рядъ выпусковъ съ нижеслѣдующими названіями:

I. Предисловіе.—Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

II. Политическій и гражданскій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

III. Экономическія силы Россіи.

IV. Просвѣщеніе Русскаго народа.

V. Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе Русской жизни. (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

VI. Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

VII. Русская печать.

VIII. Москва.

IX. Историческая миссія Русскаго народа.

Съ живѣйшею признательностью примемъ указаніе на пробѣлы въ нашемъ изданіи, или на неправильное освѣщеніе приводимыхъ въ немъ справокъ, фактовъ, положеній, выводовъ, пожеланій, ибо этотъ посильный трудъ на пользу нашего

роднаго, домашняго русскаго дѣла объясняется глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что предстоящее столѣтіе, а быть можетъ и канунъ его, чреваты событіями величайшей важности для нашего отечества: не вооруженный авангардъ вооруженныхъ съ головы до ногъ сосѣдей зашелъ такъ далеко, когти хищниковъ запущены такъ глубоко, стремленіе къ освобожденію отъ политическаго и экономическаго ига и отъ воровъ иноземныхъ и туземныхъ такъ естественно и законно и такъ живо чувствуется въ наболѣвшей душѣ русскаго человѣка, что никакая лепта въ этомъ направленіи не пропадетъ безслѣдно.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ
И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ НАРОДА
И ГОСУДАРСТВА.

I.

Особыя обстоятельства, сопровождавшія просвѣщеніе Руси христіанствомъ.

По неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, пророчеству Первозваннаго Апостола Христова, который, по свидѣтельству преданія, въ своихъ проповѣдническихъ странствованіяхъ достигалъ береговъ Днѣпра, водрузилъ на мѣстѣ будущаго Кіева крестъ и предрекъ грядущее здѣсь утвержденіе вѣры христіанской,— цѣлые девять вѣковъ было предначертано оставаться безъ исполненія. Лишь тогда, когда дикія кочевыя орды древней Скиѳіи стали постепенно слагаться въ сколько-нибудь устроенныя человѣческія общества, являя этимъ способности и влеченіе свое къ развитію гражданскаго благоустройства, начали обнаруживаться среди нихъ и первые зачатки христіанскаго просвѣщенія, и то въ видѣ слабыхъ, среди глубокаго мрака язычества, проблесковъ истиннаго богопочтенія, бывшаго удѣломъ

немногихъ богоизбранныхъ лицъ. Такъ, тоже преданіе называетъ по именамъ первыхъ русскихъ христіанъ, Аскольда и Дира; первомучениковъ русской церкви Іоанна и Ѳеодора, кровію своею запечатлѣвшихъ презрѣніе къ язычеству почти наканунѣ его ниспроверженія; исторія первоначальной Руси повѣствуетъ о дивной бабкѣ св. князя Владиміра, этой мудрой язычницѣ и Равноапостольной христіанкѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ этими нѣсколькими лицами исчерпывалось все число послѣдователей Христа во вновь слагавшемся языческомъ государствѣ, имѣвшемъ частыя соприкосновенія съ христіанскими Византійскимъ и Болгарскимъ государствами: каждый изъ пяти вѣковъ, протекшихъ надъ будущею Россіей со времени полнаго торжества Христовой вѣры въ Греціи и Римѣ до ея всенароднаго крещенія, давалъ ей какъ бы постоянные образцы гражданскихъ и личныхъ добродѣтелей въ лицѣ хотя немногихъ, но твердыхъ и достойныхъ послѣдователей Христа, свѣтъ коихъ, наконецъ, такъ просвѣтился предъ людьми, что они, видя ихъ добрыя дѣла, и сами, своимъ сколько, по видимому, неожиданнымъ, столько же и покорнымъ, искреннимъ обращеніемъ ко Христу достойно прославили Его Отца, Иже на небесѣхъ...

Тѣмъ не менѣе ни исторія, ни даже преданіе не даютъ основаній утверждать, чтобъ эти свѣточи христіанства въ до-христіанской Руси представляли собою явленіе, выходившее изъ ряда единичныхъ случаевъ: избравъ будущій Русскій народъ сосудомъ, въ коемъ предопредѣлено было широко разлиться чистому свѣту христіанской вѣры, Провидѣніе какъ бы медлило возжигать ея свѣтильникъ въ этомъ сосудѣ до благопотребнаго времени.

И вотъ, когда политическія судьбы Византійской Державы, создавшейся на основахъ пережившей себя языческой мудрости и не нашедшей въ себѣ нравственныхъ силъ къ переработкѣ ея на началахъ христіанскаго ученія, были рѣшены; когда цѣлой половинѣ тогдашняго христіанскаго міра все ближе и ближе грозили огнь и мечъ невѣрныхъ; когда, одновременно съ тѣмъ, духъ гордости и суетнаго властолюбія началъ обуревать другую половину христіанскаго міра, представительницей коего была Римская церковь, и Вселенской истинѣ христіанства стала грозить опасность, горшая меча, огня и нашествія невѣрныхъ, — тогда въ юномъ народѣ, едва выходившемъ изъ гражданскаго младенчества, не укоренившемся ни въ суемудріи ложнаго просвѣщенія, ни въ темныхъ предразсудкахъ мрачнаго язычества, въ этомъ избранномъ сосудѣ Своемъ, Промыслъ Божій возжигаетъ, наконецъ, мощною рукою св. князя Владиміра, яркій свѣтильникъ вѣры Христовой, который съ той поры начинаетъ горѣть чистымъ и ровнымъ пламенемъ, озаряя воспріявшему его народу тяжелый путь среди многоразличныхъ испытаній его дальнѣйшей политической жизни.

На той *tabula rasa*, какую представляла душа новообращеннаго русскаго человѣка, христіанское ученіе не замедлило яркими письменами начертать основныя назиданія вѣры и нравственности, отчасти сродныя характеру всего славянскаго племени и особенно русскаго народа: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“; „нѣсть власть, аще не отъ Бога“; „Бога бойтеся, царя чтите“; „повинуйтесь во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“,—а умилительный призывъ Спасителя: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ

упокою вы“,—скоро проникъ въ эту душу и, искренно воспринятый ею, исполнилъ ее и равнодушія къ трудамъ и скорбямъ житейскимъ, и мужества къ перенесенію ихъ, и надежды на успокоеніе, и вѣры въ высшее правосудіе и милосердіе, которыми, можно сказать безъ преувеличенія, пропитана вся послѣдующая исторія русскаго народа, благодаря которымъ, также безспорно, судьбы ея и свершились именно такъ, какъ мы видимъ ихъ въ настоящее время, и которыя, вмѣстѣ взятыя, изображаютъ собою основную черту русскаго народнаго характера, обыкновенно обозначаемую однимъ словомъ: благочестіе.

Но что и въ до-христіанской, до-исторической жизни нѣкоторыми своими свойствами и правилами русскій народъ въ значительной степени соотвѣтствовалъ этимъ высокимъ нравственнымъ принципамъ христіанства, это также безспорно, и всего лучше доказывается обстоятельствами, среди которыхъ совершилось его обращеніе къ вѣрѣ Христовой.

Отнюдь не умаляя внутреннихъ достоинствъ и всемірно-историческаго значенія этого великаго событія, нельзя опустить изъ вниманія и то, что оно осуществилось безъ всякой, тѣмъ болѣе кровавой, борьбы, и даже безъ предварительной проповѣди евангельской. Подобно тому, какъ первая гражданственность насаждена была самимъ народомъ, призвавшимъ изъ-за моря варяговъ для того, чтобы они княжили надъ нимъ и владѣли имъ, чрезъ что положены были первыя прочныя основы династической крѣпости, на которой создалась несокрушимая твердыня Русской Державы, — и первая благодать евангельскаго благовѣстія снизошла на этотъ народъ по единоличному изволенію его властелина, духовно предрасположеннаго ко Христу благимъ примѣромъ мудрой бабки своей. И

этотъ послушливый и благопокорливый своему владыкѣ народъ, руководимый единственно довѣріемъ къ его мудрости, освятилъ его единоличное изволеніе сначала безмолвнымъ согласіемъ, потомъ собственнымъ сочувствіемъ, такъ что чрезъ короткій срокъ послѣ первоначальнаго всеобщаго крещенія, когда обнаружилось, что часть малодушныхъ, не смогшихъ преодолѣть привычнаго расположенія къ язычеству и традицій многобожія и идолопоклонства, хитростію уклонилась отъ крещенія и удачно избѣгла его, стоило только Равноапостольному князю возгласить къ народу: „кто со мною, пусть крестится, а кто не крестится, тотъ противъ меня", — чтобы разсѣять эти традиціи и ниспровергнуть это слѣпое привычное расположеніе.

Нельзя, конечно, думать, чтобъ и послѣ этого вторичнаго крещенія не осталось уже ни одного язычника въ предѣлахъ Владиміровой державы; напротивъ, существуютъ указанія, что борьба съ язычествомъ не прекращалась во все время его княженія, продолжалась и послѣ него. Но это уже была борьба побѣдоносная, подобная той, какая была въ Византійской имперіи послѣ Равноапостольнаго Константина: язычество отказалось отъ всякихъ притязаній на равноправность съ новымъ исповѣданіемъ, прячась отъ свѣтозарныхъ лучей христіанства въ темныхъ норахъ и трущобахъ вмѣстѣ съ послѣдними своими могиканами—волхвами и кудесниками.

Это рѣдкое въ исторіи христіанства, поистинѣ чудное явленіе—одновременное просвѣщеніе цѣлаго народа — было сопровождено другимъ, тѣсно съ нимъ связаннымъ и отъ него зависящимъ—повсемѣстностью распространенія вѣры Христовой на всемъ пространствѣ тогдашней Руси. Единокровный по происхожденію, лишь случайно раздѣлившійся на множество племенъ, нерѣдко

непріязненныхъ, но не питавшихъ взаимной вражды въ инстинктивномъ сознаніи своего единства, народъ, постепенно соединявшійся подъ однимъ княжескимъ скипетромъ, не могъ не стремиться и къ духовному единенію, не чуждаться нравственной розни, и то, что совершалось въ духовномъ мірѣ одной его части, не могло не отзываться и не возбуждать сочувствія во всѣхъ остальныхъ, и вполнѣ естественнымъ представляется то явленіе, что въ теченіе какой-нибудь половины вѣка крестъ Христовъ успѣлъ прочно стать надо всею Русью отъ Кіева до Новгорода Великаго и отъ Пскова до Тмутаракани.

II.

Значеніе Византіи для Русской Церкви.

Уже эта безпримѣрная двоякая полнота духовнаго просвѣщенія, осіявшаго Русь въ самый короткій періодъ времени, сама по себѣ представляла вѣрнѣйшій залогъ послѣдующаго утвержденія Русскаго народа въ высокихъ истинахъ христіанскаго ученія. Но едва ли не благотворнѣйшимъ для него въ этомъ смыслѣ обстоятельствомъ было то, что по причинамъ, отчасти географическимъ, онъ сподобился принять христіанство отъ Византіи, и уже въ то время, когда въ ней совершилось и окончательно заключилось развитіе его догматическаго ученія, получившаго вѣковѣчное утвержденіе и торжественное освященіе на вселенскихъ соборахъ и чрезъ то непререкаемое значеніе богодухно-

венной вселенской истины. Принявъ догматику христіанства во всей ея неповрежденной чистотѣ и привыкши вѣровать въ нее, какъ въ истину неизмѣнную, русскій христіанинъ сдѣлался глухъ ко всякимъ догматическимъ новшествамъ, исходившимъ уже и въ то время, исшедшимъ впослѣдствіи и исходящимъ понынѣ изъ Рима, чрезъ что сохранилъ себя и отъ колебаній и шатаній религіозной мысли, и отъ тѣхъ безсмысленныхъ и позорныхъ нелѣпостей, какими запятнала себя, въ своемъ разнузданномъ развитіи, догматика Римская.

Этому счастливому обстоятельству народъ нашъ обязанъ тѣмъ, что чрезъ всю свою 900-лѣтнюю церковную исторію является исповѣдникомъ, защитникомъ и поборникомъ вселенскаго православія, и до того, въ простотѣ сердца, отождествляетъ себя съ нимъ, что его основная масса, представляющая почти необъятное сословіе изъ многихъ десятковъ милліоновъ земледѣльцевъ, и понынѣ не знаетъ себѣ другаго прозвища, какъ *христіане* (крестьяне), другаго привѣтствія, какъ: *православные!* И это свое достоинство *православія* блюдетъ онъ, какъ драгоцѣннѣйшую святыню, какъ вѣрнѣйшій залогъ неизсякаемой къ себѣ милости Божіей, а чрезъ то и собственнаго благополучія и величія.

И сколько ни воздвигалось предъ нимъ соблазновъ, прельщеній, вражескихъ ухищреній и опасностей измѣнить православію, онъ устоялъ противъ нихъ непоколебимо, какъ гранитъ, инстинктивно понимая, что измѣнить православію значило бы измѣнить себѣ.

Но драгоцѣнный даръ Византіи новообращенному народу не ограничился одною этою святыней православія: одновременно съ заботливымъ ея охраненіемъ, Византійская Церковь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ревностно трудилась надъ разработкою церковнаго

законодательства, надъ благоустроеніемъ внѣшней стороны богопочтенія, надъ включеніемъ многоразличныхъ его обрядовъ въ соотвѣтственныя его идеѣ формы, и, ко времени просвѣщенія Руси закончивъ этотъ колоссальный трудъ, передала его, чрезъ посредство Равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, тѣмъ славянскимъ церквамъ, которыя были предшественницами Русской; когда же совершилось пріобщеніе Руси къ великому тѣлу Вселенской Христовой Церкви, она, вмѣстѣ съ догматическимъ ученіемъ православія, приняла и весь законченный циклъ церковнаго законодательства вмѣстѣ съ обрядовыми и богослужебными формами, до высшей степени совершенства приспособленными къ повседневнымъ религіознымъ надобностямъ практической жизни христіанъ.

И что было въ данномъ случаѣ всего благотворнѣе именно для усовершенія русскаго христіанина въ обязанностяхъ практическаго богопочтенія, для массы несравненно болѣе понятныхъ, нежели сверхчувственныя основанія догматики,—Русская Церковь съ первыхъ же дней своего существованія получила счастливую возможность поучаться священному писанію и преданію, и не только внѣшнимъ образомъ, но и внутренно, сознательно участвовать въ общественныхъ богослуженіяхъ, ибо приняла всѣ эти духовныя сокровища на родномъ для нея обще-славянскомъ нарѣчіи, которое, и доселѣ понятное русскому простолюдину, въ тѣ времена и еще много менѣе разнилось отъ народнаго языка: преимущество, котораго лишены христіанскія церкви, заимствовавшія свое религіозное просвѣщеніе отъ Рима.

Этотъ рядъ духовныхъ сокровищъ, пріобрѣтенныхъ нами отъ Византіи, достойно заключился безцѣннымъ

даромъ, который принесла новосозданной Русской Церкви ея старшая Константинопольская сестра во Христѣ учрежденіемъ для нея церковной іерархіи.

За невозможностью найти, по отсутствію духовнаго просвѣщенія, среди самаго русскаго народа людей, способныхъ блюсти юную церковь и направлять дарованныя ей учрежденія по пути преуспѣянія, Цареградскій патріархатъ, одновременно съ крещеніемъ Руси, отечески озаботился о поставленіи для нея представителей епископской власти, безъ которой вообще немыслимы ни внѣшній порядокъ въ дѣлахъ церкви, ни ея внутреннія жизнь и процвѣтаніе. Нарочитая надобность въ прочно поставленной іерархіи была тѣмъ болѣе ощутительною для страны, до вчерашняго дня языческой, пропитанной невѣжественными суевѣріями и предразсудками, съ которыми предстояла, во имя Христово, упорная брань, трудная тѣмъ болѣе, что единственнымъ противъ нихъ оружіемъ было слово пастырскаго обличенія, увѣщанія и назиданія. Кромѣ этой борьбы съ остатками невѣрія, укрывавшимися отъ свѣта христіанскаго ученія въ темномъ мракѣ невѣжества, новоучреждаемой іерархіи предстояли и великіе подвиги апостольскаго служенія, долженствовавшіе разливать свѣтъ истинной вѣры на племена, сопредѣльныя съ просвѣщенными, и по своему близкому съ ними сосѣдству и національному сродству не могшія оставаться безъ ихъ благотворнаго воздѣйствія.

И—благодареніе Богу и честь патріархату—Константинопольская Церковь въ данномъ случаѣ оказалась на высотѣ своего достоинства, отнесшись къ нелегкой задачѣ съ подобающею мудростью и осмотрительностью: сонмъ епископовъ и пастырей и рядъ митрополитовъ, поставленныхъ ею для духовныхъ потребностей Кіев-

ской церковной каѳедры, отличался если не знаменитою богословскою ученостью, не блестящими проповѣдническими талантами, то безспорно яснымъ сознаніемъ величія возложеннаго на нихъ подвига, искреннею ревностью къ его совершенію, самоотверженіемъ въ трудахъ на пользу своей новой духовной паствы, теплою заботливостью объ утвержденіи среди нея истиннаго вѣроученія и правилъ христіанской нравственности и о насажденіи на первобытной грубой почвѣ языческихъ сердецъ плодотворныхъ сѣмянъ христіанской добродѣтели: о большинствѣ ихъ безъ преувеличенія можно сказать, вмѣстѣ съ Апостоломъ, что именно *таковъ намъ подобаше архіерей*... Сугубо великимъ является ихъ апостольское служеніе и въ соображеніи того еще обстоятельства, что свои подвиги совершали они въ странѣ, которой дотолѣ были чужды и по происхожденію, и по обычаямъ, и по языку, среди паствы, далеко не симпатизировавшей ихъ національности (о которой, столѣтіе спустя, даже преподобный лѣтописецъ Несторъ, безъ сомнѣнія высказавшій въ этомъ случаѣ взглядъ большинства своихъ соотечественниковъ, отозвался весьма несочувственно, выразившись, какъ извѣстно, такъ: „суть бо греци льстиви до сего дне“), подъ гнетущимъ сознаніемъ своего нравственнаго одиночества и съ единственною надеждою на помощь Божію...

Какъ благодатные символы благословенія Божія себѣ и своей новой паствѣ, греческіе епископы несли ей въ даръ изобиліе разнообразной церковной святыни, богатствомъ коей славилась Византія, какъ-то: чудотворныя или исторически славныя иконы, кресты, части святыхъ мощей мучениковъ или угодниковъ и т. п., понимая, что практическая сторона богопочтенія не можетъ не имѣть глубокаго вліянія на сердца людей, въ

большинствѣ лишенныхъ умственнаго развитія, и что это вліяніе можетъ оказывать въ высшей степени благотворное дѣйствіе на религіозное воспитаніе народа.

И дѣйствительно, привыкшій къ крайне реальному представленію божества и религіозной святыни подъ видомъ деревянныхъ идоловъ, недавній язычникъ, въ качествѣ христіанина, не могъ не находить сходнаго съ прежнимъ, но гораздо болѣе одухотвореннаго, религіознаго удовлетворенія, благоговѣйно лобызая эти святыни при молитвенномъ обращеніи къ тѣмъ святымъ угодникамъ, имена коихъ съ этими святынями связаны.

Византія же дала нашей церкви и еще два могущественныя средства къ насажденію благочестія въ народѣ, именно церковныя живопись и пѣніе.

Чрезвычайное изобиліе священныхъ изображеній въ православныхъ храмахъ, діаметрально противуположное пустотѣ храмовъ католическихъ и протестантскихъ, душу каждаго богомольца невольно какъ бы погружаетъ въ созерцаніе святыни, а мысль возноситъ къ тѣмъ священнымъ событіямъ и лицамъ, изображенія коихъ онъ видитъ передъ собою всюду, куда бы ни устремилъ своего взора; и мгновенно охваченное этимъ сплошнымъ впечатлѣніемъ святыни чувство также мгновенно умиляется, выражаясь благоговѣйною молитвой и даже слезами благочестиво-покойной радости; самый характеръ изображеній—эти строгіе, иногда суровые лики праведниковъ, какъ бы поучающихъ благочестивымъ подвигамъ, коими они прославлены—усугубляетъ впечатлѣніе, усиливаетъ благоговѣніе, устремляя и умъ, и сердце къ одной молитвѣ, и только къ молитвѣ...

Церковно-богослужебныя пѣснопѣнія, разсчитанныя не столько на услажденіе эстетическаго чувства, сколько на возбужденіе молитвеннаго настроенія, представляютъ

всею ихъ совокупностью поистинѣ высокій образецъ совершенства: каждый особый родъ пѣснопѣній дивно приспособленъ къ тому, чтобы устремлять умъ въ духовное созерцаніе того или другаго требуемаго характера, возбуждать въ сердцѣ то или другое требуемое чувство.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, черствое сердце не умилится, напримѣръ, тихою скорбью въ то время, когда совершается чинъ погребенія или панихида по усопшемъ? Чья душа не воздохнетъ о своихъ грѣхахъ при покаянныхъ пѣснопѣніяхъ четыредесятницы? Какая удивительная, строго выдержанная послѣдовательность въ характерѣ пѣснопѣній недѣли Ваій и всей страстной седмицы! Какая тихая, но глубокая радость исполняетъ душу при пѣніи вдохновеннаго канона Успенію Богоматери, какіе порывы духовнаго восторга пробуждаетъ въ сердцѣ канонъ Рождеству Христову, и какая безпредѣльная, могучая, свѣтлая радость отражается во всемъ пасхальномъ канонѣ!

Короче сказать: музыка нашихъ церковныхъ напѣвовъ неподражаема, и если о чемъ можно пожалѣть, это о томъ, что въ позднѣйшія времена она искажена, испорчена и обезсмыслена во многихъ музыкальныхъ композиціяхъ, принадлежащихъ вольнымъ композиторамъ, произведенія коихъ и исполняются теперь пѣвческими хорами, заботливыми болѣе объ эффектахъ, а не о душевномъ настроеніи молящихся.

Что касается истинно церковнаго пѣнія, еще и доселѣ находящаго пріютъ во многихъ монастырскихъ обителяхъ — народъ любитъ его не менѣе живописи древнихъ нашихъ храмовъ, и полюбилъ его немедленно по его введеніи въ богослуженіе, равно какъ ради того и другой полюбилъ и продолжаетъ любить храмы

Божіи, посѣщать ихъ, украшать существуюшіе и созидать новые, во славу Божію и въ утѣшеніе своему религіозному чувству.

Таково значеніе Византіи въ исторіи Русской Церкви: ей мы обязаны и чистотою исповѣданія, и незыблемою твердостію православія, и благочестивымъ характеромъ народа и, слѣдовательно, самою мощію государственной.

III.

Значеніе Русской Церкви въ государственной и народной жизни.

Внушая своей паствѣ высокія правила христіанскаго ученія о почтеніи къ царю и о повиновеніи и покорности властямъ, и даже безразлично — кроткимъ или строптивымъ, православная церковь, чуждая, притомъ, латинскаго высокомѣрія, и сама въ своихъ практическихъ отношеніяхъ къ власти государственной не могла руководиться иными принципами.

Но это не только не умалило принадлежащаго ей значенія и достоинства, а напротивъ, окружило ее, въ глазахъ верховныхъ вождей русскаго народа, ореоломъ особаго къ ней довѣрія, какъ къ духовному царству не отъ міра сего, ничѣмъ свѣтской власти не грозящему и никакихъ политическихъ счетовъ съ ней не имѣющему.

Слѣдствіемъ этого взгляда было, во-первыхъ, то, что князья, свободные отъ опасеній какого-либо соперни-

чества церковной власти съ ихъ собственною, тѣмъ ревностнѣе предавались заботамъ о возможно болѣе крѣпкомъ утвержденіи ея въ сферѣ ея законнаго вліянія, а во-вторыхъ то, что наиболѣе выдающихся изъ ея представителей удостоивали особой къ себѣ близости въ качествѣ совѣтниковъ и учителей, и не только по вопросамъ, касавшимся духовнаго просвѣщенія народа, но и по дѣламъ внутренней, а нерѣдко и внѣшней политики.

Такъ, изъ первыхъ временъ русскаго христіанства извѣстенъ фактъ, когда св. князь Владиміръ, въ купели крещенія чудесно преобразившійся изъ жестокосердаго язычника въ благодушнаго и ревностнаго исповѣдника Христовыхъ ученій, слишкомъ широко понимая ихъ въ ущербъ гражданскимъ требованіямъ общественнаго порядка, сдѣлался не въ мѣру снисходителенъ къ нарушителямъ онаго, — новопоставленные епископы юной церкви не замедлили указать ему на грозящія отъ того гибельныя для страны послѣдствія, равно какъ и на то, что милосердіе христіанина отнюдь не должно разъединяться въ его сердцѣ съ правосудіемъ князя и что справедливыя кары на преступниковъ закона гражданскаго отнюдь не составляютъ преступленія противъ правилъ христіанской нравственности... И владыка Руси внялъ благовременному совѣту лицъ духовныхъ и покорился имъ...

Его сынъ и наслѣдникъ Ярославъ, почтенный отъ народа и исторіи титломъ мудраго, большую часть жизни посвятившій утвержденію въ странѣ книжнаго ученія, въ силу этого обстоятельства все время своего княженія находился въ постоянной близости съ различными представителями церкви, какъ съ наилучшими и надежнѣйшими наставниками на излюбленномъ имъ по-

прищѣ дѣятельности, и всѣхъ ихъ, по свидѣтельству лѣтописей, *излиха любляше*, т.-е. удостоивалъ особенно искренняго своего благорасположенія.

Сыновья Ярослава, Изяславъ и Святополкъ, извѣстны своими искренне дружественными отношеніями къ современному имъ великому угоднику Божію, преподобному Ѳеодосію, преемнику не менѣе великаго Антонія, основателя славной въ исторіи Русской Церкви Кіево-Печерской Лавры.

Начавшійся при нихъ, продолжавшійся не одно столѣтіе и окончившійся лишь съ возвышеніемъ московскаго княженія изъ ничтожнаго удѣла въ могущественное царство, тяжкій періодъ удѣльныхъ княжескихъ смутъ и татарскаго ига засталъ православную церковь уже настолько окрѣпшею, народъ настолько приверженнымъ къ православной вѣрѣ, пастырей церкви настолько сознающими свое достоинство, что неоднократно за время этихъ тяжкихъ испытаній голосъ церкви предупреждалъ взрывы родственной вражды, бранныя столкновенія и кровавыя междоусобія, обличалъ вѣроломныхъ, вразумлялъ малодушныхъ, примирялъ враждующихъ, укрѣплялъ вѣрою въ Бога и надеждою на Его милосердіе народъ, изнемогавшій подъ двойнымъ бременемъ и внутреннихъ невзгодъ, и чужеземнаго иновѣрнаго порабощенія.

А къ концу этого поистинѣ страднаго для Руси времени церковь православная изъ нѣдръ своихъ воздвигла цѣлый рядъ великихъ мужей, которые, не переставая быть ея чудными свѣтильниками, соединили въ себѣ личныя добродѣтели съ достоинствами архипастырскаго сана, а сіи послѣднія съ замѣчательными способностями государственнаго служенія, пророческою прозорливостью и необычайнымъ политическимъ тактомъ. Бла-

годаря имъ и ихъ благотворному вліянію на государственныя и политическія дѣла юнаго московскаго княжества, оно главнѣйшимъ образомъ и пріобрѣло, въ короткій сравнительно періодъ времени, то могущество и ту смѣлость, съ какими раздавило удѣльный сепаратизмъ и развѣнчало массу удѣльныхъ самодержцевъ, низведя ихъ изъ положенія владѣтельныхъ князей въ положеніе сначала своихъ вассаловъ, а потомъ и обыкновенныхъ бояръ; эти же могущество и смѣлость превозмогли и надъ стихійною силой татарской орды, безбоязненно властвовавшей надъ раздробленною Русью и не замедлившей отступить передъ нею же, объединенной подъ скипетромъ московскихъ князей, какъ скоро они стали истинными самодержцами всея Руси.

Первое прочное основаніе московскому самодержавію положено, безспорно, перенесеніемъ въ скромный дотолѣ городокъ, бывшій не болѣе какъ любимою резиденціей одного изъ удѣльныхъ князей, митрополичьей каѳедры: на этотъ смѣлый поступокъ, повинуясь, безъ сомнѣнія, своей благочестивой прозорливости, отважился святитель Петръ, несмотря на то, что самъ носилъ санъ митрополита Кіевскаго и всея Руси. Что не одними соображеніями человѣческаго разума великій святитель Русской и первосвятитель Московской церкви руководился, приступая къ столь рѣшительному шагу въ области церковной политики, а вмѣстѣ и таинственнымъ проникновеніемъ въ неисповѣдимыя судьбы, Промысломъ Божіимъ уготованныя Русской Державѣ и Церкви, это явствуетъ: 1) изъ того, что, водворивши въ новой столицѣ всероссійскую митрополію, онъ первѣе и наипаче всего озаботился украсить ее храмомъ, достойнымъ ея новаго положенія, какъ главнаго города Руси, положивъ основаніе славному въ

нашей исторіи Успенскому Собору; 2) изъ того, что закладку этого дивнаго по своему значенію памятника и своей теплой вѣры и великокняжескаго благочестія благословилъ не менѣе дивнымъ пророчествомъ въ отеческомъ наставленіи къ великому князю, другу своему: „если послушаешь меня, сынъ мой,—изрекъ ему святитель, указуя на созданіе храма,—то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ паче иныхъ князей, и градъ твой будетъ славенъ предъ всѣми градами русскими, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плещи враговъ его, и прославится Богъ въ немъ.“ Свято исполненный завѣтъ первосвятителя не замедлилъ оправдаться и исполненіемъ его чуднаго пророчества, сказавшимся въ быстромъ возвышеніи Москвы и ея князей, въ утвержденіи ея политикой Русской Державы, въ прославленіи Богомъ цѣлаго сонма ея святителей, и въ явно обращенномъ на нее благоволеніи Божіемъ.

Ближайшій преемникъ святителя Петра на каѳедрѣ московской митрополіи, святитель Алексій, славный и подвигами благочестія и святой жизни, и трудами церковнаго домостроительства, и даромъ чудотворенія, не менѣе прославился и служеніемъ своимъ на пользу великаго княжества московскаго, то какъ миротворецъ между враждующими жертвами удѣльныхъ раздоровъ, то какъ защитникъ и чудесный ходатай за родину предъ ордынскими ея властителями, то, наконецъ, какъ искусный воспитатель и опытный совѣтникъ юнаго великаго князя Димитрія въ вѣрѣ, благочестіи, царственныхъ доблестяхъ и политической мудрости. Сколь велико было нравственное вліяніе приснопамятнаго святителя на умы современниковъ, о томъ свидѣтельствуетъ завѣщаніе великаго князя Симеона, прозваннаго

Гордымъ, въ которомъ онъ, обращаясь къ князьямъ и предостерегая ихъ отъ раздоровъ, не нашелъ ничего другаго, какъ преподать совѣтъ: „худыхъ людей не слушайте, а если кто станетъ ссорить васъ, слушайтесь отца нашего, владыки Алексія.“ Могущественное заступничество святителя за родину и ходатайство о ея мирѣ и спокойствіи ознаменовались его двукратными славными путешествіями въ орду, изъ коихъ первое сопровождено было очевиднымъ знакомъ милости Божіей къ Своему ревностному служителю и къ его духовной паствѣ. Величайшее смущеніе въ великокняжескихъ совѣтахъ произвело краткое, но грозное посланіе тогдашняго иновѣрнаго властелина Руси: „Мы слышали,—писалъ ханъ Джанибекъ великому князю,—что есть у васъ служитель Божій Алексій, котораго Богъ слушаетъ, когда онъ о чемъ попроситъ. Отпустите его къ намъ; если его молитвами исцѣлѣетъ моя царица, то дарую вамъ миръ, если же не отпустите его, пойду опустошать землю вашу.“ На просьбы и мольбы великаго князя отвратить отъ народа страшное нашествіе враговъ, смиренномудрый святитель, держа въ своей рукѣ судьбу всей Руси, отвѣтилъ: „Прошеніе и дѣло превышаютъ мѣру силъ моихъ, но я вѣрую Тому, Который даровалъ прозрѣніе слѣпому,—Онъ не презритъ моленія вѣры,“ и отправился въ орду, гдѣ слѣпая Тайдула, жена Джанибека, и прозрѣла по его молитвѣ, и откуда онъ, богато одаренный ханомъ, возвратился къ своему обычному служенію истиннымъ спасителемъ своей родины. Второе путешествіе святителя къ хану Бердибеку, сыну исцѣленной Тайдулы, извѣстному своею свирѣпостью, было не менѣе успѣшно, и народъ съ покорною признательностію встрѣчалъ своего избавителя, а юный князь Димитрій, достолю-

бимый воспитанникъ святителя, будущій герой Донской битвы, тогда еще восьмилѣтній отрокъ, встрѣтилъ своего наставника и благодѣтеля отъ сердца истекшимъ восклицаніемъ: „Владыко! Чѣмъ заплатимъ тебѣ за труды твои?“

Юный князь, конечно, не предъощущалъ въ это время той великой нравственной силы, какая позднѣе созрѣла въ его душѣ, согрѣваемой мудрыми наставленіями учителя праведника, и вдохновила его достойно вознаградить труды и заботы святителя объ его воспитаніи, побѣдоносно отразивъ враговъ православія отъ предѣловъ земли своей и тѣмъ положивъ твердое основаніе ея постепенному освобожденію...

И не только святители, подвизавшіеся въ своемъ служеніи близко кормила государственнаго правленія, но и скромные подвижники дремучихъ лѣсовъ, славные борьбою лишь съ невидимыми врагами, по изволенію Промысла Божія подвигались на чреду служенія своей родинѣ и ея благу.

Такъ, великій во инокахъ преподобный Сергій, искренній другъ и смиренный послушникъ святителя Алексія, спѣшитъ въ Нижній-Новгородъ для вразумленія строптиваго князя, а не успѣвъ въ томъ налагаетъ прещеніе на общественную молитву гражданъ, замыкая всѣ городскіе храмы. Граждане выражаютъ безпокойство и недовольство на князя, и непокорный смиряется предъ настояніями смиреннаго инока, не осмѣливаясь даже и помыслить о возможности сопротивленія, хотя скромный видъ безоружнаго старца-постника легко предоставлялъ ему эту возможность... Тотъ же преподобный старецъ не только ободряетъ великаго князя Димитрія на брань съ невѣрными, но и пророчественно благословляетъ его на побѣду: „Тебѣ, государь,—

говоритъ онъ ему въ напутствіе,—должно попещись о врученномъ тебѣ христоименитомъ стадѣ; Богъ правды даруетъ тебѣ побѣду и сохранитъ тебя для вѣчной славы, а многимъ изъ сподвижниковъ твоихъ готовы вѣнцы мученическіе". Какъ бы въ залогъ этой побѣды преподобный предлагаетъ князю двухъ своихъ послушниковъ, Пересвѣта и Ослябю, которыхъ и посылаетъ противу враговъ; благословивъ князя на брань, преподобный духовно сопутствуетъ ему, ратоборствуя съ врагами побѣдоносными оружіемъ молитвъ своихъ, и спѣшитъ ободрить духъ его подтвержденіемъ пророчества: „иди, иди смѣло, князь," пишетъ онъ ему, посылая ему на поле грядущей битвы просфору, „надѣйся на помощь Божію."

Изъ послѣдующихъ преемниковъ свв. Петра и Алексія духовными доблестями, твердостію своихъ убѣжденій, ревностію о церкви, нелицепріятіемъ, заботливостью о благѣ родины нарочито прославились: митрополиты свв. Іона и Филиппъ, патріархи Іовъ и Гермогенъ.

Святитель Іона, безбоязненно возвышавшій свой независимый и обличительный голосъ противъ жестокосердыхъ вѣроломствъ нечестиваго Шемяки, съ тою же несокрушимою твердостію возсталъ и на защиту православія противъ поползновеній Флорентійской уніи, и ту же побѣдоносную непоколебимость духа явилъ и въ защитѣ осажденнаго татарами, покинутаго княземъ и войскомъ Кремля, спасеннаго не столько силами и искусствомъ осаждаемыхъ, сколько теплыми молитвами святителя и его духовныхъ сподвижниковъ.

Святитель Филиппъ, великій подвижникъ благочестія, призванный Грознымъ царемъ изъ игуменовъ Соловецкой обители на каѳедру Московской митрополіи,

ничтоже сумняся и нисколь немедля, всею силою своего мощнаго духа и всею ревностію своего аскетическаго благочестія ополчился противъ безсмысленныхъ звѣрствъ и безчинствъ недостойнаго вѣнценосца, непрестанно нарушая его грѣховный покой своими вразумленіями, уязвляя его омраченную гордость своими обличеніями, защищая отъ его неистовствъ народъ и церковь, не побоялся ни уготованнаго ему позора, ни тяжелаго заточенія, и съ радостію встрѣтилъ предугаданную имъ мученическую кончину отъ руки достойнаго сподвижника царева въ преступленіяхъ.

Патріархи Іовъ и Гермогенъ, великіе свѣтильники вѣры и благочестія среди мрака междуцарствія, явили себя вполнѣ достойными преемниками своихъ славныхъ предшественниковъ: ни прельщенія, ни угрозы, ни истязанія не могли заставить ихъ отречься, въ угоду крамолѣ, отъ того, что они считали законнымъ, справедливымъ, согласнымъ съ волею Божіею, съ благомъ народа русскаго и церкви православной. Послѣ грубаго издѣвательства надъ первымъ изъ нихъ и удаленія его изъ Москвы, какъ ни напрягали крамольники своихъ усилій къ тому, чтобы склонить къ своимъ видамъ оставшагося въ ихъ власти мужественнаго Гермогена, однако не успѣли въ этомъ: мало того, подъ угрозами истязаній доблестный старецъ впервые указалъ народу на невѣдомаго въ то время наслѣдника осиротѣвшаго русскаго царства, чѣмъ пророчески и уготовалъ утвержденіе на престолѣ Русскомъ новой славной династіи, расположивъ смятенные умы и сердца русскихъ людей къ богоизбранному юношѣ, вскорѣ признанному и ихъ поголовнымъ избраніемъ.

Этотъ непрерывный сонмъ святыхъ мужей, славныхъ и въ своей земной жизни печатію особой близости къ

Богу, достойно подвизавшихся добрымъ подвигомъ ревностнаго служенія истинной вѣрѣ и духовному просвѣщенію, а чрезъ то и политической крѣпости своего народа, представляетъ небывалое въ исторіи христіанства явленіе, напоминающее собою славный періодъ ветхозавѣтной исторіи избраннаго народа Божія, когда послѣдній, за оскудѣніемъ среди него мудрости и доблести человѣческой, направлялъ свои судьбы по указанію богоизбранныхъ мужей, съ тѣмъ лишь различіемъ, что еврейская ѳеократія не признавала рядомъ съ собою равноправной себѣ гражданской власти, тогда какъ іерархія русскаго царства совершила его судьбы, не только не уничтожая и не унижая царской власти, но окружая ее особымъ ореоломъ нарочитаго величія, сообщая ей наибольшую прочность и незыблемость, укореняя въ каждомъ русскомъ сердцѣ, рядомъ съ любовію и приверженностью къ православію, любовь и преданность къ царскому единодержавію и самодержавію.

Православная церковь вѣруетъ, что эти богодухновенные представители русской іерархіи продолжаютъ чудесное служеніе земному отечеству и въ небесномъ своемъ отечествѣ, возсылая къ престолу Божію теплыя молитвы о благосостояніи своей родины, возвеличенной ихъ трудами и попеченіями. И каждый истинно-русскій человѣкъ, безпристрастно обозрѣвая и испытуя судьбы обновленной Россіи подъ скипетромъ новой династіи, не можетъ всею полнотою сердца не слѣдовать въ этомъ вѣрованіи по стопамъ своей Матери, въ виду небывалаго во всемірной исторіи по своей быстротѣ и славѣ возрастанія своего отечества въ могуществѣ и величіи, уже теперь превознесшихъ Россію паче всѣхъ царствъ земныхъ,—возрастанія, даже

на глазахъ нынѣшнихъ поколѣній не останавливающагося, не прекращающагося и восходящаго, по изволенію Промысла, отъ силы въ силу.

IV.

Благочестіе русскаго народа.

Вѣруя въ благодатную силу молитвъ своихъ небесныхъ заступниковъ русскій народъ не оскудѣваетъ и благочестивою надеждой на то, что они не покинутъ его своею помощію до совершенія предназначенныхъ ему Промысломъ историческихъ судебъ, и эти вѣра и надежда отъ временъ Св. Владиміра и до нашихъ дней исполняютъ его сердце и любовію къ отечеству, и преданностью православію столь ревностными, что онѣ заслужили ему преимущественное названіе *благочестиваго*, и его благочестіе не только не подвергается сомнѣнію или спору, но и вошло въ пословицу. И дѣйствительно, обозрѣвая общій ходъ исторіи русскаго народа со временъ его просвѣщенія православіемъ, всякій безпристрастный и не предубѣжденный наблюдатель поражается едва ли не исключительнымъ въ исторіи человѣчества фактомъ, который заключается въ томъ, что: 1) религіозная идея глубоко проникаетъ сознаніе народа и 2) принимается имъ и понимается въ наиболѣе конкретной, почти осязательной формѣ, не столько говорящей уму, сколько сердцу, почти враждебной ограниченному разсудку, но отрадной для широкой области чувства.

Такому именно выраженію религіозной идеи въ много-

вѣковомъ теченіи народной жизни какъ нельзя болѣе благопріятствовали и внѣшнія, и внутреннія обстоятельства тысячелѣтней исторіи русскаго народа: многочисленные враги его спокойствія—половцы, печенѣги, болгары и др. съ первыхъ временъ его исторической жизни своими непрестанными набѣгами и опустошеніями разрушали его внѣшнее благополучіе, тѣмъ самымъ обращая его умственные взоры къ міру внутреннихъ нравственныхъ утѣшеній, которыхъ неистощимое богатство заключалось въ возвышенномъ ученіи православія и въ его обрядовой сторонѣ, имѣвшей непосредственное и непрерывное соприкосновеніе со всѣмъ строемъ и распорядкомъ повседневной жизни каждаго христіанина. Не обезпеченный въ своемъ достаткѣ, не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, вѣчно боящійся не только за миръ и за спокойствіе своей жизни, но и за самую жизнь, каждый гражданинъ тогдашней Руси невольно и вполнѣ естественно обращался къ Невидимому Верховному Властителю судебъ человѣческихъ, всѣ бѣды и злоключенія принимая какъ Его попущеніе, испытаніе или наказаніе, всѣ житейскіе успѣхи и радости свои приписывая Его же милосердію, а теченіе всей своей и политической, и общественной, и частной жизни разсматривая какъ слѣдствіе неисповѣдимаго о себѣ и своемъ народѣ Промысла Божія.

Наступившія вслѣдъ за введеніемъ христіанской вѣры княжескія смуты и междоусобія удѣльнаго времени, тягостно отражавшіяся на всѣхъ безразлично общественныхъ классахъ народа, могли только утверждать и укрѣплять его въ этихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ; наставшее затѣмъ порабощеніе чуждому и иновѣрному игу, тогда же принятое народомъ какъ Божіе наказаніе за тяжкіе грѣхи родственной и семейной вражды, окон-

чательно укоренило ихъ въ немъ, кровавыми письменами неизгладимо начертавъ ихъ въ его сердцѣ, истрадавшемся вѣками политическаго и нравственнаго униженія и матеріальнаго разоренія. И когда, наконецъ, „въ искушеньяхъ долгой кары перетерпѣвъ судьбы удары, окрѣпла Русь“, тотъ же „тяжкій млатъ“ Провидѣнія, который выковалъ ея политическую крѣпость и несокрушимость, закалилъ ея сердце непоколебимою преданностью православію, живою вѣрою во Христа и Его Церковь, искреннею любовію къ Ея божественнымъ установленіямъ и священнымъ обрядамъ.

Рѣдкое въ исторіи единомыслие верховной власти съ народомъ въ отношеніи религіозныхъ вопросовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что князья никогда не шли противъ благочестивыхъ стремленій своихъ подданныхъ, а всегда на встрѣчу имъ, пріумножая горячее рвеніе народа о благочестіи своимъ поучительнымъ примѣромъ, подавая ему достойные подражанія образцы христіанской жизни, богобоязненныхъ обычаевъ, ревности о славѣ Божіей и объ утвержденіи видимой Его Церкви.

Извѣстенъ крутой нравственный переворотъ, испытанный Равноапостольнымъ Просвѣтителемъ Руси по воспринятіи святаго крещенія, обратившій его языческое жестокосердіе въ милосердіе даже къ ворамъ и разбойникамъ, не говоря уже о нищихъ и убогихъ, его языческое сластолюбіе въ цѣломудріе и супружескую вѣрность, его воинственную кровожадность и безпощадность въ христіанское миролюбіе и смиреніе; но этимъ далеко не ограничились его христіанскія доблести, проявившіяся одновременно и великимъ подвигомъ устроенія новосозданной Церкви, утвержденія іерархіи и созиданія въ изобильномъ числѣ храмовъ Божіихъ, отъ простыхъ до самыхъ величественныхъ.

Не говоря уже о поразительной по великолѣпію и обширности Десятинной церкви, тогдашній Кіевъ, еще при жизни св. Владиміра, считалъ, по свидѣтельству лѣтописей, въ своихъ предѣлахъ свыше 400 храмовъ Божіихъ. Мудрый сынъ и преемникъ его, Ярославъ, на ряду съ неусыпными церковно-литературными трудами, въ дѣлѣ созиданія и украшенія храмовъ Божіихъ не уступалъ ревностію своему Равноапостольному родителю, и въ его княженіе юная церковь Русская обогатилась такими памятниками церковнаго зодчества, каковы Кіевскій и Новгородскій Софійскіе соборы, Черниговскій Спасскій и др. Удѣльныя смуты отнюдь не ослабили княжеской ревности къ созиданію храмовъ, а напротивъ, способствовали децентрализаціи этого дѣла и еще большему его распространенію, ибо многочисленные удѣльные князья наперерывъ спѣшили освятить свои владѣнія благословеніемъ Божіимъ, которое, по всеобщему вѣрованію, нарочито ниспосылается на ревнителей церковнаго благолѣпія.

Возникшее вслѣдъ за утвержденіемъ православія стремленіе къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ отшельничества и пустынножительства, встрѣченное искреннимъ сочувствіемъ и глубокимъ почтеніемъ въ народѣ, не меньшаго сочувствія и расположенія удостоилось и отъ князей, которые соперничали съ подданными въ пожертвованіяхъ на устроеніе благолѣпныхъ обителей, гдѣ бы святые мужи, обрекшіе себя на служеніе Богу, могли достойно совершать свои молитвенные подвиги. Монастыри размножались по лицу земли Русской съ поразительною быстротой, и подъ сѣнію любви народной и благосклонности княжеской привлекали въ свои безмолвныя келліи множество благочестивыхъ людей, искавшихъ замѣнить суету мірскую

душевнымъ миромъ молитвенныхъ созерцаній. По маломъ времени Богу угодно было возвеселить сердце русскаго народа явленіемъ такихъ великихъ подвижниковъ, какъ Антоній — создатель, и Θеодосій — устроитель знаменитой Кіево-Печерской лавры, — основатели русскаго монашества и яркіе свѣтильники православія и добродѣтельной жизни.

Одновременно съ преподобными Антоніемъ и Θеодосіемъ въ разныхъ концахъ Руси ревностно трудились надъ благоустроеніемъ монастырскихъ обителей подобные имъ по святости жизни подвижники, свѣтомъ своей вѣры озаряя окрестныхъ жителей и утверждая ихъ въ благочестіи, которое въ скоромъ времени возвысилось до степени непрерывнаго преданія, покоряя себѣ умы и сердца всего народа, отъ простолюдина до князя включительно, такъ что и тотъ и другой, предаваясь ли мирнымъ трудамъ на пользу своего благосостоянія, ополчаясь ли на враговъ его, нравственно укрѣпляли себя преимущественно тою мыслію, что предпринимаемое ими дѣло они совершаютъ во славу Божію.

„Умремъ за Святую Богородицу и за правую вѣру"; „умремъ за Святую Софію"; „прольемъ кровь свою за домъ Пресвятыя Троицы и за святыя церкви"; „пойдемъ за правую вѣру Христову и за святыя церкви", — взывали къ народу князья, собирая свои ратныя дружины, и народъ дружно отзывался на эти проникнутые благочестіемъ призывы, охотно покидалъ свои личныя дѣла и заботы и мужественно шелъ на защиту своей Матери Церкви. Когда же Богу угодно бывало благословить его оружіе побѣдой, вся рать отъ военачальника до послѣдняго воина смиренно отклоняла отъ себя честь побѣды, приписывая ее заступленію

Божію, Его Пречистыя Матери и святыхъ угодниковъ; таково, напримѣръ, трогательное повѣствованіе лѣтописца о томъ, какъ Андрей Боголюбскій со всѣмъ своимъ войскомъ, послѣ блестящей побѣды, одержанной надъ волжскими болгарами, „ударили челомъ предъ святою Богородицею съ радостію великою и со слезами, воздавая Ей хвалы и пѣсни".

Утомившись же отъ заботъ правленія и отъ бранныхъ подвиговъ, чувствуя свое земное поприще оконченнымъ и призывая на себя милосердіе Божіе, князья нерѣдко, въ благочестивомъ настроеніи, умиротворяли свою душу воспринятіемъ иноческаго сана, въ каковомъ и отходили въ вѣчность. Такъ, вслѣдъ за постриженіемъ въ монашество скончались: св. Александръ Невскій, Андрей и Даніилъ Александровичи (московскіе), Іоаннъ Даниловичъ Калита, Симеонъ Гордый, Михаилъ Александровичъ Тверской, Александръ Ростовскій и мн. др. Благочестивому обычаю этому, по примѣру князей, весьма часто слѣдовали и княгини, какъ напримѣръ, мать св. Александра Невскаго, Евфросинія, жена Симеона Гордаго, Анастасія, жена его брата Іоанна Іоанновича, Александра, жена Димитрія Донскаго, Евдокія и мн. др.

Укрѣпленію народа въ благочестіи и проникновенію имъ всѣхъ его нравовъ и обычаевъ могущественно содѣйствовала особая милость къ нему Божія, явленная въ прославленіи святыхъ подвижниковъ Православной Церкви нетлѣніемъ ихъ мощей и чудесами, отъ нихъ исходящими. Вслѣдъ за пренесеніемъ изъ Византіи части честныхъ мощей св. Климента, папы Римскаго, ученика его Фива и др. угодниковъ, Православная Церковь Русская послѣдовательно украшалась нетлѣнными и чудотворными мощами: святой Равноапостольной кня-

гини Ольги, св. Равноапостольнаго князя Владиміра, свв. благовѣрныхъ князей-страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, препп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, препп. Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ; святителей: Арсенія Коневецкаго, Ефрема Новоторжскаго, Авраама, Леонтія и Исаіи Ростовскихъ, Никиты Новгородскаго, благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго, благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго и болярина его Ѳеодора, великихъ святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, Московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ, преподобнаго Сергія, основателя Троицкой лавры, и множества другихъ.

Слава ихъ молитвеннаго заступленія и чудесныхъ исцѣленій, распространяясь въ народѣ, громадными массами привлекала его на поклоненіе ихъ мощамъ, основывая такимъ образомъ впослѣдствіи излюбленное народомъ благочестивое стремленіе къ паломничеству, которое, въ силу тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, быстро усиливалось и, не ограничиваясь поклоненіемъ отечественной святынѣ, проявлялось путешествіями въ Царьградъ, на Аѳонскую гору и преимущественно въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню.

Этотъ послѣдній видъ паломничества, начавшійся съ первыхъ же временъ православія въ Россіи и постепенно распространявшійся, кромѣ нравственнаго своего значенія въ качествѣ благочестиваго подвига, заключаетъ въ себѣ и глубокій политическій смыслъ, уже не разъ сказывавшійся въ инстинктахъ народа: повѣствуя о своихъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, оскверненнымъ игомъ невѣрныхъ, о гробѣ Господнемъ, охраняемомъ магометанской стражей, паломники вызываютъ въ сердцѣ русскаго народа невольное и болѣз-

ненное чувство въ отношеніи къ поруганной величайшей святынѣ христіанства, и непріязненное чувство въ отношеніи къ Турецкому народу, а въ умѣ народномъ посѣваютъ мысль о своеобразномъ рѣшеніи восточнаго вопроса путемъ уничтоженія турецкаго владычества надъ Царьградомъ, Святою Горой и Палестиной.

Возвышаясь до степени религіознаго вѣрованія, это народное убѣжденіе окружаетъ особою популярностью всѣ многократныя столкновенія Россіи съ Турціей, хотя собственно противъ турокъ нашъ народъ ничего не имѣетъ, относясь къ нимъ гораздо дружелюбнѣе, чѣмъ, напримѣръ, къ евреямъ и даже полякамъ - славянамъ; въ смыслѣ религіозно-политическаго принципа убѣжденіе это властно господствуетъ не только надъ разумомъ народа, не только надъ общественнымъ мнѣніемъ, но и надъ дипломатическими направленіями, и надъ воззрѣніями самой верховной власти—какъ то блистательно доказали событія, предшествовавшія послѣдней восточной войнѣ и отчасти вызвавшія или, по крайней мѣрѣ, ускорившія ее.

Такимъ образомъ, исторически сложившійся на основахъ каѳолическаго православія строй религіозныхъ воззрѣній русскаго народа, въ повседневной его жизни сказывающійся многоразличіемъ богобоязненныхъ нравовъ и благочестивыхъ обычаевъ, въ общемъ религіозно-политическомъ смыслѣ достойно воплощается въ высокомъ и многотрудномъ историческомъ идеалѣ, осуществленіемъ коего и имѣютъ въ грядущія времена достойно увѣнчаться судьбы великаго народа—судьбы, свершеніе коихъ самъ онъ таинственно прозрѣваетъ въ наиболѣе торжественные моменты своего бытія.

V.

Вѣротерпимость и свобода совѣсти въ Русской Церкви.

Величайшій принципъ христіанства, введенный имъ въ круговращеніе человѣческой мысли, это—свобода человѣческаго *духа*.

Именно этотъ принципъ, поставленный имъ взамѣнъ древне-историческаго принципа внѣшней силы и основаннаго на немъ рабства, и доставилъ ему полное торжество и побѣду надъ язычествомъ и его религіозными и политическими учрежденіями.

Христосъ во всю свою земную жизнь никому ничего *не повелѣвалъ*: Онъ лишь звалъ къ Себѣ, и приходящимъ къ Нему предлагалъ слушать Его ученіе, и выслушавъ, слѣдовать ему въ своей повседневной жизни, обѣщая и награду за то.

„*Блажени* чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. *Блажени* плачущіе *нынѣ*: яко возсмѣетеся. *Блажени* алчущіи *нынѣ*: яко насытитеся. *Блажени* есте, егда поносятъ васъ, и ижденутъ отъ сонмищъ, и пронесутъ имя ваше яко зло Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небесѣхъ... Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; *научитеся* отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой *душамъ* вашимъ“.

И этотъ свѣтлый покой свободнаго *духа*, возносившійся высоко надъ всѣми скорбями жизни и немощами

и страданіями тѣла, становился удѣломъ всякаго, кто приходилъ къ Нему, искренно проникался Его ученіемъ и неуклонно ему слѣдовалъ: одинъ изъ величайшихъ Его Апостоловъ свидѣтельствуетъ о своемъ *нравственномъ* мирѣ и покоѣ, а слѣдовательно и о *духовномъ* веселіи и *внутреннемъ* счастіи, находясь въ оковахъ и въ темницѣ и ощущая полную свободу *духа*, превозносящагося надъ этими оковами и заключеніемъ; объ этомъ же блаженномъ веселіи *духа* среди терзаній плоти и физическихъ лишеній непререкаемо свидѣтельствуетъ и безчисленный сонмъ мучениковъ и подвижниковъ, своими кровію и трудами полагавшій твердыя основы христіанства среди враждебныхъ ему народовъ языческаго міра.

Не престаютъ и доселѣ о томъ же свидѣтельствовать, хотя и въ иныхъ, измѣненныхъ временемъ и соціальною обстановкой формахъ, подвижники и учители благочестія, многочастнѣ и многообразнѣ воздвигаемые Богомъ въ напоминаніе о Немъ и Его ученіи мятущимся суетою и житейскими заботами людямъ...

Въ сферѣ практической повседневной жизни, во внутреннихъ распорядкахъ великой всемірной общины, именуемой христіанскою церковью, этотъ принципъ свободы духа выразился и выражается въ частномъ принципѣ свободы мысли и совѣсти, и вытекающемъ изъ него принципѣ вѣротерпимости.

Въ этомъ отношеніи Церковь Христова, также какъ и ея Основатель, чуждалась и чуждается всякаго принужденія, насилія надъ человѣческой мыслью и стѣсненія человѣческой совѣсти. Это свидѣтельствуется и обычаями первоначальной христіанской общины, и исторіею первыхъ вѣковъ Вселенской Церкви съ ея исполинскою работой надъ выясненіемъ догматической

стороны христіанскаго ученія, съ ея борьбою противъ ересей, съ ея Соборами...

И тамъ и здѣсь представлялась полная *свобода* или вступать въ единеніе со Христомъ, или чуждаться Его. Но разъ вступившій въ Апостольскую общину и давшій обѣщаніе соблюдать ея правила, добровольно налагалъ на себя *обязанность* свято блюсти свой обѣтъ, нарушеніе коего наказывалось страшною карой небесною. Ананія и Сапфира, вступая добровольно въ общество христіанъ, знали, что по его правиламъ частная собственность для его членовъ не существуетъ, продали свое помѣстье, и покоряясь, по видимому, этимъ правиламъ, вырученныя отъ продажи деньги внесли въ общую кассу. Но движимые эгоистическими соображеніями, они не могли возвыситься до искренняго отношенія къ общинѣ, и утаили при этомъ часть денегъ, оставивъ ихъ при себѣ. Грозный голосъ обличенія не замедлилъ послѣдовать отъ апостола Петра, который, вызвавъ Ананію на общественный судъ, изрекъ ему: „почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому? Не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу", и вслѣдъ за этими словами вождя общины недостойный членъ ея палъ бездыханнымъ...

Если же бы этого не случилось, община сама, по своимъ уставамъ, отнюдь не прибѣгла бы ни къ какому насилію, а лишь ограничилась бы удаленіемъ недостойнаго члена изъ среды своей. Впервые намѣчая образъ взаимныхъ отношеній между членами Своей видимой Церкви, Самъ Спаситель заповѣдуетъ слѣдующія правила: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего. Аще ли тебѣ не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два:

да при устѣхъ двою или тріемъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Аще же не послушаетъ ихъ, *повѣждь церкви*", т.-е. предай брата на судъ общественный; если же тотъ и ему не подчинится, „аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь", т.-е. пусть будетъ онъ для тебя нравственно чуждымъ, а не братомъ твоимъ во Христѣ, пусть будетъ лишенъ духовнаго единенія съ тобою или, иначе, *отлученъ* отъ тебя, какъ члена церкви.

Далѣе этого отлученія отъ общины членовъ, непокорныхъ ея уставамъ, не шла Апостольская Церковь и ни о какихъ стѣсненіяхъ, преслѣдованіяхъ, а тѣмъ болѣе гоненіяхъ и не помышляла...

Точно также относилась и Вселенская Церковь последующихъ вѣковъ къ тѣмъ своимъ членамъ, которые являлись нарушителями внутренняго строя ея жизни, исказителями охраняемаго ею ученія: смыслъ и сущность церковныхъ соборовъ и вселенскихъ, и помѣстныхъ заключались въ передачѣ извѣстнаго ученія или дѣянія, смущавшаго совѣсть вѣрующихъ, на усмотрѣніе общецерковнаго суда, отверженіе и осужденіе его, если оно признавалось того достойнымъ, и отлученіе отъ церковнаго общества виновника такого ученія или дѣянія, если онъ упорствовалъ въ своемъ заблужденіи и не обнаруживалъ искренней готовности къ раскаянію въ своемъ грѣхѣ.

Дальше этого христіанская Церковь опять-таки не шла, и ни гоненіямъ, ни преслѣдованіямъ ни ересей, ни еретиковъ не подвергала, дѣлали же это гражданскіе властители.

Ядовитое древо религіозныхъ гоненій и преслѣдованій расцвѣло лишь впослѣдствіи, на лонѣ римскаго католицизма, отлучившаго себя отъ вселенскаго един-

ства церкви, и на этомъ лонѣ принесло достойные плоды въ видѣ знаменитаго въ исторіи католическаго фанатизма, религіозныхъ войнъ, междоусобій, казней, пытокъ и, наконецъ, позорной и ненавистной инквизиціи.

Восточно-православная церковь, сохранившая въ неповрежденной цѣлости и чистотѣ ученія апостольскія и соборныя, сохранила себя и отъ этой язвы религіозной нетерпимости, не запятнавъ страницъ своей исторіи ни фанатизмомъ духовенства, ни кровавымъ ему пособничествомъ мірскихъ властей.

Само собою разумѣется, что ея младшая сестра, Русская Православная Церковь, съ первыхъ дней своего бытія свято чтя ея примѣры и наставленія, заимствовавъ отъ нея и истинное разумѣніе Христова ученія, и весь строй и распорядокъ правилъ и обычаевъ своей внутренней жизни, отъ нея же первоначально принявъ и личный составъ своей іерархіи и клира (воспитанныхъ отнюдь не на фарисейской закваскѣ религіозной нетерпимости, а потому не могшихъ воспитывать на ней и свою паству), въ силу этихъ причинъ легко уберегла себя отъ всякихъ проявленій религіозной нетерпимости.

Съ другой стороны новопросвѣщенный народъ русскій столь глубоко и полно увѣровалъ въ Божественную истинность принятаго имъ исповѣданія, до такой степени высоко чтилъ нравственное достоинство своей церкви въ ряду другихъ, что ни одному изъ его правителей и на мысль не приходило поднимать оружіе мірской власти и грубой внѣшней силы ради защиты Христа и Его Святой Церкви, которой даже врата адовы не одолѣютъ, отъ ихъ видимыхъ враговъ и, тѣмъ паче, для насильственнаго пріумноженія ихъ послѣдователей.

Наконецъ, что касается внутренней церковной жизни, первые вѣка по водруженіи надъ Русью Креста Христова Промыслъ Божій благословилъ ее миромъ и спокойствіемъ, такъ что она не знала ни еретиковъ, ни раскольниковъ, ни иныхъ враговъ, и всѣ ея невзгоды ограничивались возникавшими время отъ времени поползновеніями римскаго католичества подчинить ее своей власти—поползновеніями, какъ предъ незыблемымъ гранитомъ сокрушавшимися предъ непоколебимою преданностью всей Руси разъ принятому ею восточному православію.

Впослѣдствіи же, когда, искушенная въ многолѣтнемъ горнилѣ бѣдствій, порожденныхъ смутами удѣльнаго времени и татарскаго ига, Русь твердо укрѣпилась въ православіи, воскресла къ новой славной жизни подъ скипетромъ Москвы, пріобщилась къ международнымъ сношеніямъ и начала испытывать постоянно увеличивавшійся наплывъ въ ея предѣлы иноземцевъ и иновѣрцевъ, народъ русскій проявилъ къ нимъ столь по тѣмъ временамъ гуманное отношеніе, что оно сдѣлало бы честь и просвѣщеннѣйшимъ европейскимъ народамъ той эпохи: въ центрахъ, подобныхъ Москвѣ, гдѣ преимущественно селились пришельцы, коренное населеніе не только не возмущалось ихъ иновѣрными, *еретическими* религіозными обычаями, но допускало ихъ до построенія своихъ церквей, и въ обыденныхъ съ ними сношеніяхъ ограничивалось развѣ *брезгливостью*, не обнаруживая къ нимъ ни ненависти, ни презрѣнія.

Столь же благодушно относилось населеніе и къ еретикамъ, которые пробовали, хотя и неудачно, русскую почву для насажденія на ней своихъ заблужденій, и изъ которыхъ наиболѣе видную роль въ исторіи

того времени играли *стригольники* и *жидовствующіе:* они свободно селились среди сплошной массы православнаго люда, свободно среди него проживали, совершая обряды своихъ сектъ, безъ особыхъ стѣсненій вели даже пропаганду своихъ ученій, соблазняя и совращая наиболѣе неразумныхъ и легковѣрныхъ, но сколько-нибудь замѣтнаго религіознаго воздѣйствія на массу православнаго населенія оказать не могли, и всѣ исчезли безслѣдно.

Вполнѣ безуспѣшною явилась и болѣе серьезная, послѣдняя попытка римскаго католицизма покорить подъ нозѣ свои Русь православную хитроумною уловкой въ видѣ Флорентійской уніи: наставляемые святителемъ Іоною, правительство и народъ русскіе посрамили эту попытку своею непоколебимою твердостью въ восточномъ православіи и глубокимъ презрѣніемъ къ притязаніямъ властолюбиваго папства.

Даже еврейство, діаметрально противоположное христіанству и въ принципѣ ему враждебное, жило безъ гоненій за вѣру, и только въ недавнее сравнительно время возбудило противъ себя и озлобленіе простонародья, возмущеннаго пріемами еврейской эксплуатаціи, и непріязнь остальныхъ классовъ, испуганныхъ гигантскими размѣрами, коихъ эта эксплуатація нынѣ достигла.

Впрочемъ, что касается Церкви Православной, она, какъ Божественное учрежденіе, пребыла и въ данномъ случаѣ превыше человѣческихъ отношеній, оставшись въ сторонѣ отъ сферы соціальныхъ симпатій и антипатій: ея архипастыри, напротивъ того, всегда неизмѣнно первые поднимали свой мощный голосъ противъ насилій черни въ защиту евреевъ, за что неоднократно и удостоивались со стороны еврейскихъ обществъ

изъявленія самой лестной признательности, на каковыя, въ свою очередь, отвѣтствовали въ самой христіански-братолюбивой и дружелюбной формѣ. Это, безъ сомнѣнія, крайній предѣлъ христіанской вѣротерпимости, далѣе коего трудно переступить даже шагъ безъ нарушенія правилъ христіанской догматики.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ вѣротерпимости и уваженія къ религіознымъ чувствамъ ближняго, Православная Церковь всегда стояла, нынѣ стоитъ и, будемъ надѣяться, вѣчно устоитъ на высотѣ, достойной Апостольской Церкви.

Что касается правительства русскаго, оно искони не только не отставало въ этомъ отношеніи отъ истинно свободныхъ воззрѣній Церкви, но всегда шло за нею, простирая терпимость инославія чуть не до прямаго покровительства ему, иногда въ явный ущербъ православію. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не такимъ покровительствомъ объяснить: содержаніе на *казенный* счетъ, т.-е. на счетъ податей, собираемыхъ съ *православнаго* народа, множества римско-католическихъ учебныхъ заведеній въ Западномъ краѣ, римско-католическихъ и протестантскихъ законоучителей во многихъ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа, какъ-то: военныхъ корпусахъ, мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и институтахъ, римско-католическаго духовенства въ Западномъ краѣ, магометанскаго въ Оренбургскомъ и, если не ошибаемся, языческаго (ламайскаго) на отдаленныхъ окраинахъ Сибири?

Только наши русскіе отщепенцы православія, за свое невѣжественное отчужденіе отъ церкви и высокомѣрно-горделивое отношеніе къ вѣрнымъ сынамъ ея испытывали на себѣ, въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ,

тяжелую руку правительства, каравшаго ихъ различными стѣснительными мѣрами въ тщетной надеждѣ поколебать тѣмъ ихъ заблужденія и возвратить ихъ въ лоно православія; но мѣры эти предпринимались временно и проводились безъ надлежащей послѣдовательности, а теперь и вовсе почти оставлены, въ томъ соображеніи, что ими преимущественно раскольничій фанатизмъ и самъ питается, какъ бы гоненіями за вѣру, и воспитываетъ въ такихъ понятіяхъ милліонную массу невѣжественнаго простонародья.

Что же касается существующихъ административныхъ прещеній на открытое совершеніе старообрядческихъ богослуженій и обрядовъ, то оно достаточно объясняется весьма простымъ соображеніемъ, къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости вовсе не относящимся: отнюдь не къ чести раскольниковъ, контингентъ ихъ священно-и-церковно-служителей весь поголовно пополняется или изъ *бѣглыхъ* священниковъ господствующей церкви, измѣнившихъ православію по видамъ гнусной корысти, или изъ подонковъ населенія, къ которымъ полиція не можетъ относиться равнодушно: и конечно странно бы было видѣть, напримѣръ, раскольничью религіозную процессію на улицѣ, среди бѣлаго дня, съ архіереемъ изъ бѣглыхъ поповъ во главѣ и еще съ нѣсколькими бѣглыми попами въ ея составѣ,—и не странно ли было бы положеніе въ этомъ случаѣ полиціи?

VI.

Православное духовенство.

Православное духовенство русской церкви, при всей рѣзкости различій, представляемыхъ тѣми или другими его группами (монашество и бѣлое духовенство, а въ составѣ перваго—ученое меньшинство и масса простецовъ, и въ составѣ втораго—духовенство сельское, городское, столичное и военное) по ихъ значенію въ церковной жизни, обладаетъ тою рѣдкою особенностью, что все не только вышло и выходитъ изъ народа, но что значительная часть его, и въ своей сословной обособленности, по условіямъ житейской обстановки отнюдь не порываетъ тѣсной связи съ народомъ, а напротивъ, и облекшись священнымъ саномъ, продолжаетъ самыя близкія съ нимъ повседневныя отношенія. Мы говоримъ о сельскомъ духовенствѣ, столь близко стоящемъ къ народу, что оно, помимо своихъ церковнослужебныхъ обязанностей, участвуетъ, наравнѣ съ своею крестьянскою паствой, и въ земледѣльческомъ трудѣ, собственноручно вспахивая поля, посѣвая хлѣбъ и собирая его для прокормленія своихъ семей.

Существуетъ многочисленная группа мыслителей, которые готовы ставить это обстоятельство въ укоръ и духовенству, какъ унизительное для его нравственнаго достоинства и профанирующее его будто бы предъ паствой, и правительству, какъ свидѣтельствующее о его будто бы нерадѣніи къ благосостоянію служителей

церкви. Смущаясь загорѣлыми, мозолистыми руками сельскаго священника, его въ большинствѣ случаевъ далеко не щеголеватой внѣшностью и отсутствіемъ свѣтскаго лоска въ его обращеніи, эти теоретическіе поклонники болѣзненной чистоплотности обыкновенно указываютъ на католическихъ патеровъ и ксендзовъ съ одной стороны, и лютеранскихъ пасторовъ съ другой. Но, въ сущности, что же доказываютъ оба эти указанія? Не то ли, что авторы ихъ не хотятъ идти дальше одной внѣшности, и объ одной наружности только и заботятся, не интересуясь тѣмъ, что должно скрываться за нею?

Нафанатизированная Испанія, мятущаяся ребяческимъ безбожіемъ Франція, разслабленная индифферентизмомъ родина католичества, Италія—выглядываютъ изъ-за щеголеватой, выхоленной фигуры римскаго патера. Германія, вся изъязвленная раціоналистическими ученіями, съ чернью, въ умахъ которой мрачный, унылый раціонализмъ и самый холодный индифферентизмъ гнѣздятся прямо поверхъ невѣжества, съ цѣлыми полчищами ученыхъ пигмеевъ, болѣе полувѣка усердно преданныхъ разрушительной работѣ, состоящей въ кропотливыхъ, но неизмѣнно неудачныхъ подкопахъ подъ величайшія основы христіанства—стоитъ позади сытаго, самодовольно выглядывающаго лютеранскаго пастора.

За нашимъ же бѣднымъ, часто забитымъ нуждою, сгорбленнымъ отъ тяжелой земледѣльческой работы сельскимъ священникомъ доселѣ стояла, да и теперь, благодареніе Богу, продолжаетъ стоять темная, правда, масса неразвитаго люда, *умомъ* не всегда ясно и глубоко проникающая въ догматическое существо религіозныхъ истинъ, но *сердцемъ* вѣрующая въ правду и устами исповѣдующая во спасеніе; масса, жаждущая не

столько разъясненія тезисовъ догматики, сколько искренняго, словомъ и примѣромъ, назиданія въ правилахъ вѣры и практической нравственности.

И если по результатамъ дѣла судить о достоинствѣ дѣлателя, и по плодамъ о способности вертоградаря, то кто же изъ этихъ представителей трехъ типовъ пастырскаго служенія окажется наиболѣе соотвѣтствующимъ и достоинству и цѣлямъ его?

Римскій ли патеръ, этотъ религіозный магнетизеръ, стремящійся гипнотизировать и умъ, и совѣсть, и волю своей паствы, чтобы поработить ее, но только не Христу, а Его фиктивному намѣстнику,—этотъ боецъ, смотрящій на паству, какъ на стаю дикихъ звѣрей, а на себя, какъ на ихъ укротителя?

Лютеранскій ли пасторъ, видящій въ своей паствѣ аудиторію для упражненія своихъ проповѣдническихъ способностей, щедро оплачиваемыхъ, а въ своей церковной каѳедрѣ Прокрустово ложе для тѣхъ возвышенныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, которыя превосходятъ жалкую мѣру ограниченной человѣческой разсудочности?

Или же православный пастырь, духовно возраждающій въ христіанскую жизнь каждаго члена своей паствы, устрояющій его посредствомъ Таинствъ въ этой жизни, ими же сопровождающій его въ иную жизнь, и видящій въ немъ только слабаго человѣка, нуждающагося въ постоянной религіозной помощи, а въ себѣ точно такого же слабаго человѣка, лишь призваннаго благодатію Божественною вспомоществовать первому?

Отвѣтимъ на послѣдній вопросъ словами великаго учителя Русской Церкви, митрополита Филарета. Отстаивая для сельскаго духовенства право народнаго

обученія, незабвенный архипастырь высказалъ, между прочимъ, слѣдующія непререкаемыя соображенія:

„Со времени принятія христіанства и до настоящаго времени русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ духовенства. Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ во храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ, торжественныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и начальникъ сельскаго училища, и что духовенство оправдало свое призваніе наставленіемъ народа, тому доказательствомъ служитъ вся русская исторія. Какія трудности перенесъ русскій народъ! Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ съ французами, онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностью своею послѣ объявленія ему Положеній 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ.“

Это свидѣтельство мудраго іерарха тѣмъ знаменательнѣе, что его никто не заподозритъ въ излишней снисходительности къ низшимъ членамъ духовнаго сословія: напротивъ, память о немъ, какъ о чрезвычайно строгомъ и взыскательномъ церковномъ администраторѣ, живетъ доселѣ; зная близко нравы и недостатки сельскаго духовенства, онъ весьма часто являлся неумолимымъ судьей и безпощаднымъ карателемъ недостойныхъ представителей этого сословія, которые своимъ предосудительнымъ поведеніемъ производили соблазнъ

въ пасомыхъ и унижали святость своего служенія, такъ что многимъ казалось, будто онъ выше мѣры взыскателенъ къ своимъ подчиненнымъ священно-и-церковно-служителямъ. На самомъ же дѣлѣ, негодуя на неприглядныя частности и случайныя нарушенія долга, изъ-за этихъ частностей и случайностей, какъ изъ-за мелкихъ цифръ, онъ не забывалъ общихъ итоговъ; каковы же въ его представленіи были эти итоги, вышеприведенная цитата достаточно ясно показываетъ.

И въ этомъ отношеніи мудрый святитель близко сходился въ своихъ взглядахъ со взглядами всего русскаго народа.

Тотъ глубоко ошибется, кто, на основаніи нѣсколькихъ поговорокъ, насмѣшливо отзывающихся о духовенствѣ, вообразитъ, что народъ его не уважаетъ и не любитъ, а презираетъ.

Напротивъ, простолюдинъ именно и любитъ въ своемъ пастырѣ эту близость къ себѣ, это соціальное почти равенство съ собою, и эти мозоли отъ трудовъ, эту матеріальную бѣдность, эти убогія, поношенныя рясы уважаетъ, и быть можетъ ради нихъ искренно и прощаетъ тѣ уклоненія съ пути долга, какія иногда встрѣчаются среди сельскаго духовенства. Ему искони присуще крѣпкое убѣжденіе, въ силу котораго онъ строго отличаетъ рясу отъ ризы, внутреннее достоинство служенія отъ личныхъ свойствъ служителя, непререкаемую святость Таинствъ и обрядовъ отъ слабостей ихъ совершителя. Этимъ и объясняется, что тотъ же священникъ, который въ храмѣ сподобляетъ своего духовнаго сына Божественныхъ Таинъ, въ частной жизни можетъ снизойти даже до такихъ съ нимъ отношеній, кои способны уронить достоинство

его сана, но ни мало не роняютъ въ глазахъ паствы достоинства его служенія, ибо нашему народу, къ его счастію, присуще высоко-гуманное, хотя, быть можетъ, и не ясно сознаваемое воззрѣніе, которое можно выразить такъ: „всѣ мы люди, всѣ одинаково подвержены слабостямъ, недостаткамъ, порокамъ; надъ всѣми нами одинаково и милость, и гнѣвъ Божіи; всѣмъ намъ отверсты врата покаянія и исправленія, но никто никому не судья.“

И что эти взаимныя отношенія между народомъ и духовенствомъ, выработанныя мудростью перваго и смиреніемъ послѣдняго, вполнѣ искренни, что народъ никогда не переставалъ видѣть въ духовенствѣ своего учителя, а слѣдовательно нравственно довѣрять ему, лучшимъ тому доказательствомъ служитъ фактъ, нынѣ совершающійся: необычайные успѣхи церковно-приходскихъ школъ, учреждаемыхъ сельскимъ духовенствомъ.

Чтобъ на ряду съ казенными, земскими и частными школами онѣ не только могли существовать, но и первенствовать, — для этого необходимо особое довѣріе къ наставникамъ, крѣпкое убѣжденіе въ ихъ нравственной правоспособности.

Тѣ же отношенія между духовенствомъ и паствою, хотя и въ видоизмѣненныхъ формахъ, и съ прогрессивно уменьшающеюся степенью близости, но съ тою же взаимностью расположенія и нравственнаго довѣрія, наблюдаются и среди городскихъ, а равно и столичныхъ населеній.

Было бы, однако, несогласнымъ съ справедливостью умолчать объ одномъ явленіи, которое издавна омрачало и продолжаетъ омрачать добрыя отношенія между духовенствомъ и паствою въ городахъ и столицахъ, а отчасти и въ селеніяхъ: это—лицепріятіе духовенства

къ наиболѣе зажиточнымъ прихожанамъ, и нравственный гнётъ послѣднихъ, изрѣдка достигающій даже грубо деспотическихъ пріемовъ, надъ приходскимъ духовенствомъ *).

---

*) Сказывается это прискорбное явленіе въ массѣ мелочныхъ нарушеній церковнаго благочинія и даже устава со стороны духовенства, со стороны богатыхъ прихожанъ—въ массѣ нелѣпыхъ претензій, въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, удовлетворяемыхъ.

Такъ напримѣръ, и церковный уставъ, и требованія церковнаго благочинія возбраняютъ мірянамъ и даже причетникамъ, непосвященнымъ въ стихарь, входить въ алтарь: во многихъ храмахъ правило это какъ бы вовсе забывается, и алтарь становится иногда какъ бы обычнымъ мѣстомъ для *знатнѣйшихъ*, или, что тоже, *богатѣйшихъ* прихожанъ.

Послѣ такъ называемаго благословенія хлѣбовъ за праздничною всенощной церковный уставъ требуетъ, чтобы эти благословенные пять хлѣбовъ были раздроблены на мелкія частицы и предложены всѣмъ безъ исключенія молящимся, чтобы, согласно словамъ молитвы, Господь всѣхъ вѣрныхъ, вкушающихъ отъ нихъ, *освятилъ*. Во всѣхъ монастыряхъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ такъ это и совершается. Но во множествѣ приходовъ заведенъ порядокъ, въ силу коего вѣрнымъ вкушать ничего не приходится, и слѣдовательно Божественнаго чрезъ то освященія они лишаются въ угоду нѣсколькимъ приходскимъ толстосумамъ со старостою во главѣ, которымъ, въ числѣ пяти человѣкъ, хлѣбы сіи (благословенные для всѣхъ въ память чудеснаго насыщенія такимъ же ихъ числомъ пяти тысячъ человѣкъ) и преподносятся отъ причта въ знакъ особаго почтенія. Тоже самое и съ просфорами, на которыхъ совершается литургія.

Во множествѣ церквей учреждено *мѣстничество*, т.-е. наиболѣе удобные, покойные, защищенные отъ толкотни и тѣсноты уголки храма безмолвно и безмездно признаются какъ бы состоящими въ арендѣ у болѣе знатныхъ прихожанъ: горе тому несчастливцу, который, вошедши въ храмъ раньше, займетъ такое арендованное мѣсто, обыкновенно покрытое коврикомъ для комфорта какой-нибудь купчихи — разъ она изволитъ пожаловать и увидитъ

Есть въ церковно-приходской жизни и еще прискорбное явленіе, именно - практическая постановка

свое мѣсто занятымъ, она *прикажетъ* церковному сторожу возстановить ея попранное *право*, и тотъ безъ церемоніи *попроситъ* богомольца, хотя бы въ моментъ жаркой молитвы, уйти оттуда, или, по-просту, прогонитъ его съ избраннаго имъ мѣста на глазахъ сотенъ зрителей. Весьма возможно, что прогнанный и новое мѣсто выберетъ столь же неудачно, и не успѣвъ смирить естественное чувство негодованія, вызванное однимъ оскорбленіемъ, подвергнется другому.

Во многихъ церквахъ практикуется и такой сортъ угодливости богатству: тогда какъ для *толпы* богомольцевъ, на случай усталости, по стѣнамъ храма имѣются скамьи, и по большей части неудобныя, для немногихъ избранниковъ, на тотъ же случай, предлагаются стулья, и нерѣдко приходится видѣть съ непонятнымъ изумленіемъ, среди плотной массы благоговѣйно стоящаго простонародья, чуть не по срединѣ храма, плетеный стулъ съ возсѣдающею на немъ богато наряженной дамой.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ даже самый распорядокъ богослуженій сообразуется не съ церковнымъ уставомъ, а съ желаніями и привычками знатныхъ, т.-е. богатыхъ прихожанъ: если уставъ требуетъ звонить къ обѣднѣ въ 8 часовъ, но какое-либо его степенство или его супруга только въ 9 часовъ встаютъ, то для нихъ и звонъ откладывается до 10 часовъ, или же, отзвонивши, совершивши святую проскомидію и прочитавъ часы, медлятъ начинать литургію до ихъ пріѣзда въ церковь. Въ отдѣльныхъ случаяхъ иные изъ такихъ прихожанъ осмѣливаются даже заблаговременно сообщать настоятелямъ свои распоряженія о томъ, во сколько часовъ завтра начать обѣдню, вмѣсто скромнаго вопроса о томъ, во сколько она начнется.

Много бы еще страницъ можно было исписать подобными указаніями. Все это, повторяемъ, мелочи и о нихъ бы не стоило и распространяться, еслибъ онѣ не оскорбляли религіознаго чувства, не подрывали уваженія къ храму и его служителямъ, не вкореняли въ народѣ убѣжденія, что предъ толстою мошной преклоняются даже церковные уставы, и не колебали живущаго въ народѣ отраднаго вѣрованія, что храмъ—единственное на землѣ убѣжище полнаго равенства всѣхъ, т.-е. равенства предъ Богомъ.

взаимныхъ отношеній церковнаго старосты къ причту и, въ частности, къ его настоятелю: здѣсь является столь радикальное извращеніе понятій, столь безцеремонное посмѣяніе надъ дѣйствующими законоположеніями, что остается лишь недоумѣвать, какъ все это доселѣ терпится и, повидимому, даже не замѣчается духовнымъ правительствомъ.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что многіе изъ приходскихъ старостъ вѣдаютъ церковныя кассы безъ всякаго дѣйствительнаго надзора и контроля, подавая лишь годичные фиктивные отчеты въ духовныя консисторіи; что нѣкоторымъ изъ настоятелей и на мысль не взойдетъ провѣрить когда-либо состояніе церковнаго ящика; что иной настоятель почелъ бы такую мѣру въ отношеніи къ старостѣ съ своей стороны величайшей дерзостью, а староста для себя величайшимъ оскорбленіемъ, послѣ котораго остается одно— отказаться отъ продолженія службы.

А между тѣмъ *Инструкція* церковнымъ старостамъ обстоятельно предписываетъ самый строжайшій надзоръ и контроль надъ ихъ дѣйствіями настоятеля съ причтомъ и прихожанъ, и требуетъ даже опредѣленной формы этого надзора и контроля.

Пунктъ 8-й этой *Инструкціи* предписываетъ старостѣ деньги, выручаемыя при продажѣ свѣчъ, собираемыя въ кошельки и кружку и получаемыя отъ доброхотныхъ дателей, опускать немедленно въ ящики, для сего устроенные, кои должны быть *за ключами старосты и за печатями священнослужителей*. Пунктъ 9-й предписываетъ старостѣ „по прошествіи каждаго мѣсяца, *въ присутствіи священно-и церковно-служителей*, высыпать изъ ящиковъ и кружки накопившіяся деньги, и, *по надлежащемъ счетѣ ихъ и повѣркѣ*, записывать въ

данныя ему книги „и всѣ таковыя суммы хранить“ въ кладовой или въ ризницѣ за ключами его *и печатьми* какъ его, такъ и *священнослужителей*. Пунктомъ 10 мъ предписывается „на семъ же самомъ основаніи, т.-е. по прошествіи каждаго мѣсяца, *въ присутствіи* почетнѣйшихъ прихожанъ и *священно-церковно-служителей*, дѣлать свидѣтельство расходовъ, въ сіе время бывшихъ“.

Съ другой стороны, *Инструкціею благочиннымъ* предписывается этимъ должностымъ лицамъ: „надзирать надъ старостами церковными, дабы сборы и расходы въ данныя отъ консисторіи книги записывали, и *никакихъ расходовъ безъ вѣдома священника* и безъ согласія прихожанъ не чинили; сумма свѣчная, кошельковая и вся вообще церкви принадлежащая *въ такомъ* ли порядкѣ хранится, какъ предписано *Инструкціею* церк. стар., т.-е. за замкомъ его, *церковною печатію*, хранящеюся въ церкви въ завѣдываніи священно-и-церковнослужителей, и — *съ вѣдома ли священно-и-церковно служителей производятся мелочные расходы...*“

Повидимому, такими распорядками обезпечивался самый надежный контроль, а между тѣмъ въ лѣтописяхъ нашей церковно-приходской жизни случаевъ подобнаго контроля не особенно много, и это тѣмъ страннѣе, тѣмъ болѣе способно возбуждать недоумѣнія и нареканія и на духовенство, и на духовное правительство, что практика жизни не разъ настоятельно указывала на необходимость измѣненія существующихъ порядковъ въ смыслѣ предписываемомъ *Инструкціей*.

Начать съ того, что личный составъ церковныхъ старостъ отнюдь не гарантируетъ ихъ безкорыстія: въ большинствѣ сельскихъ церквей они выбираются или изъ волостныхъ старшинъ и писарей, мірскихъ старостъ и т. п. люда, или изъ міроѣдовъ разнаго сорта:

лавочниковъ, цѣловальниковъ и т. п., т.-е. именно тѣхъ людей, которыхъ честность болѣе чѣмъ сомнительна, и, вѣроятно, не даромъ съ понятіемъ о церковномъ старостѣ соединяется не особенно лестное представленіе объ его безкорыстіи.

Въ городахъ, и уѣздныхъ и губернскихъ, должность эту въ большинствѣ исправляютъ люди того класса, который воспитывается въ пресловутомъ принципѣ: „не обмануть—не продать“, и именно такіе люди, которыхъ вся скоробогатая жизнь и соціальное положеніе блистательно подтверждаютъ, что они были и остаются вѣрными рабами этого принципа. Въ столицахъ церковные старосты выбираются преимущественно изъ приходскихъ богачей, но и это обстоятельство оказывается плохимъ обезпеченіемъ церковнаго благосостоянія: въ Москвѣ, напримѣръ, памятны нѣсколько случаевъ, когда старосты-богачи, разстроивши свои коммерческія дѣла, не стѣснились употребить на ихъ поправку и ввѣренныя имъ церковныя суммы, каковыя и пропали за ними безслѣдно.

Чѣмъ объясняется косность духовнаго правительства по вопросу о надзорѣ за церковными старостами — на это трудно отвѣтить, особенно въ виду легкости, съ какою онъ могъ бы быть разрѣшенъ; что же касается духовенства, оно, безъ сомнѣнія, стѣсняется въ данномъ случаѣ тѣмъ зависимымъ положеніемъ, въ какомъ находится по отношенію къ прихожанамъ вообще и богатымъ въ особенности (а къ церковнымъ старостамъ наипаче), отъ ихъ исключительно щедротъ получая матеріальныя средства: не поладить съ приходскими богачами — для причта значитъ добровольно сократить свои доходы, а иногда и навлечь на себя вдобавокъ неблаговоленіе начальства.

И вотъ, благодаря этому обстоятельству, духовенство, скрѣпя сердце, выноситъ порядокъ вещей, завѣдомо противузаконный, разорительный для церкви, нелѣпый по существу, и желательный лишь грубому самолюбію приходскихъ толстосумовъ. Въ свою очередь эта зависимость причтовъ отъ прихода проистекаетъ изъ самаго свойства ихъ взаимныхъ отношеній и изъ характера высокаго служенія, на которое призвано духовенство.

„Туне пріясте, туне дадите", — изрекъ Божественный Устроитель новозавѣтной церкви, посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь евангельскую. И странно было бы преемникамъ апостольскимъ впередъ договариваться о цѣнѣ за преподаніе Таинствъ, за религіозныя наставленія, за нравственныя вразумленія и обличенія. Отсюда общее всей православной церкви правило — что ея служители получаютъ все необходимое для жизни отъ добровольныхъ приношеній своей паствы, члены которой отнюдь не по какому-либо принужденію, а единственно по совѣсти и по соображеніямъ нравственнаго долга удѣляютъ каждый извѣстную долю своихъ средствъ на нужды своихъ пастырей.

Наша русская церковь доселѣ во всей неприкосновенности удержала это правило, и ея духовенство, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно состоитъ при храмахъ, лишенныхъ приходовъ, дѣйствительно и доселѣ довольствуется матеріальными средствами въ тѣхъ размѣрахъ, какіе опредѣляются достаткомъ и усердіемъ прихожанъ.

Имѣя за собою важное преимущество точнаго соотвѣтствія и вышеизложенному правилу церкви, и апостольскому указанію на то, что служители алтаря отъ алтаря и питаться должны — этотъ порядокъ вещей

въ практической своей постановкѣ, особенно при условіяхъ современной жизни, представляетъ и значительныя неудобства, и вышеуказанная матеріальная подчиненность духовенства прихожанамъ можетъ назваться едва ли не главнѣйшимъ изъ нихъ.

За послѣднее двадцатилѣтіе, не одинъ разъ, когда возникалъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, заходила рѣчь и о существующемъ способѣ его матеріальнаго вознагражденія, и о средствахъ измѣнить оный къ лучшему, но вопросъ ни разу не былъ ни подробно исчерпанъ, ни доведенъ до рѣшенія, и теперь, какъ всегда, священникъ собираетъ свои доходы посредствомъ тѣхъ же поручныхъ даяній.

Много было говорено и объ унизительности этого способа собиранія доходовъ для самого духовенства, и о стѣснительности его для прихожанъ, и о несоотвѣтствіи его достоинству тѣхъ священныхъ дѣйствій, за которыми непосредственно онъ производится.

Всѣ такія соображенія имѣютъ для себя много основаній и до сихъ поръ сохраняютъ свою силу, но прежній способъ, кромѣ нѣсколькихъ пальятивныхъ мѣръ, предпринимавшихся противъ него разновременно въ различныхъ епархіяхъ, не подвергся доселѣ никакимъ серьезнымъ измѣненіямъ, да и пальятивы эти были встрѣчаемы далеко не сочувственно и духовенствомъ, и прихожанами. И это послѣднее обстоятельство, быть можетъ, и утверждаетъ духовное правительство въ мысли о преждевременности какихъ либо коренныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи.

Что касается размѣровъ содержанія, получаемаго духовенствомъ путемъ этого сбора, то оно едва ли можетъ быть признано безусловно недостаточнымъ.

Огромные доходы петербургскаго столичнаго духо-

венства не подлежатъ спору, хотя и составляютъ исключеніе; московское столичное духовенство получаетъ много меньше петербургскаго, но все же доходы московскаго священника колеблются между 1000 и 3000 руб. въ годъ, а среднею цифрой могутъ быть опредѣляемы не менѣе, какъ въ 1500 рублей. Во многихъ губернскихъ городахъ духовенство живетъ безбѣдно. Средину между губернскимъ и сельскимъ духовенствомъ составляетъ, по своимъ доходамъ, духовенство уѣздныхъ городовъ; доходы же сельскихъ священниковъ простираются приблизительно отъ 100 до 500 руб. въ годъ, средняя же цифра дохода, получаемаго сельскими священниками, можетъ быть опредѣляема суммою въ 300 рублей.

Если прибавить къ этому существующіе въ селахъ сборы въ пользу духовенства натурою, т. е. хлѣбомъ, яйцами и пр. т. п., и собственно доходы духовенства отъ церковной земли, засѣваемой хлѣбомъ, огородовъ, садовъ и т. п. статей, то эта цифра возвысится до 400 и даже 500 р.—т. е. до цифры, которая можетъ считаться достаточною для скромнаго бюджета семьи, живущей въ условіяхъ сельской обстановки, не испытывающей соблазновъ городскаго быта и обезпеченной въ наиболѣе существенныхъ предметахъ потребленія.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что собственно школьное образованіе сыновья священно-и-церковно-служителей получаютъ безвозмездно, а въ случаѣ смерти родителей пріобрѣтаютъ право поступленія и на полное казенное содержаніе; что дочери-невѣсты осиротѣвшихъ священно-церковно-и-служительскихъ семей, по искони установившемуся обычаю, большею частію устраиваютъ свою судьбу посредствомъ замужества съ преемниками ихъ родителей, при чемъ обязываются содержать и осталь-

ныхъ членовъ своей семьи, и что ни одно вѣдомство въ ряду административныхъ и государственныхъ учрежденій не относится съ такою заботливостью къ нуждающимся лицамъ его вѣдѣнія, какъ вѣдомства епархіальныя, хотя, къ сожалѣнію. они и не обладаютъ средствами, вполнѣ достаточными для надлежащаго матеріальнаго обезпеченія всѣхъ обращающихся къ ихъ попеченію.

Такимъ образомъ, толки о недостаточности матеріальныхъ средствъ духовенства и его собственныя на то жалобы если и можно признать основательными, то развѣ въ томъ смыслѣ, что при часто встрѣчающейся въ духовенствѣ многосемейности средствъ этихъ едва хватаетъ на удовлетвореніе лишь насущныхъ потребностей, и собственно для сельскаго духовенства становится необходимымъ дополнять скромные размѣры своего содержанія полевыми работами по воздѣлыванію церковной земли *).

И если проводимая въ сельско-хозяйственныхъ трудахъ жизнь лишаетъ священника внѣшняго лоска свѣтской утонченности и онъ своимъ наружнымъ видомъ приходится не подъ стать изящнымъ компаніямъ богатыхъ гостиныхъ — это, во первыхъ, не такое уже роковое неудобство, объ устраненіи котораго стоило бы хлопотать, а во вторыхъ, неудобствомъ этимъ могутъ стѣсняться лишь тѣ, кто привыкъ измѣрять достоинства людей на аршинъ такъ называемыхъ *свѣтскихъ приличій*, чѣмъ и подписываютъ самимъ себѣ нравственный приговоръ.

*) Иногда такая необходимость выражается въ очень рѣзкой формѣ: бываютъ случаи, что священно-церковно-служители у наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, своихъ же прихожанъ, *нанимаются* на полевыя работы.

Не менѣе жестокій нравственный приговоръ подписываетъ себѣ и та часть духовенства, которая, въ ущербъ истинному достоинству своего сана и изъ угодливости требованіямъ этихъ условныхъ приличій, измѣняетъ традиціоннымъ благочестивымъ обычаямъ своего званія, стараясь своимъ обращеніемъ и поведеніемъ искусственно приближаться къ мірянамъ, ведущимъ такъ называемый свѣтскій образъ жизни, вмѣсто того, чтобъ назидать ихъ своимъ наставленіемъ и примѣромъ правиламъ жизни болѣе скромной и богобоязненной.

Въ прежнее время упрека этого заслуживало военное духовенство, по условіямъ своей служебной обстановки проводящее большую часть жизни среди офицерскаго общества, какъ извѣстно, чуждаго аскетическихъ привычекъ: уже и это обстоятельство отчасти извиняло его; но и кромѣ того во времена военныхъ дѣйствій наше полковое духовенство являло и являетъ неслыханные примѣры нравственной доблести, неизвѣстные въ духовенствѣ ни одной страны цѣлаго міра, кромѣ русской. Найдите армію, гдѣ бы впереди воинской, устремляющейся въ битву, рати шествовалъ ея пастырь въ священномъ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ въ рукѣ, осѣняя воиновъ на брань за вѣру, царя и отечество, вселяя отвагу въ робкія сердца, укрѣпляя ослабѣвающее мужество, ободряя героевъ на дальнѣйшіе подвиги! А между тѣмъ наша военная исторія изобилуетъ такими примѣрами, и лѣтописи нашего военнаго духовенства испещрены преданіями о его геройствѣ и самоотверженіи на поляхъ брани, во главѣ своей духовной паствы. Одно это самоотверженіе,—и на вѣсахъ человѣческаго разума, и предъ судомъ христіанской совѣсти, могло бы

покрыть собою не мало нравственныхъ недостатковъ, омрачающихъ обыденную жизнь этой группы нашего духовенства.

Къ сожалѣнію, практикуемый военнымъ духовенствомъ способъ сближенія съ свѣтскимъ обществомъ за послѣднее время замѣчается и въ иныхъ группахъ духовнаго сословія, не представляя пока съ ихъ стороны никакихъ ни извиняющихъ подобное направленіе обстоятельствъ, ни особыхъ личныхъ подвиговъ пастырскаго служенія, коими бы хотя отчасти ослаблялось грустное впечатлѣніе, производимое этимъ направленіемъ на паству.

Что касается такъ называемаго чернаго духовенства, оно, вообще не представляя поводовъ къ обвиненію его въ подобномъ направленіи, продолжаетъ по прежнему оставаться небезупречнымъ въ частностяхъ своей внутренней жизни—частностяхъ, на которыя жаловались во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и которыя констатировалъ еще Стоглавый соборъ. Въ верхнихъ слояхъ своихъ пополняясь учеными монахами высшаго богословскаго образованія, будущими іерархами православной церкви, въ среднихъ и низшихъ слояхъ оно по прежнему вербуетъ свой контингентъ изъ среднихъ и низшихъ классовъ народа, не всегда держась правила относительно строгаго выбора между лицами, домогающимися монашества, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его составѣ наряду съ истинными постниками-подвижниками встрѣчаются или просто карьеристы, или отбросы населенія, прикрывающіе монашескою рясой лѣность и пороки.

Но все это не настолько сильно, чтобъ дискредитировать въ умахъ православнаго населенія возвышенную идею иночества, высоко поставленную древними подвижни-

ками русскаго монашества, и народъ по прежнему вѣруетъ, что монастырскіе пріюты—жилища святости и Божественной благодати.

VII.

Состояніе Русской Церкви за послѣдніе два вѣка.

Въ исторіи Русской Церкви, равно какъ и въ исторіи Русскаго народа, на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій совершилось событіе великой важности: юная династія Романовыхъ, едва окрѣпшая на тронѣ, дала Россіи Петра.

Безпредѣльная широта умственнаго взора; ненасытная алчность къ новизнамъ и улучшеніямъ внѣшняго быта, естественно выражавшаяся и обратною стороною—неуваженіемъ и презрѣніемъ къ преданію и старинному обычаю; желѣзная сила воли и непреклонная твердость въ ея осуществленіи, и при этомъ могучая вѣра въ себя и свое призваніе—таковы государственныя качества, которыя неизмѣнно отличали великаго русскаго реформатора во все продолженіе его царственнаго поприща.

Воспитанный въ преданіяхъ неограниченнаго самодержавія, отъ природы одаренный духомъ деспотическаго самовластія, Петръ съ юныхъ лѣтъ до могилы не выносилъ ни противленія своимъ политическимъ и государственнымъ планамъ, ни пассивнаго къ нимъ равно-

душія,ни какихъ либо компромиссовъ съ противорѣчившими его взглядамъ преданіями и направленіями тогдашней русской жизни: всякое препятствіе, встрѣчавшееся на его пути въ погонѣ за европейскимъ просвѣщеніемъ онъ или съ негодованіемъ отбрасывалъ въ сторону, или топталъ ногами, или сокрушалъ своею мощною державною рукой.

Не встрѣчали пощады ни раскольничья борода, ни священническая риза, ни церковный колоколъ, ни религіозные обряды православія—когда они являлись для него, или казались ему, препятствіями въ дѣлѣ, которое онъ поставилъ цѣлію своей жизни.

Частію обаяніе царской власти, частію прозорливость собственнаго генія, создали ему тѣсный кружокъ единомышленниковъ и преданныхъ слугъ, подъ охраною которыхъ онъ не страшился ни козней самолюбивой сестры-царевны, ни буйства стрѣльцовъ, ни непріязни извѣстной части бояръ, остававшихся друзьями старины, ни вражды супруги и роднаго сына; при дружномъ содѣйствіи этихъ преданныхъ слугъ, въ значительной части иноземцевъ и иновѣрцевъ, онъ съ гигантскимъ успѣхомъ сдиралъ съ государственнаго тѣла Святой Руси ту консервативную кору, подъ которою она заключилась въ силу историческихъ условій своего политическаго роста и прозябала сотни лѣтъ, съ трудомъ поддаваясь слабому, и то изрѣдка, воздѣйствію внѣшнихъ вліяній. На пути къ осуществленію этой задачи, убѣдившись въ крайнемъ консерватизмѣ духовенства, выражавшемся въ несочувствіи къ его реформамъ, Великій Петръ хотя и не возставалъ противъ него открыто, но всячески постарался отодвинуть его на задній планъ и обезсилить прежнее его могучее вліяніе на жизнь и нравы народа.

Такъ, неоднократными позорными казнями священниковъ на-ряду съ мятежными стрѣльцами онъ значительно поколебалъ въ народѣ благоговѣніе къ пастырскому сану; лишеніемъ монашествующихъ права пользованія перомъ и чернилами*) онъ превратилъ многія монастырскія убѣжища какъ бы въ гнѣзда принужденной праздности и невѣжества; наконецъ, для того, чтобы облегчить себѣ достиженіе государственныхъ цѣлей единодержавія, онъ не остановился и предъ реформою высшаго церковнаго управленія, уничтоживъ единоличную патріаршескую власть и замѣнивъ ее коллегіальною, учрежденіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Чуждая гордыни и исполненная смиренія православная русская іерархія, отнюдь не возставая ни явно, ни тайно противъ новаго направленія внутренней политики государства, скромно устранилась отъ участія въ государственномъ управленіи.

---

*) Регламентъ духовный. С.-Петербургъ, 1721 г. февр. 14. Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго (Листъ 37, пунктъ 36). „Монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ никому не писать, и грамотокъ кромѣ позволенія настоятеля не принимать, и по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ чернилъ и бумаги не держать, кромѣ тѣхъ, которымъ собственно отъ настоятеля для общей духовной пользы позволится: и того надъ монахи прилежно надзирать, поневже ничто такъ монашескаго безмолвія не разоряетъ, какъ суетные ихъ и тщетные писма. А ежели которому брату случится настоящая писма потреба, и тому писать въ трапезѣ изъ общей чернильницы, и на бумагѣ общей, за собственнымъ настоятеля своего позволеніемъ, а самовольно того не дерзать подъ жестокимъ наказаніемъ“.

Преемники Петра не измѣняли по отношенію къ церкви его политики, а рабски слѣдовали ей, и представители церкви, пользуясь внѣшнимъ почетомъ, присвоеннымъ ихъ сану, лишены были почти всякаго участія въ государственной жизни. Великая Екатерина, при всей широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ, склонная сообразовать свои дѣйствія съ либеральными теоріями тогдашнихъ своихъ друзей, французскихъ энциклопедистовъ, не только не озаботилась возвратить церкви и ея служителямъ прежняго ихъ значенія, но и ознаменовала свое царствованіе либеральною, по тогдашнимъ понятіямъ, мѣрой—отнятіемъ у монастырей недвижимой поземельной собственности съ поселенными на ней крѣпостными.

Не вдаваясь въ подробности, скажемъ лишь, что эта экономическая мѣра принесла горькіе плоды: разоривъ матеріально монастыри, она не облегчила и ихъ крѣпостныхъ, ибо послѣдніе, благоденствовавшіе въ монастырской зависимости, были въ значительномъ количествѣ раздарены тогдашнимъ временщикамъ и въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ доведены до крайней степени разоренія...

Образованная часть русскаго общества, въ теченіе почти двухъ столѣтій воспитывавшаяся подъ иноземнымъ, преимущественно французскимъ, вліяніемъ, съ своей стороны не могла относиться ни къ церкви, ни къ духовенству иначе, какъ съ пренебреженіемъ, которое въ тѣхъ или другихъ формахъ проявлялось и едва ли не проявляется еще и теперь.

По крайней мѣрѣ, либеральныя реформы прошлаго царствованія не уберeглись отъ этого растлѣвающаго русскую жизнь направленія, и на ряду съ ними либеральные реформаторы ревниво озаботились тѣмъ, чтобъ

по возможности устранить православную церковь и ея служителей отъ всякаго участія въ воспитаніи и обученіи народа, отнявъ у церкви одно изъ священнѣйшихъ ея правъ и у духовенства одну изъ первѣйшихъ его обязанностей, и передавъ и то, и другое въ руки земскихъ выборныхъ управленій, ни мало не приготовленныхъ къ высокой миссіи народнаго назиданія и учительства.

Чѣмъ бы кончилось это земское учительство народа, не трудно угадать. Къ счастью для Россіи, правительство, подъ впечатлѣніемъ печальныхъ событій послѣдней четверти вѣка, достаточно убѣдилось, что одни либеральныя направленія не способны ни къ чему созидательному и что камнемъ, на которомъ зиждутся народное счастіе и государственная сила, остается тоже православіе, которое нѣкогда и укрѣпило Москву, и создало русское могущество.

Православная церковь въ совѣтахъ государственныхъ начинаетъ пріобрѣтать подобающее ей мѣсто, духовенству не только возвращается свобода народнаго обученія, но оно даже нарочито приглашается къ особо-ревностнымъ трудамъ на этомъ поприщѣ, и вразумленія приснопамятнаго митрополита Филарета о церкви и духовенствѣ, какъ естественныхъ учителяхъ народа, звучавшія четверть вѣка назадъ пассивнымъ протестомъ, получаютъ дѣйственное и рѣшающее значеніе: покровительство церковно-приходскимъ школамъ становится одною изъ главнѣйшихъ заботъ правительства, и есть основаніе надѣяться, что оно не ограничится однимъ этимъ актомъ довѣрія къ церкви и ея служителямъ, но продолжитъ развитіе своей внутренней политики въ томъ же мудромъ направленіи. А при соблюденіи этого условія, несомнѣнно, и голосъ цер-

кви, и ея вліяніе на судьбу народа и государства постепенно пріобрѣтутъ значеніе и силу, какими они располагали въ до-Петровской Руси, хотя, безъ сомнѣнія, въ иной формѣ, соотвѣтственной условіямъ современной жизни.

И это будетъ достойною поправкой въ той исторической ошибкѣ, которая совершена была Петромъ и результаты которой отозвались столь неблагопріятно на внутреннемъ развитіи Россіи и на ея общественной жизни за послѣдніе два вѣка.

Никто не станетъ отрицать, что со временъ Великаго Преобразователя исторія Русской церковной іерархіи имѣла весьма немного блестящихъ страницъ: большинство іерарховъ рѣдко возвышалось надъ общимъ уровнемъ посредственности. Бывали, правда, за это время выдающіеся церковные администраторы, въ теченіе своей жизни не безъ пользы трудившіеся для духовной паствы, но угнетенное нравственное настроеніе Церкви не могло не отражаться и на нихъ, ограничивая ихъ умственный кругозоръ частными и временными задачами пастырскаго вѣдѣнія, и не возвышая ихъ личнаго духа до служенія общимъ и вѣчнымъ цѣлямъ Вселенской Истины. Даже великіе свѣтильники благочестія, прославленные Богомъ въ чудесномъ нетлѣніи ихъ мощей, святители Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій и Тихонъ Задонскій, знамениты въ исторіи Русской Церкви не столько силою своего личнаго вліянія на современную имъ церковную и государственную жизнь Россіи, сколько своими учено-богословскими или проповѣдническими трудами и святостію своей жизни.

Лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи Русская Церковь воздвигла на служеніе себѣ іерарха, соединившаго въ своей высокой личности съ безупречною святостію

жизни необычайныя проповѣдническія дарованія, съ искреннею покорностью православному вѣроученію возвышенный полетъ философской мысли, съ замѣчательными церковно-административными способностями истинно государственный умъ, съ дипломатическою тонкостью обращенія непоколебимую твердость православныхъ убѣжденій.

Разумѣемъ приснопамятнаго митрополита московскаго Филарета, болѣе полувѣка служившаго и оплотомъ православія, и свѣтильникомъ вѣры и благочестія, и лучшимъ украшеніемъ не одной Московской, и даже не одной Всероссійской, а всей Православно-Каѳолической Церкви. Вліяніе этого великаго іерарха, ощутительное и для современниковъ по его благопотребности и благотворности, съ кончиною его не только не утратилось и не умалилось, но, напротивъ, увеличилось и продолжаетъ усиливаться съ каждымъ годомъ, отдаляющимъ насъ отъ той эпохи, которая была украшена его іерархическою многотрудною дѣятельностью. И какъ въ то время, сонмъ епископовъ русской, а не рѣдко съ нею вмѣстѣ и славянской, и греческой Церкви, обсуждая тотъ или другой вопросъ изъ области церковно-административнаго или православно-догматическаго вѣдѣнія, жаждали услышать вѣское слово смиреннаго старца, которое часто шло наперекоръ ранѣе предположенному рѣшенію и въ такихъ случаяхъ почти всегда ниспровергало его,—такъ и нынѣ, черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, къ его мнѣніямъ и вразумленіямъ обращаются въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ какія-либо недоумѣнія относительно ли дѣлъ спеціально церковнаго управленія, въ разсужденіи ли нуждъ общегосударственныхъ; обращаются не одни члены церковной іерархіи, но и

административные сановники, и государственные люди. И всѣ они изъ глубокаго кладезя его мудрости черпаютъ живую воду назиданія и поученія по всевозможнымъ вопросамъ всенародныхъ, общественныхъ и государственныхъ нуждъ.

Въ теченіе своего долговременнаго служенія православной церкви и русскому народу митрополитъ Филаретъ и самъ не искалъ популярности, да, повидимому, и не пользовался ею; онъ довольствовался тѣмъ, что, какъ пастырь добрый, высказывался по тѣмъ или другимъ вопросамъ, когда того требовали обстоятельства или въ томъ настояла необходимость, строго сообразно съ своими убѣжденіями, которыя всегда представляли стройное сочетаніе христіанской философіи съ практическою мудростью и здравымъ смысломъ. Не его, конечно, вина, что общество 50-хъ и 60-хъ годовъ, одержимое либеральными вожделѣніями самыхъ безграничныхъ размѣровъ, недостаточно внимало его мудрости, видя въ ней ворчливое недовольство отсталаго ума, пережившаго свое время; но тѣмъ болѣе оно виновно въ такомъ легкомысленномъ отношеніи къ его внушеніямъ и предостереженіямъ, что они вскорѣ начали подтверждаться въ своей вѣрности и основательности событіями, сначала прискорбными, а потомъ и грозными, и позорными, и въ этомъ смыслѣ великаго значенія исполнена слѣдующая историческая справка. Глубоко-ученый богословъ, митроп. Филаретъ вмѣстѣ съ этимъ качествомъ соединялъ въ своей душѣ искреннюю, теплую вѣру въ дѣйствительную силу молитвы церковной. Возскорбѣвъ духомъ при видѣ печальныхъ явленій умственной и нравственной жизни общества, онъ счелъ своимъ долгомъ ввести въ чинъ богослуженія особую молитву о избавленіи своей

паствы отъ усмотрѣннаго имъ зла, предписавъ духовенству своей епархіи возносить ее на каждой литургіи. Распоряженіе это произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ гражданской администраціи, а въ тогдашней, почти сплошь либеральной, литературѣ вызвало озлобленіе и почти открытую брань на митрополита, при чемъ его обзывали прямо выжившимъ изъ ума ретроградомъ. Но что же потомъ оказалось? 1862-й годъ, годъ учрежденія этой всенародной молитвы, былъ послѣднимъ годомъ и политическаго, и административнаго, и общественнаго спокойствія для прошлаго царствованія: 1863-й годъ омрачился польскимъ мятежемъ, 1864-й неожиданною кончиной наслѣдника престола, 1866-й первымъ покушеніемъ на жизнь Царя-Освободителя, 1867-й парижскимъ покушеніемъ на его же жизнь, и затѣмъ послѣдующіе 13 лѣтъ ознаменовались постепеннымъ развитіемъ и успѣхами внутренней крамолы, увѣнчавшей, наконецъ, свои позорные подвиги цареубійствомъ...

Внимательное изученіе разнообразныхъ твореній митрополита Филарета, какъ-то: проповѣдей, писемъ, разсужденій и многоразличныхъ по всевозможнымъ вопросамъ соображеній, на подобіе бисера разсыпанныхъ въ произведеніяхъ этого поистинѣ незабвеннаго учителя церкви, приводитъ къ заключенію, что: 1) помимо проповѣдническихъ заслугъ предъ паствою Московской и церковно-учительныхъ предъ паствою Всероссійской, приснопамятный святитель ознаменовалъ свое служеніе Русскому народу и немалыми государственными заслугами, въ мѣру своей возможности потрудившись надъ разъясненіемъ и важнѣйшихъ политическихъ и государственныхъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для судебъ Русскаго царства; 2) и въ этого

рода соображеніяхъ оставаясь на высотѣ христіанскаго нравственнаго ученія, и строго логическимъ умомъ своимъ остерегаемый противъ малѣйшихъ отъ него уклоненій въ ту или другую сторону, онъ преподалъ немало наставленій первѣйшей политической и государственной важности, указаній и предостереженій, которыя, бывъ своевременно приняты во вниманіе, спасли бы наше отечество отъ массы злоключеній, впослѣдствіи надъ нимъ разразившихся, а не принятыя къ свѣдѣнію, оказались вдохновенно пророческими предсказаніями христіански-просвѣщеннаго прозорливца; 3) въ частности, недавно оплаканный всею Россіей знаменитый патріотъ, по ближайшемъ сличеніи принциповъ, которые онъ столь блистательно, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, популяризовалъ въ своихъ публицистическихъ трудахъ, оказывается не болѣе, какъ послѣдователемъ митрополита Филарета и ученикомъ его по всѣмъ почти вопросамъ политическаго, государственнаго и общественнаго интереса. По точнѣйшимъ справкамъ открывается, что большую часть страстныхъ іеремiадъ и филиппикъ, прославившихъ М. Н. Каткова, нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ и развитіемъ основныхъ ученій, оглашавшихся митрополитомъ Филаретомъ съ церковной каѳедры во все время его епископскаго служенія: таковы воззрѣнія на *государство*, на значеніе, происхожденіе и достоинство *царской власти*, на принципъ *самодержавія*, на *конституціонныя* формы *правленія*, на *избирательное* начало въ государственномъ управленіи, на истинный характеръ народнаго *просвѣщенія* и пр. т. п.

Поэтому, пріобрѣтаетъ особенное значеніе извѣстный эпизодъ изъ публицистической дѣятельности покойнаго патріота, послужившій поводомъ къ умственному и нрав-

ственному сближенію его съ маститымъ учителемъ Русской Церкви въ послѣднія нѣсколько лѣтъ жизни и дѣятельности знаменитаго іерарха. Не смотря на кажущееся равнодушіе къ общественной жизни, митрополитъ Филаретъ зорко наблюдалъ за всѣми сколько-нибудь серьезными ея проявленіями, и, конечно, не упустилъ изъ вниманія дѣятельности вновь явившагося въ Москвѣ публициста. Чтобы заявить ему свое сочувствіе и поощреніе, онъ воспользовался днемъ 8 ноября, пославъ ему въ даръ икону Архистратига Михаила вмѣстѣ съ своимъ поздравленіемъ. Обрадованный и умиленный этимъ рѣдкимъ знакомъ вниманія, М. Н. Катковъ не замедлилъ лично принести благодарность маститому архипастырю, и съ той поры нерѣдко посѣщалъ его, чтобы просвѣтить свой, насыщенный свѣтскою мудростью, умъ поучительною бесѣдой съ мощнымъ проповѣдникомъ православной мудрости и христіанской святости.

Что бесѣды эти были не безплодны, то засвидѣтельствовалъ самъ М. Н. въ своихъ прочувствованныхъ статьяхъ по поводу кончины своего учителя; а что онѣ были плодотворны въ высшей степени, то доказала вся послѣдующая дѣятельность Каткова: принявшись за публицистическое перо на половину англоманомъ, поклонникомъ и проповѣдникомъ конституціонализма, немного времени спустя онъ явился искреннимъ, горячимъ защитникомъ тѣхъ формъ государственной жизни, которыя выработаны русскою исторіей и на которыя, какъ на святыню, указывалъ Филаретъ еще въ то время, когда онъ, Катковъ, быть можетъ, только обучался грамотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало болѣе замѣтно и участіе, и сочувствіе Каткова къ православной церкви, ея жизни и интересамъ.

Все это естественно объясняется тѣмъ, что его развившійся на европейской наукѣ и западныхъ воззрѣніяхъ умъ окончательно *дозрѣвалъ* подъ благотворнымъ вліяніемъ ума, воспитаннаго въ строго православныхъ понятіяхъ и просвѣщеннаго истинно-христіанскою мудростью и самою обширною богословскою ученостью. Такимъ образомъ, можно признать безспорнымъ фактъ, что вліяніе митрополита Филарета не только не ограничилось сравнительно тѣсными предѣлами духовнаго вѣдомства и церковной администраціи, а напротивъ, что оно сказалось ощутительно и во всей нашей государственной и общественной жизни, гдѣ вліяніе Каткова постепенно возрастало и, наконецъ, достигло небывалой нигдѣ и никогда силы и значенія, ибо, ничуть не умаляя заслугъ самого Каткова, нельзя опровергнуть и того, что онъ по крайней мѣрѣ около двадцати лѣтъ своей публицистической карьеры былъ ученикомъ митрополита Филарета и популяризаторомъ его воззрѣній.

VIII.

PIA DESIDERIA.

При всей разносторонности своихъ талантовъ, митрополитъ Филаретъ, однако, по природѣ не былъ ни иниціаторомъ, ни организаторомъ: въ крайней степени консервативный умъ его былъ всегда противъ новизны, и склонялся въ ея пользу лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, по строгомъ соображеніи всѣхъ доводовъ

и *pro* и *contra*, ея допущеніе оказывалось неотложною необходимостью, а промедленіе *statu quo* грозило важными неудобствами и опасностями.

Философски убѣжденный въ невозможности полнаго совершенства для какихъ бы то ни было человѣческихъ учрежденій, чуждый оптимистическихъ мечтаній о возможности полнаго благополучія и счастія для человѣческихъ обществъ, глубоко вѣрившій въ возможность лишь индивидуальнаго нравственнаго совершенствованія, и всею своею жизнію являвшій примѣръ таковаго, великій святитель былъ безпощаднымъ врагомъ утопистовъ, ловившихъ общее сочувствіе на удочку всевозможныхъ измѣненій, нововведеній и улучшеній, всегда рекомендуемыхъ ими во имя прогресса, но далеко не всегда къ нему приводящихъ, а нерѣдко лишь ухудшающихъ *statu quo*. Тѣмъ естественнѣе было въ немъ нерасположеніе ко всякаго рода прогрессивнымъ новшествамъ, коль скоро они касались родной ему области церковнаго управленія и когда ими покушались *облагодѣтельствовать* великое учрежденіе, коего онъ былъ смиреннымъ слугою и наиблестящимъ представителемъ.

Орлинымъ взоромъ проникая всѣ нестроенія и невзгоды, какія испытывала Церковь на необъятномъ пространствѣ Русскаго Царства, смиренный инокъ, въ теченіе многихъ десятилѣтій добровольно заключившій себя въ скромномъ уголкѣ первопрестольной столицы, скорбѣлъ духомъ объ этихъ нестроеніяхъ и невзгодахъ, заботился объ устраненіи ихъ, на сколько позволяли тѣсныя рамки епархіальнаго управленія и необширныя прерогативы епископской власти, но общихъ радикальныхъ противъ нихъ мѣропріятій тщательно избѣгалъ, опасаясь великой отвѣтственности за то предъ Богомъ, Церковью и своею совѣстью въ случаѣ ихъ неудачи. Та-

кимъ образомъ, масса вопросовъ, касавшихся различныхъ сторонъ церковной жизни, и въ то время уже ясно намѣченныхъ обстоятельствами, оставалась частію безъ разсмотрѣнія, частію безъ разрѣшенія, а тѣ мѣропріятія, которыя предпринимались вопреки его указаніямъ, или оказывались неудобопримѣнимыми на практикѣ, или приводили не къ тѣмъ результатамъ, какіе были желательны. И не смотря на то, что послѣ кончины святителя протекла почти четверть столѣтія, большая часть этихъ вопросовъ досслѣ стоятъ на очереди или нерѣшенными, или рѣшенными неудачно, или даже неразработанными.

Не вполнѣ соотвѣтственная идеѣ монашества жизнь членовъ чернаго духовенства, значительно ослабляющая народное уваженіе къ монастырямъ. какъ религіознымъ учрежденіямъ; косность бѣлаго духовенства по отношенію къ многоразличнымъ сторонамъ пастырской дѣятельности, служеніе коимъ указывается существующими распорядками церковно-приходской жизни, отсутствіе инициативы и энергіи въ общемъ теченіи его пастырскаго служенія; неправильность взаимныхъ отношеній бѣлаго духовенства къ прихожанамъ и церковнымъ старостамъ; отношенія церкви и ея пастырей къ расколу; матеріальное положеніе приходскаго духовенства и желательныя въ этомъ отношеніи мѣропріятія; состояніе духовно-учебныхъ заведеній и желательныя улучшенія въ нихъ; отношенія епископской власти къ подчиненному ему духовенству—все это вопросы и насущные, и не со вчерашняго дня ставшіе на очередь, и для страны, въ исторіи которой Церковь занимаетъ столь выдающееся положеніе, представляющіе нарочитую важность. И если русскому народу суждено переступить порогъ XX столѣтія, не разрѣшивъ ихъ надле-

жащимъ образомъ и не сообщивъ имъ новаго желательнаго направленія, то тѣмъ настоятельнѣе является необходимость хотя болѣе или менѣе серьезно приступить къ ихъ разработкѣ.

Современное положеніе нашихъ монастырей не можетъ не вызывать серьезныхъ размышленій: нѣкогда уединенные пріюты созерцательной жизни и аскетическихъ подвиговъ, впослѣдствіи очаги народнаго патріотизма, поборники православія и политическаго могущества Россіи, центры народнаго просвѣщенія и богословской науки, долгое время возбуждавшіе благоговѣйное къ себѣ почтеніе всего русскаго народа отъ царей до простонародья, эти исторически сложившіяся у насъ религіозныя учрежденія съ теченіемъ вѣковъ далеко не сохранили за собою того нравственнаго обаянія на умы, какимъ пользовались въ до-Петровскій періодъ русской жизни. И причиной тому были не одно лишь оскудѣніе древняго благочестія въ народѣ, не одно лишь развитіе религіознаго индифферентизма въ обществѣ: въ значительной степени этому перевороту во взглядахъ на монастырскую жизнь способствовали и нѣкоторые изъ ея представителей, пріобыкшіе не „*достойно ходити званія*", въ которое, притомъ, не „*звани быша*", а которое избирали добровольно, безъ малѣйшаго съ чьей либо стороны принужденія. Привыкшаго добропорядочно мыслить мірянина не можетъ не соблазнять зрѣлище людей, давшихъ добровольные обѣты безусловнаго отреченія отъ міра съ его соблазнами и искушеніями, воздержанія и нестяжательности, и, однако, забывшихъ о воздержаніи и нестяжательности... А между тѣмъ этого рода примѣры стали нерѣдкимъ явленіемъ современной монастырской жизни: ни для кого не тайна тысячи и десятки тысячъ состоя-

нія, которыя нерѣдко старцы, обязанные обѣтомъ нестяжательности, накапливаютъ въ продолженіе иноческой жизни, чтобы передать потомъ своимъ мірскимъ приснымъ и родственникамъ, отъ которыхъ они фиктивно отреклись, возлагая на себя добровольное иго подвижничества.

Всѣ эти отрицательныя стороны монашеской жизни нельзя сказать, чтобъ представлялись въ чрезмѣрномъ изобиліи отдѣльныхъ случаевъ: но нравственная дисгармонія ихъ съ суровымъ идеаломъ иночества, присущимъ православному міросозерцанію, возбуждаетъ справедливое негодованіе мірскаго общества, которое естественно отъ этихъ, въ сущности единичныхъ, случаевъ умозаключаетъ ко всему монашеству, и общій взглядъ на него и общія къ нему отношенія свои окрашиваетъ, на этомъ основаніи, въ болѣе или менѣе мрачныя, несочувственныя краски.

Что касается измѣненія монастырскихъ нравовъ къ лучшему, оно, полагаемъ, могло бы совершиться безъ особыхъ затрудненій, еслибъ высшее духовное правительство посвятило этому дѣлу извѣстную долю вниманія, и искренно прониклось задачею о насажденіи среди нашихъ монастырей истинно иноческой жизни. Монастырскій уставъ великаго подвижника нашей церкви, преп. Іосифа Волоцкаго, много облегчилъ бы ему это дѣло, введеніемъ строгихъ монашескихъ общежитій уничтоживъ и *личную собственность* — главный источникъ соблазновъ, рѣшительно противный духу православнаго иночества, и всѣ аномаліи въ монашескомъ поведеніи, на немъ зиждущіяся и отъ него происходящія. Одна эта мѣра, настойчиво проведенная въ монастырскую жизнь, избавила бы множество обителей, особенно зажиточныхъ, отъ массы паразитовъ, о которыхъ мы

выше говорили, и которые своимъ дурнымъ примѣромъ лишь отвлекаютъ отъ монашества лицъ, сердечно къ нему располагающихся, и бросаютъ тѣнь на все монашество.

Одновременно съ этой мѣрой потребовалась бы и другая: упорядоченіе вопроса объ имуществахъ и доходахъ монастырей, изъ коихъ многіе получаютъ отъ народа во много разъ болѣе того, что требуется для ихъ безбѣднаго существованія сообразно съ монашескими уставами. Исходя изъ того соображенія, что всѣ жертвы, въ изобиліи стекавшіяся и доселѣ текущія въ монастырскія кассы, не могли и не могутъ имѣть въ глазахъ жертвователей значенія иного, какъ приношеній на дѣла богоугодныя вообще и благотворительныя въ особенности, церковное правительство, при строго однообразномъ дѣйствіи во всѣхъ монастыряхъ одного и того же общежительнаго устава, не имѣло бы надобности и входить въ подробности по распоряженію монастырскими капиталами и доходами, лишь обязывая монастыри надлежащею отчетностью и за симъ предоставляя имъ полное право употреблять излишки своихъ средствъ по собственному усмотрѣнію, при одномъ лишь непремѣнномъ условіи богоугодныхъ или благотворительныхъ цѣлей.

При такой постановкѣ дѣла, сравнительно упорядоченный контингентъ монастырской братіи не замедлилъ бы заявить свою дѣятельность и положительными сторонами, употребляя и время, и средства на труды благотворенія, призрѣнія, воспитанія, обученія и т. п. *), между тѣмъ какъ въ настоящее время, по послѣднимъ

*) Правительство могло бы въ этомъ случаѣ оказать нравственную помощь монастырямъ организаціей на мѣстѣ того или другаго

статистическимъ свѣдѣніямъ, эта отрасль благочестивыхъ занятій развита въ стѣнахъ монастырей довольно слабо: изъ 685 монастырей лишь $^{1}/_{4}$ часть, именно 170, проявляютъ заботливость о народномъ просвѣщеніи, содержа школы; да и то нельзя полагать, чтобъ школы эти были поставлены болѣе или менѣе удовлетворительно, если принять во вниманіе общее число учащихся въ нихъ: 4000 дѣтей обоего пола, или по 23 чел. среднимъ числомъ на каждую школу—цифра весьма незначительная для какого угодно училища, разъ обученіе въ немъ ведется правильно и обстоятельно. Еще меньшее число монастырей озабочиваются народнымъ здравіемъ: лишь $^{1}/_{7}$ ихъ часть, именно 88, снабжены больницами, да и то, повидимому, поставленными далеко неудовлетворительно, если принять въ соображеніе, что всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя имѣли въ теченіе года менѣе $1^{1}/_{2}$ тысячъ паціентовъ, среднимъ числомъ по 17 челов. на каждую. Наконецъ, еще меньшую заботливость монастыри оказываютъ о народномъ призрѣніи: лишь $^{1}/_{12}$ часть ихъ, именно 57, имѣютъ богадѣльни, да и эти немногочисленныя заведенія не могутъ похвалиться своими размѣрами—во всѣхъ 57 монастырскихъ богадѣльняхъ призрѣвается всего 1144 старыхъ, убогихъ и увѣчныхъ или, среднимъ числомъ, по 20 чел. въ каждой.

Само собою разумѣется, что столь скромными вкладами на дѣло общественной благотворительности да-

---

типа благотворительныхъ учрежденій, болѣе приличествующихъ каждому монастырю въ отдѣльности. Разрѣшеніемъ этой частной задачи могла бы заняться особая коммиссія, назначенная духовнымъ правительствомъ изъ членовъ отъ монашества, бѣлаго духовенства, синодальнаго управленія и свѣтскаго общества.

леко не исчерпываются излишки монастырскихъ доходовъ: при реорганизаціи монастырскаго быта по общежительному уставу, они, несомнѣнно, въ изобиліи бы направились преимущественно къ этимъ цѣлямъ благотворительности, а такое новое направленіе монастырской жизни отозвалось бы благодѣтельно на населеніи, и не замедлило бы поднять значительно упавшій авторитетъ монастырей до такой высокой степени, на какой онъ стоялъ въ древней Руси.

Вопросъ о приходскомъ духовенствѣ, о его отрицательныхъ и положительныхъ сторонахъ, о его современномъ состояніи и отношеніяхъ къ паствѣ, также настоятельно требуетъ тщательной разработки. Едва ли кто станетъ отрицать вліяніе бѣлаго духовенства на нравы и жизнь народа, и съ этой точки зрѣнія духовенство, какъ оно ни малочисленно по сравненію съ другими сословіями и общественными классами, занимаетъ, и по справедливости должно занимать, видное мѣсто въ государствѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ", вѣщаетъ народная мудрость, и если въ народной жизни замѣчаются тѣ или другія аномаліи прискорбнаго характера, извѣстная доля нравственной за то отвѣтственности падаетъ въ общественномъ сознаніи, между прочимъ, и на духовныхъ пастырей и наставниковъ народа.

Вопросамъ о духовенствѣ и общество, и печать посвящали немало вниманія, но нельзя сказать, чтобы оно было особенно благосклонно и благожелательно. Съ половины прошлаго столѣтія наше такъ называемое образованное общество воспитывалось подъ преимущественными вліяніями иноземныхъ мыслителей, и главнымъ образомъ—французскихъ атеистовъ и утопистовъ; они же и ихъ адепты были и наставниками

юныхъ поколѣній въ большинствѣ зажиточныхъ русскихъ семей, и не мудрено, что русское просвѣщеніе за послѣднія сто лѣтъ отмѣчено крайнею отчужденностью отъ православія, холодностью къ церкви, равнодушіемъ къ религіи и презрительнымъ отношеніемъ къ духовенству.

Да и странно было бы встрѣтить что-либо иное въ воспитанникахъ Дидро, Вольтера, Руссо и прочихъ обаятельныхъ мечтателей XVIII вѣка.

Литература русская не отставала отъ общества, которому служила выраженіемъ, и высокомѣрно-презрительное воззрѣніе на духовенство выражалось въ ней даже на нашей памяти: названіе *семинаристъ* было, въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ, если не ругательнымъ словомъ, то далеко не почетною и лестною кличкой.

Между тѣмъ, знаменитая въ исторіи духовнаго просвѣщенія бурса, излюбленный предметъ насмѣшекъ и общества, и литературы въ теченіе почти цѣлаго вѣка, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, умѣла воспитывать въ своихъ питомцахъ закаленныхъ бойцовъ съ самыми неблагопріятными и суровыми условіями жизни, сообщать имъ одностороннія, правда, не обширныя, но прочныя и вполнѣ законченныя знанія, а иногда выдвигать на поприще общественнаго служенія и такіе умы, какъ Платонъ, Сперанскій и Филаретъ.

Съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка она исчезла безслѣдно, уступивъ мѣсто духовно-учебнымъ заведеніямъ нынѣшняго типа съ духовными академіями во главѣ. Семинаріи новаго образца, отличаясь сравнительно большею мягкостью педагогическихъ нравовъ, въ сущности не измѣнили ея учебныхъ преданій, и если ввели въ свою програму что либо новое, это—преподаваніе на рус-

скомъ языкѣ вмѣсто латинскаго, да сравнительную многопредметность. Послѣдняя, при чрезмѣрной многочисленности учениковъ, вырызилась тѣмъ, что массы молодыхъ людей выходили въ жизнь, не успѣвъ обогатиться прочными познаніями, и съ образованіемъ далеко не законченнымъ, въ громадномъ большинствѣ прямо со школьныхъ скамеекъ, въ возрастѣ 18—23 лѣтъ, поступали на учительство народа, разсѣяваясь по селамъ, посадамъ и уѣзднымъ городамъ въ качествѣ приходскихъ священниковъ и діаконовъ.

На этомъ поприщѣ практической жизни, при условіяхъ далеко не обезпеченной житейской обстановки, постояннаго обращенія въ необразованной средѣ простонародья, не возвышавшей своихъ идеаловъ выше куска хлѣба и сколько-нибудь безбѣдной жизни, большая часть этихъ недавнихъ семинаристовъ, правда, мирилась съ своимъ положеніемъ, скоро входила во вкусъ сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ работъ и заботъ объ урожаѣ, нерѣдко за ними забывая объ истинныхъ цѣляхъ пастырскаго служенія—проповѣдническихъ трудахъ и преподаваніи правилъ вѣры и нравственности, и замыкая жизнь въ через-чуръ тѣсномъ кругѣ домашнихъ мелочныхъ интересовъ.

Но если это обстоятельство препятствовало имъ обогащать свой умъ новыми знаніями, способствовало забывать ранѣе пріобрѣтенныя, мѣшало слѣдить за состояніемъ и успѣхами богословской науки, то отнюдь не лишало ихъ возможности назидать паству и простымъ безхитростнымъ словомъ христіанскаго благочестія, и—еще болѣе—живымъ поучительнымъ примѣромъ своей многотрудной, скромной, непритязательной жизни.

Тѣмъ не менѣе, чрезъ нѣсколько десятилѣтій и об-

щество и правительство признали за неоспоримый фактъ несоотвѣтствіе духовенства вообще, и сельскаго преимущественно, тѣмъ высокимъ нравственнымъ требованіямъ, какія связаны съ его саномъ и служеніемъ. Тогда осуществилась новая реформа духовно-учебныхъ заведеній, съ открытіемъ ихъ дверей для всѣхъ сословій, въ видахъ привлеченія къ духовному просвѣщенію свѣжихъ элементовъ изъ другихъ классовъ общества. Реформа эта, къ сожалѣнію, не уничтожила главнаго зла семинарской программы—ея многопредметности и разнохарактерности, въ результатѣ которой пастыри церкви выходятъ въ жизнь изучивши науки и богословскія, и философскія, и историческія, и словесныя, и математическія, но все это, конечно, изучивши поверхностно.

И если бы дѣятельность православнаго пастыря требовала отъ него непремѣнно и безусловно совершенства въ книжномъ ученіи, то русская перковь должна бы была давно уже признать свое положеніе незавиднымъ: къ счастію, для достойнаго и плодотворнаго прохожденія священнической службы не требуется ни чрезъ мѣру обширной спеціально богословской учености, ни энциклопедическихъ знаній по остальнымъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, но искреннее религіозное чувство, дѣятельная вѣра въ святость своего служенія и духовное проникновеніе своими высокими обязанностями. А эти качества даются не одною ученостью или такъ называемою образованностью, но болѣе духовнымъ просвѣщеніемъ на основѣ догматическаго и нравственнаго христіанскаго ученія, и доступны не однимъ ученымъ богословамъ.

Наилучшее тому доказательство—блестящій успѣхъ церковно-приходскихъ школъ, руководимыхъ и созда-

ваемыхъ тѣми самыми сельскими священниками, которыхъ мнимые новѣйшіе интеллигенты не признаютъ ни достаточно образованными, ни достаточно энергичными. Едва протекло нѣсколько лѣтъ съ той поры, какъ впервые раздался исполненный *довѣрія* къ духовенству призывъ его правительствомъ на поприще народнаго учительства, отъ котораго оно было устранено, какъ оно воспрянуло духомъ и теперь служитъ народу 15,000-ми устроенныхъ имъ при церквахъ училищъ. А такъ какъ вся численность бѣлаго духовенства, и со включеніемъ причетниковъ, не превосходитъ 90,000 душъ, то это значитъ, что $^1/_6$ его часть и теперь уже несетъ на себѣ учительскіе труды; если же брать въ соображеніе однихъ священниковъ и діаконовъ, которые преимущественно и подвизаются на этомъ поприщѣ, то это будетъ значить, что цѣлая $^1/_3$ ихъ общаго числа уже и теперь *подвигомъ добрымъ* подвизается, а пройдетъ еще немного лѣтъ, и съ Божіей помощью, сочувствіемъ общества и содѣйствіемъ и поощреніемъ правительства, и весь личный составъ нашихъ священнослужителей выступитъ на это достойное и почтенное поле практической пастырской дѣятельности *). Вотъ по истинѣ поучительный примѣръ того, что значитъ *нравственное довѣріе*, когда имъ облекаются люди, воспитанные въ твердомъ

---

*) Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ Верховная Власть усиліями одного духовенства разрѣшитъ многотрудный и великій вопросъ, предъ которымъ оказывалось безсильно свѣтское правительство,—вопросъ о всеобщемъ обученіи народа. Но и этимъ далеко не будутъ исчерпаны заботы правительства о его просвѣщеніи: ужасающее нравственное состояніе простонародья, по мѣстнымъ обстоятельствамъ привлеченнаго къ фабричному труду,

сознанiи своего долга и въ живомъ чувствѣ своего призванiя! Стоило лишь Верховной Власти обратиться къ нему съ сочувственнымъ словомъ и порадовать его своимъ довѣрiемъ, и оно сразу поставило изъ своей среды 15,000 народныхъ учителей, приносящихъ на дѣло учительства не только свои знанiя и труды, но, по мѣстамъ, и посильныя матерiальныя жертвы!

И вотъ, между прочимъ, благое указанiе и свѣтскому, и духовному правительству на будущее время: излишествомъ стѣсненiй никогда не достигается и не облегчается никакая практическая цѣль, и всегда деморали-

---

заслуживаетъ также сугубаго вниманiя и сострадания предержащей власти. Если сочтено нужнымъ правительственное вмѣшательство въ административныя, такъ сказать, стороны фабричной жизни, если обращено вниманiе на экономическiя и санитарныя ея условiя, то развѣ нравственныя потребности фабричнаго люда заслуживаютъ меньшаго сочувствiя? Не смотря, однако, на то, что множество фабрикъ представляютъ собою отдѣльныя поселенiя съ сотнями и тысячами жителей, имѣютъ собственныя больницы и школы, доселѣ почти никто и не думалъ собственно о религiозно-нравственныхъ потребностяхъ фабричнаго люда, который всего чаще поставленъ въ невозможность удовлетворять ихъ или за отдаленнымъ расположенiемъ фабрикъ отъ храмовъ Божiихъ, или отъ затрудненiй, представляемыхъ размѣрами ихъ при чрезвычайномъ многолюдствѣ фабричныхъ поселенiй. Неудобства эти не указываютъ ли и свѣтскому и духовному правительству на необходимость озаботиться и этимъ вопросомъ, узаконивъ для владѣльцевъ фабрикъ обязательное устройство при нихъ и содержанiе какъ отдѣльныхъ храмовъ Божiихъ, такъ и потребнаго при нихъ духовенства соразмѣрно численности того или другаго фабричнаго прихода? Горячо настаиваемъ на этой мысли особенно въ виду поистинѣ ужасающаго пониженiя общенародной нравственности въ этихъ рабочихъ общежитiяхъ, также какъ горячо желаемъ, чтобъ этотъ нашъ голосъ не остался гласомъ вопiющаго въ пустыни.

зуются исполнители, призванные своею дѣятельностью споспѣшествовать ея достиженію.

Искони раздаются жалобы на оскудѣніе въ духовенствѣ церковнаго проповѣдничества: правда, между нашими священниками и дьяконами мало Златоустовъ, Платоновъ, Филаретовъ, которые, какъ извѣстно, родятся вѣками; но ихъ и не требуется. Чтобы сказать паствѣ назиданіе отъ чистаго сердца, не нужно ни особо выдающихся ораторскихъ талантовъ, ни обширной богословской учености: нужно лишь твердое знаніе догматическаго и нравственнаго ученія православной Церкви, да искренность внутренняго убѣжденія; и то и другое есть у многихъ священниковъ.

Ставятъ въ вину нашимъ священникамъ и причтамъ ихъ подобострастныя и лицепріятныя отношенія къ богатымъ прихожанамъ и церковнымъ старостамъ: правда, это явленіе почти повсемѣстно существуетъ. Но духовенство ли въ немъ виновато, это еще вопросъ. Съ одной стороны, требовательность, хотя и вполнѣ законная, къ церковному старостѣ, а слѣдовательно и разладъ съ нимъ и съ избравшими его прихожанами— прямо бьютъ весь причтъ по карману, а съ другой— настойчивость этой требовательности встрѣчаетъ нерасположеніе и въ благочинномъ, и въ консисторіи, и, всего чаще, въ самомъ архіереѣ. Какое же нелицепріятіе устоитъ передъ этимъ рядомъ препятствій, и какая независимость духа, сила воли и твердость характера потребовались бы отъ священника для противоборства имъ, особенно при очевидной заранѣе безплодности этой борьбы?

Короче сказать: обстановка, въ которой вынуждены жить и дѣйствовать наши священнослужители, и составляетъ главную причину того кажущагося равноду-

шія къ цѣлямъ своей дѣятельности, въ которомъ ихъ обвиняютъ.

Эта же обстановка виною и тому, что ни расколъ до сихъ поръ не испытываетъ на себѣ сильнаго воздѣйствія православныхъ пастырей, ни иныя многочисленныя секты отъ скопцовъ и хлыстовъ до штундистовъ включительно: для сколько-нибудь ощутительнаго на нихъ воздѣйствія прежде всего необходима умственная и нравственная борьба. А возможна ли какая бы-то ни было борьба со связанными руками, безъ права свободной инициативы?

Впрочемъ, что касается раскола, полагаемъ, что не со стороны духовенства и потребны какія-либо противъ него мѣропріятія. Противораскольническое миссіонерство, какъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ результатовъ публичныхъ со старообрядцами собесѣдованій, представляетъ задачу едва ли благодарную и притомъ для господствующей церкви не лишенную извѣстной доли униженія, соединеннаго съ ущербомъ ея достоинства. Вся эта полемика православнаго духовенства съ наглостію начетчиковъ, съ тупоуміемъ невѣжества, съ нахальствомъ словеснаго шулерничества — скользитъ лишь по поверхности раскола, отнюдь не проникая въ его сокровенныя нѣдра. Туда же едва ли съумѣетъ проникнуть не то что нашъ скромный пастырь церкви, а даже самый завзятый католическій миссіонеръ. Это по истинѣ не только *темное*, но *мрачное* царство религіознаго фанатизма зиждется исключительно на одномъ традиціонномъ невѣжествѣ, и плодотворными мѣрами противъ раскола были бы только мѣры противъ этого раскольничьяго невѣжества. А эти мѣры въ распоряженіи *не* духовенства, а гражданскаго правительства. Оптимисты вѣрятъ, что раскольничій фанатизмъ—во-

просъ не болѣе, какъ трехъ поколѣній: увѣренность въ этомъ пріобрѣла бы еще болѣе основательности, еслибъ, напримѣръ, одновременно съ замѣтнымъ нынѣ упадкомъ религіознаго духа въ самомъ расколѣ, правительство предприняло по отношенію къ старообрядцамъ ту мѣру, о которой давно мечтаютъ истинные доброжелатели русскаго народа, и которой народъ нашъ лишенъ доселѣ. Разумѣемъ обязательное обученіе: пусть каждый старообрядецъ будетъ *обязанъ*, подъ страхомъ ограниченій въ нѣкоторыхъ гражданскихъ правахъ, проводить дѣтей обоего пола, по крайней мѣрѣ, чрезъ приходскую школу *), или обучать по ея программѣ — и разъ эта мѣра будетъ проведена съ надлежащею настойчивостью, дни раскола сочтены, ибо грамотному человѣку, для разочарованія въ старообрядчествѣ, ничего не требуется, кромѣ здраваго смысла, а имъ, наряду со всѣмъ русскимъ народомъ, не обижены и раскольники. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, коренное рѣшеніе двухсотлѣтняго вопроса о нашемъ старообрядствѣ.

Возвращаемся къ приходскому духовенству. Указываютъ на замѣтное среди него отсутствіе иниціативы относительно направленія церковно-приходской жизни: въ этомъ случаѣ, повидимому, повторяется тоже явленіе, какое сказалось и въ дѣлѣ церковно-приходскихъ школъ. Духовное сословіе, безспорно, всегда было способно къ усердному отправленію не весьма

*) Само собою разумѣется, что при вступленіи дѣтей старообрядцевъ въ общія школы, они могутъ быть освобождаемы отъ уроковъ Закона Божія: условіе, при соблюденіи коего старообрядцы, живущіе въ городахъ и столицахъ, не стѣсняются обученіемъ дѣтей не только въ первоначальныхъ училищахъ общаго типа, но и въ высшихъ, и даже въ женскихъ пансіонахъ.

мудреныхъ педагогическихъ обязанностей сельскаго учителя: но разъ отъ нихъ отстраненное, оно опустило руки и заключилось въ вынужденномъ бездѣйствіи. И чтобы возвратить его къ исконнымъ обязанностямъ, потребовался торжественный, исполненный довѣрія призывъ правительства. Не тоже ли самое требуется и относительно этой стороны пастырской дѣятельности? Административнымъ порядкомъ давно утверждено учрежденіе приходскихъ попечительствъ, какъ такого органа, который бы направлялъ дѣятельность прихода къ общеполезнымъ цѣлямъ: между тѣмъ попечительства эти основываются крайне туго и дѣйствуютъ далеко не энергично. Чтобы пробудить въ духовенствѣ ревность къ дѣлу ихъ учрежденія и развитія, не была ли бы полезна мѣра, подобная той, какою созданы 15,000 церковно-приходскихъ школъ?

Всѣмъ извѣстно жалкое состояніе нашей церковно-приходской благотворительности, ограничивающейся призрѣніемъ нѣсколькихъ стариковъ или старухъ въ богадѣльняхъ, гдѣ таковыя существуютъ, тогда какъ тотъ же приходъ содержитъ огромныя толпы нищенскаго люда, кормящагося на его счетъ путемъ попрошайничества; всѣмъ извѣстно ужасное положеніе истинной приходской бѣдности и нищеты, если только онѣ не протягиваютъ рукъ. Извѣстны, рядомъ съ этимъ, и вопіющіе недостатки церковно-приходскаго повседневнаго быта, какъ напримѣръ отсутствіе добропорядочнаго пѣнія *)

*) Вопросъ объ упорядоченіи и улучшеніи церковнаго пѣнія, при сколько-нибудь дѣятельномъ посредствѣ приходскихъ попечительствъ и причта, конечно, не замедлилъ бы самымъ желательнымъ разрѣшеніемъ: по крайней мѣрѣ въ большинствѣ столичныхъ и вообще

и чтенія при церковныхъ службахъ и мн. т. п. Обо всемъ этомъ подумать, все это устранить и привести въ добрый порядокъ нашлось бы и времени и средствъ у каждаго прихода, будь у него правильный и постоянный органъ для заявленія своихъ желаній и нуждъ, и если его нѣтъ, а духовенство своею инниціативой безсильно создать его, то, полагаемъ, и право и долгъ высшаго правительства—озаботиться осуществленіемъ такого органа и вызвать его къ жизни хотя бы чрезвычайнымъ актомъ, посредствомъ спеціальнаго обязательнаго распоряженія.

Въ своемъ мѣстѣ мы высказали подробно свой взглядъ на матеріальное положеніе приходскаго духовенства, назвавъ его если и не блестящимъ, то въ большинствѣ случаевъ достаточнымъ для безбѣднаго существованія. Но это не значитъ, чтобы и вопроса объ улучшеніи его матеріальнаго быта не существовало: напротивъ, онъ существуетъ и настоятельно требуетъ быстрѣйшаго разрѣшенія сколько въ интересахъ самого духовнаго сословія, столько же и въ интересахъ церкви. При полной возможности безбѣднаго существованія, духовенство далеко не въ состояніи дѣлать постоянныя и правильныя сбереженія; къ тому же, и по самому смыслу своего служенія, не должно предаваться ни корыстолюбію, ни скопидомству. Поэтому всего чаще случается,

---

городскихъ приходовъ, средствами гораздо менѣе затрачиваемыхъ теперь на наемъ пѣвческихъ хоровъ, могли бы быть организованы собственные хоры изъ прихожанъ и ихъ дѣтей, конечно, вполнѣ свободные отъ коммерческаго характера и для потребностей одного лишь приходскаго храма. Равнымъ образомъ, дѣятельный причтъ не затруднился бы организаціей такъ называемаго общенароднаго пѣнія, образцы котораго знакомы уже достаточно и Москвѣ и другимъ городамъ.

что священникъ или діаконъ, за старостію или болѣзненностію покидая службу, не имѣютъ, въ буквальномъ смыслѣ, гдѣ голову приклонить и чѣмъ питаться; равнымъ образомъ и смерть, ихъ похищающая, по большей части повергаетъ ихъ вдовъ и сиротъ или въ полную нищету, или въ состояніе, близкое къ ней. Эта мысль, этотъ вѣчный страхъ грядущей нищеты и служитъ едва ли не главнѣйшимъ мотивомъ и корыстолюбивыхъ поползновеній, и скопидомническихъ привычекъ, въ которыхъ нерѣдко обвиняютъ духовенство; поэтому святой долгъ правительства, если оно хочетъ, чтобъ пастырское служеніе духовенства было въ полномъ смыслѣ слова *подвигомъ добрымъ* — избавить его отъ этой гнетущей мысли.

Жизнь каждаго священника, его дѣятельность и отношенія слагались бы иначе, съ большимъ достоинствомъ и независимостью, и потому были бы много плодотворнѣе, если бы онъ, со дня посвященія въ санъ пастыря, былъ увѣренъ, что вопроса о кускѣ насущнаго хлѣба не существуетъ ни для него, ни для его семьи. Само собою разумѣется, что обычныя условія пенсіоннаго вознагражденія здѣсь неприложимы: пенсія составляется самими пенсіонерами, посредствомъ узаконенныхъ вычетовъ изъ опредѣленнаго жалованья, духовенство же въ большинствѣ случаевъ его не получаетъ; затѣмъ и самые размѣры пенсій далеко не сообразуются съ привычными бюджетами пенсіонеровъ, и при томъ опредѣляются большею или меньшею продолжительностію служенія. Обезпеченіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, должно имѣть нѣсколько иной характеръ: 1) оно должно опредѣляться какою-либо общею цифрой, приближающеюся къ средней доходности священнослужительскихъ мѣстъ; 2) оно должно про-

изводиться независимо отъ продолжительности службы священнослужителя, и назначаться немедленно со дня оставленія имъ службы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ удаленъ за какіе-либо пороки или преступленія; 3) но и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ она должна переходить къ его женѣ и дѣтямъ и продолжаться: первой—до ея смерти, вторымъ до окончанія воспитанія, а дочерямъ — до выхода въ замужество; 4) равнымъ образомъ, въ случаѣ смерти священнослужителя, его семейство со дня ея также должно имѣть право на вышеуказанное обезпеченіе. Такимъ образомъ, духовенство будетъ поставлено внѣ страха за будущность свою и своихъ семей, и это не замедлитъ отразиться и на ревности его и заботливости о паствѣ, и на достоинствѣ его служенія, и на характерѣ его церковно-приходскихъ отношеній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдняя реформа духовно-учебныхъ заведеній едва ли можетъ назваться удачною: лучшимъ доказательствомъ того служитъ полное равнодушіе остальныхъ сословій предъ разверстыми для ихъ дѣтей дверями семинарій и духовныхъ училищъ, въ которыхъ и доселѣ большинство учениковъ составляютъ дѣти священно-и-церковно служителей.

И въ самомъ дѣлѣ, настоящая программа семинарскаго образованія, какъ и та, которую она смѣнила, страдаетъ все однимъ и тѣмъ же недостаткомъ многопредметности: въ прямую противоположность учебному плану старинныхъ семинарій, въ которыхъ три класса составляли какъ бы три послѣдовательныхъ факультета—словесный, философскій и богословскій, на общемъ и весьма прочно заложенномъ классическомъ фундаментѣ, нынѣшнія семинаріи одновременно стремятся къ достиженію трехъ разнородныхъ цѣлей: и

классическаго, и общаго, и спеціально-богословскаго образованія, а потому и выпускаютъ юношей, знакомыхъ почти со *всѣмъ*, но поверхностно, и не много знающихъ такъ, какъ бы слѣдовало знать.

Объ этихъ недостаткахъ современнаго духовно-учебнаго образованія давно слѣдуетъ подумать и духовному, и свѣтскому правительству, памятуя, что какъ во многоглаголаніи нѣсть спасенія, такъ и во множествѣ знаній, громоздящихся въ юной головѣ безъ надлежащаго порядка, не много пользы.

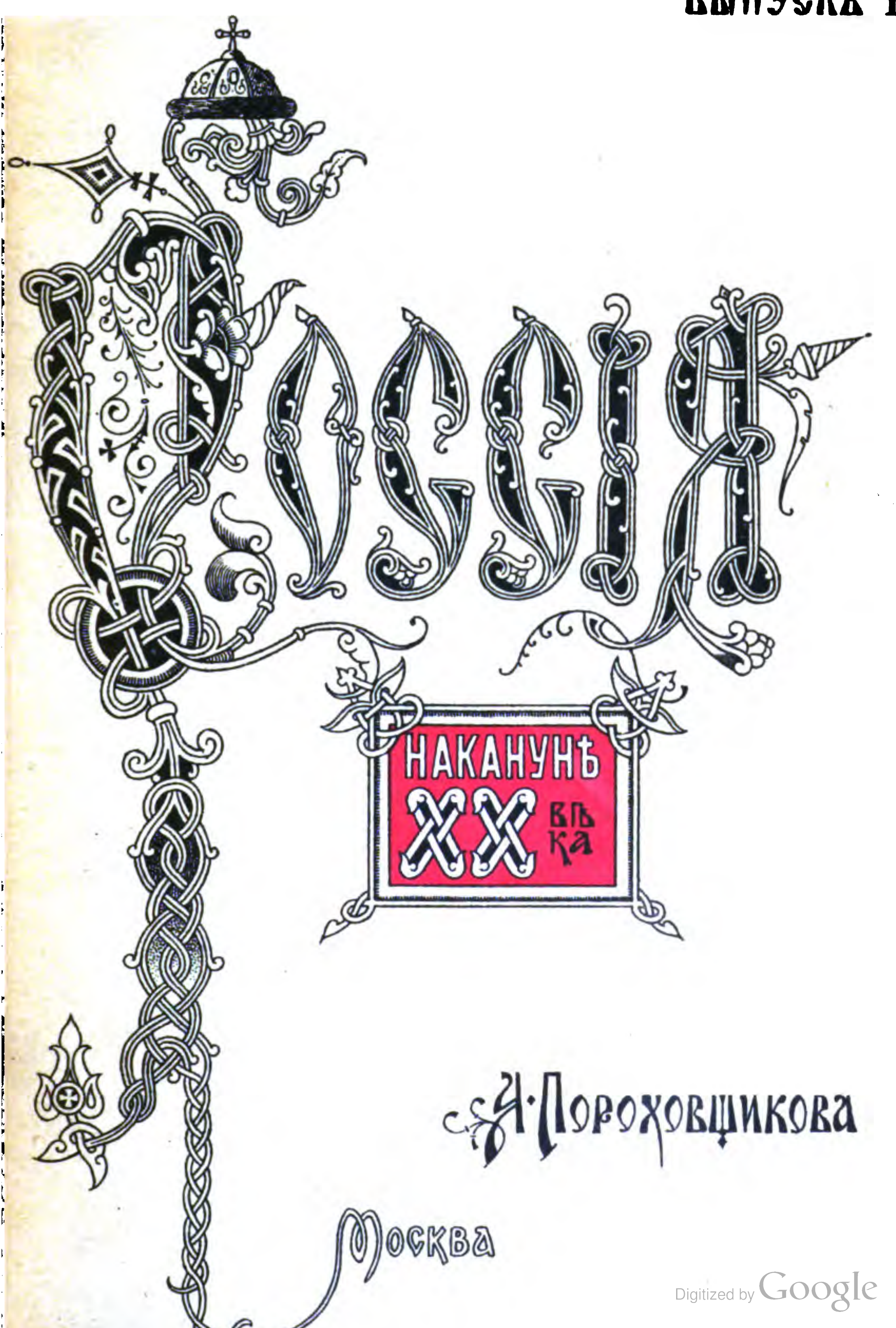
Распространено мнѣніе, будто между высшимъ монашествующимъ духовенствомъ, составляющимъ церковное правительство, и подчиненнымъ ему приходскимъ существуетъ постоянный антагонизмъ и взаимное нерасположеніе, выражающееся гнетомъ перваго надъ послѣднимъ. Едва ли, однако, это справедливо, и во всякомъ случаѣ невѣрно то, будто бы начальники-монахи злоупотребляютъ своимъ исключительнымъ положеніемъ по отношенію къ приходскому духовенству. Вѣрно же лишь то одно, что дѣйствительно епископская власть, представляемая, согласно каноническимъ правиламъ, исключительно однимъ монашествомъ, значительно обособила себя отъ подчиненнаго ей духовенства, и вмѣсто постоянныхъ дружественныхъ съ нимъ отношеній, обусловливаемыхъ общимъ дѣломъ духовнаго пастырства, заключилась въ начальственномъ отъ него уединеніи, и епископъ, или, по значенію этого слова, *блюститель*, надзиратель церкви, ближайшій и благожелательный совѣтникъ пресвитера, мало-помалу превратился въ его начальника, иногда снисходительнаго, иногда грознаго, но *только* начальника... Но къ этому располагали епископскую власть: и естественное чувство внѣшняго превосходства, и различіе

житейской обстановки, и сознаніе великаго значенія епископскаго сана, и безмѣрное уваженіе къ нему народа, и не всегда исправное и достойное поведеніе самого духовенства.

Мы отнюдь не защищаемъ, однако, существующаго порядка отношеній, а лишь поясняемъ его возникновеніе и надѣемся, что рано или поздно эти отношенія освободятся отъ через-чуръ строгой оффиціальности, уступивъ мѣсто болѣе искреннимъ и гуманнымъ, и что епископская власть снизойдетъ до болѣе близкихъ и непосредственныхъ отношеній съ подчиненнымъ ей духовенствомъ, уничтоживъ деморализующее его вліяніе консисторіи, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабивъ его.

Приступая къ общему очерку состоянія Россіи наканунѣ XX столѣтія въ предѣлахъ, принятыхъ нами для каждаго отдѣла нашего труда, въ мѣру доступной намъ свободы слова мы изложили, какъ выводъ многолѣтнихъ наблюденій, пожеланія свои Церкви Православной, признавая въ ней единую, незыблемую, могучую и незамѣнимую силу, двигавшую Русскій народъ за его Верховными вождями во дни минувшихъ испытаній, движущую и имѣющую двигать по дальнѣйшему пути къ предопредѣленной для него Промысломъ всемірно-исторической цѣли.

ВЫПУСКЪ II

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

Москва.

Типографія бр. Huргепъ, Арбатъ, домъ Карийской.

1889.

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

ВЫПУСКЪ I.

Предисловіе.—Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

ВЫПУСКЪ II.

Политическій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

ВЫПУСКЪ III.

Гражданскій строй Русскаго государства.

ВЫПУСКЪ IV.

Экономическія силы Россіи.

ВЫПУСКЪ V.

Просвѣщеніе Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ VI.

Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе русской жизни (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

ВЫПУСКЪ VII.

Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

ВЫПУСКЪ VIII.

Русская печать.

ВЫПУСКЪ IX.

Москва.

ВЫПУСКЪ X.

Историческая миссія Русскаго народа.

Считаемъ долгомъ объяснить причины, замедлившія изданіе настоящаго выпуска: уже при обработкѣ I выпуска мы убѣдились, что ранѣе предположенный для каждаго выпуска незначительный по размѣрамъ объемъ неудобенъ для осуществленія плана нашего сочиненія во всей его полнотѣ.

Приступая къ работамъ по изданію II выпуска, мы настолько утвердились въ этомъ убѣжденіи, что вынуждены были измѣнить даже первоначальный порядокъ сочиненія, выдѣливъ изъ настоящаго выпуска цѣлый отдѣлъ и ограничивъ его разсмотрѣніемъ лишь политическаго строя и вооруженныхъ силъ Россіи.

Вслѣдствіе того гражданскому строю Русскаго государства будетъ посвященъ особый, III выпускъ, и такимъ образомъ все сочиненіе составитъ уже не *девять* выпусковъ, ранѣе объявленныхъ, а *десять*.

II.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе будетъ со II выпуска печататься *безъ* предварительной цензуры, такъ какъ каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ; въ виду сего и подписная цѣна на все изданіе увеличивается съ 6 р. (за 9 выпусковъ) до 8 р. (за 10 выпусковъ) съ доставкой и пересылкой. Увеличеніе это не коснется, впрочемъ, подписокъ уже состоявшихся, и по всѣмъ таковымъ г.г. подписчики получатъ всѣ 10 выпусковъ за прежнюю подписную цѣну.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ

РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

И ЕГО ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ.

Политическій строй Русскаго государства.

Вооруженныя силы Русскаго народа.

II.

Политическій строй русскаго государства.

I.

Самодержавіе, какъ основа русской исторической жизни.

Въ нашей исторической наукѣ существуетъ *quasi*-либеральное направленіе, котораго преимущественною, хотя и не похвальною задачей является — неосновательно скептическимъ отношеніемъ къ повѣствованіямъ нашихъ бытописателей подрывать вѣру въ правдивость тѣхъ или другихъ событій, имѣющихъ связь съ первоначальнымъ возникновеніемъ Русской Державы.

Представители этой мнимо-ученой школы не отступятъ ни предъ какими натяжками, не стѣснятся никакими уловками логики и діалектики для того, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія на то или другое извѣстіе, разъ оно въ благопріятномъ свѣтѣ рисуетъ нравы первобытнаго русскаго народа, обычаи его, образъ мыслей и дѣйствій.

Нечего и говорить, что такой картинный фактъ по-

литическаго разумѣнія, какой обнаруженъ нашими предками въ извѣстномъ ихъ обращеніи къ Варягамъ за князьями — колетъ глаза этой „исторической“ школѣ и своею простотой, и тѣмъ глубокимъ политическимъ смысломъ, какой они этимъ обращеніемъ проявили.

„Идите княжить и владѣть нами: земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ.“ Возможно ли повѣрить — разсуждаютъ наши либералы исторической науки,—чтобы цѣлый народъ сознательно и осмысленно отказался отъ своей политической свободы въ пользу какихъ-то чуждыхъ витязей, выписанныхъ нарочно, по его требованію, изъ-за моря, поступился ради нихъ своими правами и вольностями и самъ озаботился учрежденіемъ вѣчнаго надъ собою господства иноземцевъ?

А посему—заключаютъ они—все повѣствованіе лѣтописца о призваніи Рюрика, Синеуса и Трувора — нелѣпая басня, а не историческій фактъ; заключаютъ, не основавшись на достаточно твердыхъ посылкахъ, не имѣя кѣмъ замѣстить на первыхъ же страницахъ Русской исторіи этихъ выметенныхъ ими изъ ея предѣловъ основателей Руси, и потому начиная ея исторію не съ Рюрика, какъ раньше полагалось, а прямо съ его внука Игоря.

Предоставимъ такихъ либеральныхъ ученыхъ ихъ историческимъ шатаніямъ, которымъ, конечно, трудно и предѣлы указать, и, не входя въ пререканія съ ними о ихъ вандализмѣ надъ важнѣйшими святынями древне-русской исторіи, отнесемся къ послѣднимъ съ тѣмъ почтеніемъ, коего онѣ заслуживаютъ, не говоря уже о ихъ далеко не опровергнутой фактической достовѣрности, уже по одному внутреннему соотвѣтствію съ нравственнымъ складомъ русскаго народнаго пониманія, по нравственной гармоніи съ народными обычаями

и воззрѣніями, и наконецъ—по сходственнымъ съ ними проявленіямъ народной воли въ послѣдующіе, безспорно достовѣрные періоды русской исторіи.

Что можетъ быть естественнѣе, когда народъ, раздѣленный топографическими и климатическими условіями на множество племенъ, но одаренный чуткимъ и сильнымъ инстинктомъ гражданственности, утомленный безконечными племенными распрями и раздорами, отчаявшійся прекратить ихъ естественнымъ путемъ мирныхъ соглашеній, безсильный учредить среди себя порядокъ, чтобы подъ сѣнію его пользоваться изобиліемъ своей великой земли, для осуществленія этихъ элементарныхъ цѣлей человѣческой общественности прибѣгаетъ не къ испытаннымъ уже среди него средствамъ въ образѣ Новгородской вольницы, очевидно не пользовавшейся его нравственными симпатіями, а къ созданію надъ собою сильной, безпристрастной, нелицепріятной власти, чуждой племенныхъ симпатій и антипатій?

Что неестественнаго въ томъ, что народные взоры въ этомъ случаѣ обратились къ витязямъ славнаго въ то время Норманскаго народа, уже показавшаго свои созидательныя государственныя способности и свою настойчивость въ достиженіи политическихъ цѣлей?

Добровольный отказъ отъ своей племенной свободы и кажущейся независимости не свидѣтельствуетъ ли, развѣ, о глубокомъ практическомъ смыслѣ, присущемъ и въ то время разбросаннымъ по необъятному пространству Руси племенамъ, а отказъ въ пользу именно Варяжскихъ иноземцевъ—и о зачаткахъ той по истинѣ великой политической и государственной мудрости, какую проявилъ русскій народъ въ послѣдующемъ строеніи своей Державы?

Инстинктивно жаждая обезпечить себѣ вожделѣнный порядокъ повседневной жизни браздами верховной власти, не желалъ ли онъ, также инстинктивно, застраховать себя и отъ племенной гегемоніи, которая грозила бы его благосостоянію?

Какъ бы то ни было, *народная воля* въ этомъ рѣшеніи ясно высказалась за верховную власть въ смыслѣ единодержавія, и обстоятельства, вскорѣ соединившія властительство надъ Русью въ рукѣ одного Рюрика, какъ нельзя болѣе благопріятствовали такому рѣшенію. И если сами Рюриковичи долго не принимали его въ соображеніе, подѣляя свои владѣнія между всѣми наличными своими представителями, то это было гибельною ошибкой и для нихъ самихъ, и для ихъ новаго отечества: этой ошибкѣ они обязаны всѣми нестроеніями и смутами въ ихъ многочисленномъ родѣ, а Россія тяжкимъ періодомъ удѣльныхъ распрей, политическаго безсилія и монгольскаго ига.

Что же касается народа, то онъ, въ первое время новой династіи очевидно заботясь не столько о ея интересахъ, сколько о сохраненіи обезпечиваемаго ею порядка и благосостоянія, неоднократно высказывалъ свое расположеніе къ единодержавной формѣ правленія, обнаруживая сочувствіе не къ тѣмъ претендентамъ на верховную власть, которые имѣли наиболѣе правъ на нее, а къ тѣмъ, которые, по характеру своей предыдущей дѣятельности, обѣщали твердо держать ее въ своихъ рукахъ и самостоятельнѣе ею пользоваться.

Опуская рядъ случаевъ, когда народъ безмолвнымъ сочувствіемъ освящалъ за тѣмъ или другимъ княземъ единовластіе, достигнутое имъ хотя бы съ нарушеніемъ элементарныхъ требованій справедливости, укажемъ лишь на одинъ случай, когда воля народная

сказалась въ этомъ смыслѣ съ особою настойчивостью.

Это было въ Кіевѣ, престолъ коего слѣдовалъ, по праву, Давиду или Олегу Святославичамъ: но народъ, минуя этихъ законныхъ наслѣдниковъ, шлетъ отъ себя посольство къ Владиміру Мономаху, какъ къ *своему* избраннику, приглашая его занять вакантное княжеское мѣсто. Сидѣвшій въ Переяславѣ Владиміръ, не считая благоприличнымъ садиться на чужое мѣсто, отказывается, но народъ настаиваетъ на просьбѣ. „Князь", зоветъ онъ его: „иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, то знай, что поднимется большое зло..., и ты будешь отвѣчать предъ Богомъ"...

Только послѣ этой усиленной просьбы Владиміръ поспѣшилъ на зовъ народа и сѣлъ княжить въ Кіевѣ.

Чѣмъ же, однако, объяснялось со стороны народа это настойчивое желаніе видѣть своимъ княземъ именно его?

Отчасти, конечно, и тѣмъ, что онъ отличался отъ всѣхъ своихъ родичей и братьевъ полнотою и умственныхъ, и нравственныхъ качествъ; но безспорно, что главнѣйшимъ къ тому основаніемъ была, сравнительно съ другими князьями, большая самостоятельность въ его дѣйствіяхъ, большая наклонность къ единодержавной, ничѣмъ не ограничиваемой верховной власти. Извѣстно, что Владиміръ Мономахъ, какъ и Ярославъ Мудрый, умѣлъ сдѣлать себя главою княжескаго рода, старшимъ членомъ династіи, законодателемъ, писавшимъ уставы для всей Русской земли по единоличному рѣшенію, не спрашивая непремѣннаго согласія удѣльныхъ князей; извѣстно, что и вообще онъ съ ними не особенно церемонился: младшіе члены

династіи считали необходимымъ повиноваться ему какъ дѣти отцу, а непокорныхъ изъ нихъ онъ и наказывалъ, какъ строгій отецъ—отнимая у нихъ удѣлы, которыми они владѣли.

Вотъ эти то именно, такъ сказать, замашки самодержавія, какъ нельзя болѣе отвѣчавшіе идеалу верховной власти, слагавшемуся въ народѣ подъ впечатлѣніемъ то безконечныхъ раздоровъ прежняго, раздробленно-племеннаго существованія, то смѣнившаго ихъ смутнаго времени первыхъ Рюриковичей, и привлекали народныя симпатіи и къ Владиміру Равноапостольному, и къ Ярославу Мудрому, и, въ данномъ случаѣ, къ Владиміру Мономаху, и не разразись надъ тогдашнею Русью, недолго спустя послѣ этого государя, тяжкій ударъ судьбы, выразившійся въ татарскомъ нашествіи и въ порабощеніи иновѣрному и чужеземному игу азіатскихъ деспотовъ, несомнѣнно, что для окончательнаго утвержденія наслѣдственнаго надъ Русью самодержавія достаточно было бы нѣсколькихъ поколѣній.

Промыслъ Божій судилъ иначе: монгольское плѣненіе остановило надолго развитіе Русской политической и государственной жизни, но какъ бы для того именно, чтобы еще прочнѣе укрѣпить въ народномъ сознаніи идею самодержавной власти, отсутствіемъ которой въ роковую минуту татарскаго набѣга въ достаточной степени объяснялась и слабость отпора со стороны разъединенной удѣлами Руси, и тяжесть пораженія, выпавшаго на ея долю, и, какъ результатъ этого пораженія, сравнительно бо́льшая тягость порабощенія.

И когда, послѣ цѣлаго ряда поколѣній, и родившихся и умиравшихъ подъ ненавистнымъ игомъ, Москва, обязанная своимъ возвышеніемъ, между прочимъ, и

традиціонному стремленію къ самовластію или вѣрнѣе къ единовластію своихъ князей, ощутила въ себѣ достаточно силъ за годы рабскихъ униженій, терпѣливо ею перенесенныхъ, отомстить своимъ угнетателямъ честнымъ боемъ въ открытомъ полѣ, и ея смѣлый шагъ увѣнчался успѣхомъ—вмѣстѣ съ тѣмъ пробилъ часъ и послѣднимъ остаткамъ удѣльнаго сепаратизма, вскорѣ уступившаго мѣсто наслѣдственному самодержавію въ лицѣ старшаго представителя династіи Рюриковичей, которая окончательно утвердилась на престолѣ Московскомъ и всея Руси.

Что не только не вопреки народной волѣ, а напротивъ, во исполненіе искреннихъ, всеобщихъ желаній и стремленій народа такимъ образомъ завершилось утвержденіе надъ нимъ политической верховной власти, лучшимъ тому доказательствомъ является вся исторія Московскаго княжества въ періодъ его возвышенія.

Нельзя отрицать того, что политика собирателей Руси была безпощадная и жестокая, чуждая соображеній личнаго человѣколюбія и даже родственнаго чувства, основанная на суровыхъ требованіяхъ государственной необходимости, во первыхъ, на эгоистическихъ интересахъ Московской гегемоніи и личныхъ династическихъ выгодахъ—во вторыхъ.

Нельзя утверждать и того, чтобы съ возвышеніемъ Московскаго княжества надъ остальными удѣльными народная масса сразу ощутила въ своей бытовой жизни значительныя улучшенія или облегченія, которыя могли бы, такъ сказать, подкупать ее нравственно въ пользу московскихъ князей: напротивъ, къ своей удѣльной меньшей братіи являясь и политически жестокосердыми, и часто даже лично несправедливыми, безпричинно притязательными и высокомѣрными, московскіе

князья, нельзя сказать, чтобъ съ особенной заботливостью и благодушіемъ относились и къ своимъ подданнымъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ общественныхъ классовъ.

Что касается прежней княжеской дружины, то ея значеніе, выражавшееся въ самомъ ея названіи, въ Московскомъ княжествѣ радикально измѣнилось: выродившіеся изъ нея бояре, составляя по прежнему придворную знать, считались уже не товарищами своего государя на бранномъ полѣ, не дружественными совѣтниками князя въ дѣлахъ государственныхъ, а вѣрноподданными слугами на основаніяхъ безусловной покорности и полнаго подчиненія, немногимъ чѣмъ отличавшихся отъ личнаго рабства.

Что касается остальныхъ классовъ населенія, то городскіе жители въ эту эпоху строенія *государства*, естественно, и не могли наслаждаться благопріятными условіями прочной *гражданственности*: до гражданскаго ли благоустройства было, когда требовались подати и на государство, и на татарскую дань, и кромѣ того— то и дѣло приходилось трепетать и за имущество, и за женъ и дѣтей, и за собственную жизнь, или жертвовать послѣднею на защиту первыхъ?

Эти же препятствія на пути гражданскаго благосостоянія и преуспѣянія еще рѣзче проявлялись и въ жизни народныхъ массъ, которыя въ это страдное время русской исторіи едва ли и могли представлять что либо, кромѣ матеріала для добыванія средствъ на оплату унизительной дани, на подкупы ордынскихъ временщиковъ и для формированія ратныхъ полчищъ противу татарскихъ нашествій.

Такимъ образомъ, первые начатки самодержавія шли, въ сознаніи русскаго народа, параллельно съ

самыми тяжкими, необычайно суровыми условіями гражданскаго быта — условіями, по видимому, ничуть не благопріятствовавшими его упроченію и утвержденію идеи самодержавія въ народныхъ политическихъ воззрѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, эта идея въ этотъ именно тяжкій періодъ собиранія Руси около Москвы преимущественно и властвовала надъ разумомъ народа, покоряя себѣ сердца русскихъ людей, изнывавшихъ подъ бременемъ многоразличныхъ тягостей, невзгодъ и бѣдствій, такъ что когда, наконецъ, по совершенномъ минованіи ордынскаго ярма, Москва простерла свой суровый скипетръ надъ всею Россіей, раздавивъ не только удѣльныхъ протестантовъ, но и исторически сложившуюся республиканскую вольницу Новгорода и Пскова—эта же эпоха ознаменовалась окончательнымъ торжествомъ наслѣдственнаго самодержавія.

И сколь широко понималъ народъ эту именно форму верховной власти, сколь искренно предался ей, сколь покорно подчинялся всѣмъ не только стѣснительнымъ для его свободы требованіямъ, но и нерѣдкимъ ею злоупотребленіямъ—не лучше ли всего доказываетъ примѣръ Іоанна IV, который ни разнообразіемъ пороковъ, гнѣздившихся въ немъ, ни безчисленнымъ множествомъ кровавыхъ ужасовъ, звѣрствъ и преступленій, омрачавшихъ каждый день и чуть не каждый часъ его жизни, не возбудилъ въ своихъ подданныхъ ни презрѣнія, ни отвращенія, ни ненависти къ себѣ, и лишь названіемъ „Грознаго“ народъ обозначилъ въ своей памяти его имя? И инстинктивная сдержанность даже языка народнаго въ обозначеніи характеристическихъ свойствъ Грознаго царя не служитъ ли наилучшимъ доказательствомъ почтенія, благоговѣнія и любви народной къ тому принципу

самодержавной власти, вѣнчаннымъ представителемъ и выразителемъ котораго являлся Іоаннъ IV? А безъ этихъ чувствъ почтенія, благоговѣнія и любви развѣ мыслимы были бы тѣ снисходительность и долготерпѣніе, съ какими народъ переносилъ его многоразличныя неистовства, не отзываясь на нихъ ни возмущеніями, ни раздраженіемъ, ни даже проявленіями недовольства? Народъ, очевидно, инстинктивно понималъ, что достоинство самодержавной власти въ существѣ ея отнюдь не умаляется тѣмъ прискорбнымъ обстоятельствомъ, что временно и случайно она можетъ дѣлаться достояніемъ людей, не вполнѣ ея достойныхъ, и что временный и случайный ущербъ, наносимый послѣдними идеѣ самодержавія, съ лихвою восполняется тою полнотой и широтой благотворнаго воздѣйствія, которое присуще самодержавію, когда оно сосредоточивается въ лицѣ, сознающемъ и высоту своего положенія, и глубину своей нравственной отвѣтственности предъ Богомъ, своею совѣстью и народомъ.

Что такое воззрѣніе проникло, такъ сказать, въ плоть и кровь народа—доказывается неоднократно послѣдующею его исторіей.

Кто бы помѣшалъ народу ввести, какія бы ни были ему желательны, ограниченія верховной власти въ государственное право Россіи, напримѣръ, послѣ междуцарствія, при основаніи новой династіи? И однакожъ никому изъ русскихъ людей и на умъ не вспало торговаться съ своимъ избранникомъ о своихъ правахъ и его обязанностяхъ, хотя, быть можетъ, поводы къ тому и нашлись бы не лишенные нѣкотораго основанія: высшій классъ народа—бояре—далеко не успѣли къ тому времени примириться съ новосозданнымъ жизнью положеніемъ своимъ при особѣ государя,

положеніемъ, въ силу коего они de facto и de jure превратились изъ притязательныхъ дружинниковъ въ покорныхъ слугъ и *нижайшихъ холопей*, не смотря на то, что въ значительной части своей происходили отъ Рюрика и Гедимина; низшій классъ, крестьяне—также едва ли могли примириться съ знаменитымъ въ русской исторіи Юрьевымъ днемъ, положившимъ начало и основаніе крѣпостной зависимости и личному рабству, едва ли пріятному для массы крестьянскаго населенія.

Обращаясь къ внуку народнаго избранника, великому реформатору Россіи, Петру I, не видимъ ли мы во всей системѣ его преобразованій, въ ихъ духѣ и подробностяхъ ихъ осуществленія, именно торжества неограниченно-самодержавной верховной власти?

Чтобы поставить стремленія своей единоличной воли, высказывавшейся постоянно и откровенно въ разрѣзъ съ самыми любезными народу воззрѣніями, преданіями и обычаями, шедшей всегда почти противъ самыхъ священныхъ народныхъ вѣрованій, непреложнымъ закономъ для милліоновъ этого народа—едва ли бы хватило даже той упорной настойчивости и непреклонной энергіи, которыя составляли отличительныя черты въ великомъ характерѣ Петра, еслибъ его воля и энергія не находили себѣ могущественной поддержки въ самомъ народѣ: къ счастію для Петра и, безъ сомнѣнія, для Россіи—и противъ козней сестры-царевны, и противъ стрѣлецкихъ возмущеній, и противъ глухаго ропота приверженцевъ старины, и противъ фанатическаго антагонизма старообрядцевъ, онъ имѣлъ непобѣдимымъ оружіемъ—искреннее вѣрованіе народа въ святость верховной власти, въ священное достоинство боговѣнчаннаго самодержца, предъ волею котораго достоитъ преклониться даже и волѣ всего народа.

Не этому ли именно спасительному народному вѣрованію обязана Россія тѣмъ счастливымъ обстоятельствомъ, что даже и ненавистныя значительной части населенія новшества, связанныя съ немалымъ отягощеніемъ народной массы, не поколебали въ народѣ ни преданности къ царю, ни покорности его велѣніямъ, какъ бы ни расходились послѣднія съ понятіями и воззрѣніями народа, какъ бы ни были оскорбительны его преданіямъ и обычаямъ?

Говорить ли о тѣхъ случаяхъ ближайшаго къ намъ времени, когда народъ свидѣтельствовалъ свою вѣру въ священный принципъ самодержавія, оставаясь глухъ къ льстивымъ увѣреніямъ въ необходимости его устраненія или ограниченія, и посрамляя своимъ пассивнымъ отношеніемъ ухищренія льстецовъ, внушавшихъ эту измѣну его традиціоннымъ политическимъ убѣжденіямъ?

Не забавенъ ли эпизодъ, сопровождавшій вступленіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны, племянницы Великаго Петра? Неопытная ни въ политическихъ дѣлахъ, ни въ придворныхъ интригахъ претендентка уже дала согласіе на конституціонныя ограниченія своей самодержавной власти, настойчиво требовавшіяся отъ нея немногочисленною, но много въ ея глазахъ значившею партіей царедворцевъ, которые изъ своего знакомства съ Европой съумѣли извлечь лишь рабское поклоненіе чуждымъ Россіи правительственнымъ формамъ, да высокомѣрное презрѣніе къ священнымъ завѣтамъ своей исторіи: русской самодержавной власти грозила серьезная, неминуемая бѣда, еслибъ отъ нея не спасла излюбленную народомъ форму правленія — кто бы могъ подумать? — горсть гвардейскихъ солдатъ, занимавшихъ караулы во дворцѣ. Бравые, честные гвардейцы, не потерявшіе подъ своими европейскими мундирами ни народнаго по-

литическаго смысла, ни исторического инстинкта, провѣдавъ о готовившемся поруганіи надъ величайшею политическою святыней Русскаго Царства, возстали противъ него, силою своего вліянія ободрили претендентку, и въ результатѣ получился отказъ ея отъ обѣщанныхъ ею уступокъ и воцареніе на тронѣ своего незабвеннаго дяди въ томъ же лучезарномъ блескѣ неограниченнаго самодержавія.

Извѣстны смуты, сопровождавшія вступленіе на престолъ императора Николая Павловича: вопросъ о престолонаслѣдіи, мирно разрѣшенный въ нѣдрахъ царственнаго семейства, послужилъ тогдашнимъ ворамъ земли Русской удобнымъ предлогомъ къ возбужденію въ обществѣ и арміи такъ называемыхъ конституціонныхъ идей. Лучше ихъ понимая народъ свой, юный царь-герой маніемъ державной руки разсѣялъ смутную агитацію, подробности которой, при разслѣдованіи, оказались даже не лишенными комизма. Такъ, выяснилось, что заговорщики, измѣннически служившіе безсмысленной агитаціи, внушая народу и войску конституціонныя вожделѣнія, приказывали имъ, при наступленіи въ томъ надобности, единогласно требовать отъ правительства *конституціи*. А такъ какъ православному русаку того времени не могло быть понятно такое мудреное слово, да и растолковать его значеніе и смыслъ возможности не представлялось, то онъ и оставленъ былъ своими учителями въ заблужденіи о томъ, будто конституція не иное что, какъ Константинова жена. Послѣднее было много понятнѣе, тѣмъ болѣе, что конституціонныя затѣи тогдашнихъ измѣнниковъ ими самими были поставлены въ связь съ требованіями, чтобы на престолъ Россіи, вопреки собственной волѣ, возшелъ только что добровольно

отрекшійся отъ него великій князь Константинъ Павловичъ.

Такъ комично разрѣшились оба эти покушенія на историческую основу нашего государственнаго строя, именуемую самодержавіемъ, основу, излюбленную народомъ, освященную церковію, незыблемо укрѣпленную тѣми успѣхами на всѣхъ поприщахъ политической и общественной жизни, которымъ дивятся и завидуютъ старшіе братья Русскаго народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что если и на будущее время не избудутъ воры на землѣ Русской, народъ всегда будетъ оказывать имъ точно такой же пріемъ, какъ и доселѣ, пока, наконецъ, они не убѣдятся, что несокрушимое самодержавіе Русскихъ вѣнценосцевъ не способно подаваться предъ забавными противъ него покушеніями ничтожныхъ пигмеевъ политическаго суемудрія, какъ и впервые насажденное на русской почвѣ, и утвержденное на ней не одними усиліями правителей, не однимъ случайнымъ расположеніемъ политическихъ обстоятельствъ, но многократно и настойчиво заявленною *волею* самого Русскаго *народа*.

II.

Прочность политическихъ учрежденій, какъ залогъ государственнаго могущества.

„О вкусахъ не спорятъ“ — говоритъ пословица всемірная; „что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“ — свидѣтельствуетъ пословица русская, а другая прибавляетъ: „сколько головъ, столько умовъ“.

Если обобщить эти правила практической мудрости и приложить ихъ ко всей совокупности племенъ и народовъ, составляющихъ человѣчество, станетъ понятнымъ различіе формъ, въ какихъ проявляется политическая, государственная и общественная жизнь каждаго народа. Какъ въ области частной жизни внимательное наблюденіе можетъ открыть въ каждой семьѣ, въ каждомъ сожительствѣ нѣсколькихъ людей особый строй повседневной жизни, особый характеръ хозяйственныхъ и прочихъ распорядковъ, особыя, имъ только свойственныя привычки и вкусы — такъ и въ несчетной семьѣ, именуемой родомъ человѣческимъ, каждая національная, племенная, политическая единица блещетъ своими особенностями, ей одной свойственными, начиная съ языка и религіи, продолжая обычаями и вкусами, и кончая политическими и гражданскими учрежденіями, обезпечивающими болѣе или менѣе правильное теченіе общественной и частной жизни. И чѣмъ

оригинальнѣе, крѣпче, прочнѣе и надежнѣе организмъ той или другой такой единицы, тѣмъ болѣе своеобразны особенности ея быта, нами указанныя, тѣмъ дороже они для общества ,составляющаго эту единицу, тѣмъ необходимѣе для нормальнаго теченія его жизни.

Франція отъ Германіи отличается и языкомъ, и религіей; но далеко не ими одними: не менѣе отличается она и національною одеждой, и національными вкусами, и національными яствами и питьями, и народными нравами и обычаями, и всѣмъ вообще разнообразіемъ предметовъ и отправленій, изъ которыхъ слагается человѣческая жизнь во всемъ многоразличіи ея проявленій.

Еще болѣе отличается и отъ первой, и даже отъ второй—Англія, несмотря на то, что исповѣдуетъ одно и тоже протестантство, какъ и Германія: складъ всей англійской жизни представляетъ собою, во всѣхъ подробностяхъ ея учрежденій и зиждущагося на нихъ повседневнаго быта, явленіе совершенно отличное отъ того, какое представляется первыми двумя.

Въ свою очередь, второстепенныя европейскія національности: испанская, италіянская, шведская и датская—несмотря на свое первоначальное, отражающееся даже въ ихъ языкѣ, сродство у однихъ съ Франціей, у другихъ съ Германіей — представляютъ собою, какъ въ общемъ такъ и въ частностяхъ, совершенно особые національные типы, поразительно разнящіеся и отъ французскаго, и отъ германскаго.

Что касается Россіи — особность ея національнаго типа отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ народностей выражается еще несравненно рельефнѣе и потому, что она сравнительно недавно приняла участіе въ общеевропейской культурной жизни, и проявляется рѣшительно во всемъ: въ религіи и ея обрядностяхъ, въ

языкѣ и его литературѣ, въ народныхъ обычаяхъ и вкусахъ, въ покроѣ платья, въ общеупотребительныхъ яствахъ и питьяхъ, и т. д. т. п. Все это такъ очевидно и понятно, что не заслуживаетъ подробныхъ разъясненій и разсужденій, тѣмъ болѣе, что и самъ нашъ народъ, въ извѣстной поговоркѣ своей: „что русскому здорово, то нѣмцу—смерть“, коротко и ясно засвидѣтельствовалъ свою національную особность отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, а въ лицѣ ихъ и отъ остальныхъ европейскихъ народовъ.

И чѣмъ эти особенности, присущія каждой національности, съумѣвшей и успѣвшей исторически выразить свой духъ и характеръ, рельефнѣе и постояннѣе, тѣмъ и національность устойчивѣе и живучѣе: Англія тѣмъ и крѣпка, что не только умѣла сохранить, какъ святыню, свои обычаи, но и продолжаетъ охранять ихъ чуть не фанатически. На оборотъ, Франція, вѣчная страна моды, а слѣдовательно и всевозможной новизны, легкомыслія и непостоянства, этими именно свойствами и успѣла ослабить самое себя до того далеко не блестящаго положенія, въ какомъ теперь находится, послѣ того величія, коимъ не разъ удивляла Европу въ теченіе своей многовѣковой славной исторіи.

Къ разряду такихъ особенностей того или другаго національнаго типа относятся, безъ сомнѣнія, и политическія учрежденія каждаго народа, какъ могущественнѣйшіе, наравнѣ съ религіей и языкомъ, факторы народной жизни. И чѣмъ опредѣленнѣе выработаны исторіей народа эти его учрежденія, тѣмъ его положеніе прочнѣе, его силы крѣпче, его сознаніе яснѣе: пусть философы и ученые, разсматривая съ разныхъ сторонъ достоинства и недостатки различныхъ поли-

тическихъ учрежденій, однимъ изъ нихъ отдаютъ преимущество, какъ наиболѣе совершеннымъ, другія признаютъ посредственными, третьи бракуютъ какъ вовсе негодныя. Для народа первѣе и важнѣе всего—чтобы эти учрежденія были созданы *ею волей*, выработаны *ею* собственнымъ историческимъ *трудомъ*, составляли *ею* историческое *наслѣдіе*.

Великій народъ Новаго Свѣта избралъ, съ первыхъ же дней своего политическаго существованія, республиканскую форму политическихъ учрежденій: что бы ни стали возражать противъ нея, сколь бы ни были справедливы и основательны эти возраженія, но Соединенные Штаты составляли и теперь составляютъ республику, которой не прочь позавидовать большинство государствъ и народовъ. А Францію, страну исконно-монархическую, посмотрите, до чего довела таже самая республиканская форма политическихъ учрежденій, надѣтая на народныя плечи по чужой рекомендаціи и по чуждымъ народу образцамъ!

Конституція Соединенныхъ Королевствъ возбуждаетъ противъ себя много весьма нелестныхъ отзывовъ, и въ ней дѣйствительно, пожалуй, больше недостатковъ чѣмъ достоинствъ, болѣе логическихъ несообразностей, чѣмъ здраваго смысла: но это не мѣшаетъ англійскому народу, подъ сѣнію своихъ несовершенныхъ конституціонныхъ учрежденій, пользоваться извѣстною степенью благосостоянія и преуспѣвать на многоразличныхъ поприщахъ гражданскаго быта по той простой причинѣ, что его конституція, отъ перваго до послѣдняго слова, есть его собственный трудъ, результатъ всей его исторіи, тогда какъ тѣ народы и народцы, которые, изъ рабской подражательности, нарядили свои политическія учрежденія въ подобную

англійской форму, не знаютъ что съ нею дѣлать, куда ее дѣвать и чѣмъ замѣнить, и если терпятъ, не смотря на всю ея для нихъ непригодность, то развѣ только за неимѣніемъ, что бы поставить на ея мѣсто.

Неограниченное самодержавіе, и Промысломъ Божіимъ, и *волею* самого *народа* предназначенное быть единственною, цѣльною формой политическаго существованія Россіи, подвергается наибольшимъ и ожесточеннѣйшимъ нападкамъ ея враговъ и завистниковъ, а съ ихъ голоса—и ея недостойныхъ сыновъ, которые измѣняютъ преданіямъ своей исторіи и здравому смыслу въ угоду теоретическимъ измышленіямъ мнимо-либеральной, въ существѣ же только лишь слѣпо-разрушительной философіи. Въ слѣдующей главѣ мы постараемся обрисовать сущность и сравнительныя достоинства каждой изъ указываемыхъ формъ политической жизни народныхъ организмовъ, теперь же ограничимся лишь слѣдующими соображеніями.

Пусть вольные мыслители либеральнаго направленія громятъ неограниченно-самодержавную форму верховной власти модными кличками азіатскаго деспотизма и абсолютизма, пусть объявляютъ ее несоотвѣтственною кореннымъ началамъ общественной жизни и основнымъ требованіямъ человѣческаго разума: но ее, худо ли хорошо ли, создалъ самъ *народъ*, за ея развитіемъ тщательно слѣдилъ, отъ какихъ-бы то ни было искаженій ревниво ее оберегалъ—и если такъ относился къ ней еще въ тѣ времена, когда былъ незначительнымъ, полудикимъ народомъ, то теперь ли, когда ему минуло тысячу лѣтъ, когда, подъ сѣнію этой власти, онъ достигъ и политическаго величія, и всемірной славы, и сравнительнаго съ прошлымъ благосостоянія, теперь ли ему сбрасывать съ себя ее? И сбрасывать для того, чтобъ

съ барскаго плеча отживающихъ или пережившихъ себя государствъ надѣть на себя, напримѣръ, конституціонную мантію, достаточно полинявшую и износившуюся за послѣднее время даже и въ тѣхъ государствахъ, которыя издавна сжились съ ней?

Говоря сравненіями, не значило ли бы это — русскому крестьянину снять традиціонный овчинный тулупъ и облечь себя марсельскою блузой? Или не похоже ли бы это было на то, какъ еслибъ свои щи и кашу онъ промѣнялъ на германскую чечевичную похлебку или итальянскія макароны, а англичанинъ свой ростбифъ на турецкій пилавъ или гороховую колбасу? Нѣтъ сомнѣнія, что каждое изъ названныхъ одѣяній имѣетъ и свои достоинства, и свои неудобства; каждое изъ названныхъ блюдъ можетъ удовлетворять и вкусъ, и аппетитъ. Но, спрашивается, какая же надобность человѣку въ здравомъ разсудкѣ, живущему въ климатѣ, гдѣ и овчина не всегда гарантируетъ тепло, бросать ее ради сквозной блузы? Или, при изобиліи капусты и гречневой крупы, привычныхъ и здоровыхъ для желудка, обременять его такими снѣдями, съ которыми ему придется еще свыкаться, да быть можетъ и безуспѣшно?

Продолжимъ сравненія: отечество наше нерѣдко, въ злобныхъ шуткахъ, сравниваютъ съ бѣлымъ медвѣдемъ подвластныхъ ему полярныхъ странъ; примиримся съ этимъ сравненіемъ и остановимся на немъ: что же, есть ли смыслъ этому медвѣдю, презрѣвъ естественныя условія своей жизни, незыблемыя и неизмѣнныя отъ ея начала, бросаться въ океанъ, чтобы извѣдать тамъ обстановку, въ какой живутъ киты и акулы?

Да и вообще: форма верховной власти, управляющей тѣмъ или другимъ народнымъ организмомъ, какая бы

она ни была—такая ли незначительная вещь, чтобы ее можно было замѣнить другою всякій разъ, когда это взбредетъ на умъ нѣсколькимъ головамъ, запутавшимся въ паутинѣ либеральныхъ идей?

Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: наблюденіе надъ исторіею народовъ показываетъ, что ни съ чѣмъ народный организмъ такъ тѣсно не сживается, ни съ чѣмъ такъ крѣпко, неразрывно не сочетавается, какъ съ выработанною имъ формою верховной власти.

Примѣръ той же Франціи показываетъ печальную судьбу народа, измѣняющаго этой формѣ ради другой: чѣмъ кончилось въ этой легкомысленной странѣ двукратное республиканское безуміе, какъ не возвращеніемъ ея къ той же монархіи, которую оба раза ниспровергали для того, чтобы на ея мѣстѣ возрастить республиканскія политическія учрежденія? Да и теперь, по предсказаніямъ опытныхъ въ политикѣ людей, третьей республикѣ не сегодня завтра готовится смертный приговоръ, за которымъ, по французскому обычаю, появится узурпаторство, а затѣмъ уже и вновь монархическое правительство.

Изъ этого прискорбнаго примѣра никакъ не слѣдуетъ, чтобы было нужно подражать ему: напротивъ, каждый здравомысленный человѣкъ убѣдится, что форма правленія—та или другая, съ тѣми или другими недостатками и неудобствами, разъ она *сжилась* съ народнымъ организмомъ и укрѣпилась въ немъ, а онъ *сроднился* съ ней—должна быть оберегаема, какъ драгоцѣннѣйшее достояніе народа, какъ историческая святыня, какъ надежный залогъ правильнаго развитія народной жизни, отъ всякихъ покушеній на ея сущность и достоинство, отъ всякихъ измѣненій въ ея исторически выразившемся характерѣ.

Къ счастію для Россіи, ея народъ, съ первыхъ же шаговъ своего политическаго бытія, ясно уразумѣлъ эту святую истину, незыблемо утвердился въ ней и бережетъ ее какъ священный завѣтъ всей своей исторіи—и не мудрено, что Россія, въ сравнительно короткій періодъ нѣсколькихъ столѣтій, возвысилась до такой степени могущества и силы, что составляетъ постоянный предметъ обще-европейской злобы и зависти, выражающихся хотя бы въ томъ, что каждый политическій авантюристъ, начиная съ Наполеона I, считаетъ неизбѣжнымъ и вожделѣннымъ вѣнцемъ своихъ политическихъ похожденій—борьбу съ сѣвернымъ колоссомъ и ниспроверженіе его, при чемъ первая осуществляется, а второе—остается недостижимою цѣлью, посрамляющею самыя напряженныя усилія всей Европы.

III.

Самодержавіе въ ряду другихъ политическихъ учрежденій.

Въ настоящее время какъ Европа, такъ и весь міръ знаютъ три формы политическихъ учрежденій: республиканскую, конституціонную и самодержавную. Благо народу, когда онъ крѣпко держится той изъ нихъ, которая выработана его исторіей, но конечно еще счастливѣе тотъ, на долю коего выпало — выработать ту изъ этихъ формъ, которая наиболѣе совершенна. Какая же изъ нихъ ближе къ совершенству, этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ разсмотрѣніемъ каждой изъ нихъ по существу.

Когда политическія учрежденія требуются для народа, по самому происхожденію своему неспособнаго къ возвышеннымъ чувствамъ взаимнаго довѣрія и напротивъ, по обстоятельствамъ своей предшествовавшей жизни склоннаго къ ревнивому охраненію своихъ правъ и своей свободы и къ подозрительности относительно возможныхъ покушеній на оныя, нѣтъ сомнѣнія, что ему болѣе приходятся по душѣ учрежденія республиканскія, которыя дозволяютъ всѣмъ управляться посредствомъ немногихъ, и при этомъ слѣдить по пятамъ другъ за другомъ. На этихъ соображеніяхъ основалась великая Заатлантическая республика, созданная народомъ, ядро котораго образовалось изъ отбросовъ англійскаго государства, во время оно выселявшихся изъ Великобританіи за океанъ по тѣмъ же причинамъ, по какимъ и доселѣ совершаются всевозможныя переселенія, т. е. по несоотвѣтствію той или другой страны наклонностямъ выселяющихся, или по ихъ несоотвѣтствію обычаямъ и характеру своей земли.

Само собою разумѣется, что люди, въ свое время покинувшіе государство, управляемое конституціонно-монархическою династіей, не могли питать особыхъ симпатій къ его политическимъ учрежденіямъ, и ужъ конечно не стали повторять ихъ въ устроеніи собственнаго государства, тѣмъ болѣе что ни исторіи, ни исторической династіи за собою не имѣли. Да и по своимъ нравственнымъ свойствамъ, вырабатывавшимся путемъ наслѣдственности отъ переселенческой вольницы, они отнюдь не были склонны ни къ излишнему повиновенію власти, ни къ излишнему смиренію предъ формализмомъ законовъ, а отличались, напротивъ, грубоватымъ свободолюбіемъ, весьма часто переходящимъ въ раз-

нузданное своеволіе, чрезмѣрною широтою взглядовъ и смѣлостью пріемовъ какъ въ политической, государственной, такъ и въ общественной, и въ частной жизни. Такимъ гражданамъ и не по вкусу, и даже не по плечу была бы перспектива точно и подробно формулированной государственной и общественной дисциплины, связанной, притомъ, съ личнымъ подчиненіемъ единодержавной и къ тому же безсмѣнной, постоянной власти, которую и вручить кому-либо не представлялось ни случая, ни основаній.

Швейцарская республика обязана своимъ существованіемъ, среди колоссальныхъ по сравненію съ ней монархическихъ государствъ, отчасти топографическимъ условіямъ, окружающимъ ничтожные по размѣрамъ отдѣльные кантоны, условіямъ, препятствовавшимъ болѣе тѣсному соединенію ихъ между собою на началахъ монархической власти, отчасти отсутствію претендентовъ, которые бы пожелали захватить эту власть надъ ничтожнымъ народцемъ въ свои руки, болѣе же всего филантропическому, по отношенію къ республикѣ, снисхожденію главнѣйшихъ государствъ Европы, которыя, какъ особую милость швейцарскому народу за его прославленныя добродѣтели, гарантировали ему политическую независимость и неприкосновенную цѣлость его республиканскихъ учрежденій. Что же касается самого населенія Швейцаріи, ни откуда не видно, чтобъ оно чрезмѣрно дорожило своею формой правленія, въ которой, повидимому, и цѣнитъ главнымъ образомъ ея простоту и дешевизну, да развѣ историческую давность, хотя отъ нея, впрочемъ, и не замѣчается никакихъ особыхъ для швейцарскаго народа политическихъ выгодъ. Во всякомъ случаѣ, республика Швейцарская — не болѣе какъ полити-

ческая игрушка, которую, при малѣйшемъ колебаніи политическаго равновѣсія, способенъ раздавить ногой, даже неумышленно, любой изъ ея сосѣдей; быть гражданиномъ такого игрушечнаго государства едва ли слишкомъ лестно, а по его политическимъ учрежденіямъ судить о достоинствѣ республиканской формы правленія едва ли основательно.

Для сей цѣли много пригоднѣе республика французская, созданная на нашихъ глазахъ, принявшая народъ изъ душившихъ его объятій узурпаторской монархіи, и сулившая ему, подъ сѣнію своихъ учрежденій, и блага мира, и исцѣленіе отъ нравственныхъ язвъ Наполеоновскаго режима, и политическое возрожденіе, и возстановленіе поруганной иноземнымъ насиліемъ національной чести.

Два десятилѣтія французскій народъ изнемогаетъ подъ впечатлѣніями этихъ посуловъ, а Европа недоумѣваетъ передъ дѣйствительностью, которая отнюдь ихъ не оправдываетъ. Наблюденія надъ жизнью юной республики показываютъ, что она текла въ направленіи наиболѣе нормальномъ только тогда, когда надъ республиканскими учрежденіями парила чья-нибудь единоличная, пусть не фактическая, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная нравственная власть. Такъ было во времена Тьера, этого замѣчательнаго государственнаго мужа, достойнаго составить честь и славу любой страны; такъ было во времена Гамбетты, этого смѣлаго авантюриста по существу, но вмѣстѣ и дѣятеля, не лишеннаго политическаго такта и практическаго смысла, дѣятеля, способнаго, поживи онъ побольше, прочнѣе привязать къ себѣ французское малодушное легковѣріе. Такъ будетъ, безъ сомнѣнія, и при будущемъ, уже намѣченномъ обстоятельствами нравст-

венномъ вождѣ французскаго народа, теперь изгнанномъ его бездарными, но властолюбивыми узурпаторами.

Только этими тремя лицами, собственно говоря, и исчерпывается вся исторія французской республики, и если два изъ нихъ не слишкомъ много сдѣлали и для себя, и для республики, то это потому: 1) что Тьеръ былъ глубоко честный человѣкъ, лично ничего не искавшій, кромѣ общаго блага, да притомъ и престарѣлый, съ угасавшими и наконецъ угасшими силами; 2) что Гамбетта совершенно неожиданно и для себя, и для своей страны былъ похищенъ смертію на самомъ яркомъ разсвѣтѣ своей политической карьеры. Что именно сдѣлаетъ третій, увидимъ въ ближайшемъ будущемъ, но что онъ способенъ сдѣлать многое, въ томъ убѣждаютъ сами его противники, столь громко бьющіе тревогу и столь безтактно вѣнчающіе его славнымъ вѣнцемъ страдальца-изгнанника за народъ свой.

Во всякомъ случаѣ, ни одному изъ нихъ не удалось хотя бы въ ничтожной мѣрѣ осуществить надежды, возлагавшіяся на республику при ея возрожденіи, и послѣ каждаго изъ первыхъ двухъ, кромѣ того, страна погружалась въ безъисходный мракъ, становясь жертвою бездарности и безсовѣстности, игралищемъ политическихъ партій, ареною недобросовѣстной политической игры республиканцевъ, монархистовъ, бонапартистовъ, легитимистовъ, орлеанистовъ и т. д. Результатомъ этого явилась странная и страшная для народныхъ судебъ раздробленность національнаго патріотизма, который въ розницу высказывается и за республику, и за монархію, и даже за бурбоновъ, за орлеановъ, бонапартовъ, а оптомъ едва ли представляетъ собою что-либо опредѣленное и осязательное.

Выгодно ли для народа, для его настоящаго благополучія и будущаго преуспѣянія, подобное положеніе, которое въ общежитіи обозначается безнадежно-грустнымъ выраженіемъ: „день да ночь—и сутки прочь"? Положеніе, искусственно ослабляющее и внѣшнюю политику государства, и внутренній порядокъ повседневной жизни; состоящее въ фокусничествѣ безсильнаго правительства съ народомъ, да въ борьбѣ его то съ различными политическими партіями, при чемъ оно само унижается до положенія партіи, то съ тѣми или другими выходцами изъ этихъ партій, политическими авантюристами и карьеристами, рѣдко добросовѣстными благожелателями народа, чаще же всего злостными врагами и личными противниками фактическаго правительства, и не столько изъ принципіальныхъ соображеній, сколько изъ желанія дискредитировать и низвергнуть его, чтобы стать на его мѣсто; положеніе, при которомъ никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и трудно опредѣлить, стоитъ ли держаться за фактическую власть, или благоразумнѣе теперь же перебѣжать въ лагерь ея противниковъ—такое положеніе выгодно ли для народа, масса котораго, какъ и вездѣ, конечно чужда страстнаго влеченія къ политикѣ ради политики, и если испытываетъ вкусъ къ ней, то прививаемый искусственно, вслѣдствіе близкаго отношенія политическихъ обстоятельствъ и недоразумѣній и къ общему благу страны, и къ личному благосостоянію ея гражданъ, тогда какъ естественно, да и по здравому смыслу, заинтересована преимущественно только въ послѣднемъ?

Если же подобное положеніе для народа не выгодно, неудобно, не безопасно и даже гибельно, то и правительство, при которомъ оно становится возмож-

нымъ, и форма правленія, допускающая такую возможность, не оправдываютъ своего *raison d'être*, не выполняютъ того назначенія, для котораго установлены, слѣдовательно и сами свидѣтельствуютъ о собственныхъ невыгодности, неудобствахъ, опасности и гибельности для народа.

Предвидимъ возраженіе: французская республика, могутъ сказать, существуетъ такъ недавно, установлена послѣ такихъ чрезвычайныхъ для народной жизни событій, что едва ли можетъ служить доказательствомъ негодности республиканскихъ учрежденій вообще.

Отвѣчаемъ: напротивъ, какъ нельзя болѣе можетъ, ибо едва ли когда-либо и гдѣ-либо, какъ именно въ теперешней Франціи, родинѣ пресловутаго *общественнаго договора*, такъ рельефно выразились вся его теоретичность, все его противорѣчіе съ требованіями и свойствами природы человѣческой, вся его неприложимость къ области практической жизни, и выразились именно въ республиканскихъ учрежденіяхъ нынѣшняго правленія, учрежденіяхъ, происшедшихъ по прямой линіи изъ утопическихъ, хотя на взглядъ и красивыхъ положеній фантастическаго *Contrat social*.

По смыслу этого „добровольнаго договора“, люди соединились въ общество для осуществленія тѣхъ отрицательныхъ и положительныхъ цѣлей, которыя составляютъ краеугольный камень личнаго человѣческаго счастія и недостижимы, однако, для человѣка въ одиночномъ состояніи. Естественно, что въ договорѣ, заключаемомъ, по предположенію его сочинителей, добровольно, по взаимному соглашенію, всѣ договорившіяся стороны, сколько бы ихъ ни было, должны пользоваться одинаковою суммою удобствъ, достигаемыхъ договоромъ, а слѣдовательно и правъ.

Отсюда и власть законодательная и распорядительная является общею, въ равной мѣрѣ для каждаго гражданина, принадлежностью и собственностью всего народа.

Но такъ какъ чинить судъ и правду, а равно и производить требуемыя ими дѣйствія всею народною массой физически невозможно, то для сей цѣли всенароднымъ избраніемъ опредѣляются немногіе граждане, которые, какъ довѣренные всего народа, и замѣняютъ его волю на этихъ поприщахъ дѣятельности.

А такъ какъ цѣлымъ народамъ, равно какъ и отдѣльнымъ лицамъ, свойственно ошибаться, то сплошь и рядомъ бываетъ, что повѣренными своими народъ выбираетъ людей или глупыхъ, или безсовѣстныхъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ: тогда, во первыхъ, народъ начинаетъ дурно и несправедливо управляться, а во вторыхъ, безсовѣстные правители, соблазняясь временными выгодами и правами, соединенными съ властью, стараются искусственными мѣрами возможно долѣе удерживать ее въ своихъ рукахъ, для чего конечно не стѣсняются никакими средствами, хотя бы постояннымъ обманомъ самого народа.

Когда же это имъ удается, то изъ среды народа наиболѣе разумные и честные выступаютъ противъ нихъ съ обличеніями, обвиненіями и увѣщаніями; такимъ путемъ возникаютъ партіи, иногда многочисленныя, для борьбы съ правительствомъ изъ за власти, при чемъ ему приходится одновременно заботиться и объ управленіи, и объ отраженіи нападеній противниковъ, и о возстановленіи поколебленнаго къ себѣ народнаго довѣрія.

Иногда роли мѣняются и отношенія извращаются еще болѣе комичнымъ и печальнымъ образомъ: вполнѣ достойное, благонамѣренное и трудолюбивое правительство шельмуется предъ народомъ шайками недобросовѣст-

ныхъ, бездѣльныхъ, но пронырливыхъ людей, которые наконецъ, путемъ всевозможныхъ плутней, обмановъ, лжи, клеветъ и т. п. и успѣваютъ ниспровергнуть это достойное правительство и захватить власть въ свои нечистыя руки; *послѣднее* бываетъ для народа *горше перваго*.

И въ этой-то борьбѣ изъ за власти, безплодно для народа и съ несомнѣннымъ, притомъ, вредомъ для него, постоянно упражняютъ себя лучшіе, наиболѣе смышленые, наиболѣе умственно развитые его классы, внося смуту и недоумѣніе въ его умы, раздражая и развращая его вѣчнымъ созерцаніемъ своихъ несогласій, распрей и раздоровъ, воспитывая въ немъ чувства озлобленія и взаимной вражды, коими сами преисполнены, такъ что когда, наконецъ, выдѣляется изъ ихъ же толпы личность, затмѣвающая ихъ талантами и смѣлостью, чаще всего народъ самъ кидается на встрѣчу такому лицу, какъ своему избавителю отъ внутреннихъ нестроеній партійной вражды, республика, подъ гнетомъ его смѣлой руки, сразу трещитъ по всѣмъ швамъ, и изъ ея обломковъ выползаетъ диктатура, а потомъ и монархія, иногда конституціонная, но всегда, въ существѣ, тиранническая.

Такова сущность республиканскаго правленія, которое представляетъ собою самое точное практическое воспроизведеніе теоретическихъ бредней, проповѣдуемыхъ теоріей „общественнаго договора", смыслъ коего состоитъ въ томъ, что власть и правительство составляютъ неотъемлемую принадлежность и собственность всего народа, по словамъ же митрополита Филарета, заключается въ томъ, чтобъ изъ понятія о народѣ выработать идола, который столь громаденъ, что для него недостало бы никакихъ жертвъ.

Этому же идолу покланяются и жертвуютъ своимъ

благополучіемъ, спокойствіемъ, политическимъ могуществомъ, своею историческою будущностью и даже здравымъ смысломъ тѣ многочисленныя государства, которыя надѣли на себя, съ англійскаго плеча, конституціонно-монархическую форму политическихъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, если предположить *идеально* управляемую конституціонную державу—не то же ли бы самое она представила, что и республика? И тамъ и здѣсь основной принципъ правленія—*недовѣріе* управляемаго народа къ своимъ управителямъ, ревнивая боязнь, какъ бы послѣдніе не покусились на его права и не превысили бы данныхъ имъ отъ него полномочій, какъ бы даже вовсе не лишили его правъ и не провозгласили себя его повелителями.

Разница конституціонной монархіи отъ республики, по существу, только въ томъ и заключается, или, по крайней мѣрѣ, только въ томъ и должна заключаться, что—не то чтобы поверхъ выборныхъ отъ народа законодателей и исполнителей, а какъ-то сбоку, во истинну какъ „съ боку припека", по русской пословицѣ, существуетъ почти безправное личное правительство, въ особѣ короля или императора—все равно.

По идеѣ конституціонной монархіи—это какое то безправное, обездоленное существо, призываемое народомъ „только царствовать, но не управлять", и однако, по ироніи судьбы, нерѣдко носящее титулъ „повелителя".

Вся постановка отношеній такого повелителя къ народу и избираемымъ отъ него законодателямъ и распорядителямъ какъ бы даетъ понять, что когда-то, въ глубинѣ исторіи, народъ этотъ, со стороны, быть можетъ, предковъ своего теперешняго картоннаго повелителя, подвергся насильственному захвату, былъ лишенъ ими вся-

кой свободы и подвергнутъ всевозможнымъ притѣсненіямъ и обидамъ. Но потомъ, очнувшись отъ неожиданности, народъ взялся за умъ и началъ при всякомъ удобномъ случаѣ отвоевывать у захватившихъ свои прежнія права и вольности, пока, наконецъ, не отобралъ ихъ всѣ сполна опять въ свои руки. А такъ какъ затѣмъ „повелитель" становился существомъ вовсе для народа безопаснымъ, самъ же народъ, за долгое время борьбы съ королевскою властью, все-таки привыкалъ къ ней и сживался съ нею, да наконецъ и считалъ не безполезнымъ украшеніемъ своего политическаго зданія золоченый карнизъ въ видѣ королевской или императорской короны, то династіи, у которой уже все было отобрано изъ рукъ, великодушнымъ рѣшеніемъ народа и оставлялось право на пожизненный отъ него пенсіонъ въ видѣ цивильнаго листа, т.-е. ассигновки той или другой суммы на благоденственное и мирное житіе безъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства въ политическую и государственную жизнь народа.

Нечего говорить, что такое положеніе для августѣйшей особы, носящей королевскій титулъ, и щекотливо, и оскорбительно, и по существу нелѣпо: быть какимъ то декоративнымъ аттрибутомъ при громоздкомъ механизмѣ народнаго представительства, красивою вывѣской надъ чужимъ магазиномъ, или, вѣрнѣе, богато наряженною куклой на выставочномъ окнѣ—и обидно, и возмутительно, и просто невыносимо для человѣческой природы.

Зубоскалы смѣются надъ Москвой, между прочимъ, и за то, что въ числѣ своихъ рѣдкостей она считаетъ царь-колоколъ, который не звонитъ, и царь-пушку, которая не стрѣляетъ: присматриваясь къ конституціямъ ограни-

ченныхъ монархій, мы въ нихъ усматриваемъ нѣчто весьма подобное нашимъ царь-пушкѣ и царь-колоколу— настоящихъ, живыхъ царей—королей и императоровъ— безъ меча. Есть ли въ подобномъ положеніи—не говоримъ уже достоинство, а просто—смыслъ?

Да и это недостойное монарха положеніе еще усугубляется унизительными для него распорядками его отношеній къ тому многоголовому идолу, на плечахъ котораго онъ возсѣдаетъ до той поры, пока, отъ дуновенія политическаго вѣтра, не будетъ сброшенъ на земь и не разобьется вдребезги: не поруганіе ли достоинству вѣнценосной власти, напримѣръ, парламентскіе дебаты въ Англіи по поводу содержанія, отпускаемаго народомъ королевѣ Викторіи, когда сытые представители народа, за его счетъ разжившіеся и раздобрѣвшіе, свысока третируютъ расточительность своего царствующаго дома, совѣтуютъ ему поменьше роскошествъ и побольше экономіи, разсуждаютъ объ основательности или неосновательности заявленной королевою просьбы насчетъ небольшой прибавочки къ ея жалованью, и въ концѣ концевъ или съ тупоумнымъ самодовольствомъ осчастливливаютъ ходатайство своимъ согласіемъ, или же отвергаютъ его, какъ не подлежащее исполненію?

Не такое ли же поруганіе, когда, по манію любаго газетчика, открывается газетная кампанія противъ какого-нибудь принца крови, хотя бы даже наслѣдника престола, съ безконечными подробными разсужденіями по поводу того или другаго его поступка или поведенія въ томъ или другомъ дѣлѣ, при чемъ печать разыгрываетъ роль строгаго, придирчиваго судьи, а злосчастный принцъ—подсудимаго, обреченнаго выслушивать безропотно всевозможныя инсинуаціи, какія безнаказанно взбредутъ на умъ стаѣ борзописцевъ, обраща-

ющихъ репутацію членовъ королевской семьи въ доходную статью, въ средство для добыванія насущнаго хлѣба?

Болѣе вопіющаго извращенія естественныхъ отношеній и понятій, безъ сомнѣнія, трудно отыскать, а между тѣмъ это — обычный сортъ отношеній между „верховною властью" и ея народомъ въ идеальнѣйшемъ изъ конституціонныхъ государствъ: весь смыслъ англійской конституціи выражается одною безсмыслицей—афоризмомъ или, точнѣе, парадоксомъ, насильственно возведеннымъ въ аксіому, что „король долженъ царствовать, а не управлять".

И дѣйствительно, безсмыслица эта свято чтится въ Англіи и охраняется отъ всякихъ на нее покушеній здраваго смысла и королевской власти: политическій строй Англіи воплощается въ безгласномъ и безправномъ королѣ, получающемъ, за свое устраненіе отъ политическаго и государственнаго хозяйствованія надъ своимъ народомъ, извѣстныя матеріальныя выгоды, и за то передающемъ свою естественную роль по отношенію къ народу ему самому, въ лицѣ его избранниковъ — фиктивныхъ или дѣйствительныхъ, еще вопросъ.

И хотя всѣ остальныя европейскія конституціи скроены (не всегда, правда, искусными портными) по англійскому фасону, но сшиты далеко не столь крѣпко, какъ ихъ первоначальный образецъ: доказательствомъ тому служатъ ихъ постоянныя, многочисленныя нарушенія во всѣхъ почти государствахъ, ими управляющихся.

Нарушенія эти практикуются или путемъ обмана, фальши, политическихъ плутней и мошенничествъ, когда въ нарушеніи конституціи бываютъ заинтересованы лица

недостаточно смѣлыя и энергичныя, не вполнѣ увѣренныя въ себѣ, въ правотѣ своихъ намѣреній и чистотѣ желаній: наилучшимъ примѣромъ такихъ лицъ и такого способа дѣйствій служитъ прискорбной памяти Наполеонъ III, во все продолженіе своего царствованія на всѣ лады губившій французскую націю въ эгоистическихъ видахъ упроченія своего престола за собою и за своею династіей.

Нарушенія другаго рода практикуются способомъ болѣе простымъ, откровеннымъ, честнымъ, но въ тоже время и въ высшей степени безцеремоннымъ и даже наглымъ. Способъ этотъ употребляется въ дѣло людьми рѣшительными и отважными, увѣренными въ себѣ и правотѣ своихъ намѣреній, когда такіе люди на узенькой конституціонной дорожкѣ сталкиваются съ тупоуміемъ *quasi*-народныхъ представителей, встрѣчая съ ихъ стороны упорное сопротивленіе своимъ планамъ, направленнымъ, по ихъ глубокому личному убѣжденію, ко благу и величію отечества, но непонятныхъ большинству. Этого рода издѣвательствомъ надъ конституціонными учрежденіями ярко и густо окрашена вся блестящая политическая карьера князя Бисмарка, который съ первыхъ же шаговъ своей государственной дѣятельности съ явной неуважительностью относился къ такъ называемой *волѣ націи*, возвѣщаемой въ представительныхъ учрежденіяхъ устами выборныхъ депутатовъ. „Мнѣ нужны деньги на увеличеніе арміи для войны съ врагами отечества“, заявлялъ онъ открыто предъ народными избранниками: „потрудитесь ассигновать ихъ своевременно“. „Нѣтъ, мы не только не дадимъ вамъ денегъ“, отвѣчали избранники: „но и о самой войнѣ, и объ увеличеніи арміи заявляемъ вамъ нашу, т.-е. народную волю, что ни того ни другого не требуется,

и мы вамъ не позволимъ". „А, не позволите?" возражалъ неугомонный министръ: „въ такомъ случаѣ я произведу нужные мнѣ расходы и безъ вашего позволенія, безъ вашего же позволенія и войну начну, а когда разобью непріятеля, вы мнѣ всѣ эти расходы и заднимъ числомъ утвердите". И дѣйствительно, какъ обѣщалъ, такъ и дѣлалъ: объявлялъ войну, побѣждалъ враговъ, заключалъ почетный миръ—и все это не только съ нарушеніемъ конституціи, но прямо вопреки ясно выраженной устами депутатовъ волѣ народа.

И что всего замѣчательнѣе—противъ этихъ нарушеній и конституціи, и народной воли протестовали только народные избранники-депутаты съ единомышленною имъ частью общества и печати. Самъ же народъ все время сдержанно молчалъ, сохраняя строжайшій нейтралитетъ по отношенію къ этой конституціонной распрѣ своихъ представителей съ самоуправнымъ министромъ, покровительствуемымъ и поощряемымъ верховной властью, и высказался лишь тогда, когда князь Бисмаркъ вышелъ изъ этой распри торжествующимъ, для того чтобы принять отъ народа достойную хвалу за свою ревность о его величіи и славѣ.

Мы намѣренно остановились подробнѣе на этомъ примѣрѣ, въ виду того, что онъ ярко обрисовываетъ всю неопредѣленность взаимныхъ отношеній между народомъ и его довѣренными лицами съ одной стороны, всю фиктивность и фальшивость избирательныхъ политическихъ учрежденій съ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю беззащитность народа предъ правительствомъ, когда послѣднему вздумается, по тѣмъ или другимъ причинамъ, дѣйствовать вопреки заявленной ему народной волѣ, на рискъ собственной отвѣтственности.

По здравому смыслу, по обычнымъ законамъ логики,

устами народныхъ представителей, сопротивлявшихся воинственнымъ замысламъ верховной власти и солидарнаго съ нею министра, изрекалась воля самого народа; по смыслу конституціонныхъ учрежденій воля эта должна быть священна для правительства, и она одна только и должна руководить его рѣшеніями и дѣйствіями. Значитъ, въ данномъ случаѣ и верховная власть, и министръ оказывались ослушниками народа, самоуправными нарушителями конституціи, и требовали бы для себя достойнаго наказанія: самъ народъ, оскорбленный ихъ непослушаніемъ и противленіемъ его довѣреннымъ, долженъ бы былъ встать какъ одинъ человѣкъ, и отомстить за свою поруганную волю и оскорбленное достоинство.

Но такъ какъ ничего подобнаго не случилось, и онъ преспокойно продолжалъ наблюдать, какъ верховная власть купно съ Бисмаркомъ издѣвались надъ его конституціей и присвоивали себѣ непринадлежащія имъ права, а его депутаты, тѣмъ временемъ, волновались обидой и негодованіемъ на то, что Бисмаркъ такъ неуважительно отнесся къ ихъ требованіямъ—то отсюда слѣдуетъ заключить, что: 1) либо народъ не особенно дорожилъ прерогативами, которыя установлены для него въ конституціонныхъ учрежденіяхъ; 2) либо его избранники не точно выразили предъ правительствомъ его волю, а слѣдовательно извратили свои полномочія, т.-е. обманули народъ, какъ своего довѣрителя. Но тогда въ первомъ случаѣ — зачѣмъ же народу держаться такой формы правленія, которою онъ не дорожитъ? А во второмъ — зачѣмъ продолжать полномочія довѣреннымъ, разъ уже ихъ извратившимъ и довѣрія не оправдавшимъ? Мало того—не только этихъ депутатовъ народъ не долженъ бы былъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, остав-

лять на ихъ высокомъ посту, но напротивъ, долженъ бы былъ немедленно озаботиться, чтобъ и на будущее время избѣжать опасности выбрать подобныхъ же недостойныхъ довѣрія депутатовъ, пересмотромъ и преобразованіемъ избирательныхъ порядковъ и законовъ, на тотъ предметъ, чтобъ гарантировать себѣ выборы достойныхъ его довѣрія людей для своего представительства.

По теоріи и по здравому смыслу все это такъ бы и должно было быть; но—увы!—практика и на сей разъ насмѣялась надъ теоріей, и не случилось ровно ничего: и верховная власть съ министромъ достигли того, чего хотѣли вопреки парламенту, и парламентъ ограничился одними платоническими протестами, не измѣнившись въ своемъ личномъ составѣ, и народъ, вмѣсто заботы о возстановленіи попранной правительствомъ конституціи, чествовалъ ея нарушителей за побѣду, ему доставленную посредствомъ этого нарушенія.

Нельзя, конечно, сказать, что бы именно произошло, если бы они воротились не съ тріумфомъ побѣдителей, а съ позоромъ пораженія, но тѣмъ не менѣе фактъ нарушенія конституціи остается несомнѣннымъ. Несомнѣннымъ остается и то, что для возстановленія подобныхъ нарушеній въ распоряженіи народа никогда не оказывается никакихъ средствъ, кромѣ поголовнаго возстанія, а потому и конституціонныя учрежденія какой-либо особо надежной гарантіи народу въ его правахъ не представляютъ, пока не созданы какіе-либо международные нотаріусы, которымъ бы могли народы заявлять о правонарушеніяхъ по отношенію къ нимъ ихъ правителей, судилища, гдѣ бы разсуживали ихъ съ ихъ правителями, и судебные пристава, которые воз-

становляли бы силой нарушенныя недобросовѣстными правителями народныя права.

Что же касается неудобствъ конституціоннаго режима, они совершенно тѣже, что и въ республиканскомъ: постоянная смѣна правительствъ, а съ ними и правительственныхъ направленій, системъ, а равно и личнаго состава администраціи; безконечная борьба партій, добивающихся власти, съ тою, которой посчастливилось овладѣть ею, и другъ съ другомъ изъ-за будущихъ шансовъ на успѣхъ; вѣчная избирательная лихорадка, смѣняющаяся по временамъ жесточайшею выборною горячкой; отвлеченіе значительной части населенія отъ мирныхъ, полезныхъ занятій къ политиканству, посѣвающему лишь смущеніе въ умахъ непросвѣщенной толпы; за естественнымъ отсутствіемъ энергіи у правительства вслѣдствіе непрочности почвы подъ его ногами, за естественною, вслѣдствіе того, неповоротливостью его въ отношеніи многоразличныхъ улучшеній народнаго быта, за трудностію проводить въ законодательномъ порядкѣ, парламентскимъ путемъ, какія бы то ни было реформы—полное торжество устарѣлыхъ традицій, заплесневѣлыхъ формъ, пережившихъ себя обычаевъ, и т. д. т. п.

Не вдаваясь въ подробныя указанія, напомнимъ лишь аболиціонный вопросъ въ Америкѣ, а также Ирландскій вопросъ, и вопросъ о всеобщей воинской повинности въ Англіи.

Осуществленіе такого святаго дѣла, какъ освобожденіе негровъ, могло состояться въ республиканской Америкѣ лишь послѣ кровопролитной, разорительной междоусобной войны.

Конституціонная Англія не въ состояніи, на послѣднихъ дняхъ именуемаго просвѣщеннымъ XIX вѣка, возвыситься

до элементарной справедливости по отношенію къ цѣлой трети своихъ подданныхъ изъ за личныхъ выгодъ и удобствъ нѣсколькихъ феодаловъ, и даже такіе народные вожди, какъ Гладстонъ, не въ силахъ подвинуть Ирландскій вопросъ сколько нибудь серьезнымъ образомъ, и вынуждаются ограничивать свои заботы объ Ирландіи ничего не значащими пальятивами.

Даже и такіе вопросы, которые тѣсно связаны съ инстинктомъ самосохраненія, съ эгоистической заботливостью о національномъ величіи, богатствѣ и даже существованіи—и тѣ при строго выдержанномъ конституціонномъ режимѣ или вовсе не выходятъ изъ подъ сукна, или, если и выходятъ по неугомонности какого-либо особенно ретиваго дѣятеля, то затѣмъ лишь, чтобъ быть спрятанными въ еще болѣе долгій ящикъ: нигдѣ не пользуется такимъ могуществомъ и такимъ вліяніемъ на дѣла тупой консерватизмъ во что бы то ни стало, какъ именно въ истинно конституціонныхъ государствахъ. Только этимъ соображеніемъ и можно объяснить то обстоятельство, что столь чуткая къ своимъ интересамъ страна, какъ Англія, несмотря на свой даже чрезмѣрно развитой патріотизмъ, доселѣ даже не подумала о преобразованіи своихъ военно-сухопутныхъ силъ по образцу остальной Европы, хотя и имѣетъ въ своемъ владѣніи, помимо двухъ острововъ, цѣлую треть Азіатскаго материка, гдѣ отсутствіе арміи уже и теперь сказывается большими неудобствами, а въ ближайшемъ будущемъ—почему знать?—не грозитъ ли и дѣйствительными опасностями для великобританскаго владычества?

Изъ вышеизложеннаго становятся понятными вся несостоятельность хвалебныхъ гимновъ, воспѣваемыхъ поклонниками „общественнаго договора“ тѣмъ прави-

тельственнымъ формамъ, которыя зиждутся на его теоріи, и все превосходство предъ ними истинно-монархическихъ основъ верховной политической власти, проистекающихъ изъ понятія о государствѣ, какъ великой народной семьѣ, и государѣ, какъ естественномъ начальникѣ этой семьи.

„Откуда", въ самомъ дѣлѣ, „сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ*? Очевидно, что сіе множество народилось отъ меньшаго *племени*, а сіе произошло изъ. *семейства* Итакъ, въ *семействѣ* лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возрасло въ великомъ семействѣ, которое называютъ *государствомъ*. Тамъ нужно искать и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ. *Отецъ*, который *естественно* имѣетъ *власть* дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый *властитель*; *сынъ*, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно *подвластный*".

Вотъ немногословное, но изумительно точное и картинное объясненіе какъ происхожденія, такъ и сущности государственнаго устройства и верховной власти, которое мы позволили себѣ воспроизвести подлинными словами приснопамятнаго учителя Русской Церкви, митрополита Филарета.

Изъ сопоставленія понятій, въ немъ заключающихся, явствуетъ, что подвластные не могутъ быть никѣмъ инымъ по отношенію къ своему властителю, какъ *дѣтьми*, и властитель по отношенію къ подвластнымъ— никѣмъ инымъ, какъ *отцемъ*.

Отсюда естественно, что какъ семейныя взаимныя отношенія отца къ дѣтямъ, такъ и подобныя, по ихъ

образу установленныя, взаимныя отношенія государя къ подданнымъ должны утверждаться на одномъ и томъ же принципѣ, то есть, на взаимномъ нравственномъ *довѣріи* между ними. Но послѣднее, конечно, исключаетъ всякую возможность какихъ либо договоровъ, соглашеній, взаимоограниченій, и т. д. т. п. Какъ нелѣпо предположить добропорядочную семью, въ которой дѣти не довѣряли бы отцу или матери, а послѣдніе оберегали бы отъ ихъ покушеній свои естественныя нравственныя надъ ними права—такъ и въ государствѣ, управляемомъ на этомъ принципѣ взаимнаго довѣрія, немыслимы никакія сдѣлки между государемъ и его подданными: первый безпрепятственно пользуется всею полнотою *отеческихъ* правъ надъ подданными, а послѣдніе находятъ полное удовлетвореніе въ добросовѣстномъ исполненіи естественныхъ *сыновнихъ* обязанностей по отношенію къ своему главѣ. Руководимый естественною заботой о благѣ своей родной народной семьи, государь по *совѣсти* и по своему *разумѣнію* стремится къ осуществленію этого блага, тогда какъ подданные, одушевляемые его заботливостью, ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей споспѣшествуютъ ему въ достиженіи этихъ цѣлей общаго блага.

Вотъ идеалъ государства, управляемаго самодержавіемъ единоличной власти—идеалъ, къ которому, съ первыхъ временъ своего политическаго бытія, устремился русскій народъ, инстинктивно вѣруя, что благотворность единоличнаго самодержавія отнюдь не можетъ быть парализуема ни его временнымъ бездѣйствіемъ, ни случайными его злоупотребленіями, неизбѣжными во всякомъ человѣческомъ учрежденіи.

Замѣчательно, что вѣра въ естественное сродство власти *царской* съ властію *отеческой*, воспитанная въ

Русскомъ народѣ всею его исторіей, и доселѣ составляетъ отличительную черту воззрѣній народныхъ на сущность верховной власти—черту, совершенно чуждую остальнымъ народамъ Европы, и замѣчаемую лишь среди Русскаго. „Батюшка-Царь"—излюбленное доселѣ обозначеніе Монарха, и отсюда—полнѣйшее различіе власти Царской отъ власти собственно административной.

Администрація въ глазахъ народа не болѣе, какъ слуги, приставленные Царемъ-Отцемъ къ его дѣтямъ—народу. Какъ и всякіе слуги, они могутъ быть и добросовѣстными, и не добросовѣстными; вмѣсто того, чтобы служить народу, могутъ притѣснять его; вмѣсто того, чтобы заботиться о его благѣ, могутъ лишь безплодно отягощать его; но въ послѣднемъ случаѣ, по воззрѣніямъ народа, достоинство Царской, Отеческой власти ни мало не страдаетъ въ своемъ существѣ и величіи: всевозможныя административныя злоупотребленія и ошибки народъ объясняетъ лишь тѣмъ, что Царь-Батюшка ихъ не видитъ, что отъ него ихъ скрываютъ лихіе люди. „Кабы онъ, Батюшка, доглядѣлъ, онъ бы вникъ въ это дѣло": вотъ обычное объясненіе, которое очень часто приходится слышать въ народѣ по поводу тѣхъ или другихъ административныхъ злоупотребленій. Никакой нравственной солидарности Царя-Отца съ личнымъ составомъ обширнаго административнаго механизма народъ не понимаетъ и не признаетъ, и потому всяческіе административные промахи на счетъ Царской власти и ея священнаго достоинства отнюдь не относитъ, разумѣя въ администраціи не болѣе, какъ прислугу, подборъ которой не всегда можетъ быть вполнѣ удаченъ не смотря на всю нѣжную заботливость отца о дѣтяхъ.

Само собою разумѣется, что при подобной постановкѣ отношеній между верховною властью и подданными никакимъ между ними недоразумѣніямъ, разномыслію и разногласію и мѣста быть не можетъ: при какомъ бы то ни было недоразумѣніи народъ первый охотно смиряется предъ волею самодержца, вполнѣ довѣряя ему, какъ отцу, движимому единственною заботой о его же благѣ, а если впослѣдствіи и оказывается, что народъ въ своемъ недоразумѣніи былъ правѣе верховной власти, которая сама была введена въ заблужденіе, онъ благодушно удовлетворяется тѣмъ, что ошибочному направленію дѣлъ, бывшему причиной недоразумѣній, сообщается надлежаще правильный ходъ.

Отсюда сама собою проистекаетъ невозможность среди Русскаго народа какихъ-либо политическихъ стремленій революціоннаго характера, т. е., какъ любятъ у насъ выражаться, стремленій къ ниспроверженію существующаго порядка вещей: недавнее прошлое ясно на практикѣ доказало эту невозможность, ибо крамола, не безъ успѣха сѣявшая свои плевелы среди высшихъ и среднихъ общественныхъ классовъ, какъ скоро касалась массы народной, разбивала безуспѣшно объ ея толщу всѣ свои усилія. И эта невозможность сохранится у насъ дотолѣ, пока народъ Русскій будетъ согрѣвать свои сыновнія отношенія къ верховной власти троякимъ чувствомъ почтенія, любви и преданности, завѣщаннымъ ему исторіей: благоговѣйнымъ почтеніемъ къ неограниченно-самодержавной формѣ правленія, горячею любовью къ царствующей династіи и искреннею, чистосердечною преданностію къ ея боговѣнчаннымъ представителямъ.

Къ счастію для народа, нѣтъ основаній опасаться, чтобы когда-либо эти поистинѣ возвышенныя, идеаль-

ныя, *непонятныя* для большинства европейскихъ народовъ отношенія его къ верховной власти могли измѣниться, ибо, при ихъ несомнѣнно большей естественности и сообразности съ общимъ идеаломъ государства, при ихъ историческомъ происхожденіи и утвержденіи, они еще прочнѣе насаждены въ сердцѣ и разумѣ народномъ Святою Церковію Православной, которая, какъ прозорливая мать, заботливая о счастливой будущности своихъ духовныхъ чадъ, окружила верховную власть—этотъ надежнѣйшій оплотъ противъ смутныхъ шатаній разнузданной мысли—особымъ ореоломъ священной неприкосновенности и таинственной богопомазанности.

„Какъ власть *отца* не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему *сыномъ*, а *произошла* вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка, то открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее *начало* первой, слѣдовательно и всякой послѣдующей между людьми *власти*—въ Богѣ..."

Государство есть „нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властью сопряженный съ единствомъ всецѣлаго;... великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя"...

„У нѣкоторыхъ народовъ о государственномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ между предержащею *властью* и *подданными* столько споровъ и распрей, что отъ нихъ всѣ общественныя связи трещатъ, всѣ столпы политическихъ зданій колеблются: пусть бы они прочитали у насъ, русскихъ, явственнѣе на сердцахъ, чѣмъ на

хартіяхъ написанное, краткое, но всеобъемлющее *постановленіе* государственное, которое заключается въ слѣдующихъ словахъ: „*святость* власти и *союзъ любви* между государемъ и народомъ.. “

Таково ученіе Церкви Православной о происхожденіи государствъ и государей и о взаимныхъ отношеніяхъ послѣднихъ къ подданнымъ, точно изображенное митрополитомъ Филаретомъ въ его твореніяхъ.

Что касается необходимыхъ принадлежностей Царской власти, то объ этомъ предметѣ знаменитый учитель Русской Церкви изъясняется такъ: „Богъ, по образу Своего небеснаго *единоначалія*, устроилъ на землѣ *царя*, по образу Своего *вседержительства* — царя *самодержавнаго*, и по образу Своего царства, *непреходящаго*, продолжающагося *отъ вѣка и до вѣка*—царя *наслѣдственнаго*“— и, изобразивъ всѣ блага, могущія проистекать для народовъ изъ лона царской власти, благочестиво и разумно употребляемой, и обращая взоры къ своему отечеству, вдохновенно взываетъ: „Россія! Ты имѣешь участіе въ семъ благѣ паче многихъ царствъ и народовъ: держи, еже имаши, да никто же пріиметъ вѣнца твоего!“

Возвращаясь въ другомъ случаѣ къ размышленіямъ о томъ же предметѣ, и картинно изобразивъ печальные результаты, происходящіе вслѣдствіе ожесточенной борьбы партій въ конституціонныхъ государствахъ Европы, святитель такъ изображаетъ идеалъ государственнаго устройства: „Благо народу и государству, въ которомъ единымъ, всеобщимъ, свѣтлымъ, сильнымъ, всепроникающимъ, вседвижущимъ *средоточіемъ*, какъ солнце во вселенной, стоитъ *Царь, свободно ограничивающій свое самодержавіе* волей Царя Небеснаго, мудростью, великодушіемъ, любовію къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту, уваженіемъ къ

законамъ предшественниковъ и къ своимъ собственнымъ; благо народу и государству, въ которомъ отношенія подданныхъ къ верховной власти утверждаются *не* на вопросахъ, ежедневно возраждающихся, и *не* на спорахъ, никогда не кончаемыхъ, но *на* хранимомъ свято *преданіи* праотеческомъ, *на* наслѣдственной и благопріобрѣтенной *любви* къ царю и отечеству, и еще глубже—*на благоговѣніи* къ *Царю* царствующихъ и *Господу* господствующихъ"—и усматривая въ своемъ отечествѣ черты, приближающія его къ этому идеалу, благодарственно восклицаетъ: „Господи! Ты даровалъ намъ сіе благо!"

Этому ученію Православной Церкви, возвѣщавшемуся въ теченіе полувѣка съ церковной каѳедры устами смиреннаго, но высокомудраго Ея учителя, полнѣйшее соотвѣтствіе находимъ и въ государственномъ ученіи, позднѣе проповѣдывавшемся съ общественной трибуны устами практическаго философа, стяжавшаго достойную себѣ славу и почтеніе на поприщѣ публицистики.

Мы уже упоминали, въ первомъ выпускѣ нашего сочиненія, говоря о заслугахъ митрополита Филарета предъ русскимъ народомъ, государствомъ и обществомъ, о нравственномъ воздѣйствіи приснопамятнаго святителя на знаменитаго нашего публициста, М. Н. Каткова, который во многихъ случаяхъ своей дѣятельности оказывался, какъ мы выразились, лишь талантливымъ популяризаторомъ сужденій и воззрѣній, много ранѣе высказанныхъ митрополитомъ Филаретомъ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ доказать справедливость нашихъ соображеній о совершенномъ тождествѣ съ вышеизложенными ученіями митрополита относительно государственной власти и царскаго

достоинства тѣхъ положеній, какія такъ вдохновенно проводилъ и неустанно защищалъ знаменитый патріотъ во все время своей публицистической дѣятельности, и чтобъ не быть голословными, воспроизведемъ изъ извѣстной статьи Михаила Никифоровича, относящейся къ началу 1884 года, слѣдующія достопримѣчательныя строки:

„Монархическое начало росло одновременно съ Русскимъ народомъ. Оно собирало землю, оно собирало власть, которая въ первобытномъ состояніи бываетъ разлита повсюду, гдѣ только есть разница между слабымъ и сильнымъ, большимъ и меньшимъ. Въ отобраніи власти у всякаго надъ всякимъ, въ истребленіи многовластія, состоялъ весь трудъ и вся борьба Русской исторіи. Борьба эта... была у насъ тяжкая, но успѣшная. Тяжкій процессъ совершился; все покорилось одному верховному началу, и въ Русскомъ народѣ не должно было оставаться никакой власти, отъ Монарха независимой. Въ его единовластіи Русскій народъ видитъ завѣтъ всей своей жизни, въ ней полагаетъ всѣ свои чаянія. Съ развитіемъ и утвержденіемъ монархическаго начала отечество наше заняло великое положеніе въ мірѣ".

Указывая на невозможность нималѣйшихъ ограниченій самодержавной власти Русскаго Монарха, знаменитый публицистъ заявляетъ, что „въ Русскомъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой параллельной ей силы, которая могла бы ограничить ее. Самъ Монархъ не могъ бы умалить полноту своихъ правъ. Онъ воленъ не пользоваться ими, подвергая черезъ то себя и государство опасностямъ; но онъ не могъ бы отмѣнить ихъ, еслибъ и хотѣлъ; да народъ и не понялъ бы его. Люди, привыкшіе безъ смысла и надобности обо

всемъ, какъ дѣти, спрашивать, пожалуй, спросятъ: а въ чемъ же должно быть огражденіе отъ произвола самаго лица, облеченнаго верховною властью? Произволъ Монарха ограничивается только его совѣстью, тѣмъ, что называется страхомъ Божіимъ, силою вещей, логикой событій. Гарантія заключается въ положеніи самодержца, возвышенномъ надъ всѣми сословіями и партіями, въ совершенной общности его интересовъ съ государственною пользой и благомъ народнымъ".

Уже то обстоятельство, что возвышеннымъ ученіямъ, проповѣдывавшимся митрополитомъ Филаретомъ отъ лица всей Церкви Православной, суждено было не затеряться въ необъятной массѣ другихъ проповѣднических трудовъ святителя, а возродиться въ новой формѣ для назиданія народа Русскаго, не можетъ не служить лучшимъ доказательствомъ живой силы тѣхъ основъ, изъ коихъ эти ученія проистекаютъ; а быстро пріобрѣтенная ими рѣшительно во всѣхъ классахъ русскаго общества, во всѣхъ слояхъ русскаго народа, неслыханная прежде популярность служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что за ними не только серьезное общественное мнѣніе, но и непосредственное народное чувство, то самое чувство, которое спасло императрицу Анну Іоанновну отъ унизительныхъ условій, предписанныхъ ей тогдашними врагами самодержавія, верховниками, и ею самой принятыхъ было и подписанныхъ.

И въ этомъ чувствѣ своемъ народъ едва ли ошибается: не говоря уже объ очевидномъ фактѣ быстраго возрастанія Россіи въ политическомъ могуществѣ подъ сѣнію самодержавія, эта излюбленная имъ форма правленія, вопреки связаннымъ съ нею опасно-

стямъ деспотизма и абсолютизма, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ обезпечиваетъ народу и общее благосостояніе, и частныя улучшенія быта, а Монарху, одаренному особою печатію помазанія Божія, широкую свободу и безпрепятственную возможность изливать свои благодѣянія на всѣ безъ исключенія сферы народной и общественной жизни.

Освободительная реформа, стоившая столькихъ тревогъ, столькихъ волненій, столькихъ милліоновъ и такого безпощаднаго кровопролитія просвѣщенной Сѣверо-Американской *республикѣ* — въ самодержавно-монархической Россіи совершена была маніемъ Державной руки и нѣсколькими годами совмѣстной мирной работы правительства и дворянства, того самаго дворянства, у котораго реформа эта отнимала и крѣпостное право, и значительную часть достоянія.

Умиротвореніе Польши посредствомъ радикальнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, равносильное тому, какого ждетъ-не-дождется Ирландія отъ конституціонной Англіи, въ самодержавной Россіи совершилось простымъ распоряженіемъ верховной власти, безо всякой съ чьей-либо стороны борьбы, противодѣйствія, безо всякихъ предварительныхъ разсужденій и споровъ.

Общіе вопросы благосостоянія и прогресса, выдвигаемые на очередь силою обстоятельствъ, разъ они признаются заслуживающими вниманія, разрѣшаются верховною властью въ томъ направленіи, какое она найдетъ наилучшимъ, и съ быстротою, для республикъ и конституціонныхъ государствъ рѣшительно немыслимою. Лучшимъ доказательствомъ того могутъ служить всѣ реформы прошлаго царствованія, послѣдовавшія за освободительной: питейная, земская, судебная, учеб-

ная, военная, рекрутская и т. д. На каждую изъ нихъ въ республиканскомъ или конституціонномъ государствѣ понадобились бы цѣлые годы подготовительныхъ парламентскихъ обсужденій, споровъ, борьбы, и т. д. т. п., и всѣ онѣ у насъ, подъ сѣнію самодержавія, разъ задуманныя, были осуществлены безо всякихъ промедленій и замѣшательствъ, безо всякихъ споровъ и прекословій. Въ томъ числѣ реформа, создавшая всеобщую воинскую повинность, т. е. и облегчившая народъ, и поднявшая армію, и вообще нравственно укрѣпившая и облагодѣтельствовавшая страну, считаетъ за собою болѣе 10-лѣтія, тогда какъ конституціонная Англія, не смотря на многократные толки въ обществѣ и печати о необходимости послѣдовать общему примѣру Европы относительно созданія сухопутной арміи, доселѣ остается при однихъ разглагольствіяхъ, и можетъ когда-нибудь оказаться въ такомъ положеніи, которое заставитъ ее жестоко раскаяваться въ своей медлительности по разрѣшенію такого насущнаго для страны вопроса.

IV.

Посягательства на самодержавную форму правленія.

Какъ ни ясно, однако, высказывалась *народная воля* за утвержденіе Русскаго Царства на основахъ неограниченнаго самодержавія, чрезъ всю Русскую исторію проходитъ явленіе, которое если и не можетъ быть названо *подкопомъ* подъ эти основы, то все же изобра-

жаетъ собою нѣкоторый, хотя и слабый, и робкій, протестъ противъ созданной исторіею формы верховной власти.

Не представляя собою явленія осмысленнаго, которое почерпало бы свою силу изъ элементовъ и направленій народной жизни, оно не лишено занимательности хотя бы своимъ постоянствомъ, видоизмѣненіями формъ, въ которыхъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ обнаруживалось, характернымъ отношеніемъ къ нему народа, его никогда не замѣчавшаго и не признававшаго, и наконецъ—исполненными комизма неудачами, неизмѣнно постигавшими этотъ протестъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ опредѣленно выражался ограничительными покушеніями на безусловную полноту самодержавной верховной власти.

Начавшись съ апокрифическаго Вадима, перваго новогородскаго протестанта противъ иноземнаго владычества пришлыхъ Варяжскихъ витязей, протестъ этотъ наполнялъ вѣчными смутами и безпорядками общественную жизнь Новогородской вольницы, преимущественно и состоявшую, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ея независимаго существованія, въ безпрестанной смѣнѣ то приглашаемыхъ, то изгоняемыхъ князей—представителей верховной власти.

Въ Кіевской Руси, нашедши неизсякаемый для себя источникъ въ исторической ошибкѣ, которая допущена была первыми собирателями Русской Державы искусственнымъ созданіемъ удѣльныхъ княжескихъ отношеній, тотъ же протестъ билъ ключемъ во все продолженіе удѣльнаго періода Русской исторіи.

Одновременно съ первыми зачатками сѣверно-русскаго могущества онъ обнаружился и въ Суздальскомъ княжествѣ, проявившись вѣроломнымъ убіеніемъ Анд-

рея Боголюбскаго, при чемъ и выразился, болѣе или менѣе ясно, протестъ *бояръ* противъ княжескаго полновластія: „сегодня онъ казнилъ одного, а завтра никто его не удержитъ и насъ казнить“, надумались протестанты-бояре, порѣшивъ кровавую расправу съ высокомѣрнымъ княземъ. И это рѣшеніе, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и съ точки зрѣнія боярскаго сословія, отнюдь не должно представляться страннымъ: ряды бояръ состояли на значительную часть изъ выродившейся княжеской дружины, дѣлившей нѣкогда съ своимъ главою всѣ обстоятельства, невзгоды и удачи совмѣстной боевой жизни, и никакой зависимости по отношенію къ нему, кромѣ требованій воинской дисциплины, не признававшей. Само собою разумѣется, что такія свободолюбивыя преданія плохо вязались съ подчиненностью настоящаго положенія, въ которомъ бояре находились по отношенію къ своему князю, и естественно располагали ихъ къ недовольству настоящимъ, къ сожалѣнію о прошломъ, къ мечтаніямъ о возвратѣ его и измышленіямъ о способѣ, съ помощію коего этотъ возвратъ сталъ бы возможнымъ.

Мечтанія эти и измышленія отнюдь не могли ни сократиться въ своихъ размѣрахъ, ни смягчиться въ своемъ остромъ, болѣзненно-жгучемъ характерѣ, когда боярскіе ряды, съ теченіемъ времени, стали заполняться неудачниками изъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ, представители которыхъ, по неумолимому приговору исторіи лишившись положенія владѣтельныхъ государей, вынуждались не только къ политическому смиренію предъ московскими властителями, но и къ служебной роли при ихъ дворѣ, и къ подданническому, съ теченіемъ времени все ближе и ближе становившемуся похожимъ на рабское, подчиненію. Напротивъ, элементы независимости,

присущіе быту прежнихъ дружинниковъ, естественно могли и даже должны были обновляться и укрѣпляться въ сознаніи боярскаго сословія, когда оно все чаще и чаще стало принимать въ свой составъ людей, полныхъ горестнымъ сознаніемъ своего вчерашняго владѣтельнаго величія, уязвляемыхъ ядовитыми уколами несбывшихся политическихъ надеждъ, постыжденнаго честолюбія и посрамленной гордости.

И дѣйствительно, подъ суровымъ гнетомъ московскихъ князей, выковывавшихъ желѣзный скипетръ неограниченнаго самодержавія, будучи не въ силахъ мѣряться своими неутоленною гордостью и самолюбіемъ съ самими князьями и потому вынужденные скрывать эти мучительныя чувства подъ наружнымъ видомъ смиренія и даже раболѣпства, новые представители боярскаго сана обратили эти затаенныя стремленія на внутренній распорядокъ своей придворной и служебной жизни, и мы сталкиваемся, на первыхъ же порахъ московскаго самодержавія, съ характернымъ явленіемъ, указывающимъ это внутреннее направленіе оскорбленной удѣльной гордости и непризнаннаго судьбою княжескаго тщеславія.

Разумѣемъ *мѣстничество* — учрежденіе, какъ бы нарочно созданное жизнью для того, чтобы хотя отчасти удовлетворять эти обойденныя ею самой претензіи, раздражать скрываемыя подъ ними стремленія и питать проистекающія изъ нихъ вожделѣнія политическаго свойства — вожделѣнія, способныя выразиться, при благопріятномъ для нихъ расположеніи обстоятельствъ, и настоятельнымъ воздѣйствіемъ на политическій строй государства.

Изъ исторіи дѣтства Іоанна IV мы уже видимъ, сколь падкимъ оказывалось въ тѣ времена боярство на соблазны

не только власти, но хотя бы нѣкотораго извращеннаго ея подобія.

Изъ исторіи кратковременнаго царствованія Шуйскаго мы уже видимъ и прямое со стороны извѣстной части бояръ поползновеніе на прерогативы самодержавія. Злосчастный узурпаторъ, перешагнувшій на престолъ черезъ окровавленный трупъ самозванца, для утвержденія себя на царскомъ тронѣ началъ съ того, что далъ своимъ пособникамъ-боярамъ обѣщаніе— добровольно ограничить свою верховную власть, и сдержалъ свое слово: цѣлуя крестъ на царство, онъ торжественно отрекся отъ права смертной казни надъ боярами по единоличному своему усмотрѣнію, безъ собора, обязавшись предавать ихъ ей, въ случаѣ надобности, не иначе, какъ *осудя съ боярами своими*, и вообще *общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять*.

Нѣтъ достовѣрныхъ, непререкаемыхъ свидѣтельствъ на то, чтобы при воцареніи Михаила Ѳеодоровича со стороны бояръ были заявляемы такія же поползновенія, но существуютъ извѣстія, что и при этомъ для нихъ удобномъ случаѣ они заявлялись, хотя и не видно, чтобъ были принимаемы къ свѣдѣнію, а тѣмъ паче къ исполненію.

Въ новой, послѣ-Петровской исторіи нашей мы уже указывали на два случая, когда тоже стремленіе прорывалось сквозь крѣпкую броню, которою защищено самодержавіе Русскаго Монарха отъ покушеній на его неприкосновенность: мы говоримъ о происшествіяхъ при воцареніи императрицы Анны Іоанновны и императора Николая I.

Нельзя при этомъ не усмотрѣть существенной разницы между этими двумя покушеніями на политическій строй Россіи по тѣмъ мотивамъ, какіе въ нихъ выражались: тогда какъ первое вытекало, подобно

всѣмъ предыдущимъ, изъ тѣхъ же неудовлетворенныхъ стремленій боярщины создать собственную политическую власть, какъ противовѣсъ государевой, или, что тоже, превратить монархію въ олигархію, второе всецѣло обязано было своимъ возникновеніемъ тому извращенію понятій въ верхнихъ слояхъ народа, которое было послѣдствіемъ новаго направленія русскаго просвѣщенія, направленія, толчкомъ коему послужили Петровскія реформы.

Молодое поколѣніе, народившееся отъ сподвижниковъ и единомышленниковъ Петровыхъ, воспиталось въ пренебреженіи къ старому строю жизни, прежнимъ понятіямъ, дѣдовскимъ обычаямъ, и въ рабскомъ поклоненіи новымъ порядкамъ, западно-европейскимъ воззрѣніямъ, иноземнымъ обычаямъ.

Тогдашняя Европа была подъ волшебнымъ обаяніемъ французскихъ псевдо-философовъ, только-что пустившихъ въ умственное обращеніе пресловутыя идеи *свободы* и *равенства*, которыя хотя и привели ихъ отечество къ революціи, а всю Европу къ политическимъ замѣшательствамъ, но тогда, какъ и нынѣ, имѣли неотразимо чарующее вліяніе на некрѣпкіе и незрѣлые умы. Наши же соотечественники поучались энциклопедической мудрости или въ Парижѣ, въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, или у французскихъ гувернеровъ, въ большинствѣ случаевъ невѣжественныхъ не менѣе своихъ учениковъ. Естественно, что лучшая, такъ называемая образованная часть нашего общества, въ теченіе всего прошлаго столѣтія, вмѣсто прежней религіозной обрядности пробавлялась дешево пріобрѣтаемымъ энциклопедическимъ невѣріемъ, вмѣсто не обширнаго, но обстоятельнаго кодекса политическихъ, нравственныхъ и общественныхъ понятій, унаслѣдованныхъ

отъ предковъ, утопическими измышленіями французскихъ шарлатановъ обще-человѣческой мысли, измышленіями, которыя и родину свою успѣли перевернуть вверхъ дномъ, и умы нашихъ неофитовъ политической и общественной науки выворотить на изнанку, начертавъ на этой изнанкѣ гіероглифическіе, непонятные и непонятые символы *свободы* и *равенства*.

До какихъ размѣровъ простиралось увлеченіе нашей тогдашней интеллигенціи химерическими ученіями французскихъ энциклопедистовъ, видно изъ примѣра хотя бы Екатерины Великой: мудрѣйшая изъ женщинъ своего времени, искренно заботливая о благѣ ввѣреннаго ей Провидѣніемъ православнаго Русскаго народа, она, однако, ничуть не брезгала постояннымъ дружественнымъ обмѣномъ мыслей съ самыми яркими представителями французскаго *безбожія* и *космополитизма*, съ наиболѣе рѣзкими проповѣдниками *свободы* и *равенства*.

Эти теоретическія философскія забавы, правда, не мѣшали ей изъятыхъ изъ монастырскаго рабства крестьянъ раздавать въ новое рабство своимъ любимымъ слугамъ, но—почему знать?—не онѣ ли подвигли ее и къ рѣшенію пригласить, по рекомендаціи *нѣмца* Гримма, въ наставники своему внуку *швейцарца* Лагарпа—одного изъ глашатаевъ этой именно *свободы*, о которой разглагольствовали французскіе философы XVIII вѣка?

Вполнѣ понятно, что наиболѣе впечатлительная часть тогдашней интеллигенціи, а особенно ея молодежь, очарованная чужими сказками о *свободѣ* и *равенствѣ*, не могла въ своемъ разгоряченномъ бреднями мозгу переварить этихъ увлекательныхъ идей съ суровыми понятіями о *неограниченной* власти и *безусловной* ей покорности, и, отрицая послѣднюю, сначала мысленно, а потомъ и дѣйственно дерзнула посягать на первую.

Не менѣе понятно и то, что въ воззрѣніяхъ Александра Благословеннаго, слагавшихся въ самые нѣжные годы его отрочества и юности подъ вліяніемъ Лагарпа, неограниченное самодержавіе его предковъ пользовалось мѣстомъ далеко не первенствующимъ, что и сказывалось въ различныхъ случаяхъ его царственнаго служенія: такъ, присоединивъ къ своему царству Финляндію, онъ оставилъ ее въ странномъ для нея и обидномъ для Россіи состояніи полунезависимости, въ каковомъ она и до нынѣ пребываетъ по отношенію къ намъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, споспѣшествуемый совѣтами своего прежняго *воспитателя*, съ которымъ вмѣстѣ онъ и явился на конгрессъ *государей*, онъ тою же полунезависимостью подарилъ поляковъ, только-что предъ тѣмъ заявившихъ свою политическую низость предъ Россіей и раболѣпство предъ ея врагами, чѣмъ и основалъ въ Польшѣ вѣчный очагъ возмущеній, вѣдаться съ коими его преемникамъ приходится доселѣ.

Эти же либеральные принципы французской революціи, искусственно привитые къ русскому общественному организму воспитаніемъ, чуждымъ отеческихъ вѣрованій, преданій и воззрѣній, послужили источникомъ и дальнѣйшихъ шатаній нашей общественной мысли, шатаній, отъ которыхъ едва ли мы и теперь освободились.

Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, смолкла въ извѣстной части нашей публицистики, и на долго ли, рьяная проповѣдь такъ называемыхъ *правовыхъ порядковъ*, сущность которыхъ заключается въ замѣнѣ искреннихъ, исторіею выработанныхъ, основанныхъ на взаимной любви и обоюдномъ довѣріи, отношеній между народомъ и верховною властью, отношеніями, подбитыми, такъ сказать, юридической подкладкой, вытекающими изъ соображеній о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ?

Справедливость, впрочемъ, требуетъ и въ этомъ случаѣ указать на нѣкоторую разницу между этими проповѣдниками *правовыхъ отношеній* и ихъ родоначальниками: тогда какъ послѣдніе руководились, въ своихъ конституціонныхъ вожделѣніяхъ, своимъ искусственнымъ отчужденіемъ отъ народа, незнаніемъ и непониманіемъ народныхъ воззрѣній, почти безсознательнымъ благоговѣніемъ предъ формами западно-европейской жизни, которыя представлялись для нихъ совершенствомъ, первые лишены и этого оправданія, ибо ведутъ пропаганду такихъ началъ, несостоятельность коихъ и вообще, и спеціально для насъ, обнаружена достаточно и теоріей науки и публицистики и практикой дѣйствительной жизни, да и сами пропагандисты отнюдь не могутъ отозваться невѣдѣніемъ этого обстоятельства, ибо, въ противоположность своимъ предшественникамъ, агитировавшимъ въ первой четверти столѣтія, принадлежатъ не къ верхнимъ слоямъ общества, вообще не богатымъ научными познаніями, а къ тѣмъ среднимъ слоямъ интеллигенціи, которые состоятъ изъ части общества, наиболѣе образованной.

Въ этомъ обстоятельствѣ легко, впрочемъ, усмотрѣть общій законъ, которому слѣдуютъ всѣ наши заимствованія у чужеземцевъ: сначала заимствованіе водворяется въ высшихъ, аристократическихъ классахъ; затѣмъ, когда тамъ оно переживетъ себя и выйдетъ изъ моды, оно становится достояніемъ сословій, стоящихъ ниже его, которыя, чрезъ извѣстный періодъ времени наскучивъ имъ, въ свою очередь передаютъ его на употребленіе другимъ сословіямъ, еще ниже ихъ стоящимъ на лѣстницѣ общественной жизни.

Такъ бываетъ и со всякою модой, такъ было и со

всѣми философскими и общественными ученіями и направленіями, также точно совершается и пропаганда политическаго суемудрія. И въ этомъ случаѣ сказывается тоже лакейство мысли передъ Западной Европой, которымъ грѣшитъ послѣ-Петровское русское общество, вотъ уже два столѣтія покланяясь безсознательно какому угодно вздору и благоговѣя предъ какою угодно нравственною и умственною гнилью и плѣсенью, разъ она поступаетъ на рынокъ западно-европейскаго философскаго шарлатанства.

Было бы, впрочемъ, преувеличеніемъ утверждать, что это лакейство политической мысли составляетъ всеобщую моду, послѣдовательно нисходящую сверху внизъ по всему составу русскихъ общественныхъ классовъ: какъ въ 1825 и 1848 г.г. проповѣдь политическаго разврата ограничивалась сравнительно ничтожными кружками, выдѣлявшимися изъ многочисленнаго состава высшаго и средняго дворянства, такъ и нынѣшняя проповѣдь *правовыхъ порядковъ* наибольшимъ успѣхомъ пользуется въ сравнительно ничтожныхъ по численности интеллигентныхъ кружкахъ, контингентъ которыхъ пополняется преимущественно изъ такъ называемыхъ разночинцевъ, людей свободныхъ профессій, высшей и средней буржуазіи, средняго и низшаго чиновничества, умственнаго пролетаріата, и въ особенности натурализовавшихся въ Россіи иноземцевъ и иновѣрцевъ, и т. д. т. п.

Что же касается основныхъ сословій, на которыхъ и держится все современное громадное зданіе русской государственности, тысячелѣтнимъ трудомъ и кровію которыхъ оно и создано, эти общественные классы русскаго народа остаются, слава Богу, доселѣ также глухи къ льстивымъ рѣчамъ нашихъ конституціона-

листовъ какъ и полтораста лѣтъ назадъ. И современнымъ проповѣдникамъ конституціи было бы поучительно припомнить, чѣмъ кончилось поползновеніе верховниковъ привлечь на сторону своихъ правовыхъ вожделѣній гвардейцевъ Преображенскаго полка: вѣрные сыны русскаго крестьянства высказались въ отношеніи правоваго порядка въ томъ смыслѣ, что не только его не примутъ, а и проповѣдникамъ за ихъ проповѣдь ноги переломаютъ.

Вооруженныя силы Русскаго народа.

Обширныя реформы прошлаго царствованія, отразившіяся на всѣхъ сторонахъ государственной и общественной жизни русскаго народа, не остались безъ вліянія и на его вооруженныя силы.

Всѣ условія военнаго быта: организація, комплектованіе, внутренняя жизнь, способы удовлетворенія жизненныхъ потребностей войска и пр. т. п. подверглись значительнымъ реформамъ, циклъ которыхъ не завершился доселѣ, и которыя почти съ тою же энергіей проводятся во всѣхъ сферахъ воинской жизни до настоящаго времени. Конечная цѣль этой преобразовательной работы—увеличеніе боевой готовности нашей арміи согласно требованіямъ новѣйшаго военнаго искусства.

Неусыпная заботливость о развитіи и совершенствованіи вооруженныхъ силъ является настоятельною потребностью въ виду всеобщаго вооруженія всѣхъ европейскихъ правительствъ, доселѣ не останавливающихся въ безсознательномъ стремленіи обратить свои государства въ поголовныя казацкія становища—стремленіи, которому не могутъ положить ни предѣла, ни пре-

грады даже цивилизація и культура, не смотря на ихъ великіе успѣхи въ современномъ мірѣ: роковой, неумолимый, жестокій законъ борьбы за политическое существованіе и первенство нимало не смягчается подъ ихъ воздѣйствіемъ, а лишь выливается въ новыхъ, болѣе усовершенствованныхъ формахъ.

Волей - неволей, наше государство не могло, безъ ущерба для своего политическаго значенія, отставать въ этомъ столь важномъ дѣлѣ отъ своихъ сосѣдей, и русскимъ людямъ отрадно видѣть, что труды правительства и военнаго управленія не пропали даромъ. За послѣднюю четверть вѣка военное дѣло наше столь значительно шагнуло впередъ, что если мы въ чемъ и уступаемъ своимъ западнымъ сосѣдямъ, за то во многомъ ихъ и превосходимъ.

Различнаго рода неустройства, приведшія къ печальному концу восточную войну 1854 — 56 г.г., давно отошли въ область преданій и представляются теперь чѣмъ-то невѣроятнымъ, не смотря на то, что паденію Севастополя минуло всего только 30 лѣтъ, и что современники этого событія и доселѣ состоятъ еще на воинской службѣ.

Но такъ какъ ничто не совершенно въ семъ мірѣ, то и энергичныя стремленія военнаго управленія, доведя нашу армію до состоянія сравнительно съ прежнимъ по истинѣ блестящаго, не успѣли устранить въ немъ всѣхъ пробѣловъ и недостатковъ, которые и требуютъ скорѣйшаго восполненія и устраненія.

Изобразить современное состояніе вооруженныхъ силъ Россіи; указать улучшенія и усовершенствованія уже осуществленныя въ нашемъ военномъ дѣлѣ; выяснить недостатки, устраненіе коихъ желательно поставить на первую очередь; намѣтить вопросы, рѣ-

шеніе коихъ, въ виду ихъ важнаго значенія для арміи, должно быть, по нашему крайнему разумѣнію, задачей ближайшаго будущаго—такова цѣль настоящаго очерка.

Матеріалы для нашего труда мы заимствовали только изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ изданій; тѣмъ не менѣе источники эти даютъ возможность съ достаточною полнотой изобразить состояніе нашихъ военныхъ силъ, за исключеніемъ подробностей мобилизаціи и плановъ сосредоточенія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, составляющихъ тайну военнаго управленія—тайну, по поводу которой возможны лишь общія соображенія, основанныя на условіяхъ, отъ коихъ зависитъ успѣшное выполненіе помянутыхъ операцій, какъ-то: обширность территоріи государства, плотность населенія, пути сообщенія и т. п.

Такую же тайну военнаго управленія составляетъ и вопросъ объ инженерной подготовкѣ нашей пограничной полосы: по этому отдѣлу мы имѣемъ лишь возможность указать, гдѣ и какія имѣются у насъ крѣпости; выясненіе же подробностей ихъ устройства и способности къ оборонѣ, понятно, не можетъ входить въ нашу задачу.

I.

Организація и численный составъ русской арміи. Комплектованіе арміи. Управленіе войсками въ мирное и военное время.

Военно-сухопутныя силы Россіи раздѣляются на три категоріи: 1) кадры мирнаго времени; 2) запасъ, служащій для укомплектованія этихъ кадровъ до штатовъ военнаго времени, и 3) государственное ополченіе, призываемое на защиту отечества лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Войска, состоящія на службѣ въ мирное время, дѣлятся на два главныхъ вида: а) полевыя или дѣйствующія и б) резервныя.

Дѣйствующія войска, сравнительно съ резервными, имѣютъ болѣе сильный составъ кадровъ мирнаго времени, а потому обладаютъ и большею боевою готовностью. Въ случаѣ войны онѣ составятъ, такъ сказать, первую линію нашихъ вооруженныхъ силъ, тогда какъ резервныя — вторую.

Въ составъ дѣйствующихъ войскъ входятъ двадцать корпусовъ. Нормальный составъ корпуса—двѣ пѣхотныя дивизіи, двѣ артиллерійскія бригады и одна кавалерійская дивизія съ двумя конными батареями.

Сверхъ двадцати корпусовъ имѣются еще нѣсколько

отдѣльныхъ пѣхотныхъ дивизій, двѣнадцать стрѣлковыхъ бригадъ и тридцать три линейныхъ баталіона.

Къ дѣйствующимъ же войскамъ, кромѣ того, принадлежатъ и войска инженерныя, состоящія изъ шести саперныхъ бригадъ, въ составъ коихъ входятъ саперные, понтонные и желѣзнодорожные баталіоны, военно-телеграфные и полевые инженерные парки.

Всего дѣйствующія войска составляютъ до 880 баталіоновъ пѣхоты, 276 эскадроновъ кавалеріи (не считая казаковъ), 333 артиллерійскихъ батареи съ 2600 орудій, и 6 саперныхъ бригадъ.

Что касается числительнаго состава дѣйствующихъ войскъ по родамъ оружія, онъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

	въ мирное время	въ военное время
Пѣхоты	475,000 чел.	868,000 чел.
Кавалеріи (безъ казаковъ)	50,000 „	52,000 „
Артиллеріи.	90,000 „	190,000 „
Инженерныхъ войскъ .	24,000 „	32,000 „
Итого	639,000 чел.	1,142,000 чел.

Резервныя войска состоятъ изъ 115 баталіоновъ пѣхоты, 30 батарей артиллеріи и $50^1/_2$ крѣпостныхъ баталіоновъ. Всего въ резервныхъ войскахъ числится въ мирное время около 80,000 чел., въ военное — до 550,000 чел.

Кромѣ дѣйствующихъ и резервныхъ войскъ полагаются у насъ еще войска запасныя и мѣстныя.

Первыя имѣютъ назначеніемъ подготовлять людей и лошадей для пополненія убыли во время военныхъ дѣйствій, и въ мирное время существуютъ лишь для кавалеріи, для пѣхоты же, артиллеріи и инженерныхъ войскъ формируются лишь съ объявленіемъ войны.

Мѣстныя войска несутъ обязанности внутренней службы, т. е. содержатъ караулы, конвоирують арестантовъ и т. п. въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ не имѣется ни дѣйствующихъ, ни резервныхъ войскъ.

Остается упомянуть еще объ одной составной части вооруженныхъ силъ Россіи, составляющей ихъ особенность и не имѣющей ничего себѣ соотвѣтствующаго въ арміяхъ прочихъ европейскихъ государствъ: разумѣемъ казаковъ.

Казаки населяютъ преимущественно окраины государства. Историческія условія ихъ существованія, постоянная, многовѣковая борьба съ сосѣдними народами выработали изъ нихъ смѣлыхъ, находчивыхъ и рѣшительныхъ воиновъ. Привольная жизнь въ обширныхъ степяхъ южной Россіи и привычка съ малолѣтства ѣздить верхомъ создали изъ нихъ преимущественно отличныхъ всадниковъ, обладающихъ многими свойствами, которыя привить искусственно регулярнымъ кавалеристамъ невозможно, какъ-то: необычайною выносливостью, чуткостью, способностью находить дорогу на какой угодно мѣстности и въ какую угодно пору дня, хотя бы въ ночной тьмѣ, и т. п.

Населеніе казачьихъ земель образуетъ отдѣльныя казачьи войска, изъ которыхъ наиболѣе многочисленно Донское.

Всѣ казачьи войска выставляютъ въ мирное время 7 пѣшихъ баталіоновъ, 266 конныхъ сотенъ и 20 батарей при 98 орудіяхъ, всего около 50,000 чел., въ военное же время достигаютъ 20 баталіоновъ пѣхоты, 808 сотенъ кавалеріи и 40 батарей, всего до 160,000 чел.

Такимъ образомъ, общій итогъ сухопутныхъ войскъ

нашего государства вполнѣ точно выражается слѣдующими цифрами:

	въ мирное время	въ военное время
Пѣхоты.	620,000 чел.	1,700,000 чел.
Кавалеріи	78,000 „	224,000 „
Артиллеріи.	116,000 „	260,000 „
	(съ 2,852 оруд.)	(съ 3,606 оруд.)
Инженерныхъ войскъ.	24,000 чел.	48,000 чел.
Итого	838,000 чел.	2,232,000 чел.,*)
	2,852 оруд. и	3,606 оруд. и
	90,000 лош.	380,000 лош.

Разница между военнымъ и мирнымъ составомъ арміи простирается до 1,400,000 чел.: пополнить ее, въ случаѣ надобности, долженъ имѣющійся у насъ запасъ людей, уже прошедшихъ ряды арміи и уволенныхъ отъ дѣйствительной службы, но обязанныхъ въ случаѣ войны немедленно явиться подъ знамена, а въ теченіе мирнаго времени дважды отбыть учебный сборъ при войскахъ.

Вопросъ, имѣется-ли у насъ для пополненія кадровъ мирнаго времени до военнаго состава достаточный запасъ людей, прошедшихъ уже предварительно основательную военную школу, пріобрѣтаетъ большую практическую важность на случай военныхъ обстоятельствъ.

*) Сюда не вошли еще различнаго рода вспомогательныя части, какъ-то: госпитальныя команды, учебныя заведенія, жандармскія части и т. п., какъ не имѣющія прямаго боеваго значенія. Числительная сила ихъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время простирается до 50,000 чел.

Число новобранцевъ, призываемыхъ ежегодно на службу, простиралось до настоящаго времени среднею цифрой до 230,000 чел. Полный дѣйствительный срокъ службы нашего солдата составлялъ до послѣдняго времени 5 лѣтъ. Но на этотъ срокъ оставлялись около 190,000 чел., остальные же 40,000 чел. увольнялись черезъ годъ: это люди, числившіеся въ своихъ частяхъ сверхъ комплекта, составлявшіе такъ называемый разрядъ однолѣтокъ.

Считая ежегодную убыль въ войскахъ отъ смертности, чрезъ увольненіе изъ службы по болѣзни и т. п., въ 4% (что близко подходитъ и къ дѣйствительности), найдемъ, что изъ 190,000 чел., поступающихъ на службу, къ концу 5-го года остается 152,000.

Общій срокъ службы солдата опредѣленъ былъ, по уставу 1874 г., въ 15 лѣтъ. За исключеніемъ 5 лѣтъ службы подъ знаменами, остается 10 лѣтъ службы въ запасѣ. Слѣдовательно, всего въ запасѣ у насъ должно числиться 10 возрастныхъ классовъ, изъ коихъ въ первомъ, какъ мы видѣли, будетъ на лицо 152,000 чел. Примѣнивъ приведенный выше разсчетъ къ прочимъ классамъ, т. е., вычитая за каждый годъ по 4%, получимъ общую цифру въ 1,300,000 чел.

Такимъ образомъ, въ настоящее время для укомплектованія нашей арміи до военнаго состава имѣется 1,300,000 чел., прошедшихъ основательную 5-лѣтнюю военную школу. Недостающее число во 100,000 чел. пришлось бы пополнить людьми, прослужившими на дѣйствительной службѣ одинъ только годъ. Такихъ людей у насъ должно накопиться въ запасѣ до 400,000.

Въ іюлѣ минувшаго 1888 г. общій срокъ службы увеличенъ до 18 лѣтъ, изъ коихъ 5 лѣтъ назначены для службы подъ знаменами и 13 для состоянія въ запасѣ; на п ак-

тикѣ, впрочемъ, военному министру предоставляется право увольнять въ запасъ чрезъ 4 года дѣйствительной службы. Когда новый законъ успѣетъ оказать полное дѣйствіе, числиться въ запасѣ у насъ будетъ уже 14 возрастныхъ классовъ. Притомъ, въ виду сокращенія срока дѣйствительной службы до 4-хъ лѣтъ, число людей, ежегодно принимаемыхъ на службу, а равно и увольняемыхъ въ запасъ, будетъ увеличиваться и численность запаса достигнетъ 2,000,000 чел., прошедшихъ 4-лѣтнюю военную школу.

Гораздо затруднительнѣе пополненіе числительности офицеровъ до штатовъ военнаго времени.

Въ мирное время у насъ на дѣйствительной службѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ состоитъ съ небольшимъ 31,000 чел. Въ военное время число это должно возрасти приблизительно до 44,000 чел., и изъ имѣющагося въ настоящее время запаса офицерскихъ чиновъ нѣтъ возможности пополнить эту разницу, такъ какъ для этого понадобилось бы ихъ на нѣсколько тысячъ человѣкъ болѣе дѣйствительнаго числа. Для пополненія такого дефицита у насъ допущена въ настоящее время чрезвычайная мѣра — дозволеніе держать экзаменъ на чинъ прапорщика запаса на особыхъ, весьма легкихъ условіяхъ (о чемъ сказано будетъ ниже).

Комплектованіе арміи лошадьми по штатамъ военнаго времени производится на основаніи обязательной военно-конской повинности. Затрудненія въ подобномъ комплектованіи встрѣтиться не можетъ, такъ какъ число лошадей въ Россіи превышаетъ 20 милл. шт., разница же между штатами лошадей для мирнаго и военнаго времени не превышаетъ 300,000 шт.

Государственное ополченіе, какъ и выше сказано, призывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ

и составляется изъ пѣшихъ дружинъ, численностью отъ 660 до 1000 ратниковъ, и конныхъ сотенъ во 120 ратниковъ.

Въ ополченіе поступаютъ всѣ молодые люди, способные носить оружіе, остающіеся ежегодно за пополненіемъ дѣйствующихъ войскъ и числящіеся въ немъ до 43-лѣтняго возраста. Число ихъ простирается ежегодно до 300,000 чел., а такъ какъ призывъ на службу установленъ у насъ въ возрастѣ 21 года, то, слѣд., всего въ ополченіи будетъ числиться 22 возрастныхъ класса. Кромѣ того, всѣ лица, выслужившія установленный срокъ въ запасѣ, до 43-лѣтняго возраста зачисляются также въ ополченіе. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что вся сила нашего государственнаго ополченія простирается до громадной цифры въ $4^{1}/_{2}$ милл. чел. Но изъ этой массы только съ небольшимъ 400,000 чел. будутъ имѣть военную подготовку, т. е. тѣ, которые поступятъ въ ополченіе изъ запаса.

Всеобщая воинская повинность введена у насъ уставомъ 1874 г. Съ основанія же регулярной арміи при Петрѣ Великомъ она комплектовалась обязательнымъ для населенія наборомъ рекрутъ и никогда нашъ солдатъ не служилъ по найму, какъ это было во всѣхъ почти прочихъ европейскихъ арміяхъ до начала текущаго столѣтія.

Новымъ уставомъ обязанность защиты Престола и отечества, и притомъ личная, распространена уже на всѣ сословія, тогда какъ прежде рекруты взимались съ извѣстнаго числа душъ, безъ различія кто именно изъ нихъ поступалъ на службу.

Точное число новобранцевъ, необходимое для комплектованія арміи, опредѣляется ежегодно военнымъ

министерствомъ и распредѣляется имъ по губерніямъ. Самый призывъ производится уѣздными и городскими по воинской повинности присутствіями въ періодъ съ 1 ноября по 15 декабря.

Общее число лицъ, подлежащихъ призыву, простирается ежегодно до 850,000 чел., изъ коихъ способныхъ носить оружіе до 570,000. Между тѣмъ ежегодная потребность арміи въ настоящее время составляетъ всего около 250,000 чел. Такимъ образомъ приходится рѣшать, кто именно изъ призываемыхъ долженъ поступить на службу. Вопросъ этотъ рѣшается жребіемъ. Кромѣ того значительному числу призываемыхъ предоставляется льгота, заключающаяся въ освобожденіи отъ дѣйствительной службы въ мирное время по семейному положенію, въ отсрочкахъ для окончанія образованія и т. п. Точно также лица, получившія извѣстное образованіе, пользуются правомъ на сокращенные сроки службы. Въ этомъ отношеніи всѣ учебныя заведенія раздѣляются на 3 разряда, смотря по обширности ихъ программъ.

Здѣсь не мѣшаетъ остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Лица, окончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ 3 разряда, обязываются 4-лѣтнею службой подъ знаменами: при прежнемъ 5-лѣтнемъ общемъ срокѣ службы это дѣйствительно составляло извѣстную льготу. Нынѣ же, когда общій срокъ службы установился въ 4 года, окончаніе курса въ учебныхъ заведеніяхъ 3 разряда, значитъ, не даетъ никакихъ льготъ. Надо полагать впрочемъ, что вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ въ непродолжительномъ времени.

По пріемѣ на службу новобранцы распредѣляются въ части войскъ по различнымъ родамъ оружія, сообразно съ требованіями, коимъ должны удовлетво-

рять люди, поступающіе на укомплектованіе пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ, по распоряженіямъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Уѣздные воинскіе начальники, однако, далеко не всегда оказываются компетентными для этихъ цѣлей, а особенно для послѣдней, и цѣлесообразнѣе было бы, полагаемъ, назначать ежегодно по нѣскольку лишнихъ новобранцевъ на каждую пѣхотную роту съ тѣмъ, чтобы по надлежащемъ первоначальномъ обученіи ихъ въ этомъ родѣ оружія, кавалерійское и артиллерійское начальства выбирали изъ нихъ наиболѣе способныхъ къ службѣ въ кавалеріи, артиллеріи и спеціальныхъ войскахъ.

Этою мѣрой достигалась бы и та выгода, что въ кавалерію, напримѣръ, поступали бы люди, получившіе уже извѣстную военную подготовку, которыхъ оставалось бы только пріучить спеціально къ кавалерійской службѣ. Въ настоящее же время въ кавалеріи, при томъ же срокѣ обученія молодыхъ солдатъ, какъ и въ пѣхотѣ, приходится обучать ихъ и всему тому, что необходимо знать кавалеристу, и почти всему тому, что долженъ знать пѣхотный солдатъ, что, разумѣется, весьма затруднительно.

Комплектованіе новобранцами не представляетъ у насъ никакого затрудненія, въ виду громаднаго числа молодыхъ людей, достигающихъ ежегодно призывнаго возраста; за то комплектованіе арміи унтеръ-офицерами является одною изъ *наиболѣе трудныхъ задачъ военной администраціи.*

Необходимость въ каждой ротѣ нѣсколькихъ опытныхъ, надежныхъ унтеръ-офицеровъ сказывается особенно настоятельно, въ виду и постоянно возрастающихъ требованій отъ современнаго солдата, и краткости служебныхъ сроковъ.

Ротному командиру одному *невозможно* справляться со всею строевою и хозяйственною работой въ своей части, и ему необходимы надежные и опытные помощники изъ нижнихъ чиновъ, а ихъ-то въ нашей арміи и *не хватаетъ*.

Для подготовки унтеръ-офицеровъ у насъ существуютъ въ пѣхотѣ и кавалеріи полковыя, а въ артиллеріи бригадныя учебныя команды: въ первыхъ курсъ продолжается съ конца одного лагернаго сбора до начала другаго, во вторыхъ въ теченіе цѣлаго года.

Въ пѣхотныя и кавалерійскія учебныя команды поступаютъ, по большей части, люди, предварительно въ теченіе года обучавшіеся въ особыхъ ротныхъ школахъ и прослужившіе въ строю около двухъ лѣтъ, такъ что кончаютъ курсъ учебной команды и производятся въ унтеръ-офицеры они только на третьемъ году службы, и въ этомъ званіи имъ приходится дослуживать менѣе двухъ лѣтъ.

Между тѣмъ преподаваніе въ учебной командѣ носитъ характеръ преимущественно теоретическій, на практикѣ же молодому унтеръ-офицеру изучать дѣло приходится въ ротѣ, подъ наблюденіемъ ротнаго командира. Въ теченіе $1\frac{1}{2}$—2 лѣтъ онъ едва успѣваетъ пріобрѣсти необходимыя для его званія практическія снаровку и привычку управлять ввѣренными ему людьми, и какъ только выработаетъ изъ себя вполнѣ годнаго и полезнаго для службы начальника и помощника ротному командиру—тутъ же истекаетъ и срокъ его службы, а ротному командиру приходится имѣть дѣло опять съ новыми унтеръ-офицерами, только что выпущенными изъ учебныхъ командъ, и опять терять ихъ, какъ только они получатъ подъ его руководствомъ необходимую практическую подготовку. Такъ и тянется

изъ года въ годъ эта Сизифова работа и унтеръ-офицеры, вмѣсто того чтобы облегчать ротному командиру его тяжелый трудъ, являются для него только лишнимъ бременемъ, да и себѣ въ этой практической подготовкѣ не пріобрѣтаютъ ничего, такъ какъ достигаютъ ее какъ разъ ко времени увольненія въ запасъ.

Что измѣнить этотъ порядокъ на болѣе соотвѣтственный интересамъ военной службы *необходимо, и какъ можно скорѣе*—объ этомъ не можетъ быть спора; единственнымъ же средствомъ къ тому является привлеченіе надежныхъ и свѣдущихъ унтеръ-офицеровъ на сверхсрочную службу.

Само собою разумѣется, что обязательнымъ продленіемъ срока унтеръ-офицерской службы достигнуть этого нельзя: такая мѣра была бы и несправедлива, и безполезна, ибо всякій тогда старался бы избѣжать и учебной команды, и унтеръ-офицерскихъ галуновъ, и необходимо слѣдуетъ, чтобы сверхсрочная служба была добровольною.

А чтобы привлечь унтеръ-офицеровъ къ сверхсрочной добровольной службѣ, очевидно необходимо сдѣлать ихъ служебную обстановку возможно привлекательнѣе. Со времени введенія всеобщей воинской повинности у насъ принимаются въ этихъ видахъ различныя мѣры: нашиваются серебряныя и золотыя нашивки и навѣшиваются медали прослужившимъ извѣстный срокъ, производится добавочное жалованье въ размѣрѣ 84 р. въ годъ фельдфебелямъ, и 60 р. старшимъ унтеръ-офицерамъ, выдаются единовременныя пособія въ размѣрѣ 150 р. за два года сверхсрочной службы, 250 р. за десять лѣтъ и 1000 р. за двадцать лѣтъ, причемъ это послѣднее пособіе, по желанію, замѣняется пожизненною пенсіей въ размѣрѣ 96 р. въ годъ.

До сихъ поръ, однако, эти мѣры принесли *мало* пользы и въ настоящее время, въ пѣхотѣ, по крайней мѣрѣ, едва ли и половина всѣхъ ротъ имѣетъ фельдфебелей изъ сверхсрочныхъ; отсюда очевидно, что помянутыя преимущества еще не столь значительны, чтобы могли уравновѣситься съ выгодами различнаго рода частной службы, а потому необходимо еще болѣе расширить ихъ.

Обращаясь къ арміямъ другихъ европейскихъ государствъ, мы видимъ, что наиболѣе удачно рѣшенъ унтеръ-офицерскій вопросъ въ арміи германской, гдѣ главною приманкой къ сверхсрочной службѣ является, помимо различныхъ преимуществъ, предоставляемыхъ на самой службѣ, *исключительное* право унтеръ-офицеровъ, прослужившихъ опредѣленный срокъ, на занятіе различныхъ хорошо обставленныхъ должностей по разнымъ вѣдомствамъ гражданской службы, такъ что, вѣроятно, результатомъ именно этой мѣры и является, что у нѣмцевъ въ каждой ротѣ найдется отъ 8 до 10 прекрасно выученныхъ унтеръ-офицеровъ сверхсрочной службы.

Правда, и у насъ выдаются унтеръ-офицерамъ, по прослуженіи пяти лѣтъ на сверхсрочной службѣ, особыя рекомендательныя свидѣтельства на *право* занятія различныхъ должностей. Но это *право* на самомъ дѣлѣ унтеръ-офицеру ровно ничего не даетъ, такъ какъ не *обязываетъ* никакое вѣдомство отдавать владѣльцу таковаго преимущество передъ другими конкуррентами на ту или другую должность.

Между тѣмъ мало ли такихъ мѣстъ, которые могли бы быть занимаемы исключительно старыми надежными служаками: почему бы, напримѣръ, не обязать наши желѣзныя дороги, такъ дорого стоющія казнѣ, прини-

мать исключительно этихъ людей на соотвѣтствующія ихъ званію должности?

Помимо громадной пользы, которую принесла бы такая мѣра арміи, она имѣла бы и весьма важное *государственное значеніе*.

Во всѣхъ отношеніяхъ надежные унтеръ-офицеры замѣнили бы собою не безопасныхъ, и во всякомъ случаѣ *въ политическомъ отношеніи* болѣе или менѣе сомнительныхъ, нѣмцевъ и поляковъ, захватившихъ себѣ чуть не монополію желѣзнодорожной службы на большинствѣ линій, а на случай военныхъ дѣйствій мы, благодаря этому, имѣли бы значительное число воинскихъ чиновъ, хорошо знакомыхъ съ желѣзно-дорожною службой.

Для комплектованія арміи офицерами имѣются два источника: 1) училища военныя, и 2) окружныя юнкерскія.

Первыя изъ нихъ принимаютъ молодыхъ людей, получившихъ основательное общее образованіе въ кадетскихъ корпусахъ, гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и пр. этого же типа заведеніяхъ. Въ теченіе 2-годичнаго курса военныхъ училищъ ученики ихъ пріобрѣтаютъ вполнѣ достаточныя свѣдѣнія изъ военныхъ наукъ и выпускаются на службу во всѣ роты оружія подпоручиками и корнетами.

Курсъ юнкерскихъ училищъ продолжается также два года. Эти училища принимаютъ молодыхъ людей съ гораздо слабѣйшею образовательною подготовкой, въ виду чего и программа ихъ далеко не такъ обширна, какъ программа первыхъ.

По окончаніи курса юнкера окружныхъ училищъ выпускаются на службу не офицерами, а подпрапорщиками и эстандартъ-юнкерами и производятся въ пер-

вый офицерскій чинъ по выслугѣ болѣе или менѣе значительнаго срока въ званіи нижняго чина, сообразно съ тою или другою степенью успѣха, обнаруженнаго ими при окончаніи курса, и съ освобожденіемъ оберъ-офицерскихъ вакансій.

Ежегодный выпускъ изъ военныхъ училищъ колеблется между 700—800 чел., изъ юнкерскихъ же достигаетъ 1400 чел. Въ числѣ состоящихъ теперь на службѣ офицеровъ курсъ первыхъ училищъ прошли приблизительно только 30%, остальные же — курсъ окружныхъ юнкерскихъ училищъ.

Такимъ образомъ, корпусъ нашихъ офицеровъ по отношенію къ его умственному цензу представляетъ двѣ категоріи, *рѣзко* между собой различающіяся, что связано съ существенными неудобствами.

Въ самомъ дѣлѣ, если подготовка будущихъ офицеровъ въ юнкерскихъ училищахъ и достаточна на первыхъ ступеняхъ ихъ службы, въ роли младшихъ офицеровъ и даже ротныхъ командировъ, то при дальнѣйшемъ теченіи службы, на должностяхъ съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности и съ обязанностью руководить тактическимъ образованіемъ подчиненныхъ, она оказывается далеко *не пригодною*, и для замѣщенія послѣдняго рода должностей приходится по большей части останавливать выборъ на воспитанникахъ военныхъ училищъ. Такое рѣзкое раздѣленіе офицеровъ одной и той же части на овецъ и козлищъ, на умственно привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ, на офицеровъ съ шансами дальнѣйшаго повышенія—и безъ оныхъ, знающихъ, что дальше ротнаго командира имъ не уйти, такое раздѣленіе не можетъ не отзываться вредно на духѣ товарищества и единства, который долженъ составлять одно изъ

наиболѣе драгоцѣнныхъ свойствъ всякой воинской части.

Убѣжденіе офицера, что сколько бы онъ ни служилъ, какъ бы усердно ни трудился въ данномъ кругѣ своей дѣятельности, онъ все-таки не выйдетъ изъ этого круга, что путь къ дальнѣйшему повышенію для него закрытъ навсегда, невольно ослабляетъ его нравственную энергію и служебное рвеніе: нѐ даромъ Суворовъ говорилъ, что плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ.

И конечно желательнѣе было бы имѣть корпусъ офицеровъ однообразнаго, и притомъ, сравнительно съ настоящимъ, *повышеннаго* умственнаго и образовательнаго ценза, ибо при этомъ только порядкѣ вещей достигнута была бы немаловажная выгода, заключающаяся въ возможности, при всякомъ назначеніи на высшія должности, дѣлать выборъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ, а не изъ $^1/_4$ ихъ части.

Въ военное время сверхъ того, какъ упомянуто выше, нашъ корпусъ офицеровъ пополняется прапорщиками запаса. Право на производство въ этотъ чинъ пріобрѣтается чрезвычайно легкимъ экзаменомъ изъ различныхъ уставовъ и военныхъ наукъ, при чемъ разрѣшается одного изъ предметовъ, перечисленныхъ въ программѣ, и вовсе не знать, такъ какъ, по закону, выдержавшими экзаменъ считаются и тѣ лица, которыя получаютъ по одному предмету и менѣе 6 балловъ при 12-бальной системѣ. Допускаются къ экзамену вольноопредѣляющіеся и охотники, съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, прослужившіе два періода учебныхъ занятій, и жеребьевики, прослужившіе полныхъ два года.

Эта категорія офицеровъ не можетъ, по своей подготовкѣ, считаться дѣйствительно полезною, самое

существованіе ея вызывается крайностью, и слѣдуетъ желать, разумѣется, чтобы возможно скорѣе былъ положенъ конецъ подобному порядку вещей.

Высшее военное образованіе офицеры пріобрѣтаютъ въ военныхъ академіяхъ: Генеральнаго штаба, Инженерной, Артиллерійской и Военно-юридической. Поступленіе въ эти академіи поощряется различными мѣрами, какъ-то: усиленными окладами жалованья и т. п.

Къ сожалѣнію, всѣ высшія военно-учебныя заведенія имѣютъ преимущественною цѣлью лишь подготовку офицеровъ къ службѣ по различнымъ спеціальностямъ, вслѣдствіе чего и пріемъ въ оныя ограничивается потребностью укомплектованія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ инженеровъ и пр.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что армія много выиграла бы, если бы въ рядахъ ея находилось, въ строевой службѣ, возможно большее число офицеровъ, прошедшихъ высшую военную школу, и конечно желательно было бы сдѣлать доступнымъ пріемъ въ академіи всѣхъ офицеровъ, *способныхъ* выполнить требованія пріемнаго экзамена и *заявляющихъ готовность* посвятить себя высшему военному образованію.

Во главѣ русской арміи стоитъ ея Самодержавный Царь. Всѣ законодательныя мѣропріятія и распоряженія по военному вѣдомству исходятъ отъ Него или утверждаются Имъ.

Если самодержавіе является наиболѣе свойственною для русскаго народа формой правленія, внѣ которой немыслимо естественное и правильное развитіе его исторической жизни, то для русской арміи оно является особенно важнымъ преимуществомъ, которымъ не обладаетъ ни одна армія въ цѣломъ свѣтѣ.

Благодаря неограниченной власти русскаго Монарха высшее управленіе вооруженными силами Россіи пріобрѣтаетъ особыя энергію и единство—столь важныя преимущества въ военномъ дѣлѣ. Всѣ мѣры, принимаемыя по военному вѣдомству, могутъ быть приводимы въ исполненіе быстро и безпрепятственно и тѣ изъ нихъ, кои не должны до времени открываться постороннему глазу, сохраняемы въ глубочайшей тайнѣ.

Не то видимъ мы въ Западной Европѣ, гдѣ противодѣйствіе парламентскихъ ораторовъ часто ставитъ преграду верховной власти въ развитіи вооруженныхъ силъ государства и гдѣ необходимость испрашивать кредиты на военныя надобности часто ведетъ къ преждевременному разглашенію мѣропріятій, которыя по существу своему должны содержаться въ тайнѣ.

Высшій административный органъ, которымъ приводится въ исполненіе Высочайшая воля, составляетъ военное министерство, вѣдающее всѣ войска и военныя учрежденія государства. Но, въ виду обширности территоріи нашего отечества, полная централизація военнаго управленія невозможна въ одномъ учрежденіи, вслѣдствіе чего вся имперія раздѣляется въ военномъ отношеніи на 13 военныхъ округовъ, въ каждомъ изъ коихъ существуетъ свое военно-окружное управленіе, завѣдующее какъ войсками такъ и всѣми военными заведеніями.

Во главѣ войскъ каждаго округа поставлена власть командующаго ими, избираемаго по личному усмотрѣнію Государя Императора, назначаемаго Высочайшимъ приказомъ и указомъ Правительствующему Сенату и являющагося, по отношенію къ войскамъ, мѣстнымъ представителемъ Верховной власти.

Ближайшимъ исполнителемъ распоряженій командующаго войсками является начальникъ его штаба, приказы коего, объявляемые отъ имени командующаго, исполняются какъ личныя распоряженія послѣдняго.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ строевое управленіе войсками уже отдѣляется отъ управленія различными военными учрежденіями. Высшую инстанцію исключительнаго управленія войсками представляетъ власть корпуснаго командира: его обязанности состоятъ главнымъ образомъ въ строевой и тактической подготовкѣ ввѣренныхъ ему войскъ; что же касается ихъ хозяйствъ, въ этомъ отношеніи онъ обязанъ лишь контролировать дѣятельность подчиненныхъ ему начальниковъ.

Далѣе идутъ начальники дивизій и полковые командиры, несущіе полную отвѣтственность за исправное состояніе ввѣренныхъ имъ войскъ по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ.

Наконецъ, низшими начальниками изъ офицерскихъ чиновъ являются въ пѣхотѣ баталіонные и ротные, въ кавалеріи эскадронные и въ артиллеріи батарейные командиры.

Въ военное время армія, дѣйствующая на театрѣ военныхъ дѣйствій, составляется изъ нѣсколькихъ частныхъ армій, а изъ нихъ каждая, въ свою очередь, изъ нѣсколькихъ корпусовъ.

Командующіе каждою частною арміей и въ особенности главнокомандующій надъ всѣми ими пользуются у насъ чрезвычайно обширною властью: имъ подчиняются даже члены Императорской фамиліи, если находятся при арміи.

Имъ подчиняются, кромѣ собственно войскъ, также всѣ окружныя управленія, всѣ губерніи и области объявленныя на военномъ положеніи и входящія въ районъ

расположенія ихъ войскъ, а равно и всѣ непріятельскія области, занятыя по праву войны.

Такая обширная власть ставитъ нашихъ главнокомандующихъ въ чрезвычайно выгодное положеніе, такъ какъ даетъ имъ возможность быстро и безпрепятственно, не спрашиваясь, приводить въ исполненіе всѣ свои намѣренія, что чрезвычайно важно на войнѣ, гдѣ успѣхъ по большей части зависитъ отъ быстраго и своевременнаго приведенія въ исполненіе того или другаго рѣшенія.

Дѣятельность главнокомандующаго арміею и его штаба облегчается еще тѣмъ, что на нихъ не лежитъ мелочной работы по выполненію различныхъ хозяйственныхъ операцій, которая возлагается на управленія отдѣльныхъ армій, а равно на управленія пограничныхъ округовъ.

Что касается прочихъ начальниковъ, какъ-то: командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, то ихъ право и власть также расширяются въ значительной степени, въ зависимости отъ особыхъ требованій военнаго времени.

II.

Довольствіе войскъ. Содержаніе нижнихъ чиновъ и офицеровъ.

Содержаніе и довольствіе нашей арміи производятся двумя совершенно различными способами, изъ коихъ одинъ примѣняется ко всему личному составу нижнихъ чиновъ, другой—къ корпусу офицеровъ.

Тогда какъ первые получаютъ отъ казны натурой все

необходимое, и сверхъ того незначительную денежную сумму на удовлетвореніе различныхъ мелочныхъ нуждъ, офицеры, кромѣ казенной квартиры въ нѣкоторыхъ, не слишкомъ частыхъ случаяхъ, удовлетворяютъ всѣ свои служебныя и личныя потребности исключительно на получаемое отъ казны жалованье вмѣстѣ съ добавочными денежными назначеніями (квартирнымъ, столовымъ и т. п.).

Продовольствіе нижнихъ чиновъ состоитъ изъ хлѣба, въ размѣрѣ 3 фунтовъ ежедневно на человѣка, и приварка, существенную часть коего составляетъ $1/2$ ф. мяса на человѣка.

Пища эта если и достаточна для наполненія желудка, тѣмъ не менѣе едва ли можетъ считаться истинно питательною, страдая двумя недостатками: малымъ содержаніемъ жира и однообразіемъ, чѣмъ и объясняется значительное развитіе въ войскахъ скорбута; особенно же неблагопріятно отзывается на здоровьи солдатъ постоянное употребленіе въ пищу квашеной капусты, которая обыкновенно заготовляется на цѣлый годъ и къ концу его сильно портится.

Въ виду этого необходимо, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, вводить возможно чаще въ пищу солдата свѣжіе овощи, для чего, въ свою очередь, необходимо *увеличеніе* отпуска на его продовольствіе.

Въ военной литературѣ не разъ рекомендовалось улучшеніе солдатскаго стола посредствомъ уменьшенія на $1/2$ ф. ежедневной хлѣбной порціи: это едва ли было бы практично. Бываютъ случаи, что солдату и 3 фунтовъ хлѣба мало, а если у многихъ и бываютъ остатки, то они продаются и вырученныя деньги идутъ на удовлетвореніе различныхъ служебныхъ нуждъ, на которыя нѣтъ особаго отпуска изъ казны.

Обращаясь къ одеждѣ и снаряженію нижнихъ чиновъ, слѣдуетъ указать, что наиболѣе существенный ихъ недостатокъ, это—ихъ слишкомъ большой вѣсъ: грузъ, носимый нашимъ солдатомъ, считая вмѣстѣ съ оружіемъ, достигаетъ 74 фунтовъ (почти 2 пудовъ)!

Различныя мѣры, предлагавшіяся для уменьшенія этого вѣса, касаются вообще весьма незначительныхъ облегченій, какъ напримѣръ укороченія штыка и т. п. Наиболѣе же существенное уменьшеніе солдатской ноши, по нашему мнѣнію, можетъ быть достигнуто развѣ улучшеніемъ качества сукна, изъ котораго приготовляется одежда. Такъ, теперешняя шинель вѣситъ 8 ф., а подъ дождемъ, сильно пропитываясь водою, даже 15 ф. Въ сукнѣ болѣе тонкомъ и плотномъ вѣсъ этотъ можетъ уменьшиться до 4 ф., не говоря уже о томъ, что шинель изъ тонкаго сукна и давала бы больше тепла, и впитывала бы менѣе влаги.

Введенныя въ послѣднее время барашковыя шапки едвали практичны: составляя принадлежность мирнаго времени, онѣ являются излишнею роскошью, употребляются же вообще при исполненіи различныхъ служебныхъ обязанностей, какъ напр. въ караулѣ и на парадахъ. Между тѣмъ, парады по большей части производятся лѣтомъ, когда солнце и безъ того печетъ головы, а въ мѣховыхъ шапкахъ и нестерпимо. Не удовлетворяютъ онѣ и главному требованію парадовъ—красотѣ.

Для достиженія существенныхъ улучшеній въ солдатскомъ продовольствіи и одѣяніи пришлось бы увеличить денежные отпуски на нихъ изъ казны, и изысканіе для того средствъ должно составить одну изъ ближайшихъ заботъ правительства.

На одинъ источникъ, впрочемъ, и теперь можно ука-

зать: это болѣе хозяйственный способъ снабженія войскъ предметами интендантскаго довольствія.

Какъ извѣстно, провіантъ и различные матеріалы, потребные для постройки одежды и обуви, хранятся въ громадномъ количествѣ въ особо устроенныхъ провіантскихъ и вещевыхъ складахъ, и стоимость этихъ запасовъ можно опредѣлять десятками, если не болѣе, милліоновъ.

Не говоря уже о томъ, что эти громадные запасы представляютъ совершенно мертвый капиталъ, не приносящій процентовъ, они требуютъ еще очень большихъ побочныхъ расходовъ на устройство и ремонтъ складовъ, содержаніе при нихъ необходимаго служебнаго персонала и т. п.

Между тѣмъ современное состояніе отечественной промышленности даетъ возможность всегда пріобрѣтать, покупкою изъ первыхъ рукъ, всѣ необходимые для постройки обмундированія и обуви матеріалы. Для экстренныхъ же случаевъ, при объявленіи войны, достаточно на первое время запасовъ готовыхъ предметовъ, хранящихся при частяхъ войскъ для снабженія людей, прибывающихъ изъ запаса на укомплектованіе мирныхъ кадровъ.

Тоже слѣдуетъ сказать и о провіантскихъ магазинахъ, устройство которыхъ едва ли умѣстно въ Россіи, слывущей издавна житницею цѣлой Европы. Во всѣхъ значительныхъ центрахъ, гдѣ по преимуществу расположены наши войска, имѣются постоянно большіе торговые склады муки, провіанта и т. п. Необходимы только съ ихъ владѣльцами условія на обязательную поставку провіанта для войскъ въ случаѣ войны: этою мѣрой можно избѣжать громадныхъ и совершенно непроизводительныхъ тратъ на устройство продовольственныхъ

магазиновъ, ремонтъ ихъ, на содержаніе многочисленной администраціи, на мышеѣдъ, утечку, усышку и т. п. расходовъ, возвышающихъ цѣну каждаго фунта солдатскаго хлѣба до цифры, которая въ нѣсколько разъ превосходитъ стоимость его въ частной торговлѣ даже противъ самыхъ дорогихъ расцѣнокъ *).

Что касается расквартированія войскъ, въ русской арміи существуютъ на то два способа: квартирный (по обывателямъ) и казарменный. Первый представляетъ то неудобство, что затрудняетъ надзоръ за нижними чинами, поддержаніе среди нихъ порядка и дисциплины, а равно обученіе людей, разбросанныхъ небольшими группами на обширномъ пространствѣ. При второмъ устраняются всѣ эти невзгоды, но вмѣсто нихъ являются другія: большинство нашихъ казармъ крайне неудовлетворительно въ гигіеническомъ отношеніи; большая скученность людей, недостатокъ воздуха и свѣта сильно способствуютъ развитію болѣзней, и особенно опять-таки скорбута.

Вопросъ о постройкѣ казармъ за послѣднее время былъ предметомъ особенной заботливости нашего военнаго управленія, и въ результатѣ дѣятельности учрежденной по сему вопросу коммиссіи явилась постройка нѣсколькихъ казармъ *въ видѣ опыта*.

Не имѣя свѣдѣній о томъ, на сколько опытъ этотъ признанъ благопріятнымъ, не можемъ, однако, не возразить противъ главнаго основанія, на коемъ онъ осу-

*) Отсутствіемъ желѣзнодорожной сѣти оправдывалось существованіе всѣхъ этихъ складовъ и запасовъ; теперь же, при легкости быстраго подвоза къ театру войны всѣхъ потребностей арміи, не лучше ли издержки на склады и запасы обратить на развитіе стратегическихъ линій, усиленіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ и пр. т. п. прямо производительныя затраты?

ществляется — разумѣемъ замѣну военно-инженернаго управленія, въ качествѣ распорядительной и исполнительной инстанціи, строительными комитетами, составленными изъ полковыхъ офицеровъ. Такая замѣна лицъ со спеціальною подготовкой, знаніями и опытомъ—лицами, не имѣющими ни одного изъ этихъ условій, вызвана была соображеніями экономическими: „военно-инженерное управленіе строитъ дорого, а постройка хозяйственнымъ способомъ самими войсками обойдется дешевле“,—такъ говорили намъ въ то время, когда, въ качествѣ эксперта, мы предлагали провѣрить такой взглядъ параллельною постройкой одного и того же типа казармъ военно-инженернымъ управленіемъ и проэктированными строительными комитетами изъ лицъ другой спеціальности. Не знаемъ, былъ ли произведенъ такой опытъ, а если и былъ, то какіе принесъ результаты; во всякомъ случаѣ нынѣ, какъ и тогда, мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ *качественномъ* отношеніи преимущество всегда останется за постройками спеціальнаго вѣдомства, особенно въ виду быстрыхъ успѣховъ строительнаго искусства, какіе видимъ за послѣднее двадцатилѣтіе.

Какіе бы, однако, ни оказались недостатки въ такой постановкѣ дѣла, во всякомъ случаѣ постройка казармъ военнымъ вѣдомствомъ не можетъ идти въ сравненіе съ таковою же постройкой городскими управленіями, гдѣ строительное дѣло, подъ покровомъ безконтрольности и безотвѣтственности, находится въ такомъ хаотическомъ состояніи, что представляетъ собою по истинѣ *позорное явленіе*. Въ подтвержденіе этихъ словъ въ слѣдующемъ же выпускѣ нашей книги мы представимъ нѣсколько иллюстрацій, которыя и рекомендуемъ особому вниманію читателей: тутъ уже не одно только устраненіе спеціалистовъ, а въ доба-

вокъ къ тому самое безшабашное распоряженіе городскими капиталами за счетъ населенія, — распоряженіе со стороны людей, спеціально посвятившихъ себя только одной наживѣ, людей, убѣжденныхъ въ своей безнаказанности и потому свободно нарушающихъ какія угодно требованія закона.

Наличныхъ денегъ отпускается на руки солдатамъ очень немного: рядовому въ арміи что-то около 4 р. въ годъ, которыхъ далеко не хватаетъ на его нужды, ибо онъ на нихъ долженъ и сапоги, и бѣлье шить, и мыло, и ваксу, и иголку, и нитки, и воскъ, и щетки и пр. т. п. покупать. Да и еще найдется не мало различныхъ предметовъ, которые солдатъ *обязанъ* имѣть, не получая на нихъ изъ казны ни копѣйки денегъ: напримѣръ, наволочки, простыни, одѣяла, полотенца и проч. т. п. И если эти нужды солдата, нужды крайне настоятельныя, выразить цифрами, окажется, что солдату нужно тратить на нихъ, по самому минимальному разсчету, сверхъ помянутыхъ 4 р. еще по крайней мѣрѣ 8—10 р. въ годъ.

Но справедливо ли обременять людей, привлекаемыхъ на дѣйствительную службу, сверхъ повинности личной еще и денежною? И не было ли бы гораздо справедливѣе возложить эту повинность на людей, освобождаемыхъ жребіемъ отъ службы въ войскахъ, установивъ взиманіе съ нихъ особаго военнаго налога?

Недостаточность денежнаго содержанія солдатъ признается у насъ оффиціально: нижнихъ чиновъ увольняютъ ежегодно на мѣсяцъ или полтора на такъ называемыя *вольныя* работы, чтобы ими солдатъ могъ добыть себѣ нѣсколько рублей если не на всѣ вышепоименованныя нужды, то хоть на нѣкоторыя изъ нихъ.

Эти вольныя работы, по мнѣнію многихъ авторитетовъ военнаго дѣла, помимо матеріальной пользы для солдата оказываютъ также благопріятное вліяніе на духъ и здоровье его, освобождая его хоть на время отъ постояннаго казарменнаго гнета и давая ему возможность свободно вздохнуть на вольномъ воздухѣ.

Но это доброе вліяніе можно признавать развѣ лишь за полевыми работами: въ большихъ же центрахъ, гдѣ сосредоточивается большая часть войскъ, ихъ-то именно и не бываетъ почти, а чаще всего солдату приходится работать на постройкахъ и фабрикахъ, гдѣ характеръ указываемаго вліянія радикально измѣняется въ смыслѣ совершенно противоположномъ.

Вообще содержаніе нашего солдата можно признать сравнительно крайне ограниченнымъ, и ежегодный расходъ на него у насъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Если, напримѣръ, раздѣлить цифру нашего военнаго бюджета на число солдатъ, то на каждаго придется, по настоящему курсу, 160 р. золотомъ, тогда какъ экономные нѣмцы тратятъ ежегодно на каждаго солдата тѣмъ же золотомъ по 280 р.

Но если содержаніе солдата только ограниченно, то содержаніе офицеровъ, особенно младшихъ, *совершенно недостаточно для удовлетворенія даже необходимыхъ потребностей жизни и нуждъ служебной обстановки.*

Содержаніе младшаго офицера слагается изъ двухъ частей: одной, общей и одинаковой по всей имперіи за исключеніемъ отдаленныхъ окраинъ, и другой, измѣняющейся въ зависимости отъ мѣста квартированія той или другой части войска. Первая составляетъ жалованье и порціонныя деньги, вторая—квартирный окладъ.

Что касается послѣдняго, недостаточность его очевидна: младшій офицеръ войскъ, квартирующихъ въ Петербургѣ или Москвѣ, получаетъ, напримѣръ, въ мѣсяцъ квартирныхъ денегъ 16 р. На эту сумму онъ долженъ не только нанимать квартиру для себя и деньщика, но и отапливать и освѣщать ее. Между тѣмъ въ Москвѣ, напр., сажень дровъ стоитъ 8—10 р. Если считать, что въ зимнее время на отопленіе офицерской квартиры потребуется менѣе одной сажени, положимъ всего 3/4, стоимостью въ 6 р., и прибавить къ этому стоимость освѣщенія, около 1 р., и того 7 р., то на наемъ собственно квартиры останется 9 р.

Но что же можно нанять въ Москвѣ за 9 р., кромѣ крохотной и грязной каморки, окруженной самыми противусанитарными условіями и антигигіеническою обстановкой, особенно если часть квартируетъ въ центрѣ города или вблизи его?

И вотъ, чтобы не ютиться по угламъ и конурамъ вмѣстѣ съ подонками населенія, офицеру приходится добавлять, на наемъ сколько нибудь благопристойнаго помѣщенія для себя и деньщика, къ квартирному окладу изъ прочихъ статей своего скуднаго содержанія.

Это въ столицѣ. Въ провинціи, въ небольшихъ городахъ, квартиры хотя и гораздо дешевле, но и квартирные оклады за то крайне мизерны, спускаясь, для мѣстностей низшаго разряда, до 5 р. съ копѣйками.

Здѣсь, впрочемъ, необходима оговорка: законъ разрѣшаетъ военному начальству требовать отъ городскихъ управленій обязательнаго отвода квартиръ натурой, если офицеры цѣлой части войскъ не будутъ въ состояніи нанять ихъ на отпускаемыя имъ на этотъ предметъ деньги. На практикѣ, однако, этою статьей закона почти не пользуются и офицеру, не смотря на

законъ, приходится все таки прибавлять на квартиру, къ окладу, на нее получаемому, по крайней мѣрѣ 5—6 р. въ мѣсяцъ *).

Жалованье подпоручика равняется 249 р. въ годъ, порціонныя 183 р., то и другое вмѣстѣ составляютъ 477 р. или 39 р. 75 к. въ мѣсяцъ. Но прежде чѣмъ свести ежемѣсячный бюджетъ офицера, нужно принять въ соображеніе единовременные расходы, связанные съ производствомъ въ первый чинъ—расходы, которые существенно отзываются на всемъ послѣдующемъ его хозяйствѣ.

Воспитанники военныхъ училищъ, при производствѣ въ офицеры, получаютъ на экипировку 225 р., а подпрапорщики, выпускаемые изъ юнкерскихъ училищъ— т. е. большинство офицеровъ,—всего 150 р.

Изъ этихъ 150 р. молодымъ людямъ предстоитъ произвести расходы по пяти смѣтамъ: на обмундированіе, снаряженіе, обувь, бѣлье и хозяйство. Если всѣ эти смѣты выполнить по самымъ минимальнымъ разсчетамъ, то они выразятся въ цифрахъ, все-таки въ общемъ итогѣ далеко превосходящихъ помянутую сумму.

Такъ, смѣта на обмундированіе получится слѣдующая:

2 мундира *)	100 руб.	—	коп.
Сюртукъ	50 „	—	„
Лѣтнее пальто	50 „	—	„

*) Желательно было бы, чтобы начальствующія лица, отъ которыхъ зависитъ возбужденіе вопроса о квартированіи офицеровъ, въ дѣйствительности пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ закономъ, и не упускали этого случая позаботиться о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, что, впрочемъ, составляетъ даже ихъ священную обязанность.

*) Одинъ мундиръ служебный: для карауловъ, дежурствъ, ученій

2 кителя.	12	„	— „
Барашковая шапка . . .	6	„	— „
Фуражка.	3	„	— „
Итого. . .	221	руб.	— коп.

Снаряженіе потребуетъ вотъ какихъ расходовъ:

Эполеты	2	руб.	50 коп.
2 пары погонъ.	5	„	— „
Башлыкъ.	5	„	— „
4 пары перчатокъ . . .	6	„	— „
2 галстуха	—	руб.	80 коп.
Шарфъ	2	„	— „
Кушакъ.	—	„	80 „
Портупея	1	„	— „
Темлякъ.	—	„	50 „
Шашка	12	„	— „
Револьверъ.	18	„	— „
Кобуръ	1	„	— „
Шнуръ револьверный . .	—	„	60 „
Итого. . .	55	руб.	20 коп.

Смѣта на обувь выразится такъ:

Сапоги смазные	12	руб.	— коп.
Сапоги лаковые	18	„	— „
Короткіе съ калошами. .	13	„	— „
Итого. . .	43	„	— „

и т. п.; другой—для парадныхъ случаевъ, представленій начальству и пр. Одинъ мундиръ не можетъ удовлетворять обоимъ назначеніямъ, такъ какъ носка подъ дождемъ и въ пыли и т. п. быстро приводитъ его въ весьма непрезентабельный видъ.

Изъ бѣлья необходимо завести:

6 сорочекъ	14	руб.	—	коп.
6 паръ кальсонъ	6	„	—	„
6 платковъ носовыхъ . .	2	„	40	„
6 паръ носковъ	1	„	50	„
6 полотенецъ	3	„	—	„
6 простынь	12	„	—	„
6 наволокъ	1	„	80	„
3 салфетки	1	„	20	„
2 скатерти	1	„	80	„
6 кухонн. полотенецъ . .	1	„	—	„
Итого . . .	44	руб.	70	коп.

Наконецъ для хозяйственнаго обзаведенія потребуются:

Кроватъ	4	руб.	50	коп.
Тюфякъ	3	„	—	„
Подушка	2	„	—	„
Одѣяло	6	„	—	„
Сундукъ или чемоданъ . .	6	„	—	„
Лампа	2	„	50	„
Самоваръ	5	„	—	„
Подсвѣчникъ	—	„	75	„
Зеркало	1	„	—	„
2 стула	4	„	—	„
2 стола (себѣ и въ кухню)	4	„	—	„
2 табуретки	1	„	—	„
Ведро для воды	—	„	50	„
Кухонн. и столов. утварь .	7	„	—	„
Чайная посуда	1	„	50	„
Итого . . .	48	руб.	75	коп.

Такимъ образомъ, общій итогъ первоначальныхъ расходовъ выразится слѣдующими цифрами:

На	обмундированіе . . .	221	руб.	—	коп.
„	снаряженіе и оружіе .	55	„	20	„
„	обувь.	43	„	—	„
„	бѣлье	44	„	70	„
„	хозяйство	48	„	75	„
	А всего. . . .	412	руб.	65	коп.

Всѣ эти цифры взяты нами прямо изъ практики, изъ приходорасходныхъ книжекъ самыхъ скромныхъ офицеровъ, при чемъ, какъ видитъ читатель, мы не приняли въ разсчетъ даже теплаго платья, часто совершенно необходимаго, въ особенности когда офицеру, живущему гдѣ нибудь на окраинѣ города, приходится дѣлать ежедневно въ казармы по нѣскольку верстъ взадъ и впередъ при 25-градусныхъ морозахъ.

Окончательный итогъ выразится, на основаніи этой смѣты, 150 р. дохода и 412 р. 65 к. необходимаго расхода, слѣдовательно 262 р. 65 к. передержки.

Такимъ образомъ офицеръ вступаетъ въ жизнь прямо съ дефицитомъ, и довольно, при его ничтожномъ заработкѣ, чувствительнымъ. Для покрытія этихъ дефицитовъ во всѣхъ полкахъ имѣются офицерскіе капиталы, изъ которыхъ и ссужаются офицеры необходимыми суммами изъ 6% годовыхъ, съ разсрочкой платежа. Разсрочка бываетъ различная въ различныхъ частяхъ войскъ. Самое выгодное условіе въ этомъ смыслѣ — погашеніе долга ежемѣсячными платежами въ теченіе двухъ лѣтъ.

Проценты обыкновенно вычитаются впередъ изъ занимаемой суммы, такъ что для полученія наличными

262 р. 65 к., нужно брать взаймы 300 р., и погашать ежегодно приходится 150 р., по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Ежемѣсячный бюджетъ, взятый нами опять таки изъ дѣйствительной жизни, изъ записныхъ книжекъ самыхъ скромныхъ, бережливыхъ и разсчетливыхъ офицеровъ, выражается слѣдующими крайними цифрами.

Приходъ:

Жалованья 294 р. Порціонныхъ 183 р. Итого 477 р. въ годъ, или 39 р. 75 к. въ мѣсяцъ.

Ежемѣсячный расходъ:

Обѣдъ и ужинъ	15	р.	—	к.
Чай и сахаръ	2	„	75	„
Бѣлый хлѣбъ	1	„	50	„
Добавка къ квартирному окладу	5	„	—	„
Вода	—	„	60	„
Уголья	—	„	75	„
Стирка бѣлья	2	„	50	„
Баня (2 раза)	—	„	60	„
Мыло, вакса	—	„	50	„
Письменныя принадлежности	—	„	50	„
Бритье, стрижка и т. п.	—	„	60	„
Прибавка деньщику	1	„	50	„
Обязательный вычетъ въ офицерскій капиталъ	1	„	—	„
На собраніе и библіотеку	1	„	—	„
Погашеніе долга	12	„	50	„
Итого	46	„	30	„

Такимъ образомъ, дефицитъ повторяется и въ текущихъ расходахъ, выражаясь цифрою въ 6 р. 55 к. ежемѣсячно, что составитъ 78 р. 60 к. въ годъ.

Но это еще безъ расхода на ремонтъ платья, обуви, снаряженія и пр. А ремонтъ этотъ начинается съ перваго же года службы: и сапоги надо чинить, кантики да петлички перемѣнять, и пр. т. п. Такого ремонта наберется въ мѣсяцъ до 3 р., или въ годъ 36 р., и съ этою цифрой дефицитъ на первый годъ службы достигнетъ суммы во 114 р. 60 к.

Между тѣмъ расходъ на платье, обувь, снаряженіе и т. п. становится особенно чувствительнымъ на второй годъ службы, когда нельзя ограничиваться однимъ освѣженіемъ стараго, а приходится заводить и кое-что новое. Еще мундиръ и сюртукъ можно носить съ грѣхомъ пополамъ два года, пальто, пожалуй, три года; но кителя, фуражки, сапоги (кромѣ лаковыхъ), погоны, шарфы и вообще всѣ такъ называемыя офицерскія вещи необходимо покупать новыя каждый годъ.

По этому разсчету на второй годъ придется израсходовать болѣе перваго года:

на новое платье	78 р.	60 к.
„ „ бѣлье	12 „	— „
„ новую обувь	25 „	— „
„ новыя офицерскія вещи	18 „	70 „
„ „ хозяйственныя вещи	10 „	— „
А на все	144 „	30 „

И такъ, въ теченіе втораго года дефицитъ составитъ уже 258 р. 90 к.

Правда, къ концу этого года долгъ весь будетъ погашенъ, но лишь для заключенія новаго, еще тяжеле, а именно: дефицитъ перваго года, 114 р. 50 к., съ дефицитомъ втораго года, 258 р. 90 к., составятъ 373 р. 50 к., и если каждый годъ на погашеніе

долга будетъ идти по 150 р., то, не смотря на это погашеніе и параллельно ему, долгъ будетъ возрастать ежегодно на 258 р. 90 к.—150 р., или на 108 р. 90 к.

Такимъ образомъ, при всей аккуратности, отказывая себѣ во всякомъ самомъ невинномъ излишествѣ, офицеръ все-таки съ каждымъ годомъ все глубже и глубже погрязаетъ въ пучинѣ долговъ. Но такъ какъ ссуды изъ офицерскаго капитала ограничены и вообще не разрѣшаются свыше 300 р., то приходится должать частнымъ лицамъ: портному, сапожнику и т. д. Къ командиру полка сыплются со всѣхъ сторонъ жалобы на неплатежъ офицеромъ долговъ и, въ концѣ концовъ, его репутація окончательно колеблется.

Благополучно выходятъ изъ этого экономическаго кризиса только тѣ, кто обладаетъ какими-нибудь собственными средствами; остальные только и ищутъ случая бросить службу и перейти: въ полицію, въ таможенное вѣдомство, на желѣзныя дороги и т. п. Многіе, потерпѣвъ неудачу въ этихъ исканіяхъ и запутавшись окончательно въ безысходныхъ долгахъ, получаютъ наконецъ приказаніе „подать прошеніе объ увольненіи въ запасъ“ или въ отставку, гдѣ зачастую и гибнутъ, обращаясь въ бездомныхъ пролетаріевъ.

Вотъ экономическое положеніе большинства нашихъ младшихъ офицеровъ, и отъ его измѣненія къ лучшему, измѣненія, съ которымъ ждать нельзя, будутъ въ значительной мѣрѣ зависѣть и духъ, и служебныя качества той части нашей арміи, которая составляетъ ея душу и сердце, т.-е. корпуса офицеровъ.

Для пользы службы необходимъ офицеръ, всецѣло отдавшій ей свои силы и духовныя и физическія, всѣ помыслы и стремленія посвятившій своему дѣлу. Но какъ требовать такого самоотверженія отъ

человѣка, который постоянно долженъ работать надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимой задачи, чѣмъ напитать голодное чрево и во что облачить грѣшное тѣло? Только независимый отъ этихъ мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе тяжелыхъ, неотвязныхъ заботъ офицеръ можетъ быть хорошимъ и надежнымъ слугою своего дѣла.

Замѣчательно, что и законъ нашъ признаетъ содержаніе офицера недостаточнымъ. Такъ напримѣръ, ст. 990 кн. I ч. I Св. Военн. Пост. (изд. 1859 г.), и доселѣ сохраняющая силу, гласитъ, что офицерамъ разрѣшается просить о переводѣ изъ одной части войскъ въ другую, между прочимъ, „для совмѣстнаго служенія съ родственниками, отъ которыхъ зависитъ ихъ *содержаніе*.“ Это значитъ, что человѣкъ, вышедшій уже на самостоятельный жизненный путь, полноправный членъ общества, нуждается еще въ какомъ-то *содержаніи* и долженъ побираться у своихъ родственниковъ. А что дѣлать тому, у кого нѣтъ благодѣтельныхъ родственниковъ?

Наконецъ, что неудовлетворительность матеріальнаго положенія младшихъ офицеровъ самимъ военнымъ начальствомъ признается за неоспоримый фактъ, не доказывается ли это уже тѣмъ распоряженіемъ, въ силу коего молодые офицеры, для вступленія въ *законный* бракъ, обязываются представлять обезпеченіе въ 5000 р., безъ исполненія же сего условія осуждаются на обязательное безбрачіе до 28-лѣтняго возраста?

Но такъ какъ, все-таки, за Царемъ служба не пропадаетъ, то и офицера, благополучно вынесшаго экономическія мытарства, о которыхъ шла рѣчь, черезъ 10—12 лѣтъ ожидаетъ награда, составляющая вѣнецъ его карьеры — онъ получаетъ званіе ротнаго командира.

Въ послѣднее время содержаніе ротнаго командира

улучшено въ весьма существенной степени ежегодною прибавкою къ столовымъ деньгамъ еще 300 р., такъ что всего, съ квартирными деньгами, нашъ армейскій капитанъ, служащій въ Петербургѣ или Москвѣ, получаетъ 1,332 р. въ годъ.

Но и эти средства даютъ возможность лишь сводить концы съ концами, особенно при долгахъ, оставшихся въ наслѣдіе отъ прежнихъ лѣтъ, а между тѣмъ, чтобы привлечь на службу людей наиболѣе способныхъ и образованныхъ, чтобы обратить эту службу въ ихъ пожизненную профессію, необходимо обставить ее возможно прочнѣе.

Что военная служба не обладаетъ у насъ особенною привлекательностью, доказываетъ короткая средняя продолжительность ея для нашего офицера, равняющаяся 14 годамъ, тогда какъ въ Германіи она составляетъ 28 л., ровно вдвое. Нѣмцы достигаютъ этого прекраснымъ служебнымъ и достаточнымъ матеріальнымъ положеніемъ, которое у нихъ создано для офицера. Пѣхотный подпоручикъ войскъ, расположенныхъ въ Берлинѣ, получаетъ въ годъ, съ квартирными, 1,968 марокъ, что по настоящему курсу составитъ 900 р., или 75 р. въ мѣсяцъ; у насъ же, въ Петербургѣ или Москвѣ, тотъ же офицеръ получаетъ всего, и съ квартирными, въ годъ 667 р., а въ мѣсяцъ 56 р. 41 к., меньше на 18 р. 59 к.

Но это не все: нѣмецкій подпоручикъ, хотя вынужденъ тоже жить скромно, не впадая однако въ неоплатные долги, знаетъ, что впереди, въ роли ротнаго командира, его ожидаетъ прекрасное матеріальное обезпеченіе, а именно—въ чинѣ капитана I класса онъ получитъ въ годъ 5,472 марки, или, по нашему, 2,500 р., т.е. почти вдвое больше нашего капитана.

Въ заключеніе остается упомянуть о томъ, что ожидаетъ офицера, посвятившаго лучшую часть своей жизни на службу арміи.

Предположимъ наиболѣе счастливый для армейскаго офицера конецъ его служебной карьеры, когда, прослуживъ не менѣе 35 лѣтъ и достигнувъ за это время чина подполковника, онъ, прослуживъ и въ этомъ чинѣ не менѣе года, пріобрѣтаетъ право на чинъ полковника при отставкѣ.

Пенсія военнослужащимъ, какъ извѣстно, назначается изъ двухъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства и изъ эмеритальной кассы (учрежденной въ 1859 г. изъ особаго капитала, пожалованнаго въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, и постоянно пополняемой ежегоднымъ 6%-нымъ вычетомъ изъ содержанія всѣхъ военнослужащихъ). Оба эти источника даютъ офицеру, уволенному въ отставку съ чиномъ полковника, пенсію въ размѣрѣ 1,438 р. въ годъ, т. е. возможность безбѣднаго существованія.

Но такихъ счастливцевъ весьма немного: тяжелая строевая служба быстро истощаетъ силы человѣка и заставляетъ его волей-неволей искать отдыха до достиженія чина подполковника и до выслуги 35 лѣтъ.

А въ этихъ случаяхъ капитанъ, прослужившій 25 л. и уволенный въ отставку съ чиномъ подполковника, получаетъ всего 538 р. въ годъ. Если же офицеръ выходитъ въ отставку до выслуги 25 л., то не получаетъ ровно ничего и вся его предыдущая служба пропадаетъ даромъ. Только совершенно разстроенное на службѣ здоровье даетъ право на полученіе пенсіи за болѣе короткіе сроки, а именно: за 20 л. подполковникъ, при этомъ прискорбномъ условіи, получитъ 286 р. 66 к., и менѣе чѣмъ за 20 л. 215 р.

Только раненые, хотя-бы и не выслужили никакого изъ перечисленныхъ выше сроковъ, пользуются правами прослужившихъ 35 или 25 л., смотря по тяжести полученныхъ ранъ *).

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что улучшеніе матеріальнаго положенія офицера на службѣ должно быть связано съ болѣе прочнымъ обезпеченіемъ его и въ отставкѣ. Особенно же необходимо сокращеніе сроковъ выслуги пенсіи; наиболѣе справедливою мѣрой было бы назначеніе пенсіоннаго оклада пропорціонально числу лѣтъ, проведенныхъ на службѣ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, офицеръ, прослужившій 24 года, не получаетъ ни копѣйки, тогда какъ дотянувшій до 25 лѣтъ получаетъ, хотя кое-какой, а все-же кусокъ хлѣба?

III.

Способъ снабженія дѣйствующей арміи въ военное время.

Чтобы закончить рѣчь о довольствіи войскъ, остается сказать о способѣ снабженія дѣйствующихъ армій въ военное время.

---

*) Кромѣ права на сокращенные сроки для выслуги пенсій, раненые пользуются у насъ еще покровительствомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ. Въ зависимости отъ тяжести понесеннаго увѣчья, всѣ они раздѣляются на 3 класса, которые и пользуются различными правами на покровительство Комитета. Покровительство это выражается въ выдачахъ изъ такъ называемаго инвалиднаго капитала, въ помѣщеніи увѣчныхъ воиновъ въ богадѣльни и въ опредѣленіи ихъ дѣтей на казенный счетъ въ военно-учебныя заведенія.

Главнымъ источникомъ снабженія войскъ служатъ различнаго рода склады и магазины, устраиваемые на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но чтобы не быть постоянно прикованнымъ къ одному и тому же мѣсту, гдѣ расположены склады, войска должны имѣть постоянно при себѣ извѣстный запасъ продовольствія, боевыхъ припасовъ и проч., возимый въ обозѣ, который представляетъ изъ себя какъ бы подвижной магазинъ. Кромѣ того, каждая часть должна имѣть при себѣ средства для пособія больнымъ и раненымъ. Сверхъ казеннаго обоза, въ извѣстныхъ случаяхъ различнаго рода тяжести перевозятся также на подводахъ, взимаемыхъ отъ населенія.

Въ 1885 г. у насъ введена новая организація войсковаго обоза, но такъ какъ заведеніе повозокъ новаго типа не могло быть совершено сразу, то онѣ имѣются лишь въ кавалеріи и конной артиллеріи, въ пѣхотѣ же и пѣшей артиллеріи принята пока такъ называемая переходная организація, составляющая нѣчто среднее между прежней и новой.

Казенный обозъ раздѣляется на двѣ категоріи: полковой и дивизіонный. Сверхъ того къ каждому корпусу придается подвижной артиллерійскій паркъ, въ которомъ возятся патроны и заряды; паркъ этотъ и составляетъ какъ бы корпусный обозъ.

Полковой обозъ состоитъ въ пѣхотѣ изъ 75 повозокъ при 165 лошадяхъ, въ кавалеріи изъ 42 повозокъ при 85 лошадяхъ. Въ пѣшей артиллеріи въ каждой бригадѣ обозъ состоитъ изъ 60 повозокъ и 158

Высшій размѣръ пенсій изъ инвалиднаго капитала, для полнаго генерала, состоящаго въ I-мъ классѣ, равняется 1,716 руб., низшій, для прапорщика 2-го класса—170 р. въ годъ.

лошадей, въ конной—въ каждой баттареѣ изъ 11 повозокъ и 28 лошадей.

Въ полковомъ обозѣ опредѣлено возить такіе предметы, безъ которыхъ войска не могутъ обойтись ни одного дня, а именно: патроны, продовольствіе, санитарное имущество, котлы, кухонную посуду, казну, канцелярію и т. п. Патроновъ положено возить на каждаго рядоваго въ пѣхотѣ по 48, въ кавалеріи по 36. Изъ продовольственныхъ припасовъ возятся сухари (на 1 день), крупа, соль, чай, сахаръ и проч.

При совершеніи походныхъ движеній большими массами войскъ, вблизи непріятеля, полковой обозъ дѣлится на 2 разряда: первый, въ составъ котораго входятъ повозки санитарныя и патронныя, слѣдуетъ всегда за своимъ полкомъ, второй, состоящій изъ всѣхъ остальныхъ повозокъ, двигается въ хвостѣ всей походной колонны.

Дивизіонный обозъ пѣхотной дивизіи раздѣляется на 3 отдѣла: 1) общій, 2) продовольственный, состоящій пока изъ такъ называемаго расходнаго транспорта, и 3) санитарный. Въ кавалерійскихъ дивизіяхъ санитарнаго транспорта не полагается.

Въ общемъ отдѣлѣ возятся походная церковь и множество разнообразныхъ вещей, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность на войнѣ, какъ то: шанцевый инструментъ, запасъ готовой одежды, матеріалы для починки одежды и сапоговъ, запасъ подковъ и проч.

Въ расходномъ транспортѣ возится 4-дневный запасъ продовольствія на весь составъ дивизіи, а равно и состоящей при ней артиллеріи. Расходный транспортъ пѣхотной дивизіи состоитъ изъ 150 повозокъ, кавалерійской изъ 48. По новой организаціи, въ составъ продовольственнаго отдѣла, сверхъ расходнаго

транспорта, долженъ будетъ входить еще запасный транспортъ, для подвоза продовольствія изъ магазиновъ.

Въ санитарномъ отдѣлѣ возится имущество дивизіоннаго лазарета и двухъ полевыхъ госпиталей, придаваемыхъ пѣхотнымъ дивизіямъ. Всего въ этомъ отдѣлѣ числится 75 повозокъ и 180 лошадей.

Подвижной артиллерійскій паркъ, состоящій въ вѣдѣніи начальника артиллеріи корпуса, образуетъ двѣ такъ называемыя летучія артиллерійскія парковыя бригады, состоящія каждая изъ 4-хъ летучихъ парковъ. Парковыя бригады придаются обыкновенно по одной къ каждой пѣхотной дивизіи.

Летучіе парки, входящіе въ составъ бригадъ, состоятъ: первые два изъ 24 патронныхъ ящиковъ, послѣдніе два изъ 48 зарядныхъ ящиковъ каждый. Кромѣ летучихъ парковъ на каждыя двѣ пѣхотныя дивизіи полагается еще по одному такъ называемому подвижному парку.

Что касается размѣра, въ какомъ наши войска обезпечены продовольствіемъ и боевыми припасами, въ этомъ отношеніи наша армія соблюдаетъ слѣдующій порядокъ: запасъ сухарей полагается всего на 8 дней, въ томъ числѣ трехдневную порцію каждый солдатъ имѣетъ при себѣ, однодневная хранится при полковомъ обозѣ, и четырехъ-дневная при дивизіонномъ. Патроновъ разсчитано по 196½ на человѣка, и изъ нихъ по 84 шт. солдаты носятъ при себѣ, по 48 шт. на человѣка хранится въ полковомъ обозѣ, по 52½ шт. на человѣка въ летучемъ паркѣ, и по 12 шт. на человѣка въ подвижномъ. Снарядовъ и зарядовъ хранится на пушку: батарейную—по 260, легкую—по 271, и конную—по 231. Изъ нихъ: на батарейную пушку 108 имѣ-

ются при батареѣ, 135 при летучемъ, и 17 при подвижномъ паркѣ; на легкую—150 при батареѣ, 101 при летучемъ и 20 при подвижномъ паркѣ, и на конную—130 при батареѣ, 101 при летучемъ, и 20 при подвижномъ паркѣ.

Имѣющіяся при войскахъ средства для поданія помощи больнымъ и раненымъ заключаются въ лазаретахъ и полевыхъ госпиталяхъ. Полковые лазареты полагаются въ пѣхотѣ и кавалеріи, бригадные въ артиллеріи, и наконецъ дивизіонные на каждую пѣхотную дивизію. Полевыхъ госпиталей имѣется по разчету 8 на каждую дивизію.

Лазареты полковые имѣютъ въ пѣхотѣ 16 мѣстъ для больныхъ, въ кавалеріи 6, и бригадные, въ артиллеріи, также 6 мѣстъ. На полѣ сраженія лазареты пѣхотныхъ полковъ обращаются въ перевязочные пункты.

Дивизіонные лазареты открываютъ на полѣ сраженія главные перевязочные пункты. При каждомъ изъ нихъ формируется рота носильщиковъ для уборки раненыхъ.

Всѣ лазареты имѣютъ цѣлью подавать раненымъ и заболѣвшимъ лишь первоначальную помощь. Для излеченія же они передаются въ полевые госпитали, а также въ открываемыя въ крѣпостяхъ и въ разныхъ пунктахъ мѣстныя врачебныя заведенія.

Полевые госпитали состоятъ на половину изъ подвижныхъ и на половину изъ запасныхъ. Разница между ними заключается въ томъ, что для первыхъ имѣется постоянно въ готовности обозъ для перевозки ихъ матеріальной части, вторые же перевозятся или по желѣзнымъ дорогамъ, или на обывательскихъ подводахъ.

Изъ числа подвижныхъ полевыхъ госпиталей два придаются на каждую пѣхотную дивизію. Остальные

подвижные и всѣ запасные госпитали остаются въ вѣдѣніи полеваго управленія арміею, которое распредѣляетъ ихъ, по мѣрѣ надобности, по частямъ войскъ.

Каждый полевой госпиталь учреждается на 10 офицерскихъ и 200 солдатскихъ мѣстъ. Всего, слѣдовательно, каждая пѣхотная дивизія имѣетъ при себѣ средства для открытія 20 офицерскихъ и 400 солдатскихъ мѣстъ. Кавалерійскія дивизіи, какъ не имѣющія госпиталей, передаютъ своихъ больныхъ и раненыхъ въ госпитали пѣхотныхъ дивизій или въ ближайшія мѣстныя врачебныя заведенія.

Одну изъ ближайшихъ заботъ полеваго управленія арміею должна составлять возможно быстрая *эвакуація* больныхъ съ театра военныхъ дѣйствій, необходимая для облегченія передвиженій и дѣйствій войскъ, которымъ можетъ сильно мѣшать большое скопленіе больныхъ и раненыхъ, а равно и для доставленія большихъ удобствъ людямъ, нуждающимся въ серьезномъ леченіи. Для этой цѣли въ военное время учреждаются особые военно-санитарные транспорты, желѣзнодорожные поѣзда и пароходы.

Кромѣ собственно казенныхъ санитарныхъ средствъ, которыя войска имѣютъ при себѣ, громадную пользу при поданіи помощи больнымъ и раненымъ приносятъ учрежденія, открываемыя обществомъ *Краснаго Креста*.

IV.

Вооруженіе и обученіе войскъ, ихъ дисциплина и духъ. Взысканія и награды.

Въ настоящее время вся наша пѣхота, и дѣйствующая и резервная, вооружена винтовками системы Бердана, которыя достойно выдержали боевое испытаніе въ кампанію 1877—78 г.г., и обладаютъ дѣйствительно прекрасными боевыми качествами.

Калибръ берданки равняется 4,2 линіи. Крайній предѣлъ разстоянія, на какомъ выпущенная изъ нея пуля можетъ выводить изъ строя людей, очень великъ, достигая болѣе 3000 шаговъ, или, приблизительно, болѣе двухъ верстъ. Прицѣлъ для стрѣльбы устроенъ у насъ, однако, не свыше 2250 шаговъ, ибо и на такомъ разстояніи, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, сколько-нибудь успѣшный огонь едва ли возможенъ, по недоступности обстрѣливаемой цѣли для глаза и по невозможности наблюденія за дѣйствіемъ стрѣльбы. Мѣткость берданки не заставляетъ желать ничего лучшаго. Быстрота стрѣльбы, при спокойномъ заряжаніи и прицѣливаніи доходитъ, въ зависимости отъ искусства стрѣлка, до 6—8 выстрѣловъ въ минуту. Число патроновъ, носимыхъ солдатомъ на себѣ, равняется 84, да кромѣ того въ полковомъ обозѣ возится еще по 48 на каждое ружье, всего 132 патрона на человѣка.

За послѣднее время въ нашей военной литературѣ

съ особеннымъ оживленіемъ разсуждаютъ о введеніи у насъ магазинныхъ ружей, въ виду всеобщаго вооруженія ими всѣхъ европейскихъ армій.

Преимущество магазинокъ предъ берданками заключается въ возможности выпускать въ минуту, вмѣсто 6—8 патроновъ, вдвое болѣе: преимущество съ перваго взгляда важное, еслибы результатъ огня въ бою зависѣлъ отъ числа *выпущенныхъ* пуль, а не отъ числа *попавшихъ*. Но на опытахъ всегда оказывается, что хотя число пуль, выпущенныхъ изъ магазинки въ теченіе извѣстнаго опредѣленнаго времени, и гораздо больше, чѣмъ изъ берданки, но по количеству попавшихъ перевѣсъ остается на сторонѣ магазинки лишь въ половинѣ случаевъ, въ другой же половинѣ—на сторонѣ берданки, а отсюда слѣдуетъ что на магазинкѣ можно гораздо скорѣе разстрѣлять весь запасъ патроновъ, не причинивъ большаго вреда непріятелю. И это очень понятно. Для успѣшности стрѣльбы весьма важно, чтобы стрѣлокъ сохранялъ возможное спокойствіе. Необходимость заряжать предъ каждымъ выстрѣломъ, стрѣлку, вооруженному берданкой, даетъ возможность хотя немного прійти въ себя, хоть нѣсколько сосредоточиться, тогда какъ съ магазинкой въ рукахъ онъ при каждомъ выстрѣлѣ только больше и больше возбуждается, и постепенно приходя въ лихорадочное состояніе, выпускаетъ пули не цѣлясь, куда попало. Явленіе это очень замѣтно и въ мирное время, въ военное же, подъ огнемъ непріятеля, еще естественнѣе. Да и кромѣ того, туча дыму, скопляющаяся передъ фронтомъ при стрѣльбѣ изъ такого черезъ чуръ скорострѣльнаго оружія, лишаетъ всякой возможности что либо видѣть и куда либо цѣлиться.

Что же касается устройства магазинокъ, то всѣ

ихъ доныне известные образцы отличаются важнымъ неудобствомъ — чрезвычайной сложностью, способностью, вслѣдствіе того, очень легко портиться и притомъ такъ, что исправленіе ихъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ починка берданокъ. Каково же положеніе стрѣлка, у котораго въ самую критическую минуту боя оружіе откажется дѣйствовать! Въ берданкѣ же одно изъ лучшихъ ея качествъ—это именно ея замѣчательная простота и прочность.

Такимъ образомъ, если судить по имѣющимся даннымъ, преимущества магазинки весьма сомнительны. Введеніе же ея въ армію соединено съ большими затрудненіями: не говоря объ огромныхъ издержкахъ, связанныхъ съ изготовленіемъ 2—3 милліоновъ ружей и патроновъ къ нимъ, при этомъ пришлось бы переучивать дѣйствовать новымъ оружіемъ всю нашу армію, и въ томъ числѣ—что особенно было бы трудно—2,000,000 запасныхъ. Затрудненія эти столь велики, что введеніе магазинокъ можно было бы оправдать развѣ только несомнѣнными, безспорными боевыми преимуществами, каковыхъ онѣ не имѣютъ. Въ виду сказаннаго, нельзя не заявить искренняго сочувствія нашему военному министерству, не поддавшемуся всеобщей *магазинной* горячкѣ, охватившей западную Европу, и оставшемуся при прежней, хотя и не составляющей послѣдняго слова науки, но зато испытанной и любимой нашимъ солдатомъ берданкѣ.

Холодное оружіе пѣхоты составляетъ штыкъ, который у насъ, въ отличіе отъ большинства прочихъ европейскихъ армій, носится постоянно примкнутымъ къ винтовкѣ, тогда какъ въ германской, напримѣръ, арміи его примыкаютъ лишь передъ самой атакой, хотя эта манипуляція въ 200—300 шагахъ отъ непрі-

ятеля, подъ частымъ огнемъ, едвали удобовыполнима.

Кавалерія у насъ вооружена, также какъ и пѣхота, и огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ: первое состоитъ изъ драгунской винтовки, также системы Бердана, но сравнительно съ пѣхотной меньшаго вѣса; второе, самое важное для кавалеріи, это шашка, употребляемая при столкновеніи съ непріятелемъ въ конномъ строю, и штыкъ, примыкаемый только въ случаѣ спѣшиванія.

Вооруженіе конницы этими двумя видами холоднаго оружія — шашкою и штыкомъ — многіе кавалеристы признаютъ совершенно излишнимъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, кавалеристъ, хорошо владѣющій шашкой, ничуть не уступитъ въ рукопашной схваткѣ пѣхотинцу со штыкомъ.

Третій видъ холоднаго оружія—казацкая пика, которая прежде употреблялась также значительною частью регулярной кавалеріи, и покинута ею лишь по тѣмъ соображеніямъ, что выучиться искусно владѣть пикой можно только при продолжительномъ и постоянномъ упражненіи: она представляетъ дѣйствительно страшное оружіе въ рукахъ нашихъ казаковъ, привыкшихъ дѣйствовать ею чуть ли не съ дѣтства, регулярный же кавалеристъ, при настоящихъ короткихъ срокахъ службы, лишенъ всякой возможности обучиться надлежащему ея употребленію.

Полевая пѣшая артиллерія имѣетъ орудія двухъ калибровъ: третья часть батарей каждой бригады вооружены такъ называемою *батарейною*, остальныя $^2/_3$ легкою пушкой. Калибръ батарейной пушки равняется 4,2 дюйма; вѣсъ снаряда, гранаты и шрапнели сколо 30 фунт., а всего орудія—38 пуд.; дальность стрѣльбы

достигаетъ 5 верстъ, хотя въ дѣйствительности, въ бою огонь очень рѣдко открывается съ разстояній свыше 3 в.

Легкая пушка имѣетъ калибръ въ 3,4 д.; вѣсъ снаряда около 17 ф.; вѣсъ всего орудія 27 п.; дальность еще болѣе чѣмъ въ батарейной пушкѣ—6 в.

Въ конной артиллеріи принята пушка, почти одинаковая съ вышепомянутой легкою пушкой, только еще легче послѣдней—именно въ 22 п.

Нѣкоторыя артиллерійскія батареи, расположенныя въ Крыму, на Кавказѣ, а также въ Туркестанѣ и Западной Сибири, вооружены горными пушками, представляющими изъ себя что-то въ родѣ артиллерійскихъ игрушекъ въ 6 п. вѣсомъ и съ 10-фунтовымъ снарядомъ: онѣ легко перевозятся на спинѣ одной лошади.

Но рядомъ съ этими игрушками существуютъ у насъ и настоящіе гиганты артиллерійскаго искусства. Таковы 11-и 14-дюймовыя орудія, которыми вооружены береговыя батареи въ приморскихъ крѣпостяхъ. Вѣсъ послѣдняго изъ этихъ орудій достигаетъ 3500 п.; вѣсъ снаряда равняется почти 32 п.; зарядъ его составляютъ 6 п. пороха. Какова разрушительная сила этихъ чудовищъ, можно понять изъ того, что съ разстоянія въ цѣлую версту ихъ снаряды пробиваютъ 18-дюймовую желѣзную плиту.

Среднее мѣсто между береговыми и полевыми орудіями составляютъ орудія, защищающія наши крѣпости, а равно и предназначающіяся для осады непріятельскихъ. Сюда относятся пушки и мортиры 6, 8 и 9-дюймоваго калибра.

Офицеры всѣхъ родовъ оружія снабжены шашками и револьверами, равно какъ и фельдфебеля, вахмистры и прислуга при артиллерійскихъ орудіяхъ.

Вообще можно безъ преувеличенія сказать, что вооруженіе нашей арміи вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ современнаго военнаго искусства и вооруженію прочихъ европейскихъ армій ни въ чемъ не уступаетъ.

Но какъ бы ни было усовершенствовано оружіе, оно далеко не обезпечиваетъ арміи несомнѣннаго успѣха на войнѣ, и самымъ главнымъ факторомъ во всякомъ вооруженномъ столкновеніи по прежнему остается—*человѣкъ*. Плохихъ солдатъ съ самымъ прекраснымъ оружіемъ будутъ бить всегда, и наоборотъ, хорошее обученіе и нравственныя свойства солдата всегда съ избыткомъ вознаградятъ недостатки его вооруженія.

Въ виду этого нарочитую важность пріобрѣтаетъ вопросъ: какимъ образомъ обучаются наши войска военному дѣлу, каковы нравственныя ихъ качества и мотивы, руководящіе ими въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, и какова наша воинская дисциплина—это *conditio sine qua non* всякой благоустроенной военной силы?

Учебный годъ нашего войска состоитъ изъ двухъ періодовъ, зимняго и лѣтняго. Въ теченіе перваго подготовляются новобранцы послѣдняго призыва, а прочіе повторяютъ все пройденное въ предыдущіе годы; характеръ зимнихъ занятій болѣе теоретическій, чѣмъ практическій. Лѣтній періодъ посвящается стрѣльбѣ, самоокапыванію, ученьямъ уставнымъ и тактическимъ и завершается маневрами отрядовъ, составленныхъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Обученіе новобранца во всѣхъ родахъ оружія начинается съ 1 января и продолжается 4 мѣсяца, въ теченіе которыхъ онъ долженъ быть подготовленъ на столько, чтобы къ 1 мая стать въ общій строй.

Эти 4 мѣсяца тяжелое время и для новобранца-учени-

ка, и для его учителей. Особенно трудно даются молодому солдату различныя теоретическія свѣдѣнія или такъ называемая „словесность“. Вызубриваніе уставныхъ пунктовъ и параграфовъ составляетъ для человѣка, по большей части умственно неразвитаго и притомъ неграмотнаго, истинное мученіе, и разстраиваетъ даже его здоровье хуже самыхъ утомительныхъ физическихъ работъ.

Надо отдать справедливость нашимъ войсковымъ начальникамъ: они принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы облегчать новобранцамъ усвоеніе трудной солдатской школы. Мѣры эти, однако, не могутъ приносить особенной пользы, потому что какъ бы тамъ ни было, а въ указанный срокъ необходимо *пройти* все положенное.

Да и найти средство къ устраненію этого послѣдняго неудобства довольно трудно: увеличить срокъ обученія весьма не практично, такъ какъ къ веснѣ, т. е. къ тому времени года, въ которое всего вѣроятнѣе и возможнѣе вспыхнуть войнѣ, всѣ солдаты должны быть готовы; и если что можно предпринять въ этомъ направленіи, то развѣ сократить программу. Многія теоретическія свѣдѣнія, дѣйствительно, могли бы быть безъ ущерба дѣлу если не совсѣмъ выброшены изъ солдатскаго курса, то, по крайней мѣрѣ, отложены до втораго года службы.

Къ такимъ свѣдѣніямъ можно отнести, напримѣръ, подробное перечисленіе всѣхъ видовъ довольствія, получаемаго солдатомъ отъ казны, а также теорію стрѣльбы. Первую изъ этихъ *наукъ* солдатъ легче всего усвоитъ на практикѣ, при получкѣ хлѣба, жалованья, холста, сапожнаго товара и т. п., а вторую все равно никогда не постигнетъ. Не жалко ли, въ самомъ дѣлѣ, смо-

трѣть, какъ человѣкъ неграмотный, взятый прямо отъ сохи, стоитъ передъ своимъ учителемъ весь красный отъ непривычнаго умственнаго напряженія и съ тупымъ видомъ лепечетъ непостижимыя для него слова: „траекторія“, „давленіе пороховыхъ газовъ“ и проч.? Въ значительной мѣрѣ можно бы сократить, на первое время, свѣдѣнія и изъ прочихъ уставовъ, которыя легче усваиваются на дѣлѣ, чѣмъ въ зубрячку.

Отнесеніе нѣкоторой части програмы на второй годъ службы сообщило бы большій интересъ занятіямъ старослужащихъ, тогда какъ теперь они, слыша изъ года въ годъ все одно и тоже, часто относятся къ этимъ занятіямъ безъ особаго рвенія, а скорѣе съ апатіей.

Въ лѣтнихъ занятіяхъ едва ли не главную роль занимаетъ стрѣльба: цѣлыя шесть недѣль, даже болѣе, на стрѣльбищахъ идетъ непрерывная пальба съ ранняго утра до поздняго вечера.

Всѣ начальники отдѣленій и взводовъ, а особенно ротные командиры и выше ихъ стоящіе офицеры озабоченно ходятъ отъ одного человѣка къ другому, напоминая имъ правила прикладки, прицѣливанія и пр., зная, что результаты обученія стрѣльбѣ сильно вліяютъ на аттестацію и, слѣд., на дальнѣйшую карьеру всѣхъ полковыхъ офицеровъ, въ виду важнаго значенія, какое въ современныхъ войнахъ принадлежитъ ружейному огню.

Къ сожалѣнію, у насъ обученіе стрѣльбѣ почти повсюду поставлено весьма односторонне и требованія нашего „наставленія“ по этой части исполняются лишь въ половину.

Дѣло въ томъ, что курсъ стрѣльбы въ нашихъ войскахъ почти вездѣ ограничивается *стрѣльбой съ отмѣренныхъ разстояній*. Въ этомъ отношеніи всѣ войсковыя

части у насъ даютъ прекрасные результаты, а многія достигаютъ положительнаго совершенства, выбивая баснословные „проценты“.

Но какъ-бы прекрасно ни стрѣлялъ человѣкъ съ отмѣреннаго разстоянія, если бы онъ даже въ 500 шагахъ попадалъ въ гривенникъ, это отнюдь не гарантируетъ ему вѣрности попаданія при боевой обстановкѣ, и если онъ, напримѣръ, при дѣйствительномъ разстояніи въ 1000 шаговъ, поставитъ прицѣлъ на 1500, то конечно вѣроятность попаданія будетъ весьма незначительна.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что успѣхъ огня въ дѣйствительномъ бою зависитъ не отъ искусства въ этихъ утонченныхъ пріемахъ стрѣльбы, а отъ умѣнья управлять огнемъ, вѣрно выбирать цѣли, опредѣлять на глазомѣръ разстоянія, правильно расходовать патроны и т. п. Но чтобы выучиться этому, нужны упражненія не въ одной только стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній, составляющей *лишь азбуку* всего дѣла, а непремѣнно въ стрѣльбѣ при такой обстановкѣ, которая была бы по возможности близка къ обстановкѣ дѣйствительнаго боя. Между тѣмъ этотъ именно родъ стрѣльбы у насъ вовсе упускаютъ изъ вниманія при обученіи солдатъ, и что всего страннѣе—за недостаткомъ, будто бы, мѣста (?!) для этихъ упражненій!

Въ кавалеріи нашей существенный пробѣлъ ея обученія составлялъ до послѣдняго времени недостатокъ быстроты и выносливости при передвиженіи на большихъ разстояніяхъ. Теперь обращено особое вниманіе на устраненіе этого недостатка, для чего, между прочимъ, производятся часто дальнія поѣздки какъ отдѣльными командами, такъ и цѣлыми строевыми частями, переправы вплавь черезъ рѣки болѣе или менѣе

значительной ширины, и т. п. Желательно было бы, при этомъ, повсемѣстное обученіе кавалеріи и сквознымъ атакамъ на пѣхоту, которыя практикуются пока лишь въ нѣкоторыхъ округахъ: въ случаѣ военныхъ дѣйствій онѣ могли бы быть очень полезны, пріучивъ конницу къ смѣлому натиску на непріятеля подъ залпами его ружейнаго огня.

Въ артиллеріи нашей пока не обращено надлежащаго вниманія на одно изъ существенныхъ требованій тактики: въ современныхъ бояхъ артиллерія почти всегда сосредоточивается на извѣстныхъ пунктахъ поля сраженія въ громадныя батареи изъ ста и болѣе орудій. Управленіе такими страшными батареями требуетъ большаго навыка и практики. Между тѣмъ наши артиллеристы, при упражненіяхъ мирнаго времени, вовсе почти не имѣютъ случая командовать и управлять большими массами артиллеріи.

Наконецъ, обращаясь къ смѣшаннымъ маневрамъ изъ отрядовъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, упомянемъ, что при этихъ упражненіяхъ желательна большая связь между дѣйствіями пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, на что, впрочемъ, уже и обращено вниманіе, хотя полученные результаты еще заставляютъ желать много лучшаго.

Спеціальныя занятія съ офицерами въ зимнее время заключаются въ рѣшеніи тактическихъ задачъ на планахъ, а лѣтомъ въ рѣшеніи такихъ же задачъ въ полѣ и въ производствѣ съемокъ.

Что касается общихъ выводовъ о подготовкѣ нашихъ войскъ, то они должны быть весьма благопріятны: она въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, о которомъ никто и не мечталъ лѣтъ тридцать назадъ. Начальники нашей арміи, отъ высшихъ до низшихъ,

употребляютъ всѣ свои силы на возможное усовершенствованіе ввѣренныхъ имъ частей въ военномъ дѣлѣ.

Прекрасное вооруженіе и основательная военная подготовка арміи даютъ право надѣяться, на случай столкновенія съ внѣшними врагами, что армія эта покажетъ себя достойною ея славныхъ предковъ. Еще прочнѣе эта надежда зиждется на драгоцѣнныхъ нравственныхъ качествахъ, всегда отличавшихъ русское войско — качествахъ, сохранившихся во всей чистотѣ и неприкосновенности до настоящаго времени.

Безпредѣльная преданность Престолу и Отечеству, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ долга своей службы, всегда одушевляли и теперь одушевляютъ всю нашу армію отъ перваго до послѣдняго воина. Русскій солдатъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, на какой бы ступени умственнаго развитія ни стоялъ, и въ мирное и въ военное время полагаетъ величайшею для себя честью и счастіемъ положить животъ свой за вѣру, Царя и Отечество. Блестящіе подвиги, совершенные въ послѣднюю турецкую войну нашими молодыми солдатами, поступившими на службу по общей воинской повинности, доказываютъ, что ни мужествомъ, ни способностью переносить невзгоды походной жизни, они ни въ чемъ не уступаютъ прежнимъ, сѣдымъ 25-лѣтнимъ служакамъ. Неоднократно повторявшіеся случаи, когда часовые, не смѣненные своевременно, замерзали или погибали въ пламени на своихъ постахъ, свидѣтельствуютъ, сколь глубокіе корни пустило въ нашихъ войскахъ сознаніе служебнаго долга.

Состояніе дисциплины въ арміи слѣдуетъ признать вообще удовлетворительнымъ, хотя за послѣднее время нерѣдко встрѣчаются и исключенія изъ этого общаго правила, и со стороны воинскихъ начальниковъ

все чаще и чаще слышатся жалобы на затруднительность поддержанія дисциплины на прежней высотѣ. Жалобы эти на столько серіозны, что на нихъ нельзя не обратить самаго строгаго вниманія, и не замедлить самыми дѣйствительными мѣрами къ пресѣченію зла въ самомъ корнѣ.

Въ чемъ же причина его и какія мѣры для борьбы съ нимъ?

Ошибочно думать, что вооруженная сила государства—что-либо постороннее, насильно навязанное его гражданамъ. Армія—необходимый членъ народнаго организма, живущій одною съ нимъ жизнью и питающійся одними и тѣми же соками. Общее состояніе этого организма неизбѣжно вліяетъ и на отдѣльные члены его; если все тѣло здорово, то здоровы и всѣ органы въ отдѣльности, и наоборотъ, въ больномъ тѣлѣ страдаютъ и всѣ его члены въ частности.

Нельзя сказать, чтобы въ нашемъ государственномъ и общественномъ организмѣ все обстояло благополучно. Извѣстна неурядица, жертвою которой въ настоящее время стала наша деревня. Отсутствіе власти, безправіе, всесильная мощь кабака и кулака-міроѣда съ каждымъ годомъ все глубже и глубже погружаютъ сельское населеніе въ пучину нравственнаго растлѣнія. А между тѣмъ, это населеніе и поставляетъ главный контингентъ нашей арміи. Немудрено, что этотъ помутившійся источникъ ежегодно приноситъ въ ряды войскъ извѣстный процентъ вредныхъ осадковъ въ видѣ личностей весьма сомнительной нравственности, дурно вліяющихъ и на неиспорченныхъ товарищей.

И вотъ, для удержанія подобныхъ личностей въ должныхъ границахъ, а равно и въ примѣръ прочимъ, необ-

ходимы рѣшительныя мѣры въ видѣ *строгихъ* дисциплинарныхъ взысканій.

Ихъ-то, однако, и нѣтъ въ нашемъ дисциплинарномъ уставѣ. Плодъ либеральныхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ, уставъ этотъ отличается безграничною гуманностью, далеко несоотвѣтственною тѣмъ элементамъ общества, изъ которыхъ преимущественно комплектуется армія.

Взысканія съ нижнихъ чиновъ заключаются: въ воспрещеніи отлучекъ со двора, въ нарядѣ не въ очередь на службу и на работу, и въ различныхъ видахъ ареста, да сверхъ того, какъ бы въ видѣ исключенія, для людей, числящихся въ такъ называемомъ разрядѣ штрафованныхъ, въ тѣлесномъ наказаніи. При этомъ право перевода въ разрядъ штрафованныхъ предоставлено лишь суду.

Такія взысканія были бы достаточны для людей неиспорченныхъ, дошедшихъ до какого-нибудь проступка лишь по неразумію или легкомыслію. Но въ каждой ротѣ всегда имѣется извѣстное число личностей, на которыхъ подобныя взысканія не могутъ производить никакого впечатлѣнія. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ человѣку грубыхъ понятій и необузданныхъ привычекъ, почти свободному отъ чувства личнаго достоинства, просидѣть нѣсколько дней въ карцерѣ? Иные даже радуются такому взысканію: въ то время, какъ честный, ни въ чемъ незамѣченный солдатъ, обливаясь потомъ, учится подъ палящими лучами іюльскаго солнца съ двухъ-пудовою ношей на спинѣ, иной негодяй сидитъ себѣ спокойно, либо спитъ съ утра до вечера въ прохладномъ карцерѣ подъ арестомъ, изображая Крыловскую щуку, которую судьи приговорили утопить въ рѣкѣ.

Понятно, какъ отъ такого порядка вещей страдаетъ дисциплина, и для поднятія ея и удержанія на надлежащей высотѣ едва ли найдется иное средство, кромѣ усиленія личной власти начальниковъ надъ подчиненными имъ нижними чинами, потому что судъ хотя и располагаетъ весьма широкою градаціей наказаній, отъ ареста до ссылки въ каторжныя работы, но самое преданіе суду обставлено такими сложными формальностями, что къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Число такихъ случаевъ, нѣтъ сомнѣнія, и еще бы уменьшилось, еслибъ начальники имѣли право рѣшительными и строгими мѣрами своевременно обуздывать будущихъ преступниковъ съ первыхъ же ихъ шаговъ по скользкому пути порока. Самое взысканіе въ большинствѣ случаевъ только тогда и способно производить надлежащее впечатлѣніе на окружающую среду, когда слѣдуетъ непосредственно за проступкомъ, чего не бываетъ при судебномъ порядкѣ съ его формальностями и неизбѣжными проволочками.

Мнѣнія спеціалистовъ военнаго дѣла сводятся по этому вопросу къ необходимости предоставить по крайней мѣрѣ полковымъ командирамъ право перевода въ разрядъ штрафованныхъ, хотя имъ едва ли бы и пришлось часто пользоваться этимъ правомъ. такъ какъ одно сознаніе близости сильной карающей власти служило бы достаточною острасткой для людей ненадежной нравственности, которые теперь мало озабочены обузданіемъ своихъ дурныхъ наклонностей, хорошо зная, что подѣлать съ ними ничего нельзя.

Гораздо тяжеле дисциплинарныя взысканія съ офицеровъ: кромѣ замѣчаній, выговоровъ и арестовъ, здѣсь имѣютъ мѣсто и отрѣшеніе отъ должности, неудостоеніе къ производству по линіи, и даже удаленіе со службы.

Что касается поощрительныхъ мѣръ, наше военное законодательство вообще весьма богато различными видами наградъ какъ для нижнихъ чиновъ, такъ и для офицеровъ. Высшею и наиболѣе цѣнимою наградой для первыхъ служитъ знакъ ордена Св. Георгія, жалуемый за особо отличные подвиги въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Знакъ этотъ имѣетъ 4 степени, изъ коихъ 1-я и 2-я— золотые кресты, 3-я и 4-я—серебряные, и притомъ 1 я и 3-я степень съ бантомъ, 2-я и 4-я безъ банта.

Высшимъ отличіемъ мирнаго времени служитъ знакъ ордена Св. Анны; кромѣ того существуютъ еще различнаго рода медали, шевроны изъ серебрянаго или золотаго галуна, жалуемые за сверхсрочную службу, медали „за спасеніе погибавшихъ", наконецъ медали и кресты въ память войнъ и походовъ, даруемые всѣмъ чинамъ войскъ, участвовавшихъ въ этихъ войнахъ.

Къ числу наградъ, установленныхъ для офицеровъ, принадлежатъ ордена, чины, изъявленія Высочайшаго благоволенія и золотое оружіе. Въ мирное время ежегодно на каждую часть назначается извѣстное число орденовъ, которыми и награждаются достойнѣйшіе офицеры, по представленію начальства. Пожалованіе орденовъ происходитъ въ извѣстной постепенности, начиная съ ордена Св. Станислава 3 степени.

Производство въ слѣдующіе чины „за отличіе" установлено лишь для генераловъ, а въ арміи и для штабъ-офицеровъ. Награжденіе же оберъ-офицеровъ чинами за отличіе допускается вообще лишь за боевые подвиги.

Къ наградамъ, жалуемымъ исключительно въ военное время, принадлежитъ орденъ Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", золотое оружіе и, за особые подвиги, орденъ Св. Георгія, тоже 4-хъ степеней.

Впрочемъ за военныя же отличія могутъ быть жалуемы и другіе ордена, но всегда съ мечами и бантами.

Всѣ указанныя награды даруются офицерамъ на службѣ. Существуютъ награды, жалуемыя при отставкѣ и пріобрѣтаемыя выслугою извѣстнаго числа лѣтъ. Сюда относятся: производство въ слѣдующій чинъ, право ношенія мундира, а равно различнаго рода пенсіи (о чемъ уже говорилось).

V.

Условія вооруженнаго столкновенія съ западными сосѣдями. Сравненіе численнаго состава войскъ. Мобилизація и сосредоточеніе войскъ. Вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій и его свойства.

До сихъ поръ мы разсматривали вооруженныя силы Россіи взятыя отдѣльно, сами по себѣ, безъ сравненія съ силами, съ которыми намъ, быть можетъ, придется вести борьбу. Очевидно, что подобнаго изслѣдованія недостаточно для оцѣнки военнаго могущества государства: оцѣнка эта можетъ быть опредѣлена лишь путемъ сравненія нашихъ военныхъ средствъ со средствами нашихъ сосѣдей.

Не объ азіатскихъ сосѣдяхъ нашихъ, какъ-то: Китаѣ, Афганистанѣ, хотя бы и поддержанномъ Англіей, Персіи и Турціи здѣсь рѣчь, ибо война съ этими государствами не можетъ быть для насъ опасною, а о сосѣдяхъ западныхъ: Германіи и Австріи.

Вопросъ о возможности нашего столкновенія съ ними и его послѣдствіяхъ все чаще и чаще обращаетъ на себя вниманіе всей Европы. Въ германской литературѣ чуть не каждый день являются различнаго рода газетныя статьи и отдѣльныя брошюры, разсуждающія о войнѣ Германіи съ Россіей.

Многія изъ этихъ брошюръ въ своихъ увлеченіяхъ доходятъ до смѣшнаго: не ограничиваясь сравненіемъ средствъ борьбы того и другаго государства, онѣ живописуютъ цѣлыя воображаемыя кампаніи, разыгрываютъ генеральныя сраженія, въ которыхъ, разумѣется, бравые тевтоны обыкновенно побѣждаютъ сѣверныхъ варваровъ, и т. д. т. п.

Не увлекаясь ихъ примѣромъ, выяснимъ, однако, тѣ условія, отъ которыхъ могъ бы зависѣть исходъ возможнаго нашего столкновенія съ названными сосѣдями: сравнимъ матеріальныя средства обѣихъ сторонъ, разсмотримъ вѣроятный театръ военныхъ дѣйствій и постараемся, на основаніи этихъ очевидныхъ данныхъ, вывести заключеніе объ исходѣ такой борьбы.

Число вооруженныхъ силъ Германіи въ настоящее время превышаетъ въ общемъ 2 милліона, т. е. подходитъ близко къ нашимъ. Но въ этомъ числѣ заключается свыше милліона войскъ мѣстныхъ, которыя не могутъ быть направлены за предѣлы государства. Всего же, въ случаѣ столкновенія съ Россіей, Германія можетъ выставить на нашей границѣ въ первой линіи не болѣе 800,000 чел. полевыхъ войскъ и за ними, уже во второй линіи, 400,000 чел. резерва. Мы же (какъ высчитано раньше) имѣемъ въ первой линіи безъ малаго 1,150,000 чел. полевыхъ войскъ и во второй 550,000 резервныхъ, или всего 1,700,000 противъ 1,200,000 германскихъ, т. е. болѣе на $^1/_2$-милліона.

На это могутъ возразить, что въ случаѣ борьбы съ Россіей Германія не будетъ изолирована, а пойдетъ драться совмѣстно съ Австро-Венгріей.

Силы, которыми располагаетъ Австрія для внѣшней борьбы, состоятъ изъ 650,000 чел. полевыхъ войскъ и 220,000 чел. ландвера. И если даже не принимать въ соображеніе, что въ борьбѣ съ Россіей значительная часть этихъ войскъ, состоящая изъ славянъ, можетъ оказаться ненадежной, и предполагать, что всѣ австрійскія войска будутъ драться противъ насъ съ одинаковою храбростью, и тогда соединенныя силы противниковъ нашихъ составятъ: въ первой линіи 1,450,000 чел. противъ нашихъ 1,150,000, и во второй 660,000 противъ нашихъ 550,000. Перевѣсъ въ силахъ хотя и оказывается на сторонѣ нашихъ враговъ, но далеко не столь значительный, чтобы ему можно было придавать рѣшительное значеніе.

Но вѣдь и Россія не будетъ же совершенно изолирована. Если наше правительство, въ видахъ пріобрѣтенія полной свободы дѣйствій, и не связываетъ себя формальными договорами, тѣмъ не менѣе у насъ существуютъ естественные союзники, близкіе намъ не на бумагѣ, а по общности интересовъ, по сознанію необходимости соединенныхъ усилій для борьбы съ общими врагами и по взаимной нравственной симпатіи. Полагаемъ, что подобныя узы будутъ покрѣпче драныхъ грамотъ дипломатическаго договора.

Мы, конечно, разумѣемъ Францію, обладающую весьма почтенными военными средствами, и могущую выставить въ первой линіи 1,200,000 чел., и во второй, собственно для обороны страны, до 700,000 чел. Союзъ съ нею, очевидно, далъ бы намъ рѣшительный перевѣсъ въ силахъ.

Но предположимъ самые невыгодные для насъ случаи: *единоборство* съ Германіей или же борьбу и съ Германіей и съ Австріей одновременно.

Въ первомъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, на нашей сторонѣ будетъ почти полуторный перевѣсъ въ силахъ. Но по одному лишь количеству войскъ еще нельзя заключать о томъ, на чьей сторонѣ будутъ шансы на успѣхъ въ минуту столкновенія. Для созданія возможно выгоднаго исходнаго положенія въ началѣ кампаніи, необходимо предупредить противника въ быстротѣ приведенія арміи на военное положеніе, т. е. въ мобилизаціи ея, и въ быстротѣ ея сосредоточенія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Не имѣя возможности судить о дѣйствительно существующихъ у насъ на этотъ предметъ планахъ, мы, однако, попытаемся выяснить, въ какихъ условіяхъ находимся мы и Германія относительно осуществленія обѣихъ названныхъ задачъ.

При самой математической точности всѣхъ мобилизаціонныхъ расчетовъ, при полной готовности всѣхъ матеріальныхъ средствъ, наша мобилизація, въ силу естественныхъ условій, не можетъ быть выполнена съ такою быстротой какъ германская.

Двадцать корпусовъ, составляющихъ германскую армію, расквартированы на пространствѣ 9,800 кв. миль. Вся территорія государства раздѣляется въ военномъ отношеніи на 20 корпусныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый дастъ укомплектованіе расположенному въ немъ корпусу. Средняя величина округа не превышаетъ 490 кв. миль и наибольшія разстоянія, на которыя придется перевозить запасныхъ для укомплектованія войскъ, не будутъ превосходить 150—200 верстъ.

Наши 20 корпусовъ, считая въ томъ числѣ и Кавказ-

скій, разбросаны на пространствѣ около 108,000 кв. миль, т. е. на каждый корпусъ придется 5,400 кв. миль, или болѣе половины территоріи, занимаемой всею Германскою имперіей.

Въ дѣйствительности наши войска не распредѣлены равномѣрно по всему пространству государства, подобно войскамъ германскимъ. Большая часть ихъ, какъ извѣстно, сосредоточена въ западной пограничной полосѣ. Однако, это обстоятельство нисколько не дѣлаетъ нашего положенія выгоднѣе. Число населенія западныхъ пограничныхъ округовъ составляетъ не болѣе $^1/_3$ населенія всей Европейской Россіи; остальныя же $^2/_3$ приходятся на долю внутреннихъ округовъ. Очевидно, что для укомплектованія войскъ пограничнаго пространства придется перевозить запасныхъ изъ внутреннихъ частей имперіи, при чемъ людямъ, перевозимымъ, напр., изъ Московскаго округа въ Варшавскій придется дѣлать среднимъ числомъ около 1200 верстъ, а изъ Казанскаго около 2000 в.

Такимъ образомъ, нашимъ запаснымъ, вообще говоря, придется проѣзжать по дорогѣ къ арміи при мобилизаціи приблизительно въ десятеро большее число верстъ нежели нѣмецкимъ.

Но это еще не все. Германцы обладаютъ сравнительно съ нами гораздо большими средствами перевозки, и наиболѣе важнымъ изъ нихъ являются желѣзныя дороги, которыхъ Германія имѣла еще къ 1 января 1886 г. по 3,8 километра на кв. милю, тогда какъ Европейская Россія къ тому же времени располагала всего только 0,27 килом., или, другими словами, германская желѣзнодорожная сѣть слишкомъ три года назадъ была гуще нашей въ 15 разъ.

Такимъ образомъ, по быстротѣ мобилизаціи наша

армія необходимо должна значительно уступить германской, которая, притомъ, имѣетъ и полную возможность сосредоточиться на нашихъ границахъ гораздо быстрѣе, чѣмъ наша.

Послѣдній выводъ можно сдѣлать на основаніи слѣдующихъ данныхъ: для переѣзда къ русской границѣ наиболѣе удаленнымъ корпусамъ германской арміи, именно тѣмъ, которые расположены на французской границѣ, придется сдѣлать не свыше 1000 верстъ; нашимъ же корпусамъ, напримѣръ Московскаго округа, придется, какъ мы уже указали, сдѣлать до 1200, а войскамъ Казанскаго—свыше 2000 верстъ

Сверхъ того, нѣмцы имѣютъ больше и путей для перевозки своихъ войскъ къ нашимъ границамъ, т. е. изъ внутреннихъ областей Германіи въ восточныя пограничныя провинціи, обладая 10-ю желѣзнодорожными линіями, тогда какъ мы для перевозки войскъ изъ внутреннихъ округовъ къ западной границѣ располагаемъ всего 5-ю линіями, считая, притомъ, Московско-Брестскую, какъ двухколейную, за двѣ линіи.

И такъ—несомнѣнно (и нѣтъ нужды на этотъ счетъ заблуждаться), что нѣмцы успѣютъ сосредоточить на нашей границѣ, въ началѣ кампаніи, гораздо большее число войскъ, чѣмъ мы. Но значитъ ли это, что мы съ самаго начала столкновенія будемъ обречены на пораженіе?

Вовсе нѣтъ, ибо, кромѣ числа войскъ, на ходъ военныхъ дѣйствій могущественно вліяютъ и свойства предполагаемаго театра военныхъ дѣйствій, а эти свойства какъ нельзя болѣе выгодны для *насъ*.

Наши пограничные округа можно раздѣлить на два раіона: первый, заключающій выдающіяся далеко впередъ, въ видѣ передоваго укрѣпленія, губерніи При-

вислянскаго края или Варшавскаго военнаго округа; второй, обнимающій обширную полосу отъ Балтійскаго до Чернаго моря.

Что касается Привислянскихъ губерній, онѣ представляютъ мѣстность покрытую значительными лѣсами и пересѣченную множествомъ большихъ рѣкъ, текущихъ въ болотистыхъ долинахъ. Такія свойства мѣстности дѣлаютъ этотъ край чрезвычайно выгоднымъ для оборонительныхъ дѣйствій и сильно затрудняютъ вторженіе непріятеля хотя бы въ несравненно превосходнѣйшихъ силахъ. Главную водную артерію края представляетъ Висла, достигающая мѣстами ширины около версты, и въ наиболѣе узкихъ мѣстахъ имѣющая не менѣе 100 саж.; наименьшая глубина рѣки 3 аршина. Уже эта естественная преграда, при условіи ея энергичной защиты нашими войсками, представитъ серьезное препятствіе для наступленія непріятеля.

Притоки Вислы: Бугъ, Наревъ съ Бобромъ, Вепржъ, Пилица, Бзура и др. хотя по размѣрамъ своимъ и значительно ей уступаютъ, но протекая большею частью по весьма болотистымъ долинамъ, представляютъ не меньшее препятствіе для непріятельскаго вторженія. Переправами чрезъ нихъ въ большинствѣ пунктовъ являются узкія гати длиною болѣе версты, за которыми незначительные отряды въ состояніи долгое время задерживать многократно сильнѣйшаго непріятеля. Войны 1806—1807 г.г. и усмиреніе Польскаго мятежа въ 1831 г. представляютъ множество подобныхъ примѣровъ.

Естественныя оборонительныя свойства страны усиливаются еще въ значительной мѣрѣ искусственными сооруженіями. Таковыми являются крѣпости: Варшава, на средней Вислѣ, Ново-Георгіевскъ, при сліяніи Буга

съ Вислой, Ивангородъ, при впаденіи Вепржа въ Вислу, и недавно воздвигнутыя укрѣпленія Осовца на р. Бобрѣ. Наконецъ, въ тылу ихъ находится еще сильная крѣпость Брестъ-Литовскъ, расположенная въ узлѣ 4-хъ желѣзнодорожныхъ линій, на Бугскомъ каналѣ, соединяющемъ водную систему Днѣпра съ системой Вислы.

Въ 1806—1807 г.г. въ описываемой нами мѣстности и смежной съ нею восточной Пруссіи русская армія во 100,000 чел. въ теченіе полугода съ успѣхомъ боролась противъ 160,000 французовъ, предводимыхъ Наполеономъ.

Въ 1831 г. на этой же мѣстности поляки въ теченіе 8 мѣсяцевъ сопротивлялись вдвое почти сильнѣйшей нашей арміи. Къ этому надо прибавить, что они вовсе не обладали такими крѣпостями, какія мы имѣемъ теперь въ Варшавскомъ округѣ.

Эти свойства вѣроятнаго театра войны даютъ основаніе надѣяться, что наличныя войска нашей западной границы будутъ въ состояніи держаться до тѣхъ поръ, пока число ихъ подвозимыми изъ внутреннихъ округовъ подкрѣпленіями усилится до цифры непріятельскихъ силъ и даже превыситъ ее.

Предположимъ худшее, что мы не удержимся въ Варшавскомъ округѣ, что намъ однимъ будетъ предстоять борьба одновременно и съ Германіей и Австріей, и что союзники, обладая громаднымъ численнымъ перевѣсомъ, заставятъ насъ отступить изъ Привислянскихъ губерній.

Театромъ военныхъ дѣйствій тогда становится второй раіонъ, а онъ отличается тоже весьма выгодными въ оборонительномъ отношеніи мѣстными условіями.

По самой срединѣ его протекаетъ р. Припеть со мно-

жествомъ притоковъ, впадающихъ въ нее справа и слѣва; долина ея и ея притоковъ, представляющая изъ себя почти сплошное болото, отчасти топкое, по большей же части поросшее густыми дремучими лѣсами, имѣетъ форму равнобедреннаго треугольника, обращеннаго вершиной къ Бресту и основаніемъ къ р. Днѣпру; длина этого основанія простирается до 300 в., а прочихъ сторонъ до 500 вер.

Весною и осенью этотъ громадный треугольникъ, извѣстный вообще подъ названіемъ Пинскихъ болотъ или Полѣсья, почти весь обращается въ обширное озеро, среди котораго на незначительныхъ возвышеніяхъ видны тамъ и сямъ бѣдныя деревушки. Сообщеніе между ними въ эту пору производится почти вездѣ на лодкахъ, а въ сухое время по отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ, состоящимъ по большей части изъ длинныхъ узкихъ гатей даже на десятки и сотни верстъ.

Подобныя свойства мѣстности, въ связи съ малонаселенностью и бѣдностью края, дѣлаютъ его совершенно недоступнымъ для значительныхъ массъ войска. Но за то эти же свойства дѣлаютъ его чрезвычайно удобнымъ для развитія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ партизанской войны, въ которой мы показали себя такими мастерами въ достопамятную годину Отечественной Войны.

Пинскія болота дѣлятъ нашу западную пограничную полосу на два отдѣльныхъ театра военныхъ дѣйствій: *южный*, обнимающій западныя части Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ, и *сѣверный*, заключающій въ себѣ большую часть Виленскаго округа.

По занятіи нашихъ Привислянскихъ губерній, непріятелю предстоитъ рѣшить, на который изъ этихъ теат-

ровъ войны направить главныя силы. Вѣроятнѣе, что онъ изберетъ сѣверный, такъ какъ здѣсь пролегаютъ прямые пути на важнѣйшіе политическіе, административные и экономическіе центры Россіи—Москву и Петербургъ. Кромѣ того, Германіи, главному члену коалиціи, было бы чрезвычайно неудобно направить свои силы кружнымъ путемъ въ обходъ Пинскихъ болотъ съ юга. На южный же театръ, по всей вѣроятности, направлена будетъ часть австрійской арміи.

На пути къ Петербургу непріятель встрѣтитъ двѣ серьезныя преграды: линію р. Нѣмана съ первоклассною крѣпостью Ковно, и линію западной Двины съ сильною крѣпостью Динабургомъ. Для движенія на Москву ему необходимо овладѣть сперва одною изъ сильнѣйшихъ нашихъ крѣпостей — Брестомъ, и далѣе форсировать переправу черезъ историческую Березину. Движеніе въ этомъ направленіи будетъ сильно затрудняться и тѣмъ обстоятельствомъ, что на правомъ флангѣ наступающаго непріятеля будутъ находиться только что описанныя нами Пинскія болота, которыя несомнѣнно сдѣлаются гнѣздомъ нашихъ партизантскихъ отрядовъ, и эти послѣдніе, выходя изъ лѣсовъ и болотъ, постоянными нападеніями на непріятельскіе транспорты сильно затруднятъ продовольствіе наступающей арміи.

И для того, чтобы съ увѣренностью сказать, что пока непріятель будетъ преодолѣвать описанныя выше преграды, мы успѣемъ сосредоточить достаточныя силы для отраженія дальнѣйшаго его вторженія—вовсе не нужно быть оптимистомъ. Увѣренность эта становится еще прочнѣе, когда примемъ во вниманіе, что силы непріятеля, по мѣрѣ его вторженія въ глубь Россіи, неизбѣжно должны будутъ уменьшаться: не

считая убыли отъ болѣзней и военныхъ дѣйствій, значительная часть непріятельскихъ силъ должна быть оставляема въ тылу для обезпеченія сообщеній, которыя будутъ для него становиться тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше онъ будетъ удаляться отъ границы, тогда какъ наши силы будутъ возрастать съ каждымъ шагомъ назадъ, просто присоединеніемъ къ нимъ войскъ, расположенныхъ на пути ихъ отступленія.

Но это не все. Предположимъ, что намъ не удастся задержать противника, и что онъ въ концѣ концовъ достигнетъ одной изъ нашихъ столицъ.

Чего же ждать ему здѣсь? Полнаго тріумфа и мира на выгодныхъ условіяхъ? Едва-ли: исторія указываетъ противное, и обѣщаетъ ему въ этомъ случаѣ либо голодную смерть, либо возможно быстрое отступленіе, или, вѣрнѣе, бѣгство во свояси. А что значитъ такое бѣгство изъ Россіи, на протяженіи слишкомъ 1000 верстъ, подъ давленіемъ паническаго страха, могли бы разсказать предки будущихъ завоевателей, испытавшіе подобную кампанію подъ знаменами Наполеона I.

Предположенія наши могутъ быть подтверждены и точными разсчетами.

Разстояніе отъ нашей западной границы до Петербурга составляетъ 900 верстъ, а до Москвы свыше 1000 верстъ. Для обезпеченія своихъ сообщеній на такомъ громадномъ протяженіи непріятелю необходимо оставить въ тылу добрую половину своей арміи. Предположимъ, что на сѣверъ отъ Пинскихъ болотъ направлены будутъ всѣ германскія войска первой линіи и половина той же линіи австрійскихъ войскъ: это составитъ около милліона чел., изъ которыхъ конечныхъ пунктовъ достигнетъ развѣ половина, т. е. такое

количество, которому мы всегда въ состояніи противопоставить силы вдвое большія.

Дадимъ непріятелю и еще новые шансы: предположимъ, что онъ найдетъ возможность вывести изъ предѣловъ своей территоріи, для обезпеченія своихъ сообщеній, и всѣ свои войска 2-й линіи, чтобы такимъ образомъ собрать у Петербурга или Москвы почти милліонъ человѣкъ.

Но развѣ съ занятіемъ врагами одной изъ столицъ сила сопротивленія русской арміи и народа будетъ сломлена? Занятіе это развѣ не послужитъ лишь сигналомъ ко всеобщей истребительной народной войнѣ' образчикъ которой уже знакомъ соединеннымъ арміямъ Европы по примѣру двѣнадцатаго года? Каково же будетъ положеніе милліонной непріятельской арміи на чужой сторонѣ, среди озлобленнаго противъ нея народа, за 1000 верстъ отъ границъ своей родной земли?

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что все, чѣмъ бы могъ воспользоваться противникъ, будетъ нами тщательно скрываться или истребляться на пути его наступленія, что ни куска хлѣба, ни клочка сѣна не попадетъ въ его руки, и что такимъ образомъ все продовольствіе арміи ему придется основать исключительно на подвозѣ изъ складовъ, устроенныхъ въ предѣлахъ собственнаго государства.

Такой подвозъ не представлялъ бы особенныхъ затрудненій, если бы для этой цѣли можно было пользоваться желѣзными дорогами: но развѣ непріятелю удастся ими воспользоваться? Если въ наше время и совершенствуются пути сообщенія, то съ другой стороны совершенствуются, въ неменьшей степени, и средства для ихъ разрушенія: разъ дѣло дойдетъ до борьбы за

свое политическое бытіе, народъ нашъ конечно не пощадитъ и желѣзныхъ дорогъ, которыя противникамъ придется уже не исправлять, а развѣ сооружать вновь.

А такая трудная задача, какъ сооруженіе новыхъ дорогъ, мостовъ и пр. представляетъ работу, которая не можетъ быть выполнена въ теченіе недѣль или даже мѣсяцевъ.

Разумѣется, нечего и думать, чтобы война, въ которой почти все здоровое, способное къ труду населеніе со стороны непріятеля будетъ находиться подъ ружьемъ, чтобы такая война могла тянуться продолжительное время. Весь эффектъ современныхъ милліонныхъ армій расчитанъ на рѣшительный и быстрый успѣхъ. А именно такой быстрый успѣхъ и немыслимъ при условіяхъ борьбы на необъятномъ пространствѣ Россіи съ ея широкими многоводными рѣками, дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, съ ея населеніемъ, глубоко преданнымъ вѣрѣ предковъ и своему Государю, готовымъ лучше истребить все свое имущество и погибнуть самому чѣмъ уступить врагу.

Такимъ образомъ непріятелю останется одно средство продовольствоваться: подвозить все необходимое по обыкновеннымъ дорогамъ на лошадяхъ.

Но такая задача оказалась не по плечу даже генію Наполеона, приведшаго въ Россію полмилліона войскъ. Едва ли удастся рѣшить ее будущимъ нѣмецкимъ воителямъ, которымъ придется продовольствовать армію вдвое сильнѣйшую.

Для прокормленія милліона человѣкъ, считая по 2 ф. въ день на человѣка, потребуется одного хлѣба ежедневно 50,000 пудовъ. Лошадей при милліонной арміи

должно быть не менѣе 300,000, и одного овса потребуется для нихъ каждый день 75,000 пуд. Какой же громадный транспортъ понадобится, чтобы поднять эту громадную массу продуктовъ!

Опытомъ дознано, что при дальнихъ походныхъ движеніяхъ на пароконную повозку нельзя нагружать болѣе 40 пудовъ, а на большей части нашихъ дорогъ и этотъ грузъ окажется очень тяжелъ. Принявъ, однако, даже эту максимальную норму, найдемъ, что для поднятія 125,000 пуд. груза потребуется 3,125 пароконныхъ повозокъ, или 6,250 лошадей—и это для подвоза только однодневной порціи: такіе транспорты должны будутъ прибывать ежедневно. Но такъ какъ разстояніе въ 1000 верстъ, отдѣляющее наши центры отъ западной границы, составляетъ 50 обыкновенныхъ дневныхъ переходовъ, то для безостановочнаго снабженія войскъ непріятелю необходимо будетъ имѣть на каждомъ переходѣ по одному транспорту, направляющемуся къ арміи, и по одному, возвращающемуся обратно, или всего одновременно 100 транспортовъ въ движеніи, т. е. 625,000 лошадей!

Но и это лишь миніатюрное, схематическое изображеніе снабженія арміи. Въ дѣйствительности все происходитъ далеко не такъ просто: тяжело нагруженныя повозки въ военное время не могутъ дѣлать, не переводя духа, по 1000 верстъ; обыкновенно, по мѣрѣ движенія впередъ, черезъ каждые 8—10 переходовъ устраиваются промежуточные складочные пункты, изъ которыхъ уже запасы и передаются постепенно впередъ и развозятся по войскамъ. А при подобной (и совершенно неизбѣжной) организаціи снабженія арміи каждый кусокъ хлѣба, прежде чѣмъ попасть въ голодные желудки побѣдоносныхъ воиновъ, долженъ будетъ на-

ходиться въ дорогѣ гораздо болѣе 50 дней, и число лошадей, необходимыхъ для перевозки продовольствія, возрастетъ до милліона.

Да еще мы не приняли въ расчетъ перевозочныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія прочихъ насущныхъ потребностей войска, какъ-то: для доставки боевыхъ припасовъ, для эвакуаціи больныхъ и раненыхъ, и т. п. Изнуренныхъ продолжительнымъ и трудпымъ походомъ солдатъ мы предполагаемъ кормить однимъ только хлѣбомъ, да и то 2 ф. въ день, на каждую лошадь клали только овесъ, не считая сѣна. Не принята нами во вниманіе и громадная убыль въ подъемныхъ лошадяхъ, неизбѣжная, однако, въ военное время. Все это вмѣстѣ взятое должно увеличить цифру необходимыхъ для продовольствія арміи лошадей съ милліона до двухъ, если не до трехъ милліоновъ. Между тѣмъ и вся-то Германская имперія не имѣетъ четырехъ милліоновъ лошадей.

Если даже нѣмцы ухитрятся рѣшить успѣшно и эту мудреную задачу продовольствія, пустивши въ дѣло всю наличность своихъ лошадей, возникаетъ опять новое затрудненіе, которое опрокинетъ всѣ ихъ расчеты: затрудненіе это состоитъ въ томъ, что транспортнымъ лошадямъ, и людямъ, при нихъ находящимся, тоже надо ѣсть. На каждую лошадь, везущую 20 пуд. груза, потребуется въ день не менѣе 10 ф. одного овса, и пока она сдѣлаетъ всю дорогу взадъ и впередъ, т. е. сто переходовъ къ арміи и обратно, она должна съѣсть 25 пуд. овса, т. е. и тѣ 20 пуд., которые везетъ, и еще сверхъ нихъ 5 пудовъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что всякое въ нашу страну непріятельское вторженіе, независимо отъ сопротивленія арміи, а потомъ и населенія, остановитъ

ся гораздо раньше намѣченныхъ нами конечныхъ пунктовъ вслѣдствіе однихъ лишь естественныхъ условій, непреодолимыхъ никакою человѣческою мудростью и энергіей.

Да при наличности такихъ-то условій, вражескіе легіоны встрѣтятъ еще и 2-милліонную армію, хорошо обученную, прекрасно вооруженную, проникнутую одной мыслью—лечь костьми до послѣдняго человѣка, лишь бы не уступить врагу ни пяди родной земли: сомнительно, чтобы при такой обстановкѣ вражескія полчища съумѣли далеко уйти отъ западной границы!

Наконецъ, общее соображеніе: еслибы, вопреки выше доказанной трудности и даже невозможности, наши противники и успѣли проникнуть въ сердце Россіи, все таки чѣмъ дальше удастся имъ уйти впередъ, тѣмъ гибельнѣе будетъ ихъ неизбѣжное возвращеніе вспять. Невыгодныя естественныя условія, храброе сопротивленіе нашихъ войскъ, беспощадная народная война, которая будетъ поражать врага и съ фронта, и съ тыла, и съ фланговъ — все это разрѣшится тѣмъ, что великимъ тевтонскимъ арміямъ придется испытать прискорбную судьбу тоже *великой* нѣкогда Наполеоновской арміи, съ единственнымъ предъ нею преимуществомъ—сравнительной близостью своего нѣмецкаго *Vaterland*'а.

VI.

Русскій флотъ, его составъ и качества.

Крымская кампанія оказала то вліяніе на кораблестроеніе, что русскія бомбическія пушки подали западнымъ державамъ мысль строить свои военныя суда броненосными. Сначала, впрочемъ, строили ихъ деревянными и обшивали бронею только ихъ борта; потомъ стали строить совсѣмъ желѣзными, также обшивая бронею.

Увеличеніе калибра судовыхъ орудій до такой степени, чтобы они были въ состояніи пробивать броню—вызвало, въ свою очередь, переходъ къ *башеннымъ* судамъ, ибо судамъ, вооруженнымъ бортовою артиллеріей, было бы тяжело носить ее на бортахъ, покрытыхъ, вдобавокъ, бронею.

Эта реформа въ кораблестроеніи застала Россію въ расплохъ, ибо даже лучшіе ея желѣзные заводы оказались не въ состояніи доставлять этотъ новый матеріалъ для судостроенія *по несовершенству на нихъ технической выдѣлки желѣза, и по отсутствію техниковъ-судостроителей, достаточно опытныхъ въ практикѣ желѣзнаго судостроенія.*

Для преодолѣнія этихъ затрудненій употреблено много и средствъ и времени, тогда какъ западныя державы, вполнѣ свободныя отъ этого неудобства, направили энергическія усилія къ созданію желѣзныхъ судовъ какъ для оборонительныхъ, такъ и для наступательныхъ цѣлей.

Наше желѣзное судостроеніе съ первыхъ шаговъ своихъ задалось цѣлью *строить суда только для обороны*, для охраны береговъ, оставивъ будущему заботы о построеніи броненоснаго наступательнаго флота, способнаго переплывать моря и океаны.

Такому рѣшенію способствовало и то обстоятельство, что тогдашній морской бюджетъ Россіи былъ очень скуденъ, да и не могъ быть сразу значительно увеличенъ безъ вреда для бюджета общегосударственнаго.

Какъ бы то ни было, а рѣшеніе это лишало Россію надолго значенія *морской* державы, которая должна имѣть на всѣхъ моряхъ суда, готовыя къ бою по первому требованію, ибо суда оборонительнаго желѣзнаго флота не могли удаляться отъ своихъ побережій для плаваній въ *отдаленныхъ* водахъ, куда по необходимости должны были посылаться *суда деревянныя*, съ наступленіемъ военнаго времени вынуждаемыя *скрываться* въ нейтральныхъ портахъ.

Ограниченіе броненоснаго флота однѣми цѣлями *обороны* сдѣлало и то, что наше побережье Балтійскаго моря долгое время оставалось, да и теперь частью остается беззащитнымъ отъ непріятелей.

Оборонительный флотъ страдаетъ и еще однимъ большимъ неудобствомъ: для того, чтобы выполнять свое назначеніе, онъ долженъ быть непремѣнно многочисленнымъ по своему составу, ибо о томъ, въ какомъ пунктѣ непріятель сдѣлаетъ нападеніе, возможны лишь предположенія, а не достовѣрныя свѣдѣнія, тогда какъ наступательный флотъ *выгоднѣе* даже и для обороны, ибо можетъ вынести ее за предѣлы своихъ водъ и перенести всю невыгоду оборонительнаго положенія на сторону непріятеля.

Въ сферѣ политическихъ отношеній постройка оборонительнаго флота, низводя Россію изъ первостепенныхъ морскихъ державъ, осуждала ее на многіе годы мирной политики во чтобы то ни стало.

Къ началу восточной войны 1877—78 гг. Россія имѣла на Черномъ морѣ только двѣ поповки (два 12-дюймовыхъ и два 11-дюймовыхъ орудія) и на Балтійскомъ морѣ одинъ корабль (четыре 12-дюймовыхъ орудія), четыре фрегата (десять 11-дюймовыхъ орудій), три лодки, десять мониторовъ (тридцать 9-дюймовыхъ орудій) и три батареи (тридцать восемь 8-дюймовыхъ орудій). Всѣ эти суда были желѣзныя, обшитыя бронею. Кромѣ того было два деревянныхъ фрегата, обшитыхъ бронею и вооруженныхъ 8-дюймовою артиллеріей (ихъ скорѣе можно отнести къ отдѣлу крейсеровъ), и одинъ желѣзный казематированный фрегатъ, обшитый бронею и вооруженный также 8-дюймовою артиллеріей. Вотъ и всѣ броненосцы тогдашняго нашего оборонительнаго флота.

Всѣ они обладали крайне разнообразными морскими качествами, и сформировать изъ нихъ эскадру достаточно сильную числомъ судовъ, *однородныхъ* по своимъ морскимъ качествамъ, было невозможно.

Батареи обладали очень дурною поворотливостью, мониторы имѣли крайне незначительный ходъ, и пр. Впрочемъ, при построеніи оборонительнаго флота въ разнообразіи типовъ и морскихъ качествъ судовъ не представлялось и надобности, такъ какъ и формировать эскадру однородныхъ судовъ для обороны береговъ едва ли могъ представиться случай, ибо это уже составляетъ задачу наступательной флотиліи.

Послѣ восточной войны судостроеніе испытало новую реформу, хотя и не столь радикальную, именно—

вмѣсто желѣза начали употреблять сталь, а на нашихъ заводахъ ни ея не умѣли дѣлать, ни свѣдущихъ людей для развитія этого производства не обрѣталось, и опять потребовались и заботы, и время, пока русскіе заводчики примѣнились къ требованіямъ военнаго судостроенія и получили возможность снабжать морское вѣдомство сталью въ требуемомъ количествѣ и качествѣ.

Въ 80-хъ годахъ взглядъ на построеніе оборонительнаго флота измѣнился, и теперь и на Черномъ и на Балтійскомъ морѣ хотя и продолжается постройка судовъ для береговой защиты, но такихъ, которыя, по своимъ однороднымъ морскимъ качествамъ, могли бы въ случаѣ надобности соединяться въ эскадры. Это обстоятельство очень важно, ибо такія эскадры могутъ и защищать побережье, и при случаѣ вынести оборону впередъ, въ открытое море, а при энергичномъ и смѣломъ командирѣ заставить и самого непріятеля обороняться отъ нападенія, что въ морскомъ военномъ дѣлѣ и составляетъ наилучшій способъ обороны.

Въ Черномъ морѣ въ настоящее время имѣются корабли: въ готовомъ видѣ—*Чесма*, *Синопъ* и *Императрица Екатерина II*; строятся *Двѣнадцать Апостоловъ* и предположены къ постройкѣ еще два корабля.

Три готовыхъ корабля съ 18-ю 12-дюймовыми орудіями уже представляютъ изъ себя внушительную силу; по окончательномъ изготовленіи и строющихся и заложенныхъ кораблей сила эта увеличится вдвое, и конечно въ состояніи будетъ оборонить нашъ благословенный югъ по крайней мѣрѣ отъ турецкаго флота, въ случаѣ нашего единоборства съ Турціей.

Но эта оборона будетъ успѣшна только при возможности сформированія изъ всѣхъ имѣющихся теперь,

строющихся и подготовляемыхъ къ постройкѣ судовъ, однородныхъ по ходу, поворотливости и морскимъ качествамъ, одной эскадры.

Въ Балтійскомъ морѣ нашъ оборонительный флотъ увеличился двумя кораблями: *Императоръ Александръ II* и *Императоръ Николай I*; кромѣ того, строится одинъ такой же корабль *Гангутъ* и будетъ заложенъ для постройки въ нынѣшнемъ году еще такой же *sister chip*.

Всѣ эти суда пока не испытаны и морскія качества ихъ неизвѣстны, но судя по размѣрамъ, они будутъ обладать сильными машинами, а слѣд. и способностью держаться въ морѣ во всякую погоду.

Впрочемъ, выраженіе: *держаться въ морѣ*—еще не значитъ *быть исправнымъ морскимъ судномъ*, такъ какъ послѣ штормовъ, хотя и выдержанныхъ благополучно, многія суда тѣмъ не менѣе направляются въ портъ для починокъ.

Держаться въ морѣ—значитъ держаться такъ, какъ держался съ своею парусною эскадрой, во время сильнаго шторма, у Анатолійскаго подвѣтреннаго берега, П. Ст. Нахимовъ, поражая скрывшуюся въ Синопѣ турецкую эскадру, чтобы не дать ей ускользнуть изъ своихъ рукъ, а послѣ шторма истребить ее.

Большое углубленіе строющихся кораблей позволяетъ надѣяться, что они не будутъ бояться качки въ невсегда гостепріимномъ Балтійскомъ морѣ, а значительные размѣры ихъ обезпечатъ имъ возможность держаться болѣе или менѣе продолжительное время въ открытомъ морѣ, не заходя въ порты за углемъ и провизіей.

Вооруженіе, сильное и по числу и по калибру орудій, и по количеству минъ, позволяетъ надѣяться, что они будутъ годны на всякое воинское дѣло.

Впрочемъ, что касается Балтійскаго флота, то всѣ суда, его составляющія, только тогда представятъ изъ себя внушительную силу, когда будутъ въ состояніи сформироваться въ эскадру, которая могла бы вынести оборону дальше своихъ побережій, въ море, и когда для нихъ будетъ устроенъ не замерзающій портъ, ибо Кронштадтъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть портомъ для *будущаго корабельнаго флота*.

Что взглядъ на оборонительный флотъ Балтійскаго моря подвергся измѣненію, это доказывается начатою нынѣ постройкою для него броненосныхъ кораблей. Невыработанность взглядовъ на броненосныя суда различныхъ типовъ и системъ, неустойчивость понятій о значеніи этихъ судовъ не остановили, однако, постройки флота, который былъ бы способенъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ *). Твердое рѣшеніе не строить наступательнаго флота до тѣхъ поръ, пока не будетъ созданъ оборонительный—не воспрепятствовало, однако, неудачному опыту постройки *поповокъ*, которыя хотя и строились только для Черноморскаго флота, но составляютъ непоправимый промахъ морскаго вѣдомства, легшій тяжкимъ расходомъ на общегосударственный бюджетъ, и тѣмъ менѣе извинительный, что эти по истинѣ *драгоцѣнныя* суда не были даже подвергнуты практическому испытанію, не смотря на то, что случай къ нему представлялся удобный въ восточную войну 1877—78 г.г.

*) Еще недавно на нашихъ глазахъ на постройку Германскаго флота ассигнованы огромныя суммы; въ числѣ мотивовъ постройки броненосныхъ судовъ есть одинъ, заслуживающій вниманія: „Германскій флотъ, говорилось, долженъ имѣть эскадру изъ однородныхъ морскихъ броненосцевъ, способныхъ маневрировать".

Послѣднее обстоятельство представляется еще болѣе страннымъ, если принять въ соображеніе, что какъ бы суда эти ни были плохи въ морскомъ отношеніи, все же они были вооружены 11- и 12-дюймовыми орудіями, какихъ у турокъ не было, и—почему знать?—быть можетъ, *боевой успѣхъ и оправдалъ бы постройку этихъ судовъ*, *и опровергъ бы* теоретически сложившееся всеобщее убѣжденіе въ ихъ негодности.

Между тѣмъ этотъ неудачный опытъ по части изобрѣтательности въ военно-морскомъ строительствѣ не могъ не отозваться дурно и вообще на значеніи Россіи, какъ морской державы.

Балтійскій флотъ какъ въ 1870, такъ и въ 1877 г. былъ слабѣе порознь англійскаго и французскаго флотовъ; но въ 1870 г. онъ былъ сильнѣе, по крайней мѣрѣ, германскаго, въ 1877 же г. германскій сравнялся съ нимъ, слѣд., въ короткій промежутокъ 7 лѣтъ выигрышъ въ морскомъ значеніи остался за Германіей.

Постройка *Петра Великаго*, принадлежавшаго къ типу брустверныхъ мониторовъ, объяснялась желаніемъ, чтобъ въ составѣ Балтійскаго флота былъ хотя одинъ мореходный броненосецъ, а это желаніе показываетъ, что не смотря на рѣшеніе строить лишь оборонительный флотъ, вовсе не предполагалось отказаться отъ постройки флота наступательнаго. Постройка *Петра Великаго* при благопріятныхъ условіяхъ могла бы служить образцомъ для постройки другихъ судовъ того же типа; къ сожалѣнію, однако, этихъ то условій и не оказалось: постройка и изготовленіе корабля шли замѣчательно медленно, цѣлые 8 лѣтъ, и все-таки за окончательнымъ изготовленіемъ его къ плаванію *пришлось обратиться въ Англію, къ англійскимъ заводамъ и техникамъ*.

Но и этого мало: первая машина, хотя и выстроенная на англійскомъ заводѣ, въ Россіи дала на пробѣ неудовлетворительные результаты, а въ рукахъ русскихъ механиковъ не дала и тѣхъ результатовъ, что получились на пробѣ. Корабль послали въ Англію, гдѣ поставили на него новую паровую машину и гидравлическіе механизмы для обращенія съ 12-дюймовыми орудіями. Но въ рукахъ русскихъ механиковъ и эта машина испортилась, такъ что въ кампанію 1877 г. *Петръ Великій* все время ходилъ на буксирѣ.

Эта неудача съ *Петромъ Великимъ* несомнѣнно и была причиной, что послѣ его спуска на воду въ Балтійскомъ флотѣ морскихъ броненосцевъ очень долго не дерзали строить, и только съ перемѣною взгляда на значеніе оборонительнаго флота стали спускаться на воду мореходные броненосцы, такъ что въ ближайшемъ будущемъ, по окончаніи постройки и изготовленіи заложенныхъ судовъ, возможно будетъ сформировать даже двѣ эскадры: одну изъ пяти кораблей съ 18-ю 12-дюймовыми орудіями, другую изъ 4 фрегатовъ съ 10-ю 11-дюймовыми орудіями.

Обѣ эскадры могутъ дѣлать переходы Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ, но разница между ними въ томъ, что первая можетъ держаться въ морѣ подъ парами двѣ недѣли, вторая же не болѣе 5 дней, ибо имѣетъ запасъ угля только на этотъ срокъ.

Типъ мореходнаго броненосца, пригодный для Балтійскаго и Чернаго морей, непригоденъ для океанской службы, гдѣ требуется океанскій крейсеръ, способный дѣлать переходы въ четыре мѣсяца и держаться въ океанѣ, не заходя въ порты, еще большій промежутокъ времени. Изо всего русскаго флота къ этому

тину приближается лишь одинъ только крейсеръ *Память Азова*.

Клипера, числомъ 8, хотя и ходятъ въ заграничное плаванiе, но не могутъ въ военное время разсчитывать на успѣхъ: при скорости въ 8 узловъ, при самомъ ограниченномъ запасѣ угля и провизiи, они не могутъ быть отнесены къ морскимъ крейсерамъ, способнымъ держаться въ морѣ по 4 мѣсяца и увеличивать, въ случаѣ надобности, скорость хода до 17 — 18 узловъ.

Такимъ образомъ для морскаго крейсерства остаются полуброненосные фрегаты *Мининъ*, *Владимiръ Мономахъ*, *Димитрiй Донской*, *Герцогъ Эдинбургскiй*, *Генералъ-Адмиралъ*, полуброненосный крейсеръ *Адмиралъ Нахимовъ, Память Азова*, не броненосный крейсеръ *Адмиралъ Корниловъ*, не броненосные корветы *Витязь и Рында*, всего 10 судовъ.

Почти всѣ они вооружены дальнобойною артиллерiей, и только *Генералъ-Адмиралъ* вооруженъ сравнительно слабѣе прочихъ (по числу орудiй).

Что касается слабой стороны этихъ судовъ, то всѣ они, за исключенiемъ крейсера *Память Азова*, страдаютъ недостаточностью угольныхъ помѣщенiй, вслѣдствiе чего ни держаться въ морѣ по 4 мѣсяца, не пополняя запасовъ угля, ни развивать, въ случаѣ нужды, большей скорости не могутъ.

Крейсеръ *Адмиралъ Корниловъ* пробовалъ ходить обыкновенно съ двумя цилиндрами, а при нуждѣ для увеличенiя скорости вводить третiй—но попытка эта кончилась неудачей, и о ней, пожалуй, и говорить бы не стоило, если бы на нее не возлагали слишкомъ большихъ надеждъ. Дѣло въ томъ, что даже и въ случаѣ удачи этого приспособленiя — угольныхъ запасовъ на крейсерѣ не увеличилось бы, и только существующiй

угольный запасъ сталъ бы расходоваться экономичнѣе, благодаря чему крейсеръ получилъ бы возможность вмѣсто 20 быть въ морѣ 30 дней.

Но этого срока для *русскаго* крейсера мало: онъ обязательно долженъ имѣть запасъ угля и провизіи на 4 мѣсяца, ибо русскихъ угольныхъ станцій въ океанахъ нѣтъ, а въ случаѣ войны для русскихъ крейсеровъ не будетъ ни одного дружески открытаго порта, гдѣ можно было бы возобновить полный запасъ угля и провизіи.

Что касается миноносокъ и миноносцевъ, то вслѣдъ за войною 1877 г. русскій флотъ получилъ ихъ около 100; всѣ они построены на русскихъ заводахъ, и обладали скоростью 12 — 13 узловъ. Тогда это были *современныя* суда; но съ 1877 г. прошло много времени: явились другія миноносныя суда, болѣе усовершенствованнаго типа — миноносцы, которые въ большинствѣ случаевъ строились *за границею*, а существовавшія миноноски, *за недостаткомъ ремонта и присмотра, пришли въ неудовлетворительное, негодное для военныхъ дѣйствій состояніе.* Это, впрочемъ, при надлежащемъ вниманіи дѣло поправимое, равно какъ вполнѣ достижимо и то условіе, чтобы строить миноноски и миноносцы не иначе, какъ *у себя дома, въ Россіи.*

Но является по поводу этого типа судовъ соображеніе и болѣе важнаго свойства, соображеніе, высказать которое необходимо: пора увлеченія миноносками и миноносцами прошла; суда эти выходить далеко въ море не могутъ и должны ограничивать свою дѣятельность берегами; да и успѣхъ имѣть лишь при исключительно благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, при тихой, безъ волненія, погодѣ, при туманѣ, въ ночной темнотѣ и т. п.

Суда эти вооружаются минами Уайтхеда, которыя можно назвать исключительно *оружіемъ тихой воды*. Въ морѣ, вдали отъ береговъ, миноноски и миноносцы, послѣ 2-3-дневнаго перехода въ сомнительную погоду—безсильны противъ современнаго броненосца.

Впрочемъ, нельзя имъ ни теперь, ни въ будущемъ отказать въ громадномъ значеніи на войнѣ, и значеніи преимущественно нравственномъ: миноноски и миноносцы *должны всегда нападать*, а потому и личной смѣлости наибольшій просторъ представляется при дѣйствіяхъ этими судами. Чрезвычайно важно, чтобы первое нападеніе миноносками и миноносцами окончилось удачею: это подѣйствуетъ безусловно самымъ подавляющимъ образомъ на непріятеля и самымъ ободряющимъ на наши команды.

Остается упомянуть еще объ одномъ типѣ судовъ—о канонерскихъ лодкахъ.

Въ различныхъ моряхъ, омывающихъ Россію, имѣются эти канонерки различныхъ типовъ.

Въ Балтійскомъ морѣ 9 канонерокъ, носящихъ каждая по 11-дюймовому орудію; въ Черномъ морѣ 6 канонерокъ, вооруженныхъ двумя 8-дюймовыми и однимъ 6-дюймовымъ дальнобойными орудіями; въ Сибирской флотиліи 4 канонерки: двѣ изъ нихъ вооружены каждая однимъ 9-дюймовымъ и однимъ 6-дюймовымъ дальнобойными орудіями, остальныя двѣ имѣютъ вооруженіе подобное Черноморскимъ.

Значеніе всѣхъ этихъ канонерокъ въ боевомъ отношеніи чисто оборонительное; разница заключается въ томъ, что Черноморскія и Сибирскія канонерки обладаютъ *морскими качествами* и могутъ совершать переходы океаномъ. Держаться въ морѣ долго онѣ не могутъ. Достоинства ихъ заключаются въ томъ, что

при сравнительно маломъ водоизмѣщенiи они обладаютъ *сильнымъ вооруженiемъ*.

Если бросить общiй взглядъ на судовой составъ русскаго флота, то можно замѣтить слѣдующiя крупныя черты въ общемъ направленiи кораблестроительной дѣятельности Россiи: сравнительно недавно вся она была направлена на постройку оборонительнаго флота, въ настоящее же время создается на Черномъ и Балтiйскомъ моряхъ флотъ, способный къ наступательнымъ дѣйствiямъ.

VII.

Наши задачи на морѣ. Необходимость для Россiи сильнаго крейсерскаго флота и свободнаго выхода въ океанъ.

При медленности въ постройкѣ военныхъ судовъ пройдетъ не мало времени до тѣхъ поръ, пока на обоихъ внутреннихъ моряхъ Россiи оснуются флоты, соотвѣтствующiе ея силѣ и могуществу.

Между тѣмъ недруги наши не дремлютъ, усиливая свои флоты поспѣшно, не отступая для того ни предъ какими затратами.

Германiя, напримѣръ, ассигнуетъ на это дѣло 80 милл., Англiя же болѣе 200 милл. р., предполагая израсходовать эти громадныя суммы, въ весьма непродолжительный срокъ, на постройку броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ.

Россiя имѣетъ не мало основанiй смотрѣть на эти мѣропрiятiя, какъ направленныя спецiально противъ

нея, и въ виду возможности столкновенія съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ недруговъ должна заблаговременно изучить ихъ слабыя и сильныя стороны, чтобы въ мирное время подготовить успѣхъ вѣроятной войны.

Выше мы сказали, что наши океанскіе крейсеры не могутъ *держаться въ океанѣ* по *4 мѣсяца*. А между тѣмъ *это обстоятельство существенно необходимо для успѣха въ возможной войнѣ съ Англіей*.

Нечего, конечно, распространяться о томъ, что война не составляетъ сама себѣ цѣли, являясь лишь крайнимъ средствомъ для достиженія цѣлей государственныхъ. Политическая миссія Россіи указываетъ ей и ея военныя задачи, которыя можно выразить коротко: *оборона противъ Запада, наступленіе на Востокъ*.

Обращаясь къ нашей военной исторіи, находимъ подтвержденіе этому: если Россіи и случалось вести на Западѣ наступательныя войны, онѣ были наступательными только съ военной точки зрѣнія, въ политическомъ же отношеніи являлись чисто оборонительными.

Что касается наступательныхъ войнъ на Востокѣ, обѣ онѣ, и въ 1853—55 гг. и въ 1877—78 гг., были—одна вполнѣ неудачной, другая не вполнѣ удачной: послѣдняя, не смотря на побѣдоносный характеръ ознаменовавшихъ ее военныхъ подвиговъ, тѣмъ не менѣе не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій.

Прискорбнымъ результатомъ обѣихъ войнъ мы обязаны тому, что нашимъ врагомъ въ обоихъ случаяхъ являлась, собственно, не столько Турція, сколько Англія.

Таково первое соображеніе, которое необходимо имѣть въ виду, обсуждая наши военно-морскія задачи.

Слѣдующимъ, не менѣе очевиднымъ и важнымъ соображеніемъ является то, что система военно-морскихъ учрежденій Россіи, какъ и всякаго государства, долж

на быть поставлена въ строгое соотношеніе съ силами и средствами страны *).

Въ 1853—55 гг. Россія имѣла превосходный личный составъ флота, но не имѣла винтоваго двигателя на своихъ судахъ, и оказалась побѣжденною: очевидно, что военно-морскія учрежденія государства не были въ соотвѣтствіи съ силами и средствами страны, и хотя винтовой двигатель явился на судахъ во время войны, но было уже поздно: *время было упущено*.

Съ 1855 г. Россія строила только оборонительный флотъ, утративъ чрезъ то значеніе первоклассной морской державы; война 1877 г. показала, что *безъ флота* нельзя разсчитывать на окончательный, безповоротный

*) Успѣхи или неудачи на морѣ въ сущности зависятъ отъ благоустроенности флота и отъ талантливости начальника. Благоустроенность флота зависитъ отъ выбора военно-морской системы. Великіе флотоводцы большая рѣдкость: это условіе, какъ счастливая случайность, ускользаетъ изъ разсчета; зато военно-морская система вполнѣ подчиняется ему и должна быть чужда всякихъ импровизацій. Талантливый флотоводецъ долженъ: 1) захватить въ свои руки иниціативу дѣйствій и удерживать ее за собою во все продолженіе войны, господствуя надъ умомъ и волею противника; 2) выбрать минуту и чувствительное мѣсто у противника для нанесенія рѣшительнаго удара (Абукиръ, Синопъ); 3) явиться на этомъ мѣстѣ съ превосходными силами (Синопъ), и 4) искусно ввести въ бой свои силы. Все остальное въ морской войнѣ дѣло второстепенное и должно быть результатомъ техники и военно-морской организаціи. Такимъ образомъ Россія должна обладать военно-морскою организаціей, которая дала бы ей возможность: 1) поставить флотъ на военное положеніе въ срокъ болѣе короткій, чѣмъ противникъ — для этого нужны хорошо устроенные порты съ выходомъ въ океанъ и хорошая портовая организація, и 2) выставить силы, тщательно и искусно подготовленныя къ своему дѣлу. Хорошая военно-морская организація позволяетъ дѣйствовать *наступательно*, что имѣетъ на войнѣ громадное значеніе.

успѣхъ въ столкновеніяхъ Россіи съ возможными ея врагами на Востокѣ. Такое несоотвѣтствіе военно-морскихъ учрежденій съ силами и средствами страны лишило Россію того перевѣса, на который она могла бы разсчитывать при каждой войнѣ.

Соглашаемся, что необходимость флота сразу на обоихъ внутреннихъ моряхъ, Черномъ и Балтійскомъ, усложняетъ задачу, но въ настоящее время, послѣ такихъ испытаній, стыдно бы было не воспользоваться ими и не подготовить успѣха возможной будущей войны или, говоря другими словами, не *подготовить флота для военныхъ дѣйствій противъ врага*, *безпощаднаго къ своимъ противникамъ— противъ Англіи*.

Разсуждая о войнѣ и о военныхъ дѣлахъ, нельзя никоимъ образомъ устранить политическій элементъ, ибо начало всякой войны кроется непремѣнно въ области политики: всякая война имѣетъ свои предлоги, которыми противникъ и старается, хотя и не всегда искренно, объяснить ея неизбѣжность. Политика же способствуетъ и логически послѣдовательной выработкѣ военно-морской организаціи, которая обусловливается неуклоннымъ стремленіемъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, къ одной и той же, ясно сознанной и вѣрно поставленной цѣли, или, что тоже, исполненіемъ одной и той же политической программы.

Такую цѣль для России составляетъ постоянная предусмотрительность по отношенію къ Англіи и всегдашняя готовность къ отраженію ея тайныхъ козней и, быть можетъ, явныхъ (въ ближайшемъ будущемъ) нападеній.

Вотъ уже болѣе 100 лѣтъ, какъ Англія стала глухою недоброжелательницей и скрытною, но оттого и болѣе упорною, непримиримою противницей и ревни-

вою соперницей Россіи, и всѣми неудачами, сопровождавшими наши войны въ текущемъ столѣтіи, мы обязаны ея интригамъ. Однѣ войны 1853—55 и 1877—78 гг., еще свѣжія въ памяти живущихъ поколѣній, неопровержимо доказываютъ справедливость этого заключенія.

Причины англійской вражды къ намъ ясны какъ день: Англія боится за Индію, и *потому* мѣшаетъ намъ на востокѣ, не стѣсняясь ничѣмъ. За послѣднія два столѣтія Англія не отступала ни передъ денежными затратами для того чтобы вызвать внутреннія смуты у своихъ противниковъ, ни предъ разорительными войнами, ни предъ другою какою либо несправедливостью, лишь бы обезопасить сначала парусные пути въ Левантъ, а потомъ въ Индію, вокругъ мыса Доброй Надежды.

На нашихъ глазахъ Англія совершила вопіющую несправедливость, начавъ войну съ слабосильнымъ Египтомъ, чтобы захватить пароходный путь въ Индію.

Все это сходило ей съ рукъ, потому что касалось державъ, не имѣющихъ съ нею отношеній по сухопутнымъ границамъ. Другое дѣло Россія: въ періодъ 1/4 вѣка она уже стоитъ чуть не у самыхъ воротъ Индіи, и чтобы понять всю глубину англійской вражды къ намъ, нужно только принять во вниманіе все значеніе Индіи для Англіи въ торговомъ, промышленномъ и *соціальномъ* отношеніяхъ. Индія, и только она одна, и даетъ Англіи возможность разыгрывать роль первоклассной державы. А между тѣмъ неотразимая сила рока, вопреки, быть можетъ, нашимъ собственнымъ политическимъ и дипломатическимъ соображеніямъ и разсчетамъ, влечетъ насъ къ неизбѣжному столкновенію съ Англіей, и именно изъ за Индіи и, вѣроятно, на Индійской территоріи.

И вотъ, чтобы отсрочить этотъ роковой, и по всей вѣроятности грозный для нея именно часъ—Англія съ давнихъ поръ изощряется въ замыслахъ о томъ, какъ бы, хотя временно, обезсиливать и нравственно и политически намѣченнаго ею самою врага. Всякая война естественно ослабила бы Россію, какъ и всякое государство, и тѣмъ самымъ отдалила бы часъ рѣшительнаго столкновенія ея съ Англіей: и случись такая война, съ кѣмъ бы то ни было все равно—политическій разсчетъ подскажетъ Англіи рѣшимость стать въ ряды противниковъ Россіи. При этомъ, конечно, ей не будетъ надобности измѣнять своему національному характеру державы преимущественно торговой: роль Англіи можетъ остаться, въ этомъ случаѣ, чисто служебною. Войско ея не столь велико, чтобы оказать замѣтную подмогу своему союзнику, но денегъ у Англіи много, и деньгами она поможетъ всякому противнику Россіи. Такъ было въ 1877 г., такъ было раньше, такъ будетъ и потомъ.

Что же дѣлать Россіи въ виду этой затаенной, непримиримой вражды? Что же иное, какъ не развить свои морскія силы и даровать имъ такую военно-морскую организацію, которая, въ случаѣ войны, дала бы ей средства, совмѣстно съ арміей, достойно помѣряться съ высокомѣрнымъ Альбіономъ?

Аксіома современнаго военнаго дѣла утверждаетъ (и это всегда слѣдуетъ имѣть въ виду), что кампаніи настоящаго времени выигрываются не на морѣ, а на сушѣ, но только при *обязательномъ* содѣйствіи флота. Если предположить, что театромъ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Англіей будетъ намѣчена Россіей Индія, то несомнѣнно, что Англичане употребятъ всевозможныя усилія къ устраненію оттуда нашихъ войскъ, но

также несомнѣнно, что и Россія напряжетъ всѣ свои силы, чтобы посрамить эти расчеты и ухищренія, отнюдь не покидая позиціи, съ которой можетъ и должна будетъ господствовать надъ умомъ и волею Англіи.

Военно-морскимъ силамъ нашимъ откроется тогда широкая и благодарная арена дѣятельности: пресѣчь подвозы въ Индію всякихъ войскъ какъ изъ самой Англіи, такъ и изъ всѣхъ ея колоній, а равно и всѣхъ военныхъ припасовъ и снарядовъ (порохъ, снаряды, амуниція, орудія и пр., которыхъ въ Индіи нѣтъ)— вотъ задача русскихъ крейсеровъ въ этой войнѣ сѣвернаго колосса съ царицею морей.

Стоять на линіяхъ сообщенія англійскихъ колоній съ Индіею и уничтожать всѣ подвозы людей и военныхъ припасовъ—такая помощь русскаго флота своей сухопутной арміи, дѣйствующей въ Индіи, будетъ самою существенною, и если бы эта будущая флотилія океанскихъ крейсеровъ не въ воображеніи только нашемъ, а въ грядущей дѣйствительности потопила хоть не всѣ, а лишь большую часть тѣхъ пароходовъ, на которыхъ будетъ организованъ подвозъ въ Индію людей и припасовъ, то всѣ издержки государства на постройку военныхъ портовъ и быстроходныхъ крейсеровъ, на плаваніе и обученіе людей крейсерской службѣ—окупятся сторицею; окупятся и убытки, связанные съ возможною гибелью нѣсколькихъ крейсеровъ при встрѣчахъ съ броненосцами, которые будутъ охранять эти транспортные суда съ войсками и припасами.

Не говоримъ уже о громовомъ нравственномъ впечатлѣніи на всю Англію отъ извѣстія объ одномъ утопленномъ пароходѣ съ десантомъ: страшная паника не только въ Англіи, но и въ Индіи, среди англійскихъ войскъ, будетъ несомнѣннымъ результатомъ такого

хотя бы единичнаго случая; два же или три такихъ событія будутъ равняться самому побѣдоносному сраженію, выигранному сухопутною арміею. Извѣстіемъ, что помощь ей уничтожена, Англо-Индійская армія была бы нравственно разбита еще до встрѣчи съ непріятелемъ.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ мнѣніе, будто задачею русскаго крейсерскаго флота въ случаѣ войны съ Англіей должно быть уничтоженіе ея морской торговли.

На это возразимъ, что съ 1863 и 1878 г.г., когда еще были возможны подобныя соображенія, обстоятельства перемѣнились, и Англія приняла мѣры для охраненія своей морской торговли. Да еще и то надо имѣть въ виду, что послѣ войны за убытки всегда *платитъ потерпѣвшая сторона*. А съ этой точки зрѣнія, если допустимъ даже, что не смотря на принятыя Англіею мѣры, русскіе крейсеры повредили бы англійской морской торговлѣ, но если бы русская армія при этомъ не одержала успѣха въ борьбѣ съ англійской, то убытки пришлось бы сторицею заплатить Россіи, конечно разорительнымъ торговымъ трактатомъ.

Вотъ поэтому крейсеры и должны ставить себѣ цѣлью *отнюдь не преслѣдованіе купеческихъ и почтовыхъ пароходовъ*, а преимущественно пресѣченіе подвоза людей и военныхъ припасовъ въ Индію. Этимъ оказана была бы существенная, незамѣнимая и неоцѣнимая услуга сухопутной арміи.

Воспрепятствовать этому англичане могли бы только, наряжая для охраны транспортныхъ пароходовъ броненосныя суда: но развѣ русскіе крейсеры будутъ имѣть не тотъ же экипажъ, который, на незавидной *Вестѣ*, одержалъ достославную морскую побѣду надъ

турецкимъ броненосцемъ? Развѣ въ крейсерской мат

росской командѣ исчезнутъ славныя преданія Чесмы и Синопа? Развѣ не воодушевятъ эти преданія и безъ того отважныхъ моряковъ нашихъ, особенно въ виду роковаго и для насъ, и для всей вселенной значенія исполинской борьбы, въ виду того, что на карту будутъ поставлены честь и достоинство Святой Руси?

Англія безъ Индіи—и вообще ничто, а для насъ тѣмъ болѣе, и какъ ни прискорбно для человѣчества подобное стеченіе обстоятельствъ, когда для вразумленія неразумно-злобнаго врага неизбѣжнымъ становится его политическое уничтоженіе, но разъ обстоятельства такъ именно сложились, искать другаго способа нѣтъ ни надобности, ни смысла.

А примирившись съ этимъ способомъ, Россія должна поспѣшить заботой о созданіи такой военно-морской организаціи, которая бы обезпечила ей возможность высылать изъ океанскаго порта, въ 24 часа, въ тотъ или другой пунктъ, многочисленную эскадру быстроходныхъ крейсеровъ, способныхъ держаться въ океанѣ не менѣе 4 мѣсяцевъ.

Эскадра эта должна состоять изъ блиндированныхъ по ватеръ-линіи и снабженныхъ броневою палубой крейсеровъ, при чемъ и размѣры ихъ должны быть больше существующихъ, приблизительно длиною около 400 футъ, шириною 60 футъ, глубиною 26 футъ, и съ водоизмѣщеніемъ въ 10 тыс. тоннъ. Полный ходъ они должны имѣть въ 20, средній въ 12 узловъ и запасъ угля и провизіи не менѣе, какъ на 4 мѣсяца. Вооруженіе ихъ должно быть, само собою разумѣется, образцовое: *дальнобойныя орудія, пироксилиновыя бомбы, минные аппараты и катера.*

Такой крейсеръ смѣло можетъ вступить въ бой съ любымъ

англійскимъ мореходнымъ броненосцемъ и ни одинъ troop-ship не уйдетъ отъ него.

Мечты эти спотыкаются пока объ одно затрудненіе — отсутствіе у Россіи въ Европейскихъ водахъ свободнаго выхода въ океанъ.

Затрудненіе это, впрочемъ, не столь велико, чтобы *при энергіи и денежныхъ средствахъ* его нельзя было преодолѣть. Кронштадтъ—главный морской портъ Россіи—былъ построенъ для паруснаго флота. Парусный же флотъ имѣлъ своею главною задачей защищать берега Балтійскаго моря и Финскаго залива противъ соединенныхъ флотовъ Швеціи и Даніи.

Въ продолженіе своей исторіи Балтійскій флотъ съ честью выполнилъ свое назначеніе, и для такого флота Кронштадтъ могъ быть главнымъ портомъ.

Теперь обстоятельства измѣнились, измѣнилась и обстановка, при которой Балтійскому флоту придется вступать въ бой съ непріятельскимъ: должны измѣниться и средства снабженія, вооруженія и храненія нашихъ мореходныхъ броненосцевъ и другихъ судовъ, долженствующихъ составить эскадру для цѣлей морской войны. Флотъ теперь не парусный, а паровой, не деревянный, а желѣзный и стальной. Всѣ портовыя учрежденія Кронштадта, зданія и т. п. были приноровлены только къ парусному деревянному флоту. Съ введеніемъ желѣзнаго пароваго флота были построены только новый докъ для большихъ судовъ, нѣкоторыя мастерскія и пароходный заводъ. Многаго необходимаго для быстрой мобилизаціи флота сдѣлать оказалось или невозможнымъ, или слишкомъ дорого стоющимъ, по причинѣ, во первыхъ, раскинутости самого порта, и во вторыхъ, мелководія гаваней.

Наконецъ, и это самое главное — Кронштадскій

портъ слишкомъ рано закрывается, а открывается слишкомъ поздно.

При паровомъ двигателѣ, непріятельскій флотъ навѣрное явится въ Финскій заливъ раньше, чѣмъ нашъ будетъ въ состояніи, изъ за льдовъ, выйти изъ Кронштадта.

Да и суровый климатъ представляетъ не маловажныя препятствія къ своевременному изготовленію и ремонту судовъ.

Все это вмѣстѣ взятое требуетъ устройства, кромѣ Кронштадта, другихъ портовъ, такихъ, которые могли бы вмѣстить въ себя нашихъ самыхъ сильныхъ броненосцевъ и обезпечили бы мобилизацію флота въ наивозможно короткій срокъ, хотя бы, напримѣръ, 24 часовъ.

Кронштадтъ съ своими доками и портовыми ремонтными учрежденіями долженъ, тѣмъ не менѣе, остаться главнымъ военно-морскимъ портомъ Россіи, а съ своими крѣпостями и мониторами главною защитой Русской столицы.

Другіе же порты для балтійскихъ броненосцевъ, миноносокъ и миноносцевъ могутъ быть устроены въ Либавѣ и Ревелѣ. Главнымъ основаніемъ при ихъ устройствѣ должна быть принята возможность мобилизовать сосредоточенныя въ нихъ суда въ продолженіе не болѣе какъ 24 часовъ.

Для быстрой мобилизаціи флота необходимы: гавань на столько глубокая, чтобы самые глубоко сидящіе броненосцы швартовались близь самого берега; полная готовность судовъ чрезъ 24 часа развести пары и вступить въ бой, и судовые магазины и казармы на самомъ берегу. Полезно было бы имѣть и *небольшія* ремонтныя портовыя мастерскія.

Что нужны именно два такихъ новыхъ порта—одинъ

въ Балтійскомъ морѣ, а другой въ Финскомъ заливѣ—видно изъ нижеслѣдующаго.

Непріятельскій флотъ, если онъ только придетъ въ Финскій заливъ, не можетъ оставить у себя въ тылу двѣ нашихъ эскадры: въ Либавѣ и Ревелѣ; слѣд. эскадры наши, вынесенныя впередъ, послужатъ къ защитѣ столицы. Непріятельскій флотъ не можетъ, дѣйствуя противъ одной эскадры, оставить другую безъ вниманія—онъ обязательно долженъ выставить заслонъ противъ нея: а для этого необходимо раздѣленіе непріятельскихъ эскадръ, которое, въ свою очередь, требуетъ значительнаго увеличенія численнаго состава судовъ. Это послужитъ къ нашей выгодѣ, ибо выставить двѣ эскадры, значительно превосходящія наши эскадры въ Либавѣ и Ревелѣ, было бы затруднительно даже для Англіи, а для Германіи такъ и вовсе невозможно.

Но если даже допустить, что Англія въ состояніи будетъ выставить противъ Ревеля и Либавы эскадры больше, чѣмъ наши въ этихъ пунктахъ, то ея эскадры на остальныхъ театрахъ войны: въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, у ея собственныхъ береговъ, у береговъ ея колоній въ Индійскомъ и Восточномъ океанахъ будутъ значительно ослаблены.

Принимая же во вниманіе *всю важность* для Англіи остальныхъ театровъ войны, трудно предположить, чтобы она прислала въ Балтійское море и Финскій заливъ эскадры, численно превосходящія наши эскадры, сосредоточенныя въ Либавѣ и Ревелѣ.

Устройство же въ этихъ портахъ *двухъ выходовъ* позволитъ нашимъ эскадрамъ соединиться и быть численно превосходнѣе одной, ихъ блокирующей эскадры.

Исторія послѣднихъ морскихъ войнъ, впрочемъ, по-

казываетъ, что и при одномъ выходѣ, среди бѣлаго дня, возможны прорывы чрезъ блокирующую эскадру. Тѣмъ болѣе возможны они при двухъ выходахъ, ночью, при благопріятной прорыву погодѣ.

Послѣдніе маневры (въ 1888 г.) англійскаго флота показали во очію полную возможность такихъ прорывовъ. Да, наконецъ, далеко не всегда превосходство численное обезпечиваетъ побѣду на морѣ: примѣры противнаго многочисленны и всѣмъ извѣстны.

Когда эти дорогія для насъ мечты станутъ дѣйствительностью, то русскія эскадры, сосредоточенныя въ двухъ портахъ, способныя къ мобилизаціи чрезъ 24 часа послѣ объявленія войны, всегда будутъ въ состояніи, соединившись до приближенія непріятеля, выйти къ нему на встрѣчу и въ бою разбить его.

Что же касается защиты этихъ двухъ портовъ—Либавы и Ревеля,—то она при современныхъ средствахъ не представляетъ затрудненія: достаточное число 11-дюймовыхъ мортиръ, поставленныхъ на гидравлическихъ станкахъ, будетъ составлять сильную угрозу для современныхъ англійскихъ броненосцевъ, покрытыхъ большею частью только 3-дюймовою палубною броней, которая легко пробивается 11-дюймовыми мортирными бомбами, снаряженными пироксилиномъ*).

На случай же войны съ Германіей, нашей главной противницей на Балтійскомъ морѣ, устройство стоянокъ для нашихъ эскадръ въ Ревелѣ и Либавѣ пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе.

Дѣйствія Германскаго флота только до тѣхъ поръ

*) Существующій въ Ревелѣ портъ не удовлетворяетъ поставленному требованію; но и въ Ревелѣ, и въ Либавѣ есть мѣстности, гдѣ можно устроить удобные военно-морскіе порты для корабельнаго флота.

и возможны, пока главною стоянкой нашею будетъ Кронштадтъ, ибо только при этомъ условіи онъ, пользуясь вынужденнымъ бездѣйствіемъ нашего флота, и можетъ сдѣлать высадку дессанта во флангъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ въ Царствѣ Польскомъ; съ устройствомъ же стоянокъ для нашего флота въ Либавѣ и Ревелѣ, становятся невозможными для Германскаго флота никакія противъ насъ дѣйствія ни на Балтійскомъ морѣ, ни въ Финскомъ заливѣ, а напротивъ, самъ онъ долженъ будетъ думать о защитѣ своихъ береговъ.

Есть и еще одно обстоятельство, котораго упускать изъ вида отнюдь не слѣдуетъ и которое можетъ служить вѣскимъ аргументомъ въ пользу устройства военно-морскаго порта въ Либавѣ, въ 3—4 часахъ быстраго морскаго пути отъ германской границы.

Въ войнѣ съ нами Германія обязательно должна перевозить военныя тяжести для войскъ, расположенныхъ вдоль сѣверной своей границы (Померанскій и Шлезвигъ-Голстейнскій корпуса), моремъ. При безопасности движенія вдоль южной части Балтійскаго моря, при достаточномъ числѣ перевозочныхъ паровыхъ судовъ, сосредоточенныхъ въ Килѣ, Любекѣ, Штральзундѣ, Ростокѣ и Кольбергѣ перевозка войсковыхъ тяжестей, обоза, провіанта изъ этихъ мѣстъ въ Данцигъ, Топпотъ и другія мѣста, лежащія у нашей границы, позволитъ Германіи ускорить мобилизацію своихъ войскъ на нѣсколько дней, а извѣстно, что значитъ быстрота мобилизаціи въ военномъ дѣлѣ, и какія она даетъ преимущества на войнѣ.

Что же тогда помѣшаетъ нашимъ миноносцамъ и миннымъ крейсерамъ съ надлежащею быстротой приступить къ исполненію своего долга, и чрезъ 24 часа

по объявлении войны быть у границъ Германіи, чтобы пресѣчь подвозъ къ Данцигу всякихъ военныхъ тяжестей? А тогда германцы или совсѣмъ не повезутъ войсковыхъ тяжестей моремъ, или должны будутъ конвоировать свои транспорты броненосцами, которыхъ — къ прискорбію для нихъ — у нихъ для этой цѣли не хватитъ.

Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ мобилизація двухъ корпусовъ задержится и русскій флотъ окажетъ существенную услугу своей сухопутной арміи.

Дальнѣйшій образъ дѣйствій русскаго флота ясенъ: искать боевой встрѣчи съ Германскимъ, чтобы разбить его *).

Основаніемъ новыхъ военно-морскихъ портовъ въ Либавѣ и Ревелѣ не исчерпываются, однако, задачи нашего морскаго дѣла. Россіи, кромѣ того, *нуженъ портъ, изъ котораго крейсерамъ былъ бы выходъ въ океанъ.*

Портъ Владивостока годился бы вполнѣ для этой цѣли, если бы не замерзалъ на 3 мѣсяца и не былъ отдѣленъ отъ центральной Россіи 10,000-верстнымъ разстояніемъ: слѣдовательно, чтобы онъ удовлетворялъ этому назначенію, необходимо построить къ нему

*) Германскій флотъ молодъ, традицій не имѣетъ и командиры его неопытны. Съ особенною ясностью выказалось это во время урагана въ Самоа, случившагося въ февралѣ текущаго года, если сравнить дѣйствія командировъ германскихъ судовъ съ дѣйствіями командира англійскаго корвета *Калліопа*. Это сравненіе очень ярко обрисовываетъ нерѣшительность и нераспорядительность германскихъ судовъ, которые всѣ были выброшены ураганомъ на берегъ, между тѣмъ какъ командиръ *Калліопы* въ ураганѣ подаетъ помощь американскому корвету и въ ураганѣ же выходитъ изъ бушующаго котла. Это было единственное средство спастись, хотя былъ и рискъ погибнуть при 1/2-узловой скорости на рифахъ при входѣ. До такого состоянія германскому флоту далеко.

желѣзную дорогу, устроить въ немъ хорошія портовыя мастерскія и нѣсколько сильныхъ ледорѣзовъ.

Мастерскія во Владивостокѣ, правда, и теперь недурны, но онѣ малы для того, чтобы ремонтировать 15 блиндированныхъ крейсеровъ, хотя, конечно, вопросъ объ ихъ увеличеніи—вопросъ только денежный, равно какъ и неимѣніе дока для подъема 10,000-тонныхъ судовъ, ледорѣзы же съ сильными машинами обезпечатъ нашимъ крейсерамъ выходъ въ океанъ даже въ томъ случаѣ, если объявленіе войны застанетъ ихъ среди зимы.

Что касается береговъ, то они позволяютъ устроить во Владивостокѣ вполнѣ удобную для быстрой мобилизаціи нашихъ крейсеровъ стоянку, съ судовыми магазинами и казармами позади крейсеровъ.

Всѣ расходы на это дѣло съ избыткомъ окупятся тою пользой, которую наши крейсеры принесутъ въ возможной и вѣроятной войнѣ нашей съ Англiей.

Въ печати, въ талантливомъ разсказѣ *Бэлмора* „Роковая война 18?? г.“, не такъ давно напечатанномъ на страницахъ *Новаго Времени*, предлагается устроить военно-морской портъ для крейсеровъ на берегу Ледовитаго океана, на Рыбачьемъ полуостровѣ.

Соображаясь съ планомъ мѣстности, считаемъ долгомъ съ своей стороны сказать, что устройство порта въ такомъ мѣстѣ имѣетъ основаніе.

Портъ на Рыбачьемъ полуостровѣ будетъ имѣть два выхода въ океанъ—слѣдовательно блокировать его нѣтъ никакой возможности; онъ будетъ лежать на берегу, воды котораго никогда не замерзаютъ; его легко укрѣпить очень сильными сухопутными укрѣпленіями, и наконецъ—цѣною сравнительно небольшихъ затратъ соединить съ Россіею.

Средняя годовая температура тамъ будетъ ниже на 1°, чѣмъ въ Кронштадтѣ—и это обстоятельство также говоритъ въ его пользу.

Есть, впрочемъ, одна невыгодная сторона жизни подъ полярнымъ кругомъ, хотя бы и при тепломъ теченіи Гольфстрема—это то, что цѣлую треть года не видать солнца, что несомнѣнно отзовется на умственномъ и нравственномъ настроеніи обитателей этого порта. Крупная же его выгода заключается въ его сравнительно близкомъ разстояніи отъ резиденціи центральной власти.

Но такъ какъ, вообще, выбирать не изъ чего, то будетъ ли это во Владивостокѣ или на берегу Ледовитаго моря, а портъ для выхода крейсеровъ въ океанъ намъ нуженъ и во что бы то ни стало долженъ быть устроенъ.

Взвѣсивъ и оцѣнивъ со всѣхъ сторонъ выгоды и неудобства того или другого порта, можно выработать и прочныя основанія для того, чтобы рѣшить важный вопросъ, гдѣ именно слѣдуетъ его устроить.

Пока ясно только одно, что портъ во Владивостокѣ можно устроить съ меньшими затратами, при чемъ желѣзная дорога во Владивостокъ, построенная хотя и съ стратегическими цѣлями, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить и для экономическаго развитія Сибири. Владивостокъ удобенъ и своимъ сосѣдствомъ съ бухтами *Патрокль* и *Улиссъ*, которыя никогда не замерзаютъ.

И если французы не отступили передъ трудностями, какія имъ предстояли при устройствѣ порта въ Шербургѣ, въ виду той пользы, какую онъ принесъ имъ и какую они предвидѣли, то мы имѣемъ еще и выгоду въ сравненіи съ ними, ибо при устройствѣ порта въ

одной изъ незамерзающихъ бухтъ вблизи Владивостока трудностей этихъ будетъ гораздо меньше. . . .

Да трудности и не могутъ, и не должны останавливать стремленій къ высокопатріотическимъ цѣлямъ: жизнь народовъ есть таже борьба, которая лежитъ въ основѣ и всего живущаго.

Разъ будетъ признано необходимымъ, на случай борьбы съ Англіей, имѣть быстроходные блиндированные крейсеры, способные дѣлать, не заходя въ портъ, по 30 тыс. миль, для такихъ крейсеровъ необходимъ и океанскій портъ.

VIII.

Личный составъ флота. Цензъ и служебное положеніе офицеровъ. Недостатокъ спеціальныхъ знаній. Необходимость въ плаваніяхъ. Адмиралтейства, заводы, портовые запасы.

Балтійскій флотъ не участвовалъ въ двухъ нашихъ послѣднихъ войнахъ: обстоятельство это весьма важно, и на будущее время необходимо принять мѣры къ тому, чтобы въ случаѣ войны, даже при настоящемъ судовомъ составѣ русскаго флота, онъ не оставался за укрѣпленіями, а вышелъ бы въ море и искалъ врага для эскадреннаго боя.

Въ этомъ истинное назначеніе военнаго флота, и всякая другая миссія, ограничивающая его дѣятельность—будетъ ли то защита прибрежныхъ пунктовъ или крѣ-

постей, не можетъ не произвести *деморализующаго вліянія* на его личный составъ, ибо весьма было бы прискорбно, если бы и командиры и офицеры серьезно усмотрѣли свое назначеніе въ заграничныхъ плаваніяхъ, въ переходахъ изъ одного порта въ другой, а не въ защитѣ отечества.

Флотская молодежь и то сама надъ собой подшучиваетъ, высказывая юмористическій взглядъ на свои обязанности, заключающіяся, будто бы, въ одномъ только полученіи морскаго (усиленнаго) довольствія. Съ другой стороны, найдутся и старые флотскіе служаки, серьезно полагающіе, что въ будущей войнѣ *флотъ обязательно долженъ скрыться за укрѣпленія Кронштадта и Свеаборга*. Заявлялись и такія мнѣнія, что лучше бы было флотъ совсѣмъ уничтожить, оставить въ морскомъ бюджетѣ деньги для пенсій морскимъ офицерамъ и на содержаніе гвардейскаго экипажа, остальныхъ же офицеровъ и команды распустить и деньги, ассигнуемыя на флотъ, обратить на армію. Какъ на мотивъ такихъ прискорбныхъ заключеній, указываютъ на то именно, что въ послѣднія двѣ кампаніи русскій линейный флотъ *ничего не сдѣлалъ и ничего не могъ сдѣлать*. Синопъ-де только и послужилъ, что послѣднимъ толчкомъ, импульсомъ, который заставилъ западныя державы объявить войну Россіи, Черноморскій флотъ въ 1855 г. кончилъ-де самоубійствомъ, а Балтійскій поступилъ такъ, какъ поступаетъ человѣкъ, отказавшійся отъ дуэли.

Само собою разумѣется, что эти пессимистическіе взгляды обязаны своимъ возникновеніемъ именно двумъ прошлымъ войнамъ, въ которыхъ русскому линейному флоту не пришлось принять никакого участія, и что въ случаѣ войны необходимо, чтобы флотъ оправдалъ свое существованіе, принявъ въ ней дѣятельное уча-

стіе, не скрываясь подъ защитою крѣпостей, а выходя въ море и во встрѣчѣ съ врагомъ ища побѣды.

Въ новѣйшихъ постройкахъ броненосныхъ судовъ на Черномъ и Балтійскихъ моряхъ мы, къ счастію, видимъ залогъ того, что у насъ будутъ *эскадры* морскихъ броненосцевъ.

Извѣстна трудность морской службы, офицеры для которой комплектуются главнымъ образомъ изъ морскаго училища, и лишь въ незначительномъ количествѣ изъ другихъ заведеній.

Этотъ матеріалъ, который даетъ преимущественно русское дворянство, можно безъ преувеличенія назвать прекраснѣйшимъ: смѣлость, отвага русскихъ морскихъ офицеровъ извѣстны и въ примѣрахъ, кажется, надобности не представляется.

Остается умѣло воспользоваться этимъ живымъ матеріаломъ и *службою на морѣ* воспитывать въ немъ всѣ остальныя качества, необходимыя для будущихъ командировъ.

Командованіе надъ судами можетъ и должно быть ввѣряемо, конечно, только людямъ твердой воли, свѣтлаго ума, тѣлесной бодрости, несомнѣннаго патріотизма и достаточныхъ знаній.

Развитіе твердой воли, рѣшимости быстро оцѣнивать обстоятельства, быстро принимать рѣшенія и быстро приводить ихъ въ исполненіе — должно особенно цѣниться въ морскихъ офицерахъ, командирахъ и адмиралахъ. Но это развитіе нравственныхъ свойствъ въ данномъ случаѣ должно совершаться на прочной подкладкѣ достаточныхъ знаній по морской артиллерійской и минной спеціальностямъ.

Въ настоящее время во флотѣ существуетъ цензъ, согласно которому для движенія офицеровъ по служ-

бѣ приняты достаточныя знанія ихъ по морскому дѣлу, выраженныя въ опредѣленномъ числѣ мѣсяцевъ плаванія въ каждомъ званіи, и тѣлесная бодрость, опредѣленная извѣстнымъ возрастомъ для каждаго званія.

Милостями Государей служебное положеніе морскихъ офицеровъ поставлено очень высоко, и они должны считать своимъ нравственнымъ долгомъ оправдать надежды, которыя на нихъ возлагаются, заботы, которыя прилагаетъ правительство къ обезпеченію ихъ домашняго быта.

Однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ въ военномъ дѣлѣ справедливо считается поддержаніе боевыхъ традицій, и воспитаніе офицеровъ и командъ въ духѣ беззавѣтной преданности Царю и отечеству много облегчается славными примѣрами изъ прошедшей боевой жизни, въ прошломъ же русскаго флота весьма много прекрасныхъ страницъ.

Къ сожалѣнію, въ этомъ смыслѣ для флота очень мало сдѣлано: намъ приходилось встрѣчать морскихъ офицеровъ, дѣды которыхъ брали въ плѣнъ непріятельскіе корабли, и которые, однако, о славныхъ дѣлахъ дѣдовъ ничего и не слыхали, а потому и сохраненіе въ спискахъ судоваго состава флота именъ кораблей, отличившихся въ разное время въ морскихъ сраженіяхъ, мѣра очень цѣлесообразная, и только въ послѣднее время стали повторяться славныя незабвенныя имена кораблей, созидавшихъ русскому флоту боевую славу.

Всѣ же эти *Русалки*, *Чародѣйки*, *Вѣдьмы*, *Колдуны*—ничего не говорятъ про эту славу, ни офицеру, ни простолюдину-матросу, и усиленіе вниманія къ прошлому русскаго флота и изученія его исторіи несомнѣнно отозвалось бы благопріятнымъ образомъ на настроеніи какъ офицеровъ, такъ и командъ.

Спеціальныя знанія по морскому, артиллерійскому

и минному дѣлу должны быть обязательны для всякаго флотскаго офицера и командира.

Во флотѣ только двѣ спеціальности боевыя—артиллерійская и минная, всѣ же прочія лишь служебныя, помогающія боевымъ: это разграниченіе необходимо провести по всѣмъ морскимъ уставамъ и законамъ. Суда *строются* для боя; *плаваютъ и учатся* для боя; имѣютъ машины для свободнаго передвиженія въ бою; постройка судна, безопасное передвиженіе его имѣютъ цѣлью получить и сохранить *до боя* средства нападенія на водѣ, а потому и спеціальности штурманская, механическая, кораблестроительная — играютъ роль спеціальностей не боевыхъ, а служебныхъ, хотя важность ихъ нисколько не уменьшается этимъ разграниченіемъ.

Судно должно быть исправно выстроено, должно безопасно плавать, должно дѣлать переходы: но все это въ зависимости отъ чисто боевыхъ спеціальностей морскаго дѣла, ибо участь сраженія будутъ рѣшать только пушки и мины.

Необходимымъ это разграниченіе является для пользы самой службы, чтобы дать возможность начальству не отвлекать своего вниманія какими либо обстоятельствами, имѣющими отношеніе къ служебной дѣятельности судовъ, а не къ боевой.

Въ этомъ отношеніи многаго еще не сдѣлано, и весьма малое достигнуто, такъ напримѣръ: пушки, дающія на берегу 100% попаданія, на водѣ даютъ всего отъ 2 до 3%. Мины, исправно стрѣляющія на пристрѣлочныхъ станціяхъ, на судахъ не выходятъ изъ аппаратовъ, а если и выйдутъ, то идутъ не по тому направленію, которое имъ дано.

На *службу боевыхъ спеціальностей* на судахъ желательно

обратить такое же, если не большее вниманіе, какъ и на безопасность плаванія, и на быстроту переходовъ.

Примѣры гибели судовъ отъ ошибокъ въ счисленіи, отъ неисправностей въ состояніи судна, отъ порчи машины и т. п. у всѣхъ на виду. Примѣры потери сраженій отъ неисправностей въ боевомъ отношеніи тоже были (Лисса, Пуэнта, Ангамосъ и др.), но вниманія на эти примѣры обращается не слишкомъ много.

Сколько извѣстно, тоже дѣлается и во всѣхъ другихъ флотахъ. Зависитъ это отъ тѣхъ трудностей, которыми обставлена морская стрѣльба снарядами и минами.

Извѣстно, что русскій флотъ побѣдами своими, одержанными подъ начальствомъ адмираловъ Спиридова, Ушакова, Сенявина и Нахимова обязанъ превосходству дѣйствій русской морской артиллеріи. Адмиралы эти обращали серьезное вниманіе на мѣткость и быстроту стрѣльбы изъ гладкихъ орудій и результатами ихъ заботъ въ этомъ направленіи явились побѣды русскаго флота.

Теперь же, при нарѣзной дальнобойной, мѣткой артиллеріи, при надводныхъ аппаратахъ—слѣдуетъ обращать *усиленное* вниманіе на обученіе судовыхъ командъ, и *обученіе непремѣнно въ обстановкѣ, близкой къ боевой*: результатомъ этой заботливости явилось бы вполнѣ возможное и достижимое увеличеніе мѣткости судовой стрѣльбы при боевой обстановкѣ съ 3%, по крайней мѣрѣ на 25%, что дало бы лишній и весьма серьезный шансъ на успѣхъ кампаніи.

Для того, чтобы заручиться такимъ шансомъ, морское управленіе должно проявить особенную настойчивость по отношенію къ командирамъ судовъ, требуя отъ нихъ *неуклоннаю* исполненія инструкцій по обученію

артиллерійскому и минному дѣлу, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какой флотъ прежде другихъ станетъ обучать команду при боевой обстановкѣ, тотъ и перевѣсъ получитъ въ бою, и конечно желательно, чтобы этимъ флотомъ былъ русскій...

Что касается самаго обученія въ боевой обстановкѣ, то оно будетъ вполнѣ цѣлесообразно, если стрѣльба будетъ производиться при полномъ ходѣ въ двигающіеся щиты, и тѣми именно снарядами и зарядами, которыми придется стрѣлять въ бою.

Отсутствіе практическаго элемента въ военно-морскомъ образованіи, объясняемое устраненіемъ балтійскихъ моряковъ отъ участія въ линейныхъ морскихъ сраженіяхъ обѣихъ послѣднихъ войнъ, а также обученіе ихъ внѣ условій боевой обстановки, оказали имъ весьма плохую услугу, развивъ въ нихъ до крайней степени высокомѣрное представленіе о ихъ достоинствахъ, о ихъ будто бы безошибочномъ морскомъ глазѣ, о необходимости, будто бы, однихъ только плаваній для совершеннаго постиженія всѣхъ условій и тайнъ военно-морскаго дѣла, тогда какъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ морскимъ воиномъ, мало плавать, а надо плавать и учиться.

Печально было бы всѣ требованія отъ военнаго моряка ограничивать чистою окраской судна и опрятно содержимою палубой, ибо и на такихъ судахъ, гдѣ снаружи все *чисто*, случалось, что крюйтъ-камеры не провѣтривались и порохъ въ нихъ портился, снаряды чистились напилками и шкурками, а по окончаніи плаванія оказывалось, что съ судна не было сдѣлано ни одного выстрѣла и даже абордажное оружіе валялось въ трюмѣ.

Для русскихъ военныхъ судовъ необходимо такое

плаванiе, которое научало бы экипажъ и его офицеровъ управляться тѣми боевыми средствами, какими снабжено судно и какiя будутъ употреблены въ случаѣ боеваго столкновенiя.

Въ основу портовой организацiи должны быть поставлены боевыя требованiя, предназначенныя отъ корабля при проектированiи его артиллерiйскихъ механизмовъ и минъ и при вооруженiи его для плаванiя, ибо только при этомъ условiи могутъ исчезнуть случаи, что изъ за станка, не представляющаго никакихъ преимуществъ, у орудiй уменьшаютъ углы обстрѣла, изъ за побужденiй, не имѣющихъ никакого отношенiя къ военному дѣлу, мѣняютъ одно вооруженiе судна на другое или же вмѣсто летучихъ бомъ-брамселей отпускаютъ на суда постоянныя.

Эти же требованiя должны имѣть первенствующее значенiе и во время плаванiй, которыхъ цѣль не можетъ же ограничиваться какою нибудь чисткою металлическихъ частей судна: между тѣмъ у насъ бывали случаи, что на многихъ судахъ, возвращавшихся изъ за границы, всѣ металлическiя части были отполированы, а стрѣльба минами и снарядами давала по прежнему самый ничтожный % попаданiя.

Съ нѣкоторыхъ поръ, правда, стали предъявлять къ судамъ, возвращающимся изъ продолжительнаго плаванiя, требованiя болѣе строгiя, но въ отвѣтъ на эти требованiя, съ другой стороны, тоже стали прибѣгать къ уклоненiю отъ правды и къ разнымъ фокусамъ.

Послѣднее объясняется очень просто: ни командиры, ни офицеры не признаютъ необходимости *готовиться къ бою*, и въ требованiяхъ судамъ, возвращающимся изъ дальнихъ плаванiй, вовсе не ставится на первомъ планѣ готовность судна къ бою: если команда была здо-

рова и ловка, если снаружи было все чисто отполировано, то, значитъ, судно *съ пользою* провело 3—4 года въ дальнихъ плаваніяхъ, а командиръ и офицера достойны и наградъ и повышеній.

Немудрено, что у людей, даже серьезно преданныхъ военно-морскому дѣлу, интересъ къ нему въ такой обстановкѣ только лишь падалъ и падалъ.

Въ послѣднее время военно-морское управленіе, повидимому, стало сознавать ненормальность подобнаго порядка вещей: стали назначать коммиссіи для освидѣтельствованія судовъ, возвращающихся изъ за границы, во *всѣхъ* отношеніяхъ, въ томъ числѣ и *боевомъ*.

Мѣра эта очень полезна; желательно только, чтобы членами этихъ коммиссій не назначались тѣ самыя лица, которыя участвовали въ вооруженіи и снабженіи судна, ибо при этомъ условіи возможно, что истина и не обнаружится предъ высшимъ начальствомъ.

Кромѣ дальнихъ плаваній, существуютъ еще плаванія въ учебныхъ и практическихъ отрядахъ. Учебные отряды предназначаются для пополненія личнаго состава флота спеціалистами по артиллерійскимъ и миннымъ обязанностямъ въ офицерскомъ и матросскомъ званіяхъ. Дѣятельность ихъ провѣряется каждый годъ, къ концу срока плаванія, особо назначенными коммиссіями, причемъ принимаются всѣ замѣчанія, касающіяся улучшеній, желательныхъ въ постановкѣ учебныхъ отрядовъ.

Къ сожалѣнію, составъ такихъ отрядовъ столь немногочисленъ, что они далеко не успѣваютъ ставить требуемое число спеціалистовъ по артиллерійскому и минному дѣлу.

Вслѣдствіе того и число спеціалистовъ (комендоровъ, стрѣлковъ, гальванеровъ, минеровъ, освѣтителей) на нашихъ судахъ почти всегда меньше положеннаго та-

белью, и конечно это обстоятельство сильно умаляетъ значеніе практическихъ отрядовъ, задача которыхъ — сплотить ученіями и службой всю судовую команду какъ бы въ одно цѣлое.

Недостатокъ комендоровъ не позволяетъ производить стрѣльбу разрывными снарядами; недостатокъ минеровъ не позволяетъ ставить минныя загражденія такъ часто, какъ бы слѣдовало и т. п. Недостатокъ въ спеціалистахъ желаютъ пополнить, обучая спеціальнымъ знаніямъ по артиллерійской, минной и другимъ спеціальностямъ выбранныхъ изъ судовой команды людей.

За неимѣніемъ лучшихъ и эти люди, конечно, будутъ въ состояніи нести службу, но здѣсь есть одна сторона, которую необходимо имѣть въ виду.

Составъ судовыхъ офицеровъ, обращаемыхъ въ инструкторовъ, долженъ подбираться тщательно. Если, напр., инструкторовъ учебныхъ отрядовъ дѣлать судовыми офицерами отрядовъ практическихъ — тогда, дѣйствительно, теоретическія познанія могутъ сообщаться судовымъ людямъ, выбраннымъ для замѣщенія судовыхъ вакансій по спеціальностямъ, однообразно и правильно, но того практическаго умѣнья въ употребленіи артиллеріи и минъ, какое можно пріобрѣсть въ учебныхъ отрядахъ, эти люди все-таки не будутъ имѣть.

Вотъ эта сторона обученія на судахъ спеціальнымъ знаніямъ по артиллеріи и минамъ, когда приходится имѣть дѣло съ пироксилиновыми снарядами и съ пироксилиновыми минами, и опасеніе, какъ бы не снабдить суда недостаточно знающими спеціалистами, требуетъ увеличенія учебныхъ отрядовъ извѣстнымъ числомъ судовъ, дабы они могли готовить этихъ спеціалистовъ въ такомъ количествѣ, какое требуется по табели.

Практическіе отряды, освобожденные отъ этихъ обязанностей, будутъ посвящать все свое время на употребленіе тѣхъ боевыхъ средствъ, которыми снабжено судно, на обученіе всей судовой команды при полномъ комплектѣ сп ціалистовъ у каждого орудія, у каждой мины.

Въ числѣ мѣръ, имѣющихъ большое значеніе въ смыслѣ подготовки къ бою, всегда считались маневры. Къ участію въ маневрахъ должно привлекаться возможно большее число судовъ: и практическіе, и учебные отряды, и суда, возвратившіяся изъ дальнихъ плаваній.

Маневры должны вестись въ обстановкѣ, возможно ближе подходящей къ обстановкѣ дѣйствительнаго боя. Никакая ошибка на маневрахъ не должна пропускаться, и всѣ ошибки, замѣченныя на предыдущихъ маневрахъ, должны быть принимаемы къ свѣдѣнію и соображенію.

Маневры, если они будутъ производиться систематично изъ года въ годъ, будутъ имѣть громадное воспитательное значеніе для личнаго состава флота.

Для своевременнаго изготовленія судовъ къ плаванію и исправнаго ихъ снабженія существуютъ адмиралтейства и заводы, изготовляющіе и самые корпуса судовъ, броню, артиллерію и механизмы для нихъ.

Съ большими затратами поставлены на высокій техническій уровень Обуховскій и Ижорскій заводы. Но если и ничего нельзя сказать дурнаго о техническомъ качествѣ издѣлій, выходящихъ изъ этихъ заводовъ, то нельзя не посѣтовать на слишкомъ долгій срокъ ихъ изготовленія, особенно въ виду того, что частные заводы, выпускающіе издѣлія не хуже казенныхъ, готовятъ ихъ въ сроки гораздо меньшіе.

Тоже можно сказать и о казенныхъ адмиралтействахъ по сравненію съ частными, на которыхъ суда строются гораздо быстрѣе. Нечего говорить, что эта медленность въ постройкѣ и снаряженіи судовъ не можетъ не сказываться на значеніи страны, какъ морской державы.

Скудость всякихъ портовыхъ запасовъ также невыгодно отзывается на изготовленіи судовъ къ плаванію. Было время, когда правильнымъ портовымъ хозяйствомъ и считалось именно *неимѣніе запасовъ*, а покупка, въ случаѣ надобности, всего на рынкѣ. Опытъ показалъ, что этотъ взглядъ невѣренъ: то и дѣло случалось, что когда надобенъ былъ для судовъ какой-либо матеріалъ (сурикъ, нефтяное сало, гвозди и пр.), его-то именно въ портѣ и не оказывалось, и приходилось покупать его въ три-дорога—положеніе, едва ли удобное для флота, который во всякое время долженъ быть вооруженъ чрезъ 24 часа по полученіи приказа.

Въ виду послѣдняго условія, конечно, портъ долженъ быть снабженъ до послѣдней мелочи всѣми необходимыми для судовъ запасами: пусть лучше они временами портятся, лишь бы не былъ возможенъ такой случай, что въ военное время нечѣмъ вооружить флотъ, что въ портѣ нѣтъ ни военныхъ припасовъ, ни матеріаловъ для вооруженія артиллеріи, минъ, механизмовъ, ни провизіи, угля и т. п.

При нормальномъ, разсчитанномъ на быструю мобилизацію, состояніи флота, портъ долженъ имѣть запасы по всѣмъ частямъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы имѣть возможность удовлетворить во всякое время требованія всѣхъ судовъ.

IX.

PIA DESIDERIA.

Утверждаясь, какъ доказываетъ вся историческая жизнь русскаго народа, на прочной основѣ его собственной, многократно и несомнѣнно выраженной *воли*, поддерживаемый вооруженною силой, превосходящею и качественно и количественно армію любой великой державы, нашъ политическій строй, увѣнчиваемый наслѣдственною, неограниченною, *Боговѣнчанною* Монархіей, едва ли нуждается въ защитѣ отъ какихъ-либо теоретическихъ нападеній, равно какъ едва ли можетъ опасаться и самыхъ *злокозненныхъ* практическихъ противъ него поползновеній. Лучшее тому доказательство— недавняя исторія нашей внутренней крамолы, которая десятки лѣтъ сознательно работала надъ разрушеніемъ *всего* нашего государственнаго строя, а разрѣшилась позорнымъ злодѣяніемъ цареубійства, д льше коего ничего и не достигла, ничуть не успѣвъ поколебать устоевъ народной жизни, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и прекратила свои дальнѣйшіе подъ нихъ подкопы, убѣдившись въ полнѣйшей своей несостоятельности.

Тѣмъ менѣе серьезны и опасны *разглагольствія* нашихъ доморощенныхъ противниковъ неограниченнаго самодержавія и друзей правоваго порядка, или, что тоже, проповѣдниковъ конституціонныхъ идей, хотя, во всякомъ случаѣ, *благожелателямъ русскаго народа было бы въ высшей степени отрадно*, *еслибъ*, *на рубежѣ новаго вѣка*,

онъ стряхнулъ съ себя докучливую паутину политическаго доктринерства и фразерства, которая опутывала и опутываетъ его вотъ уже болѣе полустолѣтія, замедляя и задерживая нормальный ходъ его жизни, и переступилъ порогъ XX столѣтія свободнымъ отъ всякаго болѣзненнаго напряженія политической мысли, производимаго или безсознательными, или безсмысленными, или безсовѣстными проповѣдями чуждыхъ его національнымъ воззрѣніямъ, обычаямъ и склонностямъ политическихъ доктринъ.

Эта заманчивая перспектива не представляетъ ничего невозможнаго: по крайней мѣрѣ $^{9}/_{10}$ стомилліоннаго народа *вѣрноподданные* не по одной только формулѣ оффиціальной присяги, а и по крайнему своему *разумѣнію*, доброй *волѣ* и чистой *совѣсти*, слѣд. монархисты искренніе, чистосердечные и неуязвимые никакими льстивыми рѣчами. Если же изъ остающейся $^{1}/_{10}$ выдѣлить польскую шляхту съ ея вожаками, финляндскихъ сепаратистовъ съ ихъ конституціонными вожделѣніями, да остзейскихъ друзей феодальнаго порядка, присоединивъ къ нимъ массу иноземцевъ и иновѣрцевъ, присосавшихся и присасывающихся къ народному организму въ исключительныхъ цѣляхъ его эгоистической эксплуатаціи — то на долю нашихъ доктринеровъ правоваго порядка останется аудиторія далеко не многочисленная: послѣдніе могикане либеральной эпохи, возросшая подъ ихъ умственной ферулою молодежь, не успѣвшая или умственно неспособная провѣрить ихъ назиданія средствами своей собственной логики, да представители такъ называемаго разночинства и буржуазіи—особенно послѣдней, достигнувшей громаднаго вліянія и даже первенства въ различныхъ сферахъ нашей общественной жизни, но оставшейся при томъ вѣрною своимъ преж-

нимъ традиціямъ и идеаламъ: наживы денегъ и внѣшнихъ почестей. Вотъ и весь контингентъ, изъ котораго пополняется и будетъ пополняться умственное стадо, ревностно пасомое и воспитываемое нашими доктринерами конституціонализма.

При своей немногочисленности, стадо это отличается и всѣми стадными признаками: безсознательнымъ, безсмысленнымъ и безмысленнымъ умственнымъ рабствомъ предъ своими вожаками, неспособностью къ здравомысленной критикѣ ихъ ученій, фанатической преданностью не только извѣстнымъ доктринамъ, какъ бы онѣ ни были темны, неудобовразумительны и неосуществимы, но даже къ извѣстной фразеологіи и терминологіи, усвояемой ими съ чужаго голоса. Ясно, какъ день, что большинство нашихъ друзей конституціи незнакомы не только ни съ существомъ, ни съ характеромъ, ни съ исторіей конституціонныхъ учрежденій, но даже и съ современнымъ состояніемъ конституціонныхъ государствъ, въ которыхъ видятъ достойный подражанія образецъ для своего отечества и которыхъ недостатками, именно отъ конституціонныхъ учрежденій зависящими, безсмысленно восторгаются какъ совершенствомъ.

Къ сожалѣнію, ихъ учители, пользуясь выгодою своего положенія, какъ проповѣдниковъ противугосударственныхъ теорій, ведутъ пропаганду съ намѣренной и разсчитанной неопредѣленностью въ основныхъ положеніяхъ и темнотою въ ихъ подробномъ выясненіи: этому обстоятельству обязана современная журналистика, между прочимъ, и терминомъ *правовыхъ порядковъ*, подъ которымъ слѣдовало разумѣть порядки *конституціонные*, и который явился въ нашей литературѣ только потому, что напрямки рекомендовать са-

модержавному государю *конституцію* было бы неловко, а пожалуй и не безопасно...

Это постоянное подразумѣваніе мысли, скрывающейся подъ совсѣмъ иною печатною фразой, это вѣчное чтеніе между строкъ и исканіе скрытаго смысла въ каждой фразѣ, его вовсе и не имѣющей — вмѣстѣ съ предположеніями о нравственныхъ стѣсненіяхъ, испытываемыхъ учителями и преодолѣваемыхъ, однако, ихъ искусствомъ—и составляютъ въ ихъ ученіяхъ для ихъ учениковъ едвали не самую чарующую прелесть.

И нельзя не пожелать, чтобы этотъ ореолъ *исповѣдничества*, недостойно вѣнчающій доктринеровъ нелѣпаго по существу, чуждаго народной жизни, непригоднаго нашему быту государственнаго порядка, былъ снятъ, наконецъ, съ ихъ быть можетъ и ученыхъ, но недостаточно въ русскомъ національномъ смыслѣ просвѣщенныхъ головъ, тѣмъ болѣе, что это очень немудрено.

Стоитъ только снять съ ихъ загадочныхъ и заманчивыхъ теорій прелесть *запретнаго плода*, позволивъ имъ свободно высказываться также, какъ если бы они были проповѣдниками самаго неограниченнаго самодержавія: лучшее средство обнаружить нелѣпость той или другой мысли—дать ей широкую возможность высказаться до крайнихъ ея логическихъ предѣловъ, ибо тогда получится въ результатѣ логическій абсурдъ, что-нибудь въ родѣ $2 \times 2 = 5$ или $4^1/_2$, и изо всѣхъ, самыхъ даже фанатическихъ поклонниковъ, останутся ей вѣрными развѣ нѣсколько окончательно свихнувшихся или просто глупыхъ людей...

Чтобы доказать справедливость нашихъ словъ, намъ за примѣрами не придется ходить далеко: русскій мыслитель, разъ онъ освобождается отъ умственнаго гнета чуждыхъ теорій западно-европейскаго происхожденія,

уже становится не способенъ плѣняться фантастическими достоинствами конституціонныхъ учрежденій и ограниченно-монархической формы правленія.

Кто бы, въ самомъ дѣлѣ, могъ подумать, зная политическія убѣжденія такого патріота-публициста, какъ Катковъ, что этотъ ревностный охранитель русскаго самодержавія начиналъ свою журнальную дѣятельность ярымъ англоманомъ, поклонникомъ англійской конституціи и пѣвцомъ гражданскихъ гарантій ею представляемыхъ? А между тѣмъ чуть ли не десять первыхъ лѣтъ своего литературнаго поприща незабвенный Михаилъ Никифоровичъ былъ откровеннымъ, чистосердечнымъ, нелицемѣрнымъ проповѣдникомъ конституціонныхъ началъ и проводникомъ конституціонныхъ воззрѣній въ русское общественное сознаніе! Но стоило ему, оторвавшись отъ кабинетныхъ умственныхъ созерцаній и теоретическихъ соображеній, войти въ дѣятельное соприкосновеніе съ народной жизнью, какъ всѣ эти логическія построенія, повидимому столь прочно установившіяся въ его міросозерцаніи на красивомъ фундаментѣ западноевропейскихъ теорій правоваго порядка, разсыпались на подобіе карточнаго домика, и изъ горячаго проповѣдника народныхъ полномочій и конституціонныхъ ограниченій, на подобіе прозрѣвшаго Савла, мгновенно возродился вдохновенный глашатай Богоучрежденнаго Самодержавія и искренне сыновней къ нему народной привязанности...

Что касается свободы обсужденія политическихъ теорій и государственныхъ учрежденій, то, въ добавокъ къ вышесказанному, остается развѣ указать на весьма характерный фактъ изъ ранней дѣятельности того же М. Н. Каткова, доказывающій, что всякое ея стѣсненіе въ данномъ случаѣ болѣе вредно, чѣмъ полезно.

Нечего напоминать, до какихъ размѣровъ популярности достигала въ 50-хъ годахъ воровская публицистика русскихъ ренегатовъ: Герцена. Огарева, Бакунина и К°, и какое тлетворное вліяніе на умы тогдашняго общества оказывали ребячески-безсознательныя бредни этихъ іудъ-предателей русскаго дѣла.

Богъ знаетъ, сколько бы времени еще прозвонили они на своемъ измѣнническомъ *Колоколѣ* и до чего бы дозвонились, еслибы, въ 1862 году, только-что начавши прозрѣвать послѣ долголѣтней западно-европейской слѣпоты, М. Н. Катковъ не напечаталъ въ своемъ журналѣ (кстати замѣтимъ: послѣ серьезныхъ *цензурныхъ* затрудненій) весьма краткой по объему, но весьма сильной по содержанію и внутреннему смыслу „Замѣтки для издателя *Колокола*": эта небольшая замѣтка произвела, можно сказать, поистинѣ волшебное дѣйствіе на умы, сразу сокрушивъ престижъ лондонскихъ вралей, пристыдивъ ихъ поклонниковъ и послѣдователей, и отрезвивъ взгляды на нихъ русскаго общества.

Столь же быстро потеряли бы власть надъ современными умами и наши проповѣдники правовыхъ отношеній, еслибъ здравомысленнымъ людямъ предоставлена была полная возможность сойтись съ ними для равнаго спора на публичной аренѣ печатнаго слова, и еслибы они лишены были важнѣйшаго изъ своихъ преимуществъ—права ссылаться на невозможность для нихъ свободнаго изложенія своихъ воззрѣній и доводовъ, права, которымъ они теперь постоянно злоупотребляютъ и на удочку котораго въ мутной водѣ общественнаго скудоумія ловятъ себѣ послѣдователей.

Но здѣсь мы уже соприкасаемся съ вопросомъ о свободѣ мысли и слова вообще, т. е. о свободѣ печати— о чемъ будемъ имѣть случай подробнѣе высказаться

въ одномъ изъ дальнѣйшихъ выпусковъ, который будетъ посвященъ спеціально русской печати.

Выше мы обстоятельно показали, какихъ внушительныхъ размѣровъ достигаютъ вооруженныя силы Россіи въ настоящее время. Но все это еще немного въ сравненіи съ тѣмъ, на что мы имѣемъ право надѣяться въ будущемъ.

Мы уже видѣли, что *числомъ* войска мы превосходимъ самую многочисленную изъ всѣхъ европейскихъ армій— германскую. Но еще важнѣе то, что мы обладаемъ источниками дальнѣйшаго развитія нашихъ силъ, какими не обладало ни одно государство съ сотворенія міра.

Наши кадры мирнаго времени составляютъ лишь $^3/_4$% всего населенія имперіи, тогда какъ, напримѣръ, численность германской арміи мирнаго времени превышаетъ 1,07% населенія. Если же бы довести наши кадры до той же %-ной нормы по отношенію къ числу жителей, какъ германскіе, то намъ пришлось бы содержать въ мирное время 1,180,000 чел., а не 830,000.

Нашъ военный бюджетъ составляетъ, среднимъ числомъ, немного болѣе 200,000,000 рублей кредитныхъ или 140,000,000 руб. металлическихъ въ годъ, что даетъ по 1 руб. 27 коп. на душу населенія, тогда какъ Германія тратитъ ежегодно на свои сухопутныя военныя силы до 150,000,000 руб. металлическихъ или по 3 руб. 20 коп. на жителя. Если же бы примѣнить къ намъ эту германскую норму военнаго налога, то нашъ военный бюджетъ представилъ бы цифру въ 352 милліона руб., т. е. сумму, достаточную для содержанія, при среднемъ расходѣ на нашего солдата во 160 руб. въ годъ, арміи въ 2,200,000 чел.

Въ военное время численность всѣхъ нашихъ силъ,

кромѣ ополченія, достигаетъ почти 2,300,000 чел. Германцы могутъ выставить почти столько же, но за то они уже достигнутъ того предѣла, дальше котораго идти нельзя. Тягость воинскихъ доспѣховъ, въ которыя облачились наши сосѣди, уже и теперь заставляетъ кряхтѣть народы Германіи. Дальнѣйшее же обремененіе населенія личною и денежною повинностью должно встрѣтить со стороны его протестъ и даже прямой отказъ, что уже и подтверждается противодѣйствіемъ, которое оказалъ въ 1887 г. германскій рейхстагъ намѣренію правительства усилить составъ арміи мирнаго времени.

Число солдатъ, которое выставляетъ Германія въ случаѣ войны, равняется 4,8% населенія, тогда какъ у насъ оно равняется всего 2%, если же бы мы выставили такое же по %-ному отношенію число войскъ, какъ нѣмцы, то наши силы военнаго времени достигли бы цифры въ 5.280,000 чел.

Но и это не все. Большой ежегодный приростъ населенія обѣщаетъ намъ въ будущемъ все большіе и большіе источники для увеличенія средствъ борьбы.

Какъ извѣстно, германскимъ военнымъ закономъ установлено, что черезъ каждыя 7 лѣтъ числительность арміи увеличивается въ зависимости отъ прироста населенія такимъ образомъ, чтобы кадры мирнаго времени составляли 1% всего числа жителей государства.

Если бы мы приняли такой порядокъ увеличенія нашихъ вооруженныхъ силъ, то, при ежегодномъ приростѣ населенія въ 1,4%, наша армія мирнаго времени черезъ каждыя 7 лѣтъ возрастала бы на 110,000 чел., а по военному составу слишкомъ на 300,000 чел.

При незначительной густотѣ населенія Европейской Россіи (около 890 чел. на кв. милю) и всего нашего госу-

дарства (около 270 чел. на кв. милю) дальнѣйшее возрастаніе его численности въ теченіе долгихъ вѣковъ не должно встрѣтить никакого препятствія.

Въ Германіи дѣло другое. Хотя ежегодный прирость ея населенія весьма значителенъ и составляетъ около 1,5%, но такое быстрое возрастаніе не можетъ быть продолжительнымъ. Въ настоящее время средняя плотность населенія всей имперіи достигаетъ 4800 чел. на кв. милю, а во многихъ она дошла уже до предѣла, далѣе котораго, надо полагать, и идти не можетъ, что доказывается и извѣстнымъ *Drang*'омъ *nach Osten*, и сотнями тысячъ эмигрантовъ, которыхъ нѣмецкій фатерландъ ежегодно выбрасываетъ на отдаленные берега Атлантическаго океана.

Таковы возможные размѣры вооруженныхъ силъ Россіи въ настоящее время и въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Нечего и говорить, сколь великую важность имѣютъ выше изложенныя сопоставленія.

Вооруженныя силы всякаго государства составляютъ оплотъ, необходимый для огражденія развитія всѣхъ сторонъ его жизни отъ враждебныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Расходы на содержаніе армій представляютъ собою не что иное, какъ *страховую премію*, вносимую государствомъ для обезпеченія его существованія и безопасности. Въ виду сего возможно ли останавливаться передъ какими-либо пожертвованіями для усиленія боевой готовности арміи, и всякая экономія, клонящаяся къ ея уменьшенію, не будетъ ли неразумною мѣрой, которая отразится неминуемымъ вредомъ на состояніи всего государственнаго организма?

Развѣ Англія, напримѣръ, допустила бы насъ безпрепятственно расширять наши владѣнія въ Средней Азіи и приближаться постепенно, но вѣрно, къ Индіи, со-

ставляющей источникъ ея могущества, если бы она имѣла достаточно сильную и надежную армію? Нѣтъ, она озаботилась бы остановить поступательное движеніе наше въ Азіи, пожалуй, еще у воротъ Ташкента; и если просвѣщенные мореплаватели ограничиваются до сихъ поръ одною газетною войной при видѣ грознаго приближенія русскихъ полковъ къ подножію Гиндукуша, то единственно за неимѣніемъ своихъ собственныхъ

Громадное значеніе военныхъ силъ сознавалось всегда и у насъ, начиная отъ Петра I до нашихъ дней. Когда великій преобразователь рѣшился ввести Россію въ число цивилизованныхъ странъ міра, ему прежде всего пришлось создать сильную армію и флотъ, которые одни и помогли ему прорубить окно въ Европу.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ вѣковъ вниманіе вѣнценосныхъ вождей русскаго народа преимущественно устремлялось на всестороннее развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ, необходимыхъ для поддержанія значенія Россіи въ Европѣ.

Особенно велики въ этомъ отношеніи заслуги прошлаго царствованія, рядомъ благодѣтельныхъ реформъ въ короткое время открывшаго нашей арміи новые, неисчерпаемые источники для увеличенія боевой ея силы и дальнѣйшаго усовершенствованія.

Нельзя также обойти молчаніемъ и значительныхъ заслугъ министерства Д. А. Милютина, съ такою твердостью и рѣдкимъ умѣньемъ содѣйствовавшаго покойному Государю въ исполненіи его благихъ начинаній.

Введеніе всеобщей воинской повинности, улучшивъ личный составъ арміи, въ тоже время во много кратъ увеличило ея числительную силу. Стремленіемъ поднять уровень образованія офицеровъ достигнуто все,

что возможно было въ то время; изъ ихъ рядовъ исчезли, по крайней мѣрѣ, офицеры, лишенные не только всякаго образованія и воспитанія, но и въ простой грамотности не весьма искусные, каковыхъ до того времени было среди нихъ весьма не мало. Введеніе болѣе совершенной организаціи войскъ, снабженіе ихъ прекраснымъ оружіемъ и многія другія мѣры, развиваемыя энергично въ настоящее время, довели нашу армію до состоянія по истинѣ блестящаго.

Какъ на главнѣйшій тормазъ для большей части необходимыхъ въ этомъ направленіи улучшеній, у насъ указывали и указываютъ на недостатокъ денежныхъ средствъ. Между тѣмъ, мы не думаемъ, чтобы государство со 110-милліоннымъ населеніемъ, съ военнымъ бюджетомъ въ 200 милл. не имѣло возможности увеличить ежегодный расходъ на военныя потребности на нѣсколько десятковъ милліоновъ, существенно необходимыхъ для правильнаго развитія его вооруженныхъ силъ, и что расходъ этотъ едва ли былъ бы тягостенъ, надѣемся доказать въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ нашей книги.

Если бы даже потребовалось введеніе особаго военнаго налога для улучшенія условій существованія нашей арміи, то можно смѣло сказать, что налогъ этотъ былъ бы наименѣе тяжелымъ и непріятнымъ для населенія, особенно теперь, при существованіи всеобщей воинской повинности, когда каждая семья считаетъ въ рядахъ войскъ ближняго для себя человѣка: отца, мужа, брата и т. п., и всякій подданный государства, внося въ казну свой рубль или свою копѣйку, чувствовалъ бы, что онъ этимъ улучшаетъ положеніе своего близкаго родственника. Но въ подобномъ налогѣ нѣтъ и надобности, и безъ него мы можемъ

и должны увеличить ежегодный отпускъ на содержаніе арміи.

Прежде всего считаемъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на необходимость улучшенія матеріальнаго положенія нашихъ офицеровъ. Корпусъ офицеровъ— это тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется все громадное зданіе каждой арміи. Въ немъ живутъ и имъ передаются прочимъ чинамъ войскъ славныя боевыя традиціи каждой воинской части, воодушевляющія каждаго воина въ стремленіи сравняться дѣлами храбрости и неустрашимости съ доблестными подвигами героевъ-предковъ; ими поселяется и укрѣпляется въ нижнихъ чинахъ сознаніе святости присяги и служебнаго долга, любовь къ Государю и отечеству и готовность переносить безропотно всѣ тягости и лишенія боевой и походной жизни. Офицеръ долженъ въ бою показывать своимъ солдатамъ примѣръ мужества и презрѣнія къ смерти; въ мирное время онъ не долженъ жалѣть своихъ силъ, чтобы выучить своихъ подчиненныхъ всему, что требуется отъ нихъ настоящимъ положеніемъ военнаго дѣла. И дѣйствительно, нашъ офицеръ въ нѣсколько мѣсяцевъ превращаетъ простаго, мирнаго пахаря въ грознаго воина, искусно владѣющаго своимъ оружіемъ и готоваго во всякую минуту по первому призыву ринуться на врага, не страшась ни пуль, ни гранатъ, ни штыковъ непріятельскихъ, угрожающихъ ему тысячью смертей.

Таково было всегда значеніе офицера во всякой арміи. Въ наше же время, при крайне короткихъ срокахъ службы нижнихъ чиновъ, только прочный, хорошо подготовленный и преданный своему дѣлу корпусъ офицеровъ дѣлаетъ то, что армія наша остается дѣйствительно арміею и не превращается въ простую на-

ціональную милицію безъ всякаго воинскаго духа, безъ всякой военной подготовки: *весь* составъ нижнихъ чиновъ нашей арміи мѣняется въ теченіе четырехъ лѣтъ, каждый годъ изъ рядовъ ея убываетъ до $^{1}/_{4}$ милліона людей и столько же поступаетъ вновь, прямо отъ сохи, безъ всякаго понятія о военномъ дѣлѣ.

Ясно, что если поколеблется корпусъ офицеровъ, если члены его все болѣе и болѣе станутъ смотрѣть на военную службу лишь какъ на временную профессію въ ожиданіи лучшей доли, то не можетъ не пострадать серьезно во всѣхъ отношеніяхъ и вся наша армія.

Правда, офицеръ не долженъ смотрѣть на себя какъ на наемника, не долженъ бѣжать отъ военной службы только потому, что въ другомъ мѣстѣ даютъ больше, и когда уходятъ изъ рядовъ нашего доблестнаго войска подобные офицеры, то армія отъ этого только выигрываетъ. Но, съ другой стороны, и жизнь неотступно предъявляетъ свои требованія: желудокъ настоятельно проситъ пищи, тѣло одежды, и когда человѣкъ, состоя на службѣ, не видитъ возможности удовлетворять даже этимъ насущнымъ потребностямъ, то, не смотря на всю свою преданность военному дѣлу, съ величайшимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ видитъ себя вынужденнымъ бросить это дѣло и приняться за другое только ради куска насущнаго хлѣба.

Было время, когда корпусъ офицеровъ у насъ находился въ болѣе выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, когда большую часть его составляло наше служилое сословіе, наше дворянство, обезпеченное матеріально, не нуждавшееся въ казенномъ жалованьи и считавшее своимъ *долгомъ* посвящать жизнь на пользу государства. Нынѣ же, съ повальнымъ обѣднѣніемъ дворянства, офи-

церы, за ничтожными исключеніями, поставлены въ необходимость существовать исключительно на содержаніе, получаемое отъ казны.

Между тѣмъ, выше мы точными исчисленіями доказали, что содержаніе это недостаточно для удовлетворенія даже первыхъ потребностей жизни.

И такъ—содержаніе корпуса офицеровъ должно быть увеличено: объ этомъ не можетъ быть спора, и вопросъ сводится лишь къ размѣрамъ этого увеличенія.

Число всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ нашей арміи простирается до 30,000 чел. Если среднимъ числомъ къ содержанію каждаго изъ нихъ прибавить по 500 руб., что сразу обезпечитъ нашимъ военнымъ труженикамъ безбѣдное существованіе, то цифра военныхъ расходовъ нашихъ возрастетъ всего на 15,000,000 рублей или на $7^1/_2$ %.

Нужно замѣтить, что ежегодно мы находимъ возможность тратить десятки милліоновъ на заведеніе громадныхъ страшилищъ артиллерійскаго искусства, на постройку морскихъ чудовищъ, закованныхъ въ желѣзную и стальную броню. Траты эти признаются совершенно необходимыми, въ виду быстраго совершенствованія повсюду военной техники. Но всѣ эти пушки и броненосцы лишь мертвая сила, приводимая въ движеніе разумною волей и живою силой человѣка. Вотъ почему на поддержаніе этой живой силы должны быть *прежде всего* направлены наши усилія, и не можетъ быть, чтобы мы не нашли средствъ на удовлетвореніе наиболѣе существенной потребности нашей арміи — на упроченіе и улучшеніе положенія главнаго двигателя ея, корпуса офицеровъ, составляющаго ея душу и нервы.

Но кромѣ прочнаго, хорошо обставленнаго корпуса

офицеровъ, *настоятельно необходимо* создать прочный кадръ помощниковъ офицеровъ, т. е. надежныхъ, знающихъ свое дѣло унтеръ-офицеровъ. Не принимая въ разсчетъ исключеній, можно смѣло сказать, что въ настоящую минуту унтеръ-офицеровъ въ нашей арміи нѣтъ, а есть лишь положенное по штату число рядовыхъ, украшаемыхъ унтеръ-офицерскими галунами.

Сроки службы нижнихъ чиновъ у насъ слишкомъ коротки для того, чтобы въ теченіе ихъ создать полезныхъ унтеръ-офицеровъ, а если и удается иногда достигнуть подобнаго результата, то уже службою этихъ людей почти никогда не удается воспользоваться. Чтобы имѣть хорошихъ унтеръ-офицеровъ, существуетъ одно лишь средство — привлекать ихъ на сверхсрочную службу. Для достиженія же этой цѣли необходимо примѣнить двѣ мѣры: улучшеніе положенія унтеръ-офицеровъ во время ихъ состоянія на сверхсрочной службѣ и обезпеченіе за ними хорошо въ матеріальномъ отношеніи обставленныхъ мѣстъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, по прослуженіи извѣстнаго опредѣленнаго числа лѣтъ на военной службѣ сверхъ срока. И на то и на другое мы должны имѣть достаточныя средства.

Наконецъ, въ высшей степени необходимо улучшить питаніе нашего солдата. Правда, что большинство нашихъ нижнихъ чиновъ до поступленія на службу питаются нисколько не лучше, а многіе гораздо хуже чѣмъ на службѣ, и притомъ трудятся физически не меньше. Но большая разница между работою дома, на полной свободѣ, работою, къ которой нашъ крестьянинъ привыкъ съ малолѣтства, и солдатской муштровкой въ непривычной казарменной обстановкѣ, невольно гнетущей всякаго человѣка, попавшаго въ нее

съ воли. Если къ этому прибавить тягостныя умственныя усилія, которыя приходится дѣлать малограмотному или неграмотному новобранцу, то понятными сдѣлаются тѣ явленія общей болѣзненной слабости, которыя такъ часто замѣчаются среди нашихъ солдатъ и многихъ изъ нихъ въ концѣ концовъ приводятъ въ состояніе „неспособныхъ". Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для устраненія подобныхъ явленій служитъ хорошее питаніе. Можно надѣяться, что оно и въ экономическомъ отношеніи не вызоветъ особеннаго увеличенія расходовъ, такъ какъ въ значительной мѣрѣ уменьшитъ траты на леченіе больныхъ въ госпиталяхъ, лазаретахъ, пріемныхъ покояхъ, и т. п. Необходимо твердо памятовать при этомъ, что государству гораздо выгоднѣе расходоваться на людей здоровыхъ, чѣмъ на больныхъ.

Одинъ изъ насущныхъ вопросовъ дня представляетъ у насъ также вопросъ о квартирахъ для войскъ. Въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ у насъ возводятся хорошія казармы, при посредствѣ особыхъ войсковыхъ коммиссій. Къ сожалѣнію, дѣло это подвигается впередъ слишкомъ медленно. Въ связи съ этимъ вопросомъ находится также отведеніе нашимъ войскамъ земельныхъ участковъ для стрѣльбы, самоокапыванія и т. п.

Не безполезною для сбереженія здоровья солдатъ мѣрой было бы, какъ мы уже указывали, сокращеніе учебной программы по тѣмъ теоретическимъ свѣдѣніямъ, которыя требуются отъ него въ первый же годъ службы; да и самое усвоеніе этихъ свѣдѣній было бы прочнѣе, если бы онѣ сообщались постепенно, небольшими уроками, а не втискивались сразу въ голову новобранца въ видѣ массы разнообраз-

ныхъ познаній, которыхъ его мозгъ не въ состояніи переварить.

По вопросу обученія войскъ нельзя не упомянуть о необходимости болѣе серьезной постановки стрѣлковаго дѣла. У насъ часто со снисходительной улыбкой вспоминаютъ доброе старое время, когда вся заботливость военнаго начальства проявлялась въ одностороннемъ увлеченіи учебнымъ шагомъ и церемоніальнымъ маршемъ: но мы и не замѣчаемъ, что и теперь сами идемъ отчасти по тому же слѣду. Увлеченіе церемоніальнымъ маршемъ имѣетъ свое оправданіе: стройное, правильное движеніе цѣлыхъ массъ войска представляетъ одну изъ сторонъ наиболѣе существеннаго требованія, которое должно быть предъявляемо къ каждой военной части, именно требованія порядка, и вся бѣда только въ томъ, что у насъ слишкомъ много обращали вниманія на одну эту сторону воинскихъ упражненій, тогда какъ слѣдовало обучать всѣмъ имъ равномѣрно.

Нѣчто подобное повторилось и со стрѣльбою: всѣ начальники стараются перещеголять другъ друга въ погонѣ за процентами при стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ разстояній, забывая при этомъ, что выбиваніе процентовъ лишь одна сторона дѣла, нѣчто въ родѣ буквъ въ азбукѣ. Чтобы умѣть читать, необходимо выучиться складывать буквы: чтобы умѣть стрѣлять въ бою, необходимо упражняться въ стрѣльбѣ при обстановкѣ, возможно близкой къ боевой. Иначе всѣ самые прекрасные проценты получаютъ тотъ же смыслъ, какъ и учебный шагъ и церемоніальный маршъ прошлаго времени.

На сколько неосновательно иногда жалуются на неимѣніе средствъ для проведенія въ войскахъ той или

другой полезной мѣры, лучшимъ доказательствомъ могутъ служить тѣ затрудненія, какія встрѣчаетъ у насъ правильная постановка боевой стрѣльбы: онѣ заключаются въ неимѣніи, будто бы, мѣста для производства упражненій въ подобной стрѣльбѣ—это у насъ-то, при населеніи въ 890 душъ на квадратную милю, негдѣ учиться стрѣлять! Что же дѣлать народамъ западной Европы, которымъ приходится тѣсниться по 5,000 чел. и болѣе на каждой квадратной милѣ?

Между тѣмъ они чрезвычайно свободно распоряжаются своею территоріей для военныхъ цѣлей и творятъ иногда такія вещи, о которыхъ мы не рѣшаемся и думать. Такъ напримѣръ въ Германіи войскамъ во время маневровъ разрѣшается топтать посѣвы, если это, по ходу разыгрываемаго боя, оказывается необходимымъ, при чемъ убытки, понесенные частными лицами, вознаграждаются казною. У насъ же на маневрахъ часто тощая полоса ржи или овса останавливаетъ грозное наступленіе цѣлыхъ полковъ и дивизій, и заставляетъ ихъ сворачивать въ сторону, подставляя флангъ самому близкому огню противника, хотя и стрѣляющаго по большей части лишь „примѣрно", т. е. безъ холостыхъ патроновъ, но тѣмъ не менѣе изображающаго силу, въ виду которой не могутъ быть совершаемы подобныя эволюціи. Нечего говорить, что подобная постановка маневровъ совершенно искажаетъ ихъ правильный ходъ и даетъ участвующимъ въ нихъ войскамъ совершенно превратное понятіе о томъ, какъ происходитъ дѣло въ дѣйствительномъ бою.

Относительно совокупнаго обученія отрядовъ, составленныхъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, мы указали выше на необходимость большаго согласованія дѣйствій этихъ трехъ родовъ оружія, тогда какъ до

послѣдняго времени каждый изъ нихъ мало былъ знакомъ со свойствами и тактикой другаго, а часто и не хотѣлъ знать ихъ, углубляясь исключительно въ свою специальность. Подобнаго рода специализація, продолжающаяся и до настоящаго времени, особенно замѣтна въ артиллеріи: до чего доходитъ обособленіе ея войскъ, видно изъ того, что на маневрахъ у насъ часто затрудняются поручать артиллерійскимъ генераламъ командованіе отрядами, смѣшанными изъ трехъ родовъ оружія.

Самыя названія высшихъ генеральскихъ чиновъ въ въ нашей арміи: генералъ *отъ инфантеріи*, генералъ *отъ кавалеріи*, генералъ *отъ артиллеріи* — указываютъ какъ бы на оффиціальное признаніе обособленности каждаго изъ этихъ родовъ оружія. Между тѣмъ понятіе, выражаемое словомъ *général*, какъ разъ показываетъ, что лице, удостоенное этого званія, должно быть въ одинаковой степени способнымъ для командованія каждымъ родомъ оружія и не заключать всю свою карьеру въ болѣе или менѣе тѣсныхъ рамкахъ одного изъ нихъ.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о дисциплинѣ въ войскахъ. Опасность, угрожающая этому фундаменту всякой арміи, кроется, какъ мы видѣли, въ причинахъ соціальныхъ, и можетъ быть устранена окончательно лишь съ кореннымъ измѣненіемъ и улучшеніемъ тѣхъ условій, въ которыя поставлена жизнь нашего сельскаго населенія. Но такъ какъ условія эти могутъ быть измѣнены къ лучшему не сразу и дожидаться этого нельзя, то необходимо усилить власть военно-начальствующихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы люди порочные, попавъ въ ряды арміи, съ первыхъ же шаговъ новой жизни видѣли, что въ случаѣ, если они

захотятъ перенести въ нее свои прежнія привычки, съ ними церемониться не будутъ.

Принося несомнѣнную пользу, усиленіе власти начальствующихъ лицъ въ томъ видѣ, какъ мы выше его предложили, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій: расширеніе правъ лица, пользующагося такимъ довѣріемъ правительства, какъ командиръ полка, не можетъ, конечно, внушать какихъ-либо опасеній, что права эти будутъ употребляемы имъ во зло.

Выше мы имѣли случай говорить, что въ зимнее время у насъ производятся въ частяхъ войскъ занятія съ офицерами, состоящія въ рѣшеніи тактическихъ задачъ на планахъ. Хотя самый порядокъ и способъ веденія этихъ занятій точно опредѣлены особою инструкціей, тѣмъ не менѣе они не приносятъ пока той пользы, какую могли бы приносить. Зависитъ это отъ недостатка опытныхъ и свѣдущихъ руководителей, коими, по инструкціи, должны быть баталіонные командиры. Извѣстно, что званіе баталіоннаго командира достигается обыкновенно выслугой около 20 лѣтъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ—и только. Въ теченіе этого долгаго срока всѣ свѣдѣнія по военнымъ наукамъ, пріобрѣтенныя когда-то въ военно-учебномъ заведеніи, успѣваютъ почти совершенно испариться, а если и уцѣлѣютъ, то все же за ними остается 20-лѣтняя давность, и баталіонные командиры въ большинствѣ случаевъ являются лицами вовсе некомпетентными для занятій съ молодыми офицерами, которые пожалуй и больше и лучше ихъ знаютъ.

Прямыми руководителями техническихъ занятій и проводниками въ войско всѣхъ результатовъ военной науки должны бы являться офицеры генеральнаго штаба: но, къ сожалѣнію, офицеры эти обыкновенно за-

няты въ различныхъ штабахъ всякаго рода канцелярскою перепиской, ничего общаго не имѣющею съ ихъ спеціальностью. Такому офицеру при этой мелочной работѣ, которая съ успѣхомъ могла бы быть выполнена каждымъ строевымъ офицеромъ, и самому-то трудно сохранить познанія, пріобрѣтенныя въ академіи, а чтобы дѣлиться ими съ строевыми офицерами, о томъ и думать нечего, и для пользы дѣла крайне было бы желательно, чтобы офицеры генеральнаго штаба были обращены къ дѣятельности болѣе соотвѣтствующей ихъ спеціальной подготовкѣ, чѣмъ нынѣшняя ихъ канцелярская служба.

Отрадное явленіе въ нашемъ военномъ мірѣ представляетъ широкое развитіе военной литературы, обнимающей самыя разнообразныя стороны жизни войскъ. Труды гг. Драгомірова, Леера и др. пріобрѣли общую извѣстность и даже усердно переводятся на иностранные языки.

Генераломъ Драгоміровымъ, между прочимъ, намѣчена даже особая наука, которой въ будущемъ, быть можетъ, суждена первостепенная роль, именно—военная психологія. Военными авторитетами признано, что всякій успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ условій прежде всего моральныхъ, а затѣмъ уже и матеріальныхъ. Между тѣмъ изслѣдованіе первыхъ до настоящаго времени находится въ зачаточномъ состояніи, тогда какъ, наприм., вопросу о наивыгоднѣйшемъ калибрѣ ружья или крутизнѣ нарѣзовъ и т. п. посвящаются цѣлые томы.

Правда, что военная психологія можетъ быть возведена на степень самостоятельной, строго систематической науки лишь съ надлежащимъ развитіемъ психологіи общей. Но и теперь могутъ быть установлены многія положенія, въ высшей степени полезныя какъ

для управленія войсками въ военное время, такъ и въ дѣлѣ мирнаго воспитанія ихъ, а равно при характеристикѣ и оцѣнкѣ лицъ, назначаемыхъ на тѣ или другія должности и проч.

Однимъ изъ настоятельнѣйшихъ требованій, вызываемыхъ современнымъ положеніемъ военнаго дѣла, является необходимость развитія въ войскахъ частной инициативы въ возможно широкихъ размѣрахъ.

Въ былое время, когда арміи, на поляхъ сраженій, двигались и дрались по командѣ старшаго начальника, всѣ люди, входившіе въ составъ ихъ, должны были изображать собою не что иное какъ автоматовъ, неуклонно исполнявшихъ каждую команду — пушечное мясо, по французской поговоркѣ.

Въ настоящее же время, при полумилліонныхъ арміяхъ, дерущихся на протяженіи 10—20 верстъ, подобное управленіе всей этой страшной массы однимъ лицемъ, разумѣется, невозможно. Единственнымъ средствомъ для цѣлесообразнаго, правильнаго веденія боя является починъ частныхъ начальниковъ, дѣйствующихъ самостоятельно и сознательно, руководствуясь лишь основною идеей плана, составленнаго главнокомандующимъ. И не только всѣ начальники, но и каждый солдатъ, находящійся въ стрѣлковой цѣпи, долженъ обладать извѣстною долей самодѣятельности.

Вопросъ о развитіи частной инициативы неразрывно связанъ съ *важнѣйшимъ* принципомъ военнаго дѣла, составляющимъ самую сущность его, а именно съ принципомъ взаимной выручки, безъ которой немыслимъ никакой успѣхъ на ратномъ полѣ. Каждый начальникъ, крупный или мелкій, замѣтившій опасность, угрожающую его сосѣду, нравственно обязанъ устремиться ему на помощь, не ожидая никакихъ приказа-

ній свыше и не опасаясь отвѣтственности за свой поступокъ.

Въ минувшемъ году на страницахъ журнала *Военный Сборникъ* появилась статья, проливающая новый свѣтъ на причины пораженій, понесенныхъ французами въ кампанію 1870—71 гг. До настоящаго времени ходячія мнѣнія о нихъ сводились къ тому, будто нѣмцы въ каждомъ столкновеніи оказывались въ нѣсколько разъ сильнѣе своихъ противниковъ. Названная статья опровергаетъ это мнѣніе цѣлымъ рядомъ такихъ фактовъ, какъ сраженія при Шпихертѣ, Марсъ-ла-Турѣ и др., гдѣ нѣмцы даже уступали въ числѣ французамъ. Истинная причина пораженія безусловно храбрыхъ французскихъ войскъ заключается, по мнѣнію автора, которое трудно оспаривать, въ отсутствіи самостоятельнаго почина со стороны ихъ начальниковъ, большая часть которыхъ спокойно смотрѣла, какъ нѣмцы били ихъ солдатъ-товарищей и не рѣшались двинуться на выручку своимъ, не получивъ на то особаго приказанія.

Совершенно обратное видимъ мы у нѣмцевъ: не только части войскъ, находившіяся на одномъ полѣ сраженія, постоянно выручали другъ друга безъ всякихъ напоминаній свыше, но и колонны, двигавшіяся вдали отъ мѣста боя, заслышавъ канонаду, сворачивали съ назначеннаго имъ пути и шли на выстрѣлы, чтобы поддержать своихъ товарищей.

Подобные уроки должны служить на пользу и намъ, тѣмъ болѣе, что даже въ мирное время мы постоянно видимъ у себя отсутствіе инициативы, вызываемое всеподавляющимъ страхомъ предъ отвѣтственностью. Лучшимъ средствомъ для избѣжанія этой отвѣтственности является точное исполненіе буквы устава, не

гоняясь за внутреннимъ смысломъ его. Если же по какому-либо возникшему вопросу не имѣется точныхъ указаній въ уставѣ или въ законѣ вообще, то рѣдкій начальникъ возьметъ на себя смѣлость разрѣшить его по собственному разумѣнію. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ возникаетъ обширная переписка, переходящая изъ инстанціи въ инстанцію, при чемъ главное искусство веденія этой переписки заключается въ умѣньи ловко „отписываться", не высказывая ни *да* ни *нѣтъ* по существу дѣла. Отсутствіе гражданскаго мужества, вызывающее слѣпое исполненіе одной лишь буквы закона, не можетъ, разумѣется, оставаться безъ ущерба для дѣла. Лица, ограничивающіяся подобнымъ образомъ дѣйствій, могутъ быть уподоблены рабу въ евангельской притчѣ, убоявшемуся жестокости своего господина и потому зарывшему свой талантъ въ землю: очевидно, что они достойны и такого же возмездія, какое постигло неразумнаго раба. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло нашъ геніальный реформаторъ и полководецъ Петръ Великій, при введеніи устава воинскаго предостерегая не держаться его „аки слѣпой стѣны", а тѣхъ, кто не внемлетъ этому предостереженію, угрожая „бить батоги нещадно".

Если въ нашемъ военномъ быту мало самостоятельности въ мирное время, тѣмъ труднѣе ее ожидать при подавляющей обстановкѣ военнаго времени, чему много примѣровъ можетъ представить минувшая русско-турецкая война. Только благодаря узкому формализму и буквальному толкованію закона возможны факты такого рода, что въ одной части войскъ требовалось въ жестокую зимнюю стужу обязательное ношеніе форменныхъ сапогъ, послѣдствіемъ чего оказались сотни отмороженныхъ ногъ, тогда какъ въ дру-

гой, рядомъ стоявшей части, гдѣ люди одѣвались въ валенки и кутали ноги во всевозможное тряпье, подобныхъ случаевъ почти не встрѣчалось.

Для развитія большей самостоятельности среди младшихъ начальниковъ необходимо упроченіе ихъ служебнаго положенія. Если же они пріобрѣтутъ въ малыхъ чинахъ привычку къ рѣшительному и самостоятельному образу дѣйствій, они подавно будутъ обладать ею и при повышеніяхъ на болѣе важныя должности.

Въ настоящее время ротные командиры у насъ утверждаются въ должностяхъ начальниками дивизій и могутъ быть смѣщены властью командира полка въ дисциплинарномъ порядкѣ. Если принять во вниманіе, что почти всѣ они не имѣютъ иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ получаемаго отъ казны содержанія, и многіе при томъ обременены семьями, иногда многочисленными, становится яснымъ, почему лица эти, даже въ самыхъ незначительныхъ вопросахъ, не понимаютъ, какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть, равно какъ ясно и то, что для поддержанія въ человѣкѣ рѣшительности и самостоятельности необходимо сознаніе, что въ мирное время по крайней мѣрѣ удалить его съ занимаемой должности можно не иначе какъ по суду, предъ которымъ онъ имѣлъ бы возможность объясняться и оправдываться, а также и то, что развѣ особыя обстоятельства военнаго времени могутъ требовать примѣненія строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ въ видѣ смѣщенія съ должности и т. п.

Важное въ пѣхотѣ, чувство иниціативы еще важнѣе въ кавалеріи: начальникъ небольшой пѣхотной части теряется въ массѣ войскъ, дѣйствующихъ на полѣ сраженія, и ошибки, сдѣланныя имъ, обыкновенно отражаются лишь на командуемой имъ части. Гораздо болѣе

выдающуюся роль приходится играть на войнѣ кавалеристамъ и не только полковымъ и эскадроннымъ командирамъ, но и младшимъ офицерамъ.

Дѣло въ томъ, что сплошь и рядомъ, въ особенности по недостатку офицеровъ генеральнаго штаба, кавалерійскіе офицеры высылаются съ разъѣздами для развѣдокъ мѣстности и положенія противника. На основаніи добытыхъ ими свѣдѣній нерѣдко составляются планы дѣйствій для начальниковъ весьма крупныхъ отрядовъ. Понятно, что успѣшное составленіе и выполненіе этихъ плановъ зависитъ въ значительной степени отъ своевременности и достовѣрности доставленныхъ свѣдѣній. Для того же, чтобы добыть подобныя свѣдѣнія, необходимы самая широкая иниціатива, рѣшительность и самостоятельность со стороны офицера, которому дается такое важное порученіе.

Но кромѣ этихъ качествъ, для успѣшнаго выполненія возложенной на него задачи, кавалерійскій офицеръ долженъ обладать возможно широкимъ военнымъ образованіемъ, близко подходящимъ къ образованію офицера генеральнаго штаба. Только глубокое знаніе качествъ противника, его способа веденія войны и т. п. даютъ возможность судить объ истинномъ положеніи дѣла по тѣмъ незначительнымъ признакамъ, которые обыкновенно представляются развѣдчику, и которые для человѣка мало свѣдущаго остаются незамѣтны или же вводятъ его въ заблужденіе.

Между тѣмъ образованіе кавалерійскихъ офицеровъ вообще не только не подходитъ къ намѣченному нами идеалу, но чуть ли, пожалуй, не ниже уровня, на которомъ стоитъ образованіе офицеровъ пѣхотныхъ: программы кавалерійскихъ юнкерскихъ училищъ значительно уже программъ училищъ пѣхотныхъ, да и экзамены

будущимъ кавалеристамъ снисходительнѣе, чѣмъ пѣхотинцамъ.

Причинъ такого ненормальнаго положенія дѣла слѣдуетъ опять-таки искать въ недостаточной матеріальной обезпеченности нашихъ офицеровъ вообще. Мы видѣли, что даже въ пѣхотѣ младшій офицеръ не можетъ существовать на одно казенное содержаніе, не запутываясь въ долгахъ. Въ кавалеріи же ему сверхъ казенной лошади нужна своя собственная, да конское снаряженіе, образцы котораго, кстати замѣтимъ, у насъ мѣняются очень часто, что ведетъ къ новымъ расходамъ; сверхъ того ему необходимо поддерживать установившіяся широкія традиціи полка въ смыслѣ внѣшней представительности, такъ что служба въ кавалеріи для человѣка, не имѣющаго собственныхъ средствъ, положительно немыслима.

Но чтобы привлечь на военную службу лицъ, обезпеченныхъ матеріально, не ищущихъ въ ней средствъ къ жизни, нельзя слишкомъ взыскательно требовать отъ нихъ научныхъ свѣдѣній, не рискуя остаться вовсе безъ офицеровъ, и волей-неволей приходится смотрѣть сквозь пальцы даже на существенные пробѣлы въ ихъ военномъ образованіи. А для того, чтобъ измѣнить этотъ неудобный порядокъ вещей на болѣе нормальный и желательный, опять-таки необходимо поставить матеріальную обезпеченность кавалерійскихъ офицеровъ на такую степень, чтобы въ конницѣ можно было служить не на собственныя средства, а на одно казенное содержаніе.

Вотъ тѣ стороны современнаго военнаго быта, тѣ направленія нашей военной жизни, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, подлежатъ улучшеніямъ и измѣненіямъ, чтобы нашу армію, и доселѣ стоявшую

на высокой степени въ ряду другихъ армій, поставить на степень, возможно близкую къ совершенству.

Что касается нашего флота, о немъ другая рѣчь: доселѣ онъ былъ мертвъ, теперь только начинаетъ оживать. Требованія, которыя поставлены нами въ предыдущихъ главахъ—суть элементарныя и первоначальныя на пути къ той цѣли, какая предстоитъ нашему военно-морскому дѣлу. А самую эту цѣль можно выразить такъ: не претендуя на созданіе для Россіи флота, который бы первенствовалъ надъ флотами другихъ державъ—что едва ли для нашего отечества и нужно, такъ какъ оно является державой преимущественно сухопутной,—тѣмъ не менѣе военно-морское управленіе не можетъ не озабочиваться мыслью о сооруженіи хотя скромныхъ, но приличныхъ размѣровъ военнаго флота, необходимаго по крайней мѣрѣ для удовлетворенія первоначальныхъ требованій морской войны.

Достойно встрѣтить возможнаго морскаго непріятеля, оградивъ отъ его вторженія прибрежныя полосы своихъ владѣній и предоставивъ рѣшеніе участи войны открытому бою—таково первоначальное требованіе, которое ежедневно можетъ предъявить нашему флоту то или другое стеченіе политическихъ обстоятельствъ.

Тоже стеченіе обстоятельствъ можетъ потребовать отъ него и дѣятельнаго, и притомъ могущественнаго и благодарнаго воспособленія, путемъ военно-морскихъ операцій, успѣхамъ сухопутныхъ русскихъ армій. Обоимъ этимъ требованіямъ нашъ флотъ былъ бы въ со-

стояніи удовлетворить въ ближайшемъ будущемъ и потому желательно, чтобы къ приведенію его въ такое состояніе была устремлена вся энергія нашего военно-морскаго управленія.

Устройство военныхъ портовъ въ Либавѣ и Ревелѣ, созданіе порта съ свободнымъ выходомъ въ океанъ и военно-морскаго флота, достаточнаго для вспомогательныхъ сухопутнымъ арміямъ услугъ—вотъ тѣ задачи, разрѣшеніемъ коихъ и будетъ положено первое основаніе новой, быть можетъ въ будущемъ столь же славной, исторіи русскаго флота.

Что касается первыхъ двухъ задачъ—необходимость ихъ разрѣшенія, его несомнѣнная польза и полнѣйшая возможность и сами по себѣ достаточно очевидны, и достаточно, полагаемъ, выяснены нами въ предыдущихъ главахъ. Что же касается военно-крейсерскаго флота, то, при таковой же его необходимости и возможности осуществленія, полезность его, помимо тѣхъ соображеній, коими она доказана выше, несомнѣнно подтверждается недавними событіями нашей исторіи, относящимися ко времени послѣдней восточной войны, событіями, ясно показавшими, какое политическое значеніе имѣютъ для насъ не только самъ по себѣ военно-крейсерскій флотъ, но даже слабыя съ нашей стороны попытки къ его основанію и развитію.

Какъ извѣстно, война 1877 г. своими окончательными результатами отнюдь не оправдала того побѣдоноснаго характера, какимъ отличались ея подробности, на сколько онѣ зависѣли отъ храбрости, геройства и самоотверженія нашихъ войскъ. Изъ множества причинъ, обусловившихъ это странное въ исторіи явленіе, не послѣднюю роль играло сначала скрытое, а потомъ

и обнаружившееся въ посылкѣ броненосной эскадры, противодѣйствіе Англіи.

Въ виду этого обстоятельства, среди немногочисленнаго кружка московскихъ патріотовъ тогда же возникла мысль о необходимости принять какія либо мѣры къ тому, чтобы на будущее время подобное противодѣйствіе не могло уже оказывать столь неблагопріятнаго для Россіи воздѣйствія на ея международную политику.

Исходя изъ того соображенія, что Англія, какъ держава преимущественно торговая, не можетъ не быть особенно ревнива къ коммерческимъ интересамъ своихъ гражданъ, русскіе люди, посвятившіе себя разработкѣ этого вопроса, естественно пришли къ заключенію, что лучшимъ средствомъ смирить Англію было бы всегда одно—возможность вредить ея всемірной торговлѣ. Послѣдующимъ отсюда заключеніемъ было то, что для достиженія этой цѣли необходимо имѣть хорошо поставленный крейсерскій флотъ, который бы могъ сновать по всѣмъ океанамъ и морямъ, конфискуя купеческія суда Англіи и тѣмъ сокращая ея торговыя выгоды.

Тогда же были приняты, съ Высочайшаго соизволенія и подъ непосредственнымъ покровительствомъ Наслѣдника Престола, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, мѣры къ осуществленію патріотическаго предпріятія, изъ Москвы объявленъ кличъ по всему русскому народу о пожертвованіяхъ для сей цѣли, въ непродолжительное время собраны милліоны денегъ, а вслѣдъ затѣмъ явилось учрежденіе, получившее, по предложенію пишущаго эти строки, популярное наименованіе *Добровольнаго флота*.

Непривычная на сей разъ быстрота дѣйствій, съ

какою осуществилось это предпріятіе, произвела сколько отрадное дѣйствіе на всѣхъ русскихъ людей, столь же и удручающее на нашихъ европейскихъ недоброжелателей, и въ томъ числѣ, конечно, преимущественно на Англію: тогдашній заносчивый тонъ ея по отношенію къ Россіи сразу смягчился, одновременно съ тѣмъ, какъ страховыя пошлины по ея морской торговлѣ стали подниматься, въ парламентѣ посыпались запросы о *Добровольномъ флотѣ* и его назначеніи и т. д.

И если столько тревогъ произвели, столько благовременнаго и не безполезнаго вліянія оказали два-три немудрящихъ каперскихъ судна, съ которыми начиналъ свою жизнь *Добровольный флотъ*, то какой же вѣсъ дали бы нашему отечеству эскадры океанскихъ военныхъ крейсеровъ, созданіе коихъ мы предлагали въ одной изъ предшествующихъ главъ!

И русскому ли великому народу отказывать себѣ въ столь важномъ военно-морскомъ учрежденіи, когда даже политическіе, по сравненію съ нимъ, пигмеи считаютъ священнымъ для себя долгомъ не щадить средствъ для обезпеченія себѣ если не морскаго могущества, то по крайней мѣрѣ безопасности?

Да и вообще вопросъ о *средствахъ* — для Россіи второстепенный вопросъ: она не только не прожила своихъ средствъ, но, можно сказать, до сихъ поръ еще и не трогала своихъ богатствъ, а скорѣе, подобно евангельскому рабу, зарывала свои таланты въ землю.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ нашей книги, въ изслѣдованіи экономическаго состоянія Россіи, мы надѣемся обстоятельно доказать эту мысль, теперь же скажемъ въ заключеніе, что нѣтъ той тя-

гости, отъ подъятія которой отказался бы русскій народъ, если этою тягостью обезпечивается бытіе, сила, могущество созданнаго имъ государства: справедливость этого соображенія, кажется, весьма ясно доказана всею его исторіей.

ВЫПУСКЪ III

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1889.

РОССІЯ

НАКАНУНѢ XX СТОЛѢТІЯ.

А. Пороховщикова.

ВЫПУСКЪ I.

Предисловіе.— Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства.

ВЫПУСКЪ II.

Политическій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы.

ВЫПУСКЪ III.

Общественный и гражданскій строй Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ IV.

Экономическія силы Россіи.

ВЫПУСКЪ V.

Просвѣщеніе Русскаго народа.

ВЫПУСКЪ VI.

Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе русской жизни (Вопросы: польскій, нѣмецкій и еврейскій).

ВЫПУСКЪ VII.

Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія.

ВЫПУСКЪ VIII.

Русская печать.

ВЫПУСКЪ IX.

Москва.

ВЫПУСКЪ X.

Историческая миссія Русскаго народа.

Общественный и гражданскій строй

РУССКАГО НАРОДА.

Общественный и гражданскій строй Русскаго народа.

I.

Россія до-реформенная.

Задача до-Петровской вообще и въ частности Московской Руси исчерпывалась, въ послѣдовательномъ теченіи ея исторической жизни, устроеніемъ земли и построеніемъ на ней крѣпкаго государственнаго зданія: о другихъ факторахъ историческаго бытія, именуемыхъ культурою и прогрессомъ, долгое время не могло быть и рѣчи, да и политическіе люди тогдашняго Московскаго государства не очень о нихъ заботились.

Правда, западно-европейскій умъ, сказывавшійся превосходствомъ всей тамошней жизни на многоразличныхъ поприщахъ гражданственности, промышленности и торговли, во многихъ изъ нихъ возбуждалъ къ себѣ удивленіе, почтеніе, нѣкоторыхъ изъ нихъ побуждалъ къ переимчивости и подражательности, но въ общемъ это были единичные случаи. Выражались они то въ постановкѣ чудодѣйственныхъ часовъ на башнѣ при посредствѣ выписаннаго изъ-за моря мастера, то въ построеніи храма причудливой архитектуры

руками иноземнаго художника, то въ пріобрѣтеніи, на случай войны, какой-нибудь мудреной *пушки*, изъ которой нужно еще было учиться стрѣлять, то въ напечатаніи *Апостола* на собственномъ *печатномъ дворѣ* и т. д. т. п.

Все это однако были лишь слабые проблески *свѣта*, проникавшаго къ намъ отъ западной культуры сквозь мрачныя *тучи*, которыми заволакивало горизонтъ нашей политической жизни въ теченіе почти 8-вѣковаго ея существованія—тучи, разрѣшавшіяся опустошительными грозами то татарскихъ набѣговъ, то междоусобныхъ княжескихъ браней, то, наконецъ, польскаго нашествія и смутъ междуцарствія.

Только ко времени Петра наше многострадальное отечество на столько отдохнуло отъ тяжкой работы надъ созиданіемъ своей государственной крѣпости, что въ лицѣ этого великаго реформатора явило и болѣе утонченные историческіе инстинкты—инстинкты цивилизаціи и культуры, умственнаго прогресса и соревнованія съ другими народами на поприщѣ разумной всемірно-исторической жизни.

Саардамскій плотникъ, выразившій въ одной своей гигантской личности идею, смутно нарождавшуюся въ народныхъ умѣ и волѣ, и много даже опередившій ее, не нашелъ лучшаго средства къ умственному просвѣщенію своей страны, какъ прорубить *окно* въ Европу насчетъ своей Скандинавской сосѣдки, успѣвшей скоро испытать политическую мощь русскаго народа, ведомаго сильной и энергичной рукой, и съ той поры чрезъ это окно широкою волною полился западно-

европейскій умственный свѣтъ по мрачнымъ дебрямъ и захолустьямъ нашей необъятной родины, которая, благодаря и богатымъ задаткамъ китаизма въ характерѣ нашего народа, и неблагопріятно сложившимся историческимъ условіямъ его предшествовавшаго существованія, прозябала дотолѣ чуждою всякихъ умственныхъ движеній жизнію.

Насильственный толчекъ, данный народу Петромъ, не могъ не сопровождаться и разнообразными отрицательными послѣдствіями, всѣмъ подобнымъ толчкамъ свойственными: народное сознаніе раскололось на двое, выразившись страстною преданностію гонимой царемъ старинѣ—съ одной стороны, и слѣпою приверженностію къ новизнамъ, поощряемою имъ—съ другой. Отсутствіе разумной постепенности въ преобразованіяхъ, вполнѣ объясняемое совершенной неподготовленностію народа къ столь коренной и крутой реформѣ и непониманіемъ съ его стороны великихъ цѣлей, руководившихъ геніемъ реформатора, естественно вызывало лихорадочную спѣшность и напряженность преобразовательныхъ работъ, и при этомъ условіи, на ряду съ стремленіемъ къ *лучшему* и параллельно ему, проявлялась и безпорядочная погоня за всевозможною новизной, единственное достоинство которой часто и заключалось лишь въ ея иноземномъ, чуждомъ народному духу происхожденіи.

За неподатливостью и даже естественною неспособностію къ насильственнымъ произвольнымъ преобразованіямъ самаго народнаго духа, Петровскія реформы, какъ и всѣ вообще едино-

личныя мѣропріятія реформаторовъ, вынуждены были ограничить сферу своего дѣйствія однѣми лишь внѣшними формами, въ какихъ можетъ и должна выражаться народная жизнь, и такъ какъ для благоразумныхъ соображеній о томъ, какія изъ существовавшихъ въ то время формъ ея заслуживали уничтоженія и какія охраненія— не оказывалось ни времени, ни средствъ, то энергичный реформаторъ и не стѣснялся просто *выбивать* жизнь изъ ея старой, родной формы, самую форму разбивать вдребезги, замѣняя ее новою, чуждою, въ которую и втискивалъ народную жизнь насильственно, на подобіе того, какъ въ обиходъ военныхъ упражненій вводилъ непонятныя для народа слова въ родѣ *артикула* и т. п., а въ распорядокъ гражданской службы ввелъ пресловутую *табель о рангахъ*, для обозначенія коихъ изломалъ русскій языкъ, снабдивъ иностранныя слова русскими окончаніями и совокупивъ ихъ то съ русскими *совѣтниками*, то съ чужеземными, дикими для національнаго слуха *регистраторами, секретарями, ассессорами* и т. п.

Благодаря этому обстоятельству русская жизнь, выбитая изъ прежней, родной колеи, направилась по новой, чуждой, не всегда удобной, а если и удобной, то лишь для успѣховъ въ смыслѣ внѣшней гражданственности, а отнюдь не духовнаго и даже, въ частности, умственнаго и научнаго просвѣщенія. Этимъ, конечно, и объясняется то обстоятельство, что за два вѣка гигантскихъ успѣховъ на поприщѣ военныхъ подвиговъ, успѣховъ, выразившихся и громаднымъ увеличеніемъ государственной территоріи, и покореніемъ многихъ

странъ и народовъ, и возвышеніемъ политическаго могущества — народъ русскій во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ весьма недалеко подвинулся впередъ съ того пункта, на которомъ застали его Петровскія реформы, и до сихъ поръ болѣе привлекаетъ къ себѣ тѣми нравственными сторонами своего быта и характера, которыя уцѣлѣли послѣ преобразовательнаго погрома, нежели тѣми, которыя были привиты преобразованіемъ искусственно, или же возникли впослѣдствіи, въ силу воздѣйствія реформъ на направленіе народной жизни.

Довольствуясь со стороны большинства населенія молчаливой покорностью своимъ планамъ и предначертаніямъ, великій Петръ, тѣмъ не менѣе, не былъ совершенно одинокимъ въ своей дѣятельности: около него скоро сформировался немалочисленный кружокъ его послѣдователей и единомышленниковъ, которыхъ усердіемъ онъ умѣло пользовался и чрезъ которыхъ успѣшно распространялъ въ народѣ сочувственныя и благорасположенныя къ своимъ нововведеніямъ воззрѣнія и мнѣнія. Кружокъ этотъ, испещренный иностранцами всѣхъ націй: нѣмцами, французами, англичанами, шведами, голландцами и т. д., съ теченіемъ времени и составилъ такъ называемое *общество*, или, выражаясь теперешнимъ языкомъ, интеллигенцію того времени, т. е., говоря проще, болѣе образованный классъ народа.

Члены его не только не протестовали противъ реформъ, но, напротивъ, только въ нихъ и ихъ продолженіи и видѣли благо страны, и лишь укрѣпляли въ Петрѣ убѣжденіе, и безъ того властво-

вавшее надъ его геніальною душой — убѣжденіе въ правильности того пути, по которому онъ самъ безповоротно шествовалъ и велъ, чуть не силой, милліоны подвластнаго ему народа.

Съ теченіемъ времени рѣзко обозначилась если не внутренняя рознь, то внѣшняя разница между этимъ, сравнительно съ народомъ немногочисленнымъ обществомъ друзей преобразованія и остальною народною массой. Послѣдняя, пребывая въ прежнемъ вѣрноподданническомъ благоговѣніи къ Царю, какъ Богопомазанному Вождю своему, безропотно покоряясь его велѣніямъ, радуясь его успѣхамъ, все болѣе и болѣе отстраняла себя отъ духовнаго единенія съ *обществомъ*, выдѣлившимся вокругъ Царя и его слугъ, все болѣе и болѣе уходила сама въ себя, замыкаясь въ своихъ вѣрованіяхъ и традиціяхъ, предаваемыхъ посмѣянію приближенными Царя и давая о себѣ знать только поставкою своихъ дѣтей въ учрежденное Царемъ постоянное войско, да уплатою тяжкихъ податей въ Царскую казну, испытавщую понятныя стѣсненія въ средствахъ, нужныхъ для осуществленія разнообразныхъ плановъ, входившихъ въ программу реформъ.

Съ другой стороны, *общество*, составившееся изъ дворянства и чиновничества, а отчасти и изъ высшихъ классовъ купечества, движимое понятнымъ стремленіемъ угодливости Царю и подражательности излюбленнымъ въ его кружкѣ новымъ обычаямъ, пересаженнымъ на скорую руку изъ чужихъ краевъ, какъ и всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, не соблюдало ни мѣры, ни границъ въ своемъ усердіи къ новизнѣ, и такъ

какъ самымъ легкимъ средствомъ его проявленія было пренебреженіе къ старинѣ, къ завѣщаннымъ ею преданіямъ, обычаямъ и вѣрованіямъ, то оно и не стѣснялось не только свободнымъ, но и надменно-презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ, и даже щеголяло этимъ.

И безъ того многочисленныя полчища иноземцевъ, которыми Петръ наводнилъ сначала Москву, а потомъ и *свою* новую столицу, стали безпрерывно увеличиваться новыми, которыхъ высшее и среднее дворянство вывозило и выписывало для разныхъ своихъ личныхъ надобностей: и для воспитанія своихъ дѣтей, и для управленія своими имѣніями, и для завѣдыванія своими хозяйствами, и даже для надзора за своими конюшнями. Вся эта разношерстная свора чужеземцевъ вербовалась, какъ говорится, зря, безъ малѣйшаго разбора, представляла собою сбродъ тунеядцевъ, охотно извергавшихся своею родиной изъ ея предѣловъ; они перекочевывали въ варварскую Московію безъ всякаго нравственнаго и умственнаго багажа, съ однимъ волчьимъ аппетитомъ неутоленнаго голода, но считали себя способными на всевозможныя профессіи среди полудикихъ гражданъ Русскаго царства: знаменитый наставникъ Митрофанушки, по достовѣрному свидѣтельству правдиваго сатирика той эпохи фонъ-Визина, началъ свою гражданскую карьеру среди нашего барства съ возжами въ рукахъ, на козлахъ помѣщичьей кареты, а продолжалъ ее почетнымъ педагогическимъ трудомъ надъ воспитаніемъ и образованіемъ дворянскаго недоросля, при чемъ цѣнился неизмѣримо выше Кутейкина и Цыфиркина, какъ

педагоговъ доморощенныхъ, лишенныхъ заграничной пломбы. Сатирикъ не досказалъ намъ конца его житейскаго поприща, но нѣтъ особыхъ основаній сомнѣваться, что, при случайномъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ могъ бы, при тогдашнемъ презрѣніи ко всему отечественному и поклоненіи всему иностранному, завершить его, пожалуй, саномъ важнаго чиновника, если уже гораздо позднѣе, именно послѣ отечественной войны 1812 года, барабанщикъ великой арміи, чуть не спроваженный мужиками въ рѣку и откупленный у нихъ случайно проѣзжавшимъ бариномъ за двугривенный, въ домѣ этого барина впервые увидавшій фортепіано и затѣмъ сдѣлавшійся учителемъ музыки при барышняхъ-дочеряхъ своего спасителя, кончилъ свою жизненную карьеру, по свидѣтельству Тургенева, русскимъ *дворяниномъ*, *помѣщикомъ* Орловской губерніи и собственникомъ нѣсколькихъ десятковъ православныхъ крестьянскихъ *душъ*.

И вотъ, подъ нравственнымъ (вѣрнѣе бы, впрочемъ, было сказать безнравственнымъ) воздѣйствіемъ этой нечистоплотной и умственно-убогой иноземной сволочи въ теченіе почти двухъ послѣднихъ вѣковъ складывался весь жизненный распорядокъ реформированной геніальнымъ преобразователемъ Россіи: создавались административныя и судебныя учрежденія, формировались общественныя и сословныя группы, водворялась наука и насаждалось просвѣщеніе, измѣнялись строй и направленіе даже православно-церковной жизни, и что всего важнѣе и страшнѣе—воспитывались, въ цѣломъ рядѣ поколѣній, лучшіе сыны

Россіи, юные представители ея первенствующаго общественнаго класса — разумѣемъ все русское дворянство отъ владѣльцевъ раззолоченныхъ палатъ Москвы и Петербурга до смиренныхъ обитателей какого-нибудь провинціальнаго захолустья.

Что удивительнаго, если такъ называемое *общество*, подъ вліяніемъ такихъ воздѣйствій, все болѣе и болѣе обособляло себя отъ народа, на счетъ котораго жило, отчуждало свои интересы отъ общенародныхъ, презирало родной языкъ, народныя вѣрованія, даже національную одежду, переряжаясь по требованіямъ чужеземной моды? Что удивительнаго, если, съ теченіемъ времени, и вообще въ немъ притуплялось національное чутье, на счетъ котораго развивались, при случаѣ, космополитическіе инстинкты, а присущій каждому патріотизмъ, какъ инстинктъ политическаго самосохраненія, таился глубоко подъ спудомъ угнетавшихъ его чуждыхъ ему настроеній и направленій, прорываясь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, подъ давленіемъ чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ?

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: да и общество ли винить въ его направленіяхъ, особенно общество той эпохи, о которой идетъ рѣчь, общество, лишенное всякой умственной самодѣятельности и иниціативы?

Какъ вездѣ, такъ и у насъ, какъ всегда, такъ, тѣмъ болѣе, и въ ту эпоху общественныя воззрѣнія, направленія, умственныя настроенія и вкусы шли по многостепенной лѣстницѣ общественныхъ отношеній сверху внизъ, и притомъ количественно усиливаясь и качественно извра-

щаясь съ каждой ступенью по нисходящей линіи: стоило верховному вождю общества проявить въ чемъ бы то ни было свое *предпочтеніе* чужому предъ роднымъ, иноземному предъ отечественнымъ, какъ въ общественныхъ слояхъ, ближайшихъ къ нему, это *предпочтеніе*, хотя бы основательное и справедливое, и направленное къ общему благу, проявлялось уже *пренебреженіемъ*, не всегда разумнымъ и основательнымъ, къ своему въ пользу чужаго, къ родному въ пользу иноземнаго; въ свою очередь, общественныя группы, стоявшія еще ступенью ниже, изъ этого *пренебреженія* вырабатывали уже полное *презрѣніе* ко всему своему и болѣзненное *стремленіе* ко всему чужеземному; на дальнѣйшихъ ступеняхъ и въ послѣдующемъ развитіи это болѣзненное *стремленіе* легко могло проявляться одновременно уже и съ *отвращеніемъ* къ чему бы то ни было, разъ оно *свое*, а не чужое, и наконецъ могло вырождаться въ жгучую *ненависть* къ своему, вмѣстѣ съ неудержимымъ влеченіемъ къ чужому потому только, что оно не свое.

Что же, однако, мы видимъ въ нашей исторіи за послѣдніе два вѣка, какъ не сплошную почти гегемонію чужеземцевъ, то окружающихъ тронъ, то даже возсѣдающихъ на немъ?

Въ иностранцахъ Лефортѣ и Гордонѣ мы видимъ самыхъ искреннихъ друзей великаго Петра; въ его любимой супругѣ мы видимъ иностранку, и даже изъ самаго низшаго класса населенія, а послѣ смерти ея геніальнаго супруга ее же видимъ и Императрицей Всероссійской. При дальнѣйшихъ преемникахъ Петра мы видимъ господ-

ство, и по временамъ чуть не главенство, разныхъ Остермановъ, Миниховъ, Лестоковъ и даже Бироновъ, пока, наконецъ, всероссійскій престолъ не становится достояніемъ принцессы Ангальтъ-Цербтской.

При всей искренности своего расположенія къ новому отечеству, при всемъ разнообразіи своихъ государственныхъ талантовъ, при всемъ величіи своего царственнаго служенія русскому народу, при всей славѣ своихъ побѣдъ, превознесшихъ честь русскаго оружія, свое пренебреженіе къ Россіи она выказала, какъ истая чужеземка, и посылая за совѣтами политической мудрости къ французскимъ космополитамъ, и рѣшая умственную и нравственную судьбу любимаго внука, будущаго повелителя Россіи, вдвоемъ съ *нѣмцемъ* Гриммомъ и по рекомендаціи послѣдняго выбирая воспитателемъ и наставникомъ царственному отроку *швейцарскаго* проходимца Лагарпа, только что изгнаннаго своимъ отечествомъ, республиканца и по происхожденію, и по теоретическимъ воззрѣніямъ, и по практическимъ тенденціямъ.

Великодушный и добросердечный воспитанникъ Лагарпа, Благословенный Александръ, въ своей возвышенной довѣрчивости къ людямъ, приближаетъ къ себѣ закоренѣлаго врага Россіи, князя Чарторыйскаго, который наводняетъ правительственныя сферы имперіи своими единомышленниками, и ни о чемъ не заботится, кромѣ посильнаго, хотя и подлаго предъ Царственнымъ Другомъ своимъ, служенія *отчизнѣ*; въ своей искренней бесѣдѣ съ знаменитою французскою изгнанницей, г-жею Сталь, какъ она повѣству-

етъ въ своихъ воспоминаніяхъ, самъ Русскій Самодержецъ откровенно высказывается противъ принциповъ самодержавной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы извиняясь предъ собесѣдницею въ томъ, что «еще не успѣлъ даровать Россіи конституціи», хотя нѣсколькими годами раньше, пользуясь талантливымъ перомъ извѣстнаго Сперанскаго, и трудился уже надъ разработкой *конституціонной хартіи* для своего государства, $^1/_3$ котораго стонала подъ игомъ крѣпостнаго рабства, только утверждавшагося его ближайшими предшественниками и предшественницами; впослѣдствіи, за кулисами Вѣнскаго конгресса, онъ помѣстилъ того же Лагарпа, воззрѣніямъ котораго умственно покорялся, чтобы пользоваться подъ рукою его совѣтами и указаніями, послѣдствіемъ чего и явилось то, что закоренѣлый республиканецъ невидимо направлялъ рѣшенія конгресса, сообразуясь не съ пользами Россіи, а съ своими космополитическими взглядами, и заставляя всѣхъ царственныхъ участниковъ политическаго ареопага разыгрывать недостойную роль маріонетокъ, движущихся на его шнуркѣ.

Всѣ эти прискорбныя, чтобы не сказать возмутительныя явленія въ области общественной и государственной жизни Русскаго народа чѣмъ же и объяснить, какъ не утвердившеюся со временъ Петра общественною традиціей *презрѣнія* ко всему *русскому*, *родному*, и благоговѣнія предъ всѣмъ *чужимъ*, *иноземнымъ*? А при существованіи и даже преобладаніи этой гибельной традиціи, аналогичной сь наклонностью къ самоубійству, возможно ли было единственно плодотворное на-

правленіе въ политикѣ и внѣшней, и тѣмъ болѣе внутренней — т. е. направленіе національное, самостоятельно-русское, устремленное къ ясно сознаннымъ и разумно опредѣленнымъ политическимъ, нравственнымъ и экономическимъ пользамъ *народа*, направленіе, такъ настойчиво и осязательно проявившее себя въ дѣятельности всѣхъ верховныхъ вождей до-Петровской Руси и ихъ ближайшихъ слугъ и совѣтниковъ?

И дѣйствительно, начиная съ Петра, продолжая Елисаветой, Екатериной, Павломъ, и кончая Александромъ I, во всѣхъ монархахъ и монархиняхъ мы видимъ постоянное стремленіе то къ напряженію — иногда непосильному—народныхъ средствъ или ради достиженія завоевательныхъ цѣлей, или ради вспоможенія своимъ европейскимъ союзникамъ, то къ водворенію въ своей державѣ внѣшнихъ признаковъ западно - европейской культуры, хотя бы совершенно чуждыхъ народному духу, но не видимъ ни особой заботливости, ни даже расположенія даровать народу средства къ обезпеченію и развитію его гражданственности.

Увеличивъ въ нѣсколько разъ территорію государства, они не только не освободили его основнаго сословія отъ личнаго рабства дворянству, а напротивъ, утверждали этотъ отжившій принципъ закрѣпощеніемъ въ дворянскія руки массы новыхъ рабовъ, дотолѣ не испытывавшихъ невзгодъ рабства подъ государственнымъ или духовнымъ управленіемъ.

Копируя административныя учрежденія западной Европы, пересаживая ихъ цѣликомъ, даже съ

ихъ иноязычными названіями, они нимало не стѣснялись ни ихъ непримѣнимостью къ условіямъ народной жизни, ни соображеніями о необходимости согласованія ихъ съ пользами и нуждами населенія.

Даруя народу въ манифестахъ и воззваніяхъ различныя права и вольности, какъ необходимыя средства для гражданскаго преуспѣянія, и замышляя даже, въ лицѣ Александра I, отказаться въ его пользу отъ Богомъ дарованныхъ верховныхъ правъ надъ нимъ, они отказывали ему, въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія, въ элементарномъ правосудіи, такъ что даже свода законовъ, которыми надлежало руководиться и за нарушеніе которыхъ грозили наказанія, онъ былъ лишенъ до конца первой половины текущаго столѣтія.

Вслѣдствіе этого, огражденный отъ внѣшнихъ враговъ громаднымъ и хорошо вооруженнымъ и обученнымъ войскомъ, содержа на свой счетъ огромное число различныхъ административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ учрежденій съ массою чиновниковъ, т. е. имѣя всѣ внѣшніе способы къ самымъ быстрымъ и широкимъ успѣхамъ гражданственности, народъ оставался, однако, на самой низшей ея ступени, ибо лишенъ былъ, въ главнѣйшей своей массѣ, и *личной* свободы, а вмѣстѣ съ нею и добропорядочнаго управленія и дѣятельнаго правосудія, такъ какъ бюрократія, исключительно вѣдавшая эти два главнѣйшія отправленія гражданской жизни, не имѣла руководящихъ правилъ своей дѣятельности, и за отсутствіемъ таковыхъ погрязала или въ затрудненіяхъ, или въ бездѣйствіи, или въ злоупотребленіяхъ.

Съ императора Николая Павловича, этого рыцаря во внѣшней политикѣ и отечески попечительнаго государя во внутреннемъ управленіи, собственно и начинается второй періодъ новой Русской исторіи: обстоятельствами своего рожденія спасенный отъ гибельно-превратнаго воспитанія, жертвою котораго содѣлался его предшественникъ, рабски преданный, въ теченіе всей своей царственной жизни, внушеннымъ ему съ отрочества, но недостойнымъ его сана, неприложимымъ къ русской государственной жизни анти-монархическимъ теоріямъ, Николай I, достигши, истинно по указанію Божію, безъ какихъ-либо своекорыстныхъ усилій и домогательствъ, Престола, на который, въ качествѣ третьяго брата, не могъ имѣть никакихъ серіозныхъ надеждъ, посвятилъ искренно и чистосердечно всѣ свои способности и силы открывшемуся для него царственному служенію, и скоро содѣлался Вождемъ, вполнѣ достойнымъ великаго народа, ему порученнаго Промысломъ Божіимъ и изволеніемъ Александра Благословеннаго.

Крѣпко держа мощною рукою своей бразды правленія, онъ возвеличилъ Россію и славою счастливыхъ внѣшнихъ войнъ, и подавленіемъ внутренняго мятежа въ вѣчномъ очагѣ русской смуты — Царствѣ Польскомъ; тридцатилѣтіе его царствованія отличительною чертою своей имѣло политическую гегемонію Россіи надо всею безъ исключенія Европой, монархи коей привыкли къ мысли, что ничего, прямо несогласнаго намѣреніямъ Русскаго Императора, ни замышлять, ни предпринимать невозможно.

Къ сожалѣнію, надъ его Имперіей по прежнему тяготѣло проклятіе крѣпостнаго рабства, связывавшаго и всѣ отправленія, и тѣмъ болѣе всякое развитіе народной и общественной жизни; при этомъ прискорбныя обстоятельства, сопровождавшія его вступленіе на престолъ и доказавшія присутствіе въ образованныхъ слояхъ общества антимонархическихъ элементовъ и направленій, устремили его умственный взоръ на западную Европу, какъ на очагъ революціонныхъ поползновеній, на западно-европейскую науку и философію, какъ на могущественныхъ проводницъ этихъ поползновеній въ области практической жизни, и расположили его къ ложному выводу, что для предохраненія страны отъ революціонныхъ стремленій желательно по возможности уменьшить вліяніе на нее науки и философіи, что и было поводомъ къ предпринятому въ его царствованіе оффиціальному гоненію на политическую, философскую, а затѣмъ и всякую мысль, и къ стѣсненію ея органовъ.

Излишекъ прямодушія, составлявшаго отраднѣйшую черту личнаго характера императора-рыцаря, располагалъ его къ такому же довѣрію въ политикѣ, какого заслуживалъ онъ самъ въ этой области своихъ дѣйствій, и заставлялъ его постоянно въ томъ раскаяваться, такъ какъ почти всегда оказывалось, что политическіе друзья не стоили довѣрія, какое онъ имъ великодушно оказывалъ. Ненависть къ революціи подвигала его на всевозможныя жертвы для ея подавленія гдѣ бы то ни было, а недостатокъ политической дальновидности и прозорливости, нераздѣльный съ рыцарской довѣрчивостью къ людямъ, былъ причи-

ною того, что вспомоществуемыя имъ государства и правительства не только ничѣмъ не платили его народу за своевременную помощь, но еще и проявляли свою неблагодарность самыми непріязненными поступками.

Энергія, которую постоянно обнаруживалъ неутомимый самодержецъ во всѣхъ этихъ направленіяхъ, правда, высоко подняла престижъ русскаго имени въ Европѣ, но она же и отвлекала въ значительной мѣрѣ его царственное вниманіе отъ вопіющихъ нуждъ внутренней политики, являвшихъ себя въ нестроеніяхъ гражданскаго быта, остававшагося въ томъ же почти хаотическомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ и въ истекшемъ столѣтіи: чрезмѣрное усиленіе бюрократіи, разъѣдаемой язвою казнокрадства и взяточничества, отсутствіе правосудія при полнѣйшемъ торжествѣ крючкотворства и ябеды, неправильность взаимоотношеній между главнѣйшими сословіями, составлявшими основаніе и вѣнецъ государственнаго зданія, неправильность, порожденная несправедливымъ институтомъ личнаго рабства—все это взывало къ улучшеніямъ и измѣненіямъ, которыя требовали и времени, и энергіи, между тѣмъ какъ усилія императора къ поддержанію политической правды въ европейскихъ отношеніяхъ оказывались все болѣе и болѣе неблагодарными, вызывая противъ него же раздраженіе, которое и не замедлило выразиться въ скоромъ времени вооруженною противъ него коалиціей.

Подлость его враговъ вѣрно разсчитала на подлость его друзей, тогда какъ онъ, съ истинно-рыцарскою возвышенностью относившійся къ

первымъ и съ непоколебимо-честною довѣрчивостью ко вторымъ, неожиданно и радикально ошибся въ тѣхъ и другихъ и не перенесъ этой роковой ошибки, заплативши за нее своею драгоцѣнною для государства жизнію.

Едвали, однако, могло быть для тогдашней Россіи что-либо полезнѣе несчастной Крымской войны: только благодаря ей стала понятною и для правительства, и для общества, и для всего народа та истина, что ни внѣшнее могущество, ни внутреннее видимое спокойствіе не могутъ считаться прочными и надежными, если зиждутся на одной грубой матеріальной силѣ и на учрежденіяхъ, угнетающихъ большинство въ эгоистическую пользу меньшинства, а не на равномѣрномъ распредѣленіи общихъ жизненныхъ правъ и удобствъ между всѣми членами государства, не на истинномъ просвѣщеніи и развитіи народа, не на разумной свободѣ національной мысли, не на прочной основѣ національныхъ интересовъ.

Доказать эту истину путемъ практической дѣятельности выпало на долю благодушнаго наслѣдника суроваго Николая, и чтобы совершить эту задачу, онъ долженъ былъ явиться вторымъ реформаторомъ Россіи, или, вѣрнѣе, врачевателемъ тѣхъ застарѣлыхъ и загноившихся язвъ, какія гнѣздились въ народномъ организмѣ и разъѣдали его, какъ главнѣйшее осязательное наслѣдіе реформъ, совершенныхъ первымъ Русскимъ Императоромъ полутора вѣками раньше.

II.

Крестьянская реформа и ея непосредственные результаты.

О реформахъ прошедшаго царствованія и въ то время, когда онѣ только еще зачинались и обдумывались въ теоріи, и тогда, когда осуществлялись и начинали оказывать замѣтное вліяніе на ходъ всей нашей жизни, высказывалось мнѣніе, что всѣ онѣ носятъ, будто бы, *демократическій* характеръ. Даже самого благодушнаго реформатора люди, этого мнѣнія державшіеся, изображали какимъ-то демагогомъ, и притомъ въ общепринятомъ, неблагопріятномъ смыслѣ этого слова.

Высказывалось это мнѣніе и иностранцами, что совершенно естественно: западно-европейскому, аристократически и даже олигархически настроенному уму казался непостижимымъ образъ Самодержца, добрымъ изволеніемъ дарующаго блага свободы своимъ подданнымъ, ибо для этого ума привычнѣе недостойное зрѣлище націй, выторговывающихъ у своихъ королей тѣ или другія права по клочьямъ, да и то съ засученными рукавами и стиснутыми кулаками.

Выражалось тоже мнѣніе и у насъ людьми, или слишкомъ удобно себя чувствовавшими среди до-реформеннаго строя жизни, или черезъ чуръ довѣрчивыми къ заграничному вранью, и послѣдними, притомъ, по незнакомству съ

точнымъ смысломъ терминологіи, которая употребляется для обозначенія понятій, такъ или иначе соединяемыхъ съ представленіемъ о народѣ.

Что такое *демократія?* И по грамматическому значенію слова, и по соединяемому съ нимъ смыслу, она означаетъ *народовластіе,* и можетъ въ государственной жизни выражаться такими политическими учрежденіями, которыя предоставляютъ самому *народу,* и при томъ *одному* ему исключительно, и главенство, и безспорное, рѣшающее вліяніе на весь ходъ и на всѣ отправленія государственной жизни, т. е. и представляетъ тотъ именно политическій культъ, который, по мѣткому замѣчанію митрополита Филарета, изъ мысли о народѣ выработалъ идола, не стѣсняясь соображеніемъ, что для такого громаднаго идола не хватитъ никакихъ жертвъ.

И въ смыслѣ *полнаго народовластія,* кстати замѣтимъ, нигдѣ и никогда не существовало, не существуетъ и не можетъ существовать *демократіи,* по совершенному ея несоотвѣтствію съ основными началами человѣческой природы, ибо всеобщая равноправность была бы мыслима лишь при такой же всеобщей полной тождественности всѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ въ каждую данную минуту человѣческій родъ, т. е. при совершенной одинаковости всѣхъ живущихъ на землѣ людей и по умственнымъ, и по нравственнымъ, и даже по физическимъ свойствамъ и признакамъ, или, что тоже, при условіи совершеннаго уничтоженія человѣческой личности съ ея безконечнымъ индивидуальнымъ разнообразіемъ.

И какъ скоро въ любой человѣческой группѣ, начиная отъ простой семьи, это индивидуальное разнообразіе начинаетъ сказываться фактически, то уже становится и невозможностью, и даже логической нелѣпостью всеобщая *равноправность,* которая обусловливается не иначе какъ строго выдержаннымъ *равенствомъ силъ,* для человѣческой природы совершенно немыслимымъ: умный человѣкъ не можетъ не сознавать своего *преимущества* предъ глупымъ, сильный физически предъ слабымъ, трудолюбивый предъ лѣнивцемъ, заботливый предъ безпечнымъ, бережливый предъ расточителемъ.

А разъ человѣкъ сознаетъ за собою какое бы то ни было *преимущество,* онъ начинаетъ, въ той или другой мѣрѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, пользоваться имъ: такимъ образомъ *умный* пріобрѣтаетъ къ себѣ *уваженіе* своихъ ближнихъ, создавая себѣ въ ихъ глазахъ *авторитетъ;* физически сильный вселяетъ въ нихъ *страхъ* къ себѣ, чѣмъ и упрочиваетъ свое на нихъ вліяніе и *давленіе;* трудолюбивый, заботливый и бережливый, добывая больше, чѣмъ ему нужно для жизни, хранитъ остающійся излишекъ, пріумножаетъ его, превращается въ *богача,* и пріобрѣтаетъ *экономическую силу* и значеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, столь обычныхъ и естественныхъ, главное условіе демократическаго строя разбивается вдребезги, и самъ онъ оказывается неосуществимою химерой.

А что же такое демагогъ? Это такой общественный вождь, который стремится, наперекоръ человѣческой природѣ, осуществить общественно-политическій строй жизни именно на уничтоженіи человѣческой личности, жертвуя ею въ поль-

зу неосуществимаго на практикѣ равенства силъ и проистекающей изъ него равноправности: стремленія, которыхъ реформы Александра II не имѣли ни въ своей основѣ, ни въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ.

Весь смыслъ преобразовательныхъ трудовъ минувшаго царствованія заключался развѣ въ ниспроверженіи существующаго строя жизни, въ насильственномъ поворотѣ его на противуестественный путь?

Напротивъ, въ устраненіи роковой исторической ошибки, связавшей основную массу населенія по рукамъ и по ногамъ, устранившей ее отъ всякаго воздѣйствія на теченіе государственной жизни, обратившей ее, съ теченіемъ времени, какъ бы въ стоячее болото, по срединѣ котораго лишь пролегало русло, по коему текла эта жизнь. Таковъ былъ смыслъ главнѣйшей реформы, крестьянской. Въ примѣненіи къ сословіямъ, которыхъ она непосредственно касалась, она осуществила, съ одной стороны, элементарныя требованія справедливости, нарушенныя помянутою исторической ошибкой, съ другой—явила рядъ великодушныхъ подвиговъ человѣколюбія, направленныхъ къ тому, чтобы ввести въ обще-русскую, а слѣдовательно и общечеловѣческую семью десятки милліоновъ рабовъ, историческими обстоятельствами лишенныхъ обще-гражданскихъ правъ, несмотря на то, что они несли на себѣ главнѣйшее бремя государственныхъ повинностей.

Тогда какъ существенная задача *демократіи*—сплошная нивеллировка жизненнаго строя по са-

мой низменной мѣркѣ, представляемой жизнью народныхъ массъ, при чемъ предполагается насильственное низведеніе до этого пониженнаго гражданскаго уровня тѣхъ общественныхъ группъ, которыя естественно возвышаются надъ нимъ—наша крестьянская реформа, совершенно напротивъ, главнѣйшею своею задачей и имѣла—*возвышеніе* многомилліонной массы безправныхъ и безличныхъ *душъ* до степени свободныхъ гражданъ, пользующихся извѣстною суммой общегражданскихъ правъ, или, иначе сказать, *поднятіе* цѣлаго громаднаго класса *рабовъ* до общечеловѣческаго уровня.

Но въ чемъ же тутъ признаки *демократическаго* направленія? Не есть ли это просто филантропическій подвигъ, дѣло царственнаго человѣколюбія, соединеннаго съ государственною мудростью?

Личное благодушіе Императора Александра II, воспитанное гуманными воззрѣніями, сильно охватывавшими наше общество подъ вліяніемъ литературы, не могло не оскорбляться существованіемъ въ его державѣ отжившаго учрежденія, напоминавшаго собою варварскія времена средне-вѣковаго феодализма, и обстоятельства, сопровождавшія его вступленіе на прародительскій тронъ, ясно указывали на непригодность предшествующаго строя жизни, державшагося преимущественно на основѣ крѣпостнаго рабства. Къ этому присоединялось и то соображеніе, что два его предшественника на тронѣ, императоры Александръ I и Николай I, при всемъ своемъ желаніи уничтожить крѣпостное рабство, были отвле-

чены отъ осуществленія этой громадной реформы множествомъ другихъ царственныхъ заботъ въ области внѣшней и внутренней политики.

Соображеніе это пробуждало въ сердцѣ Александра II не безосновательныя опасенія, что, если онъ не ознаменуетъ этимъ великимъ трудомъ первыхъ же дней своего царствованія, то можетъ быть также, подобно своимъ предшественникамъ, остановленъ въ совершеніи великаго и настоятельно необходимаго дѣла какими-либо случайными препятствіями — чѣмъ и объясняется какъ бы нѣкоторая поспѣшность, съ какою предприняты были первые шаги на пути освобожденія.

Чего не случилось, о томъ праздно и разсуждать, какъ бы оно случилось, еслибы дѣйствительно случилось, и какія бы отъ того проистекли послѣдствія: и хотя въ нашемъ и тогдашнемъ, и даже теперешнемъ обществѣ не малой популярностью пользовалось и пользуется мнѣніе объ излишне будто бы торопливой стремительности освободительныхъ работъ, весьма повредившей имъ, и предпочтеніе большей постепенности въ осуществленіи реформы, но мы склонны думать, что только эта быстрота и воодушевила общество, дотолѣ чуждое эмансипаціонныхъ воззрѣній и настроеній, и—главное—ту его часть, которая лично и имущественно была затронута планами освободительной реформы, т. е. дворянство, особенно нуждавшееся въ патріотическомъ возбужденіи въ виду тѣхъ матеріальныхъ жертвъ съ его стороны, безъ которыхъ немыслимо было бы и приступить къ освобожденію.

И въ этомъ смыслѣ живость скорбныхъ впе-

чатлѣній несчастной войны, вслѣдъ за которой начались подготовительныя работы освободительной реформы, сослужила не малую службу Россіи, доказавъ ея интеллигентнымъ классамъ, въ среду коихъ входило и большинство дворянства, невозможность продолженія государственной и политической жизни на основѣ прежнихъ порядковъ, оказавшихся столь шаткими, что они довели наше отечество до небывало тягостнаго мира, и столь обманчивыми, что довели его до этой крайности путемъ почти полувѣковаго внѣшняго политическаго могущества, побѣдоносныхъ войнъ и видимаго внутренняго благополучія.

Подъ давленіемъ этихъ грустныхъ впечатлѣній сердца русскихъ патріотовъ естественно исполнялись чувствами сожалѣнія къ недавнему прошлому, а умы преклонялись предъ необходимостью замѣны этого прошлаго болѣе свѣтлымъ, прочнымъ и надежнымъ будущимъ, для обезпеченія коего не страшны никакія жертвы и не тяжелы никакія лишенія.

А такъ какъ эта свѣтлая будущность скрыта была отъ нашего отечества одною лишь темною завѣсой крѣпостнаго права, то и немудрено, что все, что ни было въ Россіи просвѣщеннаго, образованнаго, мыслящаго, истинно патріотическаго— все это примкнуло къ правительству, одушевляя его въ его реформаторскихъ начинаніяхъ и само почерпая въ немъ одушевленіе къ подъятію на себя значительной части того бремени, которое тяготѣло надъ правительствомъ.

Такимъ образомъ произошло небывалое въ исторіи человѣчества событіе, что наилучшая часть

дворянства явилась и надежнѣйшею помощницей правительства въ его усиліяхъ лишить это сословіе значительной части его давнишнихъ правъ и привиллегій, равно какъ и вѣрнѣйшихъ источниковъ его матеріальнаго достатка: не говоря уже о ближайшихъ и наиболѣе энергичныхъ сотрудникахъ и совѣтникахъ Царя-Освободителя, представлявшихъ собою цвѣтъ русской земельной аристократіи, весь многочисленный контингентъ работниковъ, затребованныхъ грандіозными размѣрами реформы, былъ пополненъ исключительно изъ нѣдръ дворянскаго сословія, равно какъ оно же дало правительству и институтъ мировыхъ посредниковъ, сослуживших великую службу отечеству своею усердною и успѣшною дѣятельностью по водворенію дружественныхъ, разумныхъ и прочныхъ взаимоотношеній между освобожденными крестьянами и освободившими ихъ помѣщиками.

Это отрадное явленіе исторіи нашихъ дней, свидѣтельствующее о практической мудрости, скрытой въ глубинѣ народнаго разума, объясняется, впрочемъ, и истинною сущностью отношеній, сложившихся на почвѣ крѣпостнаго права. Дѣло въ томъ, что отношенія нашихъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ никогда не носили характера отношеній феодальныхъ, отношеній побѣдителей къ покореннымъ, рыцарей-бароновъ къ ленникамъ: наше крѣпостное право возникло въ силу государственной необходимости, какъ могущественное, и въ пору его первоначальнаго возникновенія единственное, средство *прикрѣпленія* сельскихъ жителей къ землѣ, дабы противодѣй-

ствовать ихъ склонности къ бродяжничеству и способствовать утвержденію правильно-осѣдлой земледѣльческой жизни въ странѣ. И тогдашніе владѣльцы земель, на которыхъ осѣдали крестьяне, первоначально вовсе не призывались властительствовать надъ ихъ судьбами, а лишь наблюдать за ихъ осѣдлою земледѣльческою жизнію и пещись о ихъ благосостояніи. И какъ ни удалился институтъ крѣпостнаго права, въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, отъ своихъ первоначальныхъ государственныхъ задачъ, тѣмъ не менѣе характеръ попечительства помѣщиковъ надъ крестьянами остался за нимъ до самаго его конца. За ограниченіе гражданскихъ правъ, *de facto* утвердившееся надъ помѣщичьимъ крестьянствомъ, оно получило то преимущество, что помѣщики *нравственно* обязывались гарантировать ему относительную степень матеріальнаго благосостоянія: палую скотину помѣщикъ считалъ своимъ долгомъ замѣнять своему крестьянину своею собственною, развалившуюся хату крестьянинъ считалъ себя въ правѣ чинить барскимъ лѣсомъ, а въ неурожайный годъ и кормиться, и поля засѣвать на помѣщичій счетъ. Не вездѣ это нравственное обязательство помѣщиками исполнялось, но признавалось за всѣми ними безъ изъятія, и случаи его нарушеній представлялись и не частыми, и исключительными. А потому и въ годину окончательной разверстки отношеній, созданныхъ крѣпостнымъ правомъ, отжившимъ свои дни, въ какой же роли относительно крестьянъ было явиться помѣщичьему дворянству, какъ не въ роли благопопечитель-

ныхъ хозяевъ, разстающихся съ своими питомцами, благословляющихъ ихъ на новую, независимую жизнь, жертвующихъ имъ часть своего достатка и искренно заботливыхъ о томъ, чтобъ новая ихъ жизнь стала въ наиболѣе удобныя для ихъ благосостоянія условія и сложилась въ наиболѣе обезпечивающія оное формы?

Теперь, когда эти условія такъ или иначе сложились и эти формы обозначились, можно и къ крѣпостному праву относиться безпристрастнѣе и высказываться о немъ свободнѣе; въ ту же пору, когда только намѣчалось его уничтоженіе, либеральный терроръ, возобладавшій надъ умами нашего общества, не дозволялъ никакихъ разумныхъ сужденій о немъ, выражаясь лишь огульнымъ порицаніемъ всему, что было такъ или иначе прикосновенно къ проштрафившемуся передъ либерально - прогрессивными идеями государственному учрежденію: высказывались ли не безъосновательныя опасенія за крестьянъ, что они не съумѣютъ достойно воспользоваться своею свободой, а злоупотребятъ ею; заявлялись ли соображенія о томъ, что сельское хозяйство страны можетъ понести ущербъ и количественный, и качественный за измѣненіемъ рутинной колеи, по которой оно шло, новою, не наѣзжаною дорогой; возникали ли вопросы о грядущемъ положеніи дворянства, вынуждавшагося реформой къ измѣненію всего строя своей жизни; поднимались ли разсужденія о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить уничтожившуюся надъ крестьянствомъ помѣщичью власть, и пр. т. п.—все это приписывалось либеральными крикунами не добросовѣстному, искрен-

нему и вполнѣ патріотическому размышленію о многотрудной реформѣ и ея практическихъ результатахъ, а безсмысленному антагонизму дворянскихъ ретроградовъ, которые, по объясненію ихъ противниковъ, не смѣя, будто бы, идти прямо противъ реформы, предпринятой правительствомъ, тѣмъ не менѣе старались подставить ему ножку, чтобы хотя отчасти затормозить его освободительныя работы и ослабить ихъ значеніе и послѣдствія.

Теперь, повторяемъ, когда уже стало очевидно, *какъ* воспользовались крестьяне своею личною свободой, *какъ* отразилась она на общемъ состояніи сельскаго хозяйства и положеніи дворянства, и *чѣмъ* замѣнилась для крестьянъ его патріархальная надъ ними власть—можно отдать справедливость и крѣпостному праву, въ разсужденіи, конечно, тѣхъ его результатовъ, которые оказались благодѣтельными для народа: если Россія, и при сравнительно малочисленнѣйшемъ населеніи жившая почти всегда впроголодь и подвергавшаяся періодическимъ ужасамъ повальнаго голода, съ первыми же проблесками политическаго благоденствія и зачатками мирнаго гражданственнаго преуспѣянія, при населеніи, увеличивавшемся въ самой поразительной прогрессіи, не только избавилась сама отъ вѣчныхъ голодовокъ, но еще и успѣла, въ теченіе двухъ вѣковъ, стяжать себѣ славу, какъ житница всей Европы—то этимъ она обязана главнѣйшимъ образомъ крѣпостному праву; если русскій простолюдинъ доселѣ занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду другихъ національностей по своей выносливости въ работѣ, по

своей терпѣливости въ жизни и по неизысканности вкусовъ и привычекъ, облегчающей ему перенесеніе всевозможныхъ тяготъ и лишеній — то чему же онъ можетъ быть этимъ обязанъ какъ не крѣпостному праву? Если русскій солдатъ испоконъ вѣка удивлялъ весь міръ своею дисциплиной, т. е. способностью и навыкомъ уничтожать свою личную волю предъ чужою волей ради соображеній общаго блага—то гдѣ же, какъ не въ крѣпостномъ правѣ, могли создаться и развиться эти благодѣтельныя традиціи безусловнаго повиновенія и слѣпаго подчиненія, перешедшія затѣмъ и въ войско и достойно его прославившія? Прочность семейныхъ узъ и родственныхъ отношеній, отличавшая бытъ нашего крѣпостнаго крестьянства, созидавшаяся на почвѣ почти ветхозавѣтнаго почтенія къ родительской власти, а отсюда и къ старшинству вообще, не была ли обязана своею живучестью и постоянствомъ тому же крѣпостному праву, освящавшему принципъ покорности и повиновенія вообще, и въ частности вооружавшему помѣщиковъ правомъ дѣйственнаго контроля и попеченія за нравственностію крестьянъ не только въ ея общественныхъ проявленіяхъ, но и въ повседневномъ домашнемъ быту, и въ сокровенныхъ подробностяхъ семейной жизни?

На сколько эта форма патріархальной власти была соотвѣтственна съ религіознымъ и философскимъ принципомъ свободной человѣческой воли, съ христіанскимъ принципомъ нравственной свободы, какъ основы человѣческой жизни, съ естественнымъ принципомъ равенства всѣхъ людей

по происхожденію, съ достоинствомъ человѣческой личности—это другой вопросъ; но что эта форма нравственнаго контроля являлась наиболѣе дѣйствительною, чѣмъ когда-либо, гдѣ-либо и какая-либо изъ существовавшихъ ей подобныхъ— объ этомъ даже и вопроса быть не можетъ: помѣщикъ, самъ являвшійся представителемъ власти, да еще власти насильственной, не могъ и въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянству не стоять за власть, да еще притомъ естественную; живя благосостояніемъ крестьянъ, могъ ли онъ, въ своихъ къ нимъ отношеніяхъ, не озабочиваться крѣпостію ихъ семейнаго быта, какъ естественною основой экономическаго благоденствія?

Что касается попеченія о крестьянской нравственности, то можно ли и сравнивать крѣпостнаго владѣльца съ какими бы то ни было правительственными и общественными цензорами нравовъ, будутъ ли то исправники, становые, волостные старшины, мировые судьи или новые земскіе начальники?

Всѣ они ни *лично*, ни *имущественно* не заинтересованы ни трудолюбіемъ, ни благонравіемъ, ни трезвостію крестьянина: и пока онъ не проявилъ въ себѣ отсутствія этихъ качествъ въ грубой формѣ какого-либо проступка или преступленія, противнаго государственному или общественному порядку, имъ не только нѣтъ до него никакого дѣла, но они пожалуй даже и не въ правѣ вмѣшиваться въ его поведеніе. Если, напримѣръ, крестьянинъ, по праву личной свободы, бездѣльничаетъ, не обрабатываетъ своего поля, оставляетъ пустовать свой огородъ; если онъ, при этомъ, не кор-

митъ и не одѣваетъ ни жены ни дѣтей, да вдобавокъ бьетъ ихъ и истязуетъ; если, наконецъ, онъ всѣ свои досуги и весь свой грошевый домашній скарбъ приноситъ въ жертву одному кабаку— когда, и при какихъ условіяхъ, и въ какой формѣ можетъ проявиться надъ нимъ воздѣйствіе того или другаго изъ вышепоименованныхъ представителей власти?

Становой приставъ дастъ предписаніе арестовать его, но только тогда, когда онъ совершитъ какое-либо тяжкое преступленіе; волостной старшина, купно съ міромъ, можетъ наказать его, но только когда онъ окажется недоимщикомъ; мировой судья (а теперь земскій начальникъ) можетъ заключить его въ деревенскую тюрьму на мірской хлѣбъ, но только когда жена, потерявъ и терпѣніе, и стыдъ, заявитъ жалобу на его постоянныя, быть можетъ многолѣтнія истязанія и побои, и только для того, чтобъ онъ, отъѣвшись на мірскихъ хлѣбахъ и возвратившись въ семью, возмѣстилъ ей за ея жалобу сторицею.

Во время оно, когда новоизобрѣтенный, ради удобствъ управленія громоздкимъ и обширнымъ государственно - общественнымъ механизмомъ, принципъ раздѣленія властей не проникалъ еще въ сферу патріархальныхъ отношеній крѣпостнаго быта, и на барскомъ дворѣ сосредоточивалась вся полнота человѣческой власти и административной, и судебной, и карательной, и исправительной—было не то: въ каждомъ поползновеніи къ семейному раздѣлу помѣщикъ видѣлъ посягательство на свои имущественные интересы, и дозволялъ таковой только въ силу особо-важныхъ

соображеній, его оправдывавшихъ; въ каждомъ лѣнивцѣ онъ видѣлъ негодяя, стремящагося своимъ бездѣльничествомъ сократить на извѣстную сумму его, помѣщичьи, доходы; въ каждомъ пьяницѣ онъ видѣлъ врага не только его семьи, общаго порядка и благоденствія, но и своего личнаго. Все это было совершенно естественно и понятно: еслибы половина крестьянъ стала бездѣльничать и пьянствовать, то, во первыхъ, и доходы помѣщика уменьшились бы какъ разъ на половину, да, во вторыхъ, и эта половина, собранная съ честныхъ и трудолюбивыхъ, пошла бы на воспособленіе и самимъ бездѣльникамъ и пьяницамъ, и ихъ семьямъ.

И благодаря этой-то преимущественно основѣ личнаго интереса, на которой создавались отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, въ связи съ немыслимою въ настоящее время полнотою и нравственныхъ, и юридическихъ, и даже физическихъ правъ, какія сосредоточены были въ рукахъ помѣщика надъ крестьянами, контроль помѣстнаго дворянства надъ земледѣльческимъ классомъ народа и былъ поставленъ въ высшей степени прочно, и по тому времени, и при тѣхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, весьма практично.

Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ теперешніе повсемѣстные вопли по поводу безшабашнаго хаоса, владычествующаго надъ нашею деревней съ эпохи ея освобожденія, хаоса, признаннаго правительствомъ и уже вызвавшаго противъ себя съ его стороны ограничительныя мѣры въ видѣ переустройства учрежденій, при-

званныхъ обезпечивать сельское благосостояніе: смыслъ и этихъ воплей, и этихъ мѣръ и заключается главнымъ образомъ въ признаніи того факта, что какъ только сняли съ мужицкой шеи тяжелое, быть можетъ, но и спасительное ярмо помѣщичьей власти, такъ мужикъ и началъ показываться всероссійской публикѣ самыми непривлекательными сторонами своего существа, и до сихъ поръ не придумано, взамѣнъ этой упраздненной власти, другой, ей хотя бы отчасти подобной, т. е. способной ограничивать крестьянство въ его неумѣренномъ пользованіи личной свободой и направлять его на надлежащій путь нравственнаго и экономическаго прогресса, и долженствовавшаго быть главнѣйшимъ послѣдствіемъ эмансипаціи и по идеѣ Освободителя, и по простому здравому смыслу.

Благодаря этому обстоятельству съ многомилліоннымъ классомъ крѣпостныхъ земледѣльцевъ повторилось, въ обширныхъ размѣрахъ и сравнительно болѣе разнообразныхъ видахъ, то же самое явленіе, которое ежедневно можно наблюдать въ любой плохо управляемой школѣ: какъ только классная дверь затворяется за уходящимъ домой учителемъ, такъ и поднимаются, за отсутствіемъ надзирателя, и шумъ, и гамъ, и брань, и ругательства, и драки, и прыжки по столамъ и окнамъ, и хожденіе на головахъ, и всевозможныя безобразія, какія только могутъ прійти въ голову ватагѣ ребятъ, почуявшей волю и возможность свободно распорядиться своимъ досугомъ.

«Словно съ цѣпи сорвались!» обыкновенно говорятъ про такихъ ребятъ: но развѣ наше-то

крѣпостное крестьянство, эти бородатыя дѣти въ гражданской жизни и ея обязанностяхъ, притомъ если и не съ цѣпи буквально спущенныя, все-же только-что высвободившіяся изъ-подъ двухвѣковой узды, могли отнестись къ своей свободѣ иначе, какъ помянутые ребята, проводившіе учителя?

Разница соціальныхъ положеній, т. е. то обстоятельство, что тамъ—дѣти, а здѣсь отцы и дѣды—въ данномъ случаѣ никакъ не могла выразиться различіемъ результатовъ, ибо нравственные стимулы дѣйствуютъ одинаково какъ на дѣтей, такъ и на взрослыхъ, равно какъ и ихъ отсутствіе вызываетъ одинаковыя явленія, безразлично отъ возраста и гражданскаго положенія человѣческихъ особей, съ которыми соприкасается: различіе будетъ только въ размѣрахъ обнаруженія своевольныхъ инстинктовъ, и въ ихъ нравственномъ и соціальномъ значеніи.

Ребята, почуявшіе свободу, начинаютъ проявлять чрезмѣрную рѣзвость, шаловливость, иногда дерзость и драчливость—свойства, отчасти безразличныя, отчасти подлежащія исправленію, но во всякомъ случаѣ никакими особо вредными, роковыми послѣдствіями ни имъ самимъ, ни окружающимъ ихъ не грозящія.

Крестьяне, получившіе личную свободу, т. е. право пользоваться своими силами, трудомъ и временемъ по собственному усмотрѣнію, безъ чьего-либо посторонняго вмѣшательства, естественно, какъ и дѣти, оставшіяся безъ надзора, устремились къ тому, отъ чего ихъ доселѣ удерживали, въ чемъ останавливали: ихъ насильно заставляли работать, они предались бездѣлью; отъ нихъ тре-

бовали трезвости, они ударились въ пьянство; имъ рекомендовали семейственность и домовитость, они стали соблазняться независимостью и бездомовничествомъ. Имъ рѣдко приходилось поблажать своимъ грубымъ вкусамъ и прихотямъ, они стали рабски подчиняться имъ.

На все это требовались средства, но ото всѣхъ этихъ новыхъ требованій къ жизни, и параллельно съ ними, уменьшалось трудолюбіе, сокращались заработки, умъ простолюдина начиналъ работать въ новомъ, доселѣ невѣдомомъ ему направленіи: *измышленія* средствъ къ удовлетворенію новопріобрѣтенныхъ и успѣвшихъ скоро окрѣпнуть прихотей, и именно—какъ и всегда бываетъ при фальшивости положенія и неосновательности вожделѣній, заступающихъ мѣсто потребностей — не *добыванія* средствъ, а непремѣнно измышленія.

Данная Богомъ и оставленная правительствомъ для цѣлей нормальнаго сельско-хозяйственнаго труда, какъ главнѣйшаго для Россіи источника и государственнаго, и частнаго благосостоянія, земля - *кормилица* — какъ; испоконъ вѣка, въ своемъ инстинктивномъ почтеніи къ ней, называлъ ее самъ народъ—стала постепенно забрасываться, небрежно воздѣлываться, безтолково и преждевременно истощаться, по той причинѣ, что не могла уже доставлять средствъ для удовлетворенія *вкусовъ* и *прихотей*, проснувшихся въ *вольномъ* мужикѣ, ограничивая свои благодѣянія, какъ и прежде, однимъ *кормленіемъ;* мѣсто *земли* въ мужицкихъ воззрѣніяхъ стали все болѣе и болѣе занимать *отхожіе про-*

мыслы, на которыхъ иные баловни фортуны скоро разживались и богатѣли.

Промыслы эти существовали и раньше, признавались и поощрялись самими помѣщиками въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ плодородіе почвы было скудно и не гарантировало ни помѣщику дохода отъ крестьянскаго земледѣльческаго труда, ни самому крестьянину прокормленія. Но для этихъ промысловъ нужны были и извѣстнаго рода знанія, и та или другая сноровка въ различныхъ спеціальностяхъ: помѣщикъ отпускалъ на промыселъ только такого мужика, отъ котораго самъ надѣялся получить лишнюю прибыль. Теперь, при свободѣ передвиженія, при возможности уходить куда угодно ни кого не спрашиваясь, мужикъ повалилъ въ города и столицы, не зная никакой работы, бросаясь на какую придется, и съ преимущественными цѣлями—не подмоги домашнему хозяйству, а проживанья на вольной волюшкѣ, съ вольною деньгою и со всѣми удобствами проматывать ее согласно съ новыми прихотями и вожделѣніями.

Отсюда—чрезмѣрный притокъ сельскаго люда въ города и столицы, гдѣ половинѣ его и дѣлать нечего, какъ развѣ кидаться въ попрошайничество или во что-нибудь еще худшее, и оскудѣніе рабочихъ рукъ въ деревнѣ, предоставленной однимъ бабамъ, а отсюда, конечно, и всѣ послѣдствія нерадиваго хозяйствованія надъ землей: недородъ хлѣбовъ и травъ, недоимки общественныя и государственныя, вѣчныя голодовки съ запродажами хлѣба на корню и займами его на обсѣмененіе полей.

Столичные заработки деревенскихъ бѣглецовъ, могущіе составить существенное подспорье деревенскому бюджету при надлежащей нравственной уздѣ надъ работниками, какъ это и было дѣйствительно при крѣпостномъ правѣ, радикально измѣнились, опять-таки, подъ условіемъ личной свободы при неумѣніи и непривычкѣ къ надлежащему ею пользованію, и все чаще и чаще начали ставить мужиковъ въ положенія затруднительныя и даже прямо безвыходныя, то и дѣло доводя ихъ до полнаго обнищанія на чужой сторонѣ, за сотни и тысячи верстъ отъ своего родимаго гнѣзда, до просрочки паспортовъ и до возвращенія домой или добровольнаго, пѣшкомъ на босу ногу, или насильственнаго, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ этапнымъ порядкомъ на казенный счетъ, но въ обоихъ случаяхъ со срамомъ и для большаго еще срама по водвореніи въ родныхъ деревняхъ, или же, какъ это нерѣдко и бываетъ, до нелегальнаго проживанія въ мѣстахъ заработковъ безъ паспортовъ, а слѣд. и безъ надежной работы, а затѣмъ до поступленія въ разрядъ темныхъ людей, не имущихъ пристанища, каковыми кишатъ и столицы, и города, и всякіе другіе промышленные и торговые пункты, и, наконецъ, до погибели въ различныхъ трущобахъ пьянства, разврата и преступленій, а потомъ и въ острогахъ и каторгѣ.

Плохо воспособляемое отхожими промыслами деревенское хозяйство свободнаго крестьянства стало испытывать на себѣ и неудобства, проистекшія отъ устраненія надъ нимъ благопопечительнаго помѣщичьяго надзора и экономической о немъ

заботливости помѣщиковъ: съ момента эмансипаціи дворянство даже правительствомъ было поставлено внѣ всякаго воздѣйствія на своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, и ужъ конечно было вполнѣ освобождено отъ прежней обязанности вспомоществованія своимъ крестьянамъ, и послѣдніе скоро должны были убѣдиться на практикѣ, что ни противъ неурожаевъ, ни противъ градобитій, ни противъ падежей скота и прочихъ невзгодъ и напастей житейскихъ, имъ и разсчитывать нечего на чью-либо постороннюю помощь, а бороться съ ними надо собственною силою, ибо ихъ прежнимъ помѣщикамъ ни до чего этого не было уже никакого дѣла.

Въ недавнемъ прошломъ тотъ же баринъ, который казался такимъ жестокимъ и дѣйствительно бывалъ подъ часъ не въ мѣру крутымъ и суровымъ, немедленно являлся и первымъ помощникомъ крестьянину, застигнутому тою или другою бѣдой и нуждой: давалъ, по надобности, и лошадь, и корову, и лѣсу на избу, и хлѣба на прокормъ и на сѣмена.

Теперь такой баринъ показался бы благодѣтелемъ, а за рѣдкостью таковыхъ, и невозможностью, однако, обходиться безъ оныхъ, ихъ пришлось искать на сторонѣ: необходимость скоро на нихъ указала, а жадность и алчность ихъ собственная и крайность и злая нужда крестьянъ облегчила обѣимъ сторонамъ первоначальныя формы для установленія постоянныхъ дѣловыхъ и финансовыхъ отношеній.

Кулаки-міроѣды, въ ограниченномъ числѣ и раньше существовавшіе, когда назрѣла въ нихъ

народная потребность, повыползли изо всѣхъ щелей и въ образѣ деревенскихъ кабатчиковъ, трактирщиковъ, лавочниковъ, скупщиковъ хлѣба, птицы, льна, холста и пр. т. п. начали застилать крестьянство своею легкою, мягкою паутиной, въ которой оно и не замедлило запутаться, и дошло до такихъ геркулесовыхъ столбовъ экономическаго разоренья, о которыхъ мы выше вскользь упомянули.

III.

Дворянство подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ освобожденномъ крестьянствѣ эмансипація вызвала и естественную потребность движенія, и злоупотребленія личною свободой, и наклонность къ созданію новыхъ удобствъ жизни и къ удовлетворенію небывалыхъ ранѣе вкусовъ и прихотей, на помѣщичьемъ дворянствѣ она не могла не отразиться совершенно противоположнымъ образомъ.

Начать съ того, что каждое новое положеніе заключаетъ въ самомъ себѣ уже извѣстную долю неудобства: пусть оно въ дѣйствительности и лучше, и выгоднѣе, первое время на новомъ мѣстѣ, въ новой квартирѣ, въ новой, хотя бы и лучшей, обстановкѣ непремѣнно ощущается нѣкоторая неловкость. Дворянству въ то время на это и указывали въ литературѣ, ободряя не унывать духомъ и доказывая, что вольнонаемный

трудъ, приложенный къ сельскому хозяйству, долженъ быть только выгоднѣе и для рабочихъ, и для нанимателей.

Въ общемъ это, конечно, безспорная истина, но бѣда въ томъ, что это *общее*-то не только не могло сказываться тогда, но не ощущается и теперь, когда переходная эпоха считаетъ за собою цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и дай Богъ, чтобъ почувствовалось чрезъ такія же еще три десятилѣтія.

Что же касается того положенія, въ какомъ очутилось дворянство со дня освободительнаго манифеста, то оно, и помимо новизны, заключало въ себѣ много весьма важныхъ, существенныхъ и неустранимыхъ неудобствъ.

Первымъ изъ нихъ было, конечно, сокращеніе доходовъ, тогда какъ, по характеру новой жизненной обстановки, въ которую попадало дворянство вслѣдствіе реформы, для него было бы благовременнѣе нѣкоторое ихъ увеличеніе, ибо эмансипація прежде всего лишала его услугъ личнаго крѣпостнаго труда, къ которому оно привыкало въ теченіе двухъ вѣковъ, съ которымъ, въ его разнообразныхъ формахъ, сжилось и сроднилось, и который отнынѣ вынуждалось покупать на *наличныя* средства у тѣхъ же крестьянъ, отъ коихъ доселѣ получало его даромъ.

Если припомнить во всѣхъ подробностяхъ житейскую обстановку домовитой, степенной, хотя и не богатой дворянской семьи, проживавшей въ условіяхъ крѣпостнаго права, окажется, что едва ли когда она и могла ощущать острую нужду, а тѣмъ болѣе крайность въ денежной наличности: до того широко восполнялъ крестьянскій без-

платный трудъ всѣ немногосложныя потребности помѣщичьяго домоводства, что трудно бы было и придумать, чего бы не доставало для удовлетворенія тогдашняго дворянскаго комфорта, и для пріобрѣтенія чего понадобились бы наличныя деньги!

Не говоря уже о хлѣбахъ и злакахъ всевозможныхъ сортовъ и достоинствъ, скотные, птичіе и конные дворы составляли принадлежность всякаго, хотя сколько-нибудь зажиточнаго помѣщичьяго хозяйства; многочисленная дворня, помимо исправленія прямыхъ служебныхъ обязанностей при барскомъ домѣ и семействѣ, снабжена была и различнаго рода спеціальными работниками и работницами: портными и портнихами, поварами и хлѣбопеками, слесарями и сапожниками, столярами и каретниками, живописцами и музыкантами, рыбаками и охотниками, и пр. и пр. Помѣщику и его семьѣ, такимъ образомъ, являлась полная возможность не только кормиться, но и обуваться, и одѣваться, и удовлетворять незатѣйливымъ вкусамъ и прихотямъ, буквально не выѣзжая изъ своей деревни и не выходя за ворота своей усадьбы. Посмотрите, какою полною чашей представляется домашнее хозяйство даже какой-нибудь гоголевской Коробочки: чего-чего у нея не было, чѣмъ только она не торговала, чего не продавала! А вѣдь нѣтъ и указанія на то, чтобы ей понадобилось что-нибудь *купить!*

Но Коробочку безсмертный юмористъ изображаетъ, какъ только домовитую представительницу захолустнаго мелкопомѣстнаго хозяйства: во сколько же полнѣе была эта хозяйственная чаша въ дворянствѣ зажиточномъ, пользовавшемся

тѣмъ же крѣпостнымъ трудомъ, но для цѣлей жизни болѣе изысканной и утонченной? Объ этомъ и теперь еще свидѣтельствуютъ и обширные сады, и глубокіе пруды съ вымощеннымъ дномъ, и искусственные ручейки и рѣчки, и прочно, несокрушимо, комфортабельно выстроенные дома и дворцы, и великолѣпныя оранжереи, и множество другихъ разнообразныхъ затѣй, исполненныхъ нѣкогда, по причудливому вкусу помѣщиковъ, ихъ крѣпостными даровыми работниками.

И вотъ, эта необъятная масса дароваго личнаго труда, обезпечивавшаго повседневное благоденствіе помѣщичьяго домашняго обихода, была вычеркнута изъ него манифестомъ 19 февраля 1861 г.: съ этого знаменательнаго и для крестьянскихъ, и для помѣщичьихъ хозяйствъ дня та же баба, которая *обязана* была барынѣ столькими-то кошелками ягодъ, столькими-то фунтами грибовъ, столькими-то аршинами самодѣльнаго холста и пр. т. п., и эти ягоды, и грибы, и холстъ стала вольна *продавать*, хотя бы той же барынѣ, по условленной цѣнѣ. Многочисленная дворня стала *вольна* уйти отъ господъ, куда глаза глядятъ, или же оставаться у нихъ въ услуженіи, но точно также за условленное жалованье: пробилъ часъ домашнему помѣщичьему режиму съ его *собственными* портными, каретниками, булочниками, слесарями, музыкантами и артистами.

Въ большей части изъ нихъ настоятельной необходимости, конечно, не ощущалось, и они были отпущены безъ особаго сожалѣнія, какъ не способные своимъ трудомъ окупить своего жалованья и прокормленія.

Вмѣстѣ съ ними дворянство лишалось и той части крѣпостной прислуги, безъ которой обходиться было невозможно, и которая, къ тому жъ, по своей подневольной выправкѣ была и незамѣнима; труды этого немногочисленнаго класса своихъ прежнихъ дворовыхъ оно равнымъ образомъ вынуждалось оплачивать уже не одними попеченіями о нихъ и заботливостью о ихъ благоденствіи, а и наличными средствами.

Но средствъ этихъ, особенно въ виду ихъ сокращенія, уже не хватило бы на содержаніе штата домашней прислуги въ прежнихъ размѣрахъ, а уменьшеніе ея числа отразилось и на тѣхъ статьяхъ помѣщичьяго домоводства, отъ которыхъ въ прямой зависимости было его благосостояніе: ни скотные, ни птичьи, ни конные дворы, ни пасѣки, ни оранжереи съ грунтовыми сараями и парниками не могли бы оправдать требуемыхъ на нихъ денежныхъ затратъ удовлетвореніемъ надобностей и вкусовъ одной помѣщичьей семьи, и конечно стали сокращаться и вовсе прекращаться во всѣхъ тѣхъ хозяйствахъ, которыя принадлежали помѣщикамъ, не обладавшимъ крупными наличными капиталами.

Всѣмъ помѣстнымъ дворянамъ этой послѣдней категоріи жизнь въ своихъ деревняхъ, при условіяхъ вольнонаемнаго труда, такимъ образомъ не могла уже навѣрное обезпечивать и малой доли тѣхъ удобствъ, къ которымъ они привыкли и безъ которыхъ существованіе составило бы для нихъ рядъ самыхъ прискорбныхъ лишеній; къ тому же и чисто сельскохозяйственныя заботы по части хлѣбопашества наемными рабочими ру-

ками, по небывалости на практикѣ его примѣровъ и слѣд. по неумѣнію вести его, особенно непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ, не только не обѣщали дворянству обычныхъ выгодъ, но грозили, напротивъ, убытками и еще горшимъ разореніемъ.

Возбуждались даже опасенія и, какъ показалъ опытъ, въ первое время послѣ реформы не всегда безосновательныя, что правильная организація вольнонаемнаго труда едва ли будетъ и возможна за трудностью установленія сразу дружелюбныхъ взаимныхъ отношеній между нанимателями-дворянами, недавними крѣпостными владѣльцами, съ одной стороны, и только-что освободившимися изъ рабскаго имъ подчиненія работниками-крестьянами.

Все это вмѣстѣ взятое естественно располагало дворянъ измѣнять свои взгляды на сельскохозяйственный трудъ и деревенскую жизнь, какъ единственные дотолѣ для ихъ большинства способы и формы существованія, и чѣмъ болѣе измѣнялись ихъ взгляды въ этомъ смыслѣ, тѣмъ настойчивѣе тревожила ихъ мысль—сначала о возможности, затѣмъ — о выгодности, и наконецъ — о необходимости бросить сельскохозяйственный трудъ и замѣнить его какимъ-либо эквивалентомъ въ другихъ сферахъ экономической, общественной или административной дѣятельности.

И вотъ, одновременно съ тѣмъ, какъ крестьянство открыло свои систематическіе набѣги на города и столицы за легкимъ и обильнымъ денежнымъ заработкомъ, въ помѣстномъ дворян-

ствѣ сказалось аналогичное съ этимъ явленіе, выражаясь поголовнымъ его бѣгствомъ изъ своихъ помѣстій, оставлявшихся безъ призора и надлежащаго управленія, отъ своихъ земель, сдававшихся, кому попало, въ аренду или даже предававшихся запустѣнію, отъ своихъ лѣсовъ, обрекавшихся на расхищеніе.

Къ этому располагалось дворянство и тѣмъ способомъ, посредствомъ котораго правительство нашло возможнымъ и безопаснымъ вознаградить его за земли, отошедшія къ крестьянамъ. Дѣло въ томъ, что обезпеченная матеріально жизнь сдѣлала изъ большинства дворянъ-помѣщиковъ то, что она дѣлаетъ и изъ всякаго человѣка: людей, лишенныхъ всякаго практическаго смысла и навыка въ распоряженіи наличными деньгами. И между тѣмъ каждому такому барину, признававшему наличную деньгу никакъ не за средство существованія, а лишь за средство удовлетворенія прихотей, изысканныхъ вкусовъ, наклонностей къ комфорту и роскоши, дана была на руки процентная бумага!

Люди, доселѣ не ведшіе счета, кромѣ какъ на человѣческія души да на скирды хлѣба, награждавшіе дочерей приданымъ въ видѣ цѣлыхъ селъ съ сотнями живыхъ людей, и за свадьбу этихъ дочерей платившіе попамъ четвертями ржи, вдругъ получили на свои руки добрую половину отнятаго у нихъ недвижимаго имущества въ видѣ пачки выкупныхъ свидѣтельствъ.

Правда, они могли бы приносить хотя и меньшій, сравнительно съ прежнимъ, но все же постоянный ежегодный доходъ, но ихъ—къ прискор-

бію для дворянства—можно было и сейчасъ продать или заложить, чтобы заполучить въ свои руки, хотя и съ тяжкимъ убыткомъ, и съ затрудненіями въ ближайшемъ будущемъ, но все-таки более или менѣе крупную сумму наличныхъ денегъ.

Но вѣдь предшествовавшіе опыты кредитныхъ воспособленій помѣщикамъ посредствомъ ссудной казны опекунскаго совѣта достаточно показали уже, что дворянству русскому, какъ и вообще русскому человѣку, всего болѣе свойственны беззаботность и неряшество въ денежномъ отношеніи, а сколько благоразумія способенъ проявить русскій человѣкъ, когда у него въ рукахъ неожиданно оказывается ворохъ ассигнацій, это блистательно доказалъ еще герой гоголевской *Коляски,* употребившій ссуду опекунскаго совѣта на ручную обезьяну, француза-дворецкаго и усовершенствованныя ручки къ дверямъ.

И чтобы въ крутыхъ обстоятельствахъ, послѣдовавшихъ за реформой, которая наградила дворянство кучей цѣнныхъ бумагъ, оно удовольствовалось періодическою стрижкой однихъ ихъ купоновъ, не покушаясь на ихъ полную реализацію—разсчитывать на это достаточныхъ основаній рѣшительно не было; напротивъ, назрѣвавшая мысль о невозможности деревенскаго хозяйства и необходимости отказаться отъ него прямо указывала, что дворяне опираются въ этой мысли именно на выкупныя свидѣтельства, какъ удобное средство хотя на первое время устранить матеріальныя затрудненія, связанныя съ такою радикальною перемѣной въ жизненномъ строѣ.

Обстоятельства, какъ извѣстно, подтвердили это: съ точностію до сихъ поръ неизвѣстно, куда именно ушли сотни милліоновъ, вырученныя дворянами чрезъ продажу выкупныхъ свидѣтельствъ; но что у нихъ въ рукахъ ихъ не осталось, это обнаружилось въ непродолжительномъ времени, когда началось сплошное истребленіе лѣсовъ, продававшихся на срубъ, какъ наиболѣе цѣннаго достоянія дворянства. За лѣсами послѣдовали залогъ и распродажа дворянскихъ имѣній въ земельныхъ банкахъ, затянувшихъ надъ дворянствомъ послѣднюю, поистинѣ мертвую петлю.

Не удалось дворянству и охватившее его вслѣдъ за эмансипаціей лихорадочное стремленіе проложить новые экономическіе и соціальные пути къ выходу изъ создавшагося для него тяжелаго матеріальнаго положенія: чтобы успѣшно торговать, а особенно при *нашей* коммерческой обстановкѣ, нужно родиться купцомъ, а чтобы успѣвать въ общественной дѣятельности, нужно вооружиться самоотреченіемъ и угодливостью предъ тѣмъ же купцомъ, который объявился во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности не только властнымъ распорядителемъ, но подчасъ и не вѣдающимъ никакихъ преградъ, самоуправнымъ властелиномъ надъ судьбами цѣлыхъ городовъ и округовъ, обильно насаждая вокругъ себя тѣ самыя начала, коими руководился въ предыдущей своей дѣятельности по куплѣ и продажѣ. Каковы же у большинства нашихъ купцевъ эти начала, народная мудрость давно повѣдала въ пословицахъ: «не обманешь—не продашь, не солжешь—не заснешь», и т. п.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло, ибо каждый изъ призываемыхъ на общее дѣло приходитъ лишь съ тѣмъ, что имѣетъ, что унаслѣдовалъ, съ чѣмъ сроднился въ цѣломъ рядѣ поколѣній. И не купецъ въ этомъ виноватъ, а тѣ условія, въ которыхъ онъ историческими обстоятельствами былъ поставленъ: для того, чтобы сбросить съ своихъ плечъ священнѣйшую гражданскую обязанность защиты отечества, онъ приглашался къ уплатѣ гильдейскихъ повинностей; подъ условіемъ этой же уплаты онъ, хотя бы и представлялъ собою самаго недостойнаго члена общества, могъ достигать титла *почетнаго гражданина;* самыя Монаршія милости въ видѣ тѣхъ или другихъ знаковъ отличія, жалуемыхъ и дворянству, и прочимъ служилымъ сословіямъ за *личныя* заслуги Престолу и отечеству, изливались на купца лишь за то или другое съ его стороны филантропическое пожертвованіе, т. е. за отчисленіе обществу ничтожнѣйшей части отъ него же нажитыхъ средствъ.

Трудно, конечно, представить общественную обстановку, болѣе нравственно растлѣвающую, но едва ли у кого поднимется рука винить современное купечество за ту заразу, какую оно вноситъ въ общество при своемъ настоящемъ положеніи въ немъ и при измѣнившихся условіяхъ своей общественной дѣятельности, ибо, повторяемъ, каждый приходитъ на общее дѣло съ тѣмъ, что у кого есть.

Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. Пишущій эти строки, много лѣтъ назадъ, былъ единственнымъ дворяниномъ, котораго московское ку-

печество, за цѣлое столѣтіе своей сословной жизни, почтило избраніемъ въ число представителей своего сословнаго самоуправленія: присматриваясь къ этой средѣ, изучая ея бытъ, традиціи и идеалы, онъ не могъ не проникнуться живѣйшими симпатіями къ блестящимъ изъ нея исключеніямъ, но не могъ и не поражаться малочисленностью такихъ исключеній...

И дворянству ли, всегда отличавшемуся, и теперь отличающемуся болѣе или менѣе возвышенными, идеальными традиціями, было отступаться отъ нихъ въ угоду низменныхъ преданій, руководившихъ издавна и нынѣ руководящихъ большинствомъ нашего коммерческаго класса?

Что же касается административной дѣятельности, то, хотя значительная часть дворянства и посвящаетъ ей по прежнему свои силы, она едва ли можетъ уврачевать экономическій недугъ, которымъ дворянство страдаетъ, по недостаточности служебныхъ гонораровъ, связанныхъ съ бюрократическимъ трудомъ.

Таково современное положеніе нашего дворянскаго сословія, и, обращаясь къ прошлому, нельзя не указать на излишнюю либеральность воззрѣній, положенныхъ въ основу крестьянской реформы, какъ на косвенную причину главнѣйшаго неудобства, замѣчаемаго въ этомъ положеніи—недостатка или крайняго истощенія матеріальныхъ средствъ.

Нельзя не отмѣтить, съ глубочайшимъ, притомъ, прискорбіемъ, особой черты, охарактеризовавшей всѣ реформы прошлаго царствованія: черта эта—въ высшей степени туманное *понятіе*

о свободѣ, и вслѣдствіе того черезчуръ энергическое стремленіе ко всяческой свободѣ во всемъ и для всѣхъ.

Понимаетъ ли самъ жалуемый этою свободой, что такое она за звѣрь, къ чему она ведетъ и на что годится, достоинъ ли и способенъ пользоваться ею, и даже желаетъ ли ея, объ этомъ не спрашивалось и не разсуждалось, а просто свободы всякаго сорта и размѣра, одна за другою, такъ и сыпались на народъ, какъ будто надъ Россiей кто-то опрокинулъ корзину, наполненную всевозможнымъ свободнымъ товаромъ.

Объясняется это, впрочемъ, легко и естественно тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что рыцарски мыслившій Царь-Освободитель, руководимый возвышенными идеями, въ служеніи этимъ идеямъ находившій высшее призваніе своей царственной дѣятельности, не предполагалъ и въ исполнителяхъ своихъ гуманныхъ предначертаній ничего иного, кромѣ ревности и усердія къ общему благу, теоретически обезпечивавшемуся точнымъ и правильнымъ воплощеніемъ его идей во всѣхъ проявленіяхъ практической жизни народа.

Впадая въ свойственную всѣмъ идеально мыслящимъ людямъ ошибку, состоящую въ томъ, что свои идеалы они отожествляютъ съ дѣйствительностью, не подозрѣвая, что на практикѣ все осуществляется силою необходимости, а не предписаніями идеальной программы, могъ ли благодушный Реформаторъ останавливаться надъ тою мыслью, что дворянство не сумѣетъ воспользоваться выкупнымъ капиталомъ, поступившимъ въ его распоряженіе? Могъ ли, тѣмъ болѣе, замыс-

лить какое-либо ограниченіе для него въ пользованіи этимъ капиталомъ, какъ своею собственностью?

А между тѣмъ послѣднее, въ ту именно пору, было бы въ высшей степени практично, ибо: 1) такъ или иначе заставило бы дворянъ сообразовать новыя условія своей жизни съ тѣми матеріальными, значительно сократившимися, средствами, какія оказались въ ихъ распоряженіи; 2) направило бы ихъ, вмѣсто повальнаго бѣгства изъ деревень, къ продолженію сельскохозяйственныхъ занятій въ предѣлахъ разумной бережливости и разсчетливости, требуемыхъ новою постановкой сельско-хозяйственнаго дѣла на общихъ началахъ вольнонаемнаго труда.

Еслибы, напримѣръ, вмѣсто выдачи причитавшейся дворянству выкупной суммы сполна, и притомъ легко отчуждаемою процентною бумагой, правительство распорядилось ежегодною выдачей ему однихъ причитавшихся по этой бумагѣ процентныхъ платежей, такъ бы, вѣроятно, и случилось. Большинство помѣщиковъ испытывало бы, правда, нѣкоторыя лишенія отъ невозможности продолжать жизнь по прежнему, крѣпостному шаблону, но зато: 1) дворянство не забросило бы ни своихъ земельныхъ сокровищъ, ни привычныхъ занятій; 2) не истратило бы безслѣдно выкупнаго капитала въ нѣсколько сотъ милліоновъ; 3) проценты съ этого капитала вкладывало бы въ землю, создавая, такимъ образомъ, себѣ новый, еще болѣе надежный капиталъ; 4) вслѣдствіе этого никогда бы не ощутило горькой нужды въ истребленіи за безцѣнокъ сво-

ихъ лѣсныхъ богатствъ, и 5) конечно избѣгло бы начетистыхъ услугъ земельныхъ банковъ и прочихъ всякаго сорта ростовщиковъ, и, благодаря этому, быть можетъ въ срокъ нѣсколькихъ десятилѣтій успѣло бы вернуть себѣ отнятое у него реформой экономическое и государственное положеніе.

Но—увы!—подъ опьяняющимъ впечатлѣніемъ густаго либеральнаго тумана, застилавшаго русскую политическую мысль тогдашняго времени, ни творцу реформы, ни ея труженикамъ соображенія эти не могли прійти на умъ, а еслибы даже и пришли, то конечно были бы ими отринуты, какъ недостойныя вниманія, противныя духу свободы и оскорбительныя для дворянства, которое, въ силу этихъ соображеній, какъ бы лишалось *довѣрія* въ распоряженіи своею собственностью.

И понадобилась цѣлая четверть вѣка, протекшая, такъ сказать, въ постоянныхъ оргіяхъ саморазоренія, чтобы благоразуміе взяло верхъ надъ внушеніями безшабашнаго либерализма, и чтобы правительство положило, наконецъ, предѣлъ этимъ оргіямъ и провело опредѣленную границу между понятіями о *правѣ* собственности и разумномъ ею пользованіи, съ одной стороны, и неразумнымъ произволомъ и злоупотребленіями надъ нею съ другой.

Разумѣемъ недавній законъ объ охраненіи лѣсовъ: что онъ представляетъ собою, какъ не *ограниченіе* права собственности? А между тѣмъ онъ не только не возбудилъ противъ себя общественнаго мнѣнія, а былъ имъ принятъ даже весьма сочувственно.

Но въ немъ, однако, не представилось бы и надобности, еслибъ въ свое время правительственная мудрость озаботилась аналогичнымъ этому закону постановленіемъ, направленнымъ къ охраненію *первой* половины дворянскаго достоянія, выраженной выкупными капиталами и безвозвратно для дворянства исчезнувшей.

Какъ и всегда, благоразуміе и въ этомъ случаѣ пришло нѣсколько поздно, и такъ какъ никакими его соображеніями совершившихся фактовъ ни уничтожить, ни измѣнить не представляется возможности, то и остается сумму этихъ фактовъ принять къ свѣдѣнію и изобразить такъ: частію какъ естественное и логическое послѣдствіе отнятія крѣпостныхъ крестьянъ, частію какъ результатъ неправильно задуманныхъ и проведенныхъ при этомъ въ жизнь мѣропріятій, очевиднымъ наслѣдіемъ крестьянской реформы является въ настоящее время или разореніе, или обѣднѣніе, или, даже, обнищаніе помѣстнаго дворянства, упадокъ его сельскохозяйственной дѣятельности и даже отчужденіе отъ нея, поражающая земельная его задолженность, и, какъ результатъ послѣдней, экспропріація земельной собственности въ пользу другихъ сословій, съ зависящимъ отъ сего видоизмѣненіемъ въ характерѣ землевладѣльческаго класса страны.

Все это не можетъ не отражаться на политическомъ значеніи дворянскаго сословія, ибо въ такой земледѣльческой по преимуществу странѣ, какова Россія, первенствующимъ классомъ *не можетъ быть никакой*, кромѣ землевладѣльческаго, и если дворянство справедливо считалось

доселѣ опорою престола и государства, то именно въ качествѣ таковаго, и свою политическую силу и благотворное вліяніе на государственную жизнь почерпало главнымъ образомъ въ однородности своего состава, а слѣд. и въ общности интересовъ, неизмѣнно направленныхъ, въ силу историческихъ традицій, къ славѣ и величію Россіи.

Куда направились бы интересы новаго, разношерстнаго по составу землевладѣльческаго класса, еслибъ въ окончательныхъ итогахъ дворянство уступило свою исконную роль въ пользу разночинства, и въ какой мѣрѣ явилось бы послѣднее опорою государства—это еще вопросъ.

IV.

Денежная гегемонія.

Въ дореформенной Россіи весь общественный строй покоился, можно сказать, лишь на двухъ преимущественно сословіяхъ, рѣзко опредѣленныхъ въ практическомъ быту и съ строго очерченнымъ кругомъ государственныхъ и гражданскихъ обязанностей и отношеній: на крѣпостномъ крестьянствѣ и помѣстномъ дворянствѣ.

И если сравнивать тогдашнюю Россію съ величественнымъ тысячелѣтнимъ дубомъ, то первое изобразило бы собою его исполинскіе корни, глубоко вросшіе въ землю, крѣпко въ ней разросшіеся, и изъ нея посылавшіе всему организму дерева живительные соки; второе можно бы было назвать широколиственною вѣтвистою шапкой,

распростертой надъ деревомъ, питавшейся идущими отъ его корней соками и за то защищавшей его могучій стволъ отъ многочисленныхъ атмосферическихъ вліяній, которыя могли бы нанести и ему, и его корнямъ тотъ или другой вредъ.

Крестьянство несло на себѣ большую часть и денежныхъ, и натуральныхъ повинностей; оно же, купно съ посредствующими, изъ него же выдѣлившимися и постоянно пополнявшимися общественными классами, т. е. такъ называемыми податными сословіями, отбывало и личную повинность въ видѣ солдатчины. Дворянство посвящало себя или сельско-хозяйственному труду, или государственной службѣ, или же, въ весьма ограниченномъ числѣ, крупной заводской и фабричной промышленности.

Внѣ этихъ двухъ основныхъ сословій общественная жизнь какъ бы и не существовала, подавая о себѣ лишь слабые, блѣдные признаки: духовенство въ своемъ большинствѣ прозябало жизнью, близкою къ крестьянской, а въ городахъ—къ мѣщанской, не задаваясь и не одушевляясь ни широкими духовными интересами, ни возвышенно-идеальными задачами своего званія, замкнувшись въ узкой сферѣ своихъ служебно-приходскихъ отношеній; промышленность не проявляла ни малѣйшей наклонности къ развитію, ограничиваясь установившеюся издавна рутиной и не озабочиваясь изысканіемъ новыхъ путей къ преуспѣянію; ремесла существовали въ скромныхъ традиціонныхъ размѣрахъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе несложныхъ потребностей большинства населенія; коммерческая дѣятельность купечества

ограничивалась немногочисленными статьями внутренней торговли, главнѣйшее значеніе между которыми имѣлъ хлѣбъ, да предметами роскоши и моды, доставлявшимися въ весьма незначительномъ количествѣ изъ-за границы.

Печать—въ нынѣшнемъ ея значеніи—не существовала, оправдывая тѣмъ извѣстное положеніе, что она есть *выраженіе общества,* ибо и общества, въ его теперешнемъ смыслѣ, тоже не было, какъ не было и общественной жизни: она распадалась на извѣстное число сословныхъ существованій, раздѣленныхъ различными преданіями и интересами, иногда другъ другу противорѣчившими и даже враждебно между собою сталкивавшимися—явленіе, настолько укоренившееся въ русской жизни, что оно и доселѣ сказывается, во всѣхъ разносоставныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, отсутствіемъ общности побужденій и цѣлей, преобладаніемъ частныхъ, даже личныхъ интересовъ надъ несомнѣнными, настоятельными, иногда вопіющими требованіями общаго блага.

Что касается общаго тона жизни, онъ слагался изъ отношеній между дворянскою альфой и крестьянскою омегой Русской Державы, и промежь этихъ двухъ коренныхъ ея сословій только какъ бы мелькали и чиновничество, и духовенство, и купечество, и мѣщанство, ютившіяся въ городахъ, запечатлѣнныхъ тою же деревенской неподвижностью жизни, неповоротливостью мысли, отсутствіемъ дѣятельности, какія владѣли и всею страной подъ отечески-суровою рукой императора Николая.

Выше мы указали непосредственно обнаружившіеся практическіе результаты великой крестьянской реформы: вмѣсто строго опредѣленнаго, правильно установленнаго и крѣпко блюдомаго властью общественнаго строя явилось состояніе, которое принято называть *переходнымъ.*

Вмѣсто привычнаго, сѣраго, будничнаго труда для освобожденнаго крестьянства настала пора лихорадочной стремительности къ улучшенію своего *матеріальнаго* быта, къ удовлетворенію вкусовъ, дотолѣ забитыхъ суровою долей, въ которой оно прозябало, прихотей, ранѣе представлявшихся недоступными.

Для дворянства, наоборотъ, пробилъ часъ перелома всѣхъ установленныхъ традиціями условій его существованія, наступилъ экономическій кризисъ, въ ближайшемъ будущемъ грозившій матеріальными лишеніями, а во избѣжаніе ихъ требовавшій личной изобрѣтательности по изысканію средствъ, способныхъ содѣйствовать удержанію матеріальнаго благосостоянія на прежней высотѣ.

Указали мы и на то, что оба сословія не проявили ни надлежащей сдержанности въ этихъ стремленіяхъ, ни благоразумія въ изысканіи этихъ средствъ: какъ крестьяне, такъ и помѣщики кидались на то, что было имъ доступнѣе, стояло къ нимъ ближе, давало скорую возможность хотя временно извернуться въ затруднительномъ положеніи, не помышляя о завтрашнемъ днѣ, который неминуемо окажется еще затруднительнѣе.

А такъ какъ въ чудодѣйственномъ круговоротѣ безконечно разнообразныхъ обстоятельствъ и со-

отношеній, изображающихъ собою человѣческое существованіе, не бываетъ столь затруднительныхъ положеній, чтобъ изъ нихъ не могло представиться того или другаго выхода, то и для затрудненій, о которыхъ мы говоримъ, онъ былъ скоро отысканъ и выработанъ экономическою жизнью народа въ приложеніи къ потребностямъ и того и другаго сословія.

Какъ всегда и вездѣ спросъ вызываетъ предложеніе, такъ вызвала предложеніе и крестьянская нужда въ деньгахъ: явились люди и цѣлые ихъ классы, обладавшіе свободными средствами, требовавшими выгоднаго помѣщенія. А что могло бы сравниться по выгодности, какое финансовое предпріятіе могло бы обѣщать такіе барыши, какъ денежныя отношенія съ темною массой крестьянства, сегодня нуждающеюся въ наличныхъ деньгахъ для уплаты податей, завтра въ хлѣбѣ на сѣмяна, послѣ завтра въ немъ же на прокормленіе, и еще дальше—на покупку новой коровы или лошади, на водку къ храмовому празднику, на поправку развалившейся избы, на сдачу ребятъ въ рекруты, и т. д. безъ конца?

И вотъ, въ недавней роли благовременнаго и, естественно, благоразумно-разсчетливаго помощника крестьянъ въ ихъ экономическихъ бѣдахъ и напастяхъ, каковымъ являлся для нихъ, при крѣпостномъ правѣ, ихъ же помѣщикъ—выступаетъ полчище сельскихъ ростовщиковъ, и на нужду, и на просьбы крестьянъ взирающихъ только какъ на удобныя средства для собственной корысти: они и не призваны, и даже нравственнаго права не имѣютъ разбираться въ основа-

тельности или неосновательности этихъ просьбъ, и удовлетвореніе ихъ или отверженіе рѣшаютъ не соображеніями крестьянской пользы, а требованіями исключительно личнаго интереса.

На что именно нужны мужику деньги: на дѣловую надобность, или на пьяное баловство—имъ до того рѣшительно дѣла нѣтъ. Обсужденію подвергаютъ они одинъ только вопросъ: опасно или нѣтъ въ томъ или другомъ случаѣ довѣріе къ мужику, взвѣшиваютъ одну только его кредитоспособность, и если она удовлетворяетъ ихъ соображеніямъ, ничуть не стѣсняются, когда мужикъ тутъ же и проматываетъ полученное отъ нихъ богатство. Даже и сами ему въ томъ способствуютъ: ибо, по соображеніямъ мѣстныхъ удобствъ, вмѣстѣ съ ростовщичествомъ они соединяютъ въ своихъ рукахъ и всѣ отрасли деревенской коммерціи, являясь содержателями лавочекъ, харчевенъ, трактировъ, кабаковъ и т. п. заведеній, что, какъ разъ одновременно съ крестьянскою реформой, и облегчилось для нихъ введеніемъ свободной отъ откуповъ питейной торговли.

Когда дворянство, проживъ полученныя отъ правительства выкупныя свидѣтельства, быстрою распродажей и залогомъ ихъ создавъ небывалую дотолѣ на Руси биржевую спекуляцію и обогативъ ее на свой счетъ, въ свою очередь ощутило острые симптомы злаго экономическаго недуга, именуемаго безденежьемъ, практическая жизнь съ еще большей легкостью, чѣмъ крестьянамъ, указала ему наклонную плоскость разоренія, по которой оно и покатилось съ постепенно увеличивавшеюся, по законамъ физики, быстротой, допро-

давая заложенныя выкупныя бумаги для полученія разницы, сбывая за безцѣнокъ сначала лѣса, потомъ остальныя земельныя угодья, далѣе земли, занятыя нѣкогда лѣсами, наконецъ недвижимыя имущества въ сельскихъ усадьбахъ, городахъ и столицахъ.

Около дворянства сплотился особый кружокъ эксплоататоровъ, пополняемый частію наиболѣе нажившимися представителями крестьянскаго ростовщичества, частію городскимъ зажиточнымъ купечествомъ, частію даже еврейскими гешефтмахерами. Когда же, наконецъ, указанная наклонная плоскость разоренья значительною частью мелкаго и средняго достатка помѣщиковъ была пройдена, и съ нихъ уже нечего было взять самому изобрѣтательному эксплоататору — для остальной части дворянства, по какимъ-либо случайнымъ счастливымъ обстоятельствамъ уцѣлѣвшей отъ разоренія, биржевая плутократія поставила хитро придуманную, хотя по внѣшнимъ признакамъ и совершенно невинную ловушку, повѣсила надъ этой ловушкой, съ разрѣшенія правительства, вывѣску: *земельный банкъ*, и не прошло десятка лѣтъ, какъ въ этой ловушкѣ крѣпко захлопнута была вся остальная, наиболѣе зажиточная часть помѣщичьяго дворянства, съ высшею даже земельною аристократіей во главѣ, ибо если находились гражданско-мужественные люди, брезговавшіе темными ростовщиками и боявшіеся ихъ, предпочитавшіе терпѣть нужду и лишенія, лишь бы не одолжаться ихъ денежными услугами, то золотая вывѣска *земельнаго банка*, да еще разрѣшеннаго правительствомъ, устраняла

эти опасенія вполнѣ и увеличивала соблазны нужды и безденежья, и въ результатѣ получилась Россія хотя и «освобожденная», но вмѣстѣ съ тѣмъ и «заложенная», т. е. вновь закрѣпощенная, въ лицѣ прежнихъ своихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ—небольшой группѣ капиталистовъ, изъ коихъ наиболѣе вліятельную половину составляютъ люди спекуляціи, въ лицѣ же своего крестьянства—многочисленному классу міроѣдовъ, выходящихъ изъ его же среды, съ примѣсью, по мѣстамъ, еврейскаго элемента.

И эта новая, по истинѣ *страшная* крѣпость, страшная потому именно, что она *экономическая,* т. е. *добровольная,* а не *насильственная,* какою была прежняя, и потому не уязвимая даже для самыхъ энергическихъ, настойчивыхъ и постоянныхъ законодательныхъ мѣръ, еслибы таковыя и были приняты противъ нея—не замедлила оказать свое нравственно-тлетворное вліяніе едва ли не на всю толщу русскаго народа сверху до низу, едвали не на весь строй народной и общественной жизни во всѣхъ ея отрасляхъ и развѣтвленіяхъ.

Къ національной чести русскаго народа слѣдуетъ отнести, что онъ во всѣ времена, въ ряду другихъ націй, отличался наибольшимъ идеализмомъ, и какъ таковой, никогда не страдалъ ни излишней политической похотливостью, ни экономической пронырливостью; тѣмъ болѣе матеріальная нажива никогда не была написана на его международномъ знамени.

Тоже и во внутренней жизни, и въ распорядкѣ отношеній: деньги никогда не играли въ его жизни,

если не принимать въ разсчетъ *специально-торговаго класса*, ни важнѣйшей, ни тѣмъ паче первенствующей роли.

Есть охотники объяснять это явленіе косностью народнаго характера, тисками крѣпостнаго рабства, стѣснявшаго личную инициативу и даже вовсе, будто бы, убившаго ее, и излишне-ревнивою административною опекой.

Но почему эти-то самыя обстоятельства, и даже эту косность, наоборотъ, не объяснять первымъ свойствомъ, свойствомъ народа по преимуществу *идеальнаго*, религіозно убѣжденнаго въ томъ, что далеко «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»?

Какъ бы то ни было, Россія дореформенная всѣмъ строемъ своей жизни доказывала, что для нея деньги—предметъ вовсе не первостепенной важности. Общественное значеніе отдѣльныхъ лицъ опредѣлялось массою условій, въ ряду коихъ денежная наличность занимала едва ли не последнее мѣсто: государственная служба, воинскіе подвиги, хотя бы самыхъ скромныхъ, незначительныхъ размѣровъ, снискивали гражданину болѣе правъ на уваженіе и почетъ, нежели милліоны накопленныхъ богатствъ. Классъ, испоконъ вѣка трудившійся надъ этимъ послѣднимъ дѣломъ, занималъ не только не выдающееся въ обществѣ положеніе, какъ, напримѣръ, всегда это было въ Англіи, а напротивъ, нѣсколько даже приниженное, являясь не *послѣднимъ* среди высшихъ сословій государства, а *первымъ* среди низшихъ, и единственными выгодами, пріобрѣтавшимися на деньги, было освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія и отъ рекрутской повинности купцовъ, записанныхъ въ

гильдіи, и то на время состоянія ихъ въ купечествѣ.

Для пріобрѣтенія даже посредствующаго между высшими и низшими классами званія, именуемаго почетнымъ гражданствомъ, купцу было обязательно *непрерывное* состояніе въ 3-й гильдіи не менѣе 30, во 2-й—20, и даже въ 1-й—10 лѣтъ; но и съ полученіемъ этого званія за нимъ только и утверждались двѣ вышесказанныя гарантіи: спины отъ полицейскихъ розогъ и лба отъ бритвы полковаго цирюльника. И по существу, и въ общемъ мнѣніи *почетный гражданинъ* оставался тѣмъ же купцомъ и почетомъ пользовался весьма сомнительнымъ, потому что всѣ знали, что этотъ почетъ имъ *не заслуженъ*, а полученъ *за деньги.*

Предъ всесильною тогда администраціей купечество, хотя бы и сопричисленное къ лику почетныхъ гражданъ, было совершенно безправною массой, и чѣмъ богаче, тѣмъ даже безправнѣе, и какъ относились къ самымъ именитымъ его представителямъ такіе администраторы, какимъ былъ, напримѣръ, въ Москвѣ знаменитый графъ Закревскій, объ этомъ хорошо, полагаемъ, помнятъ ихъ сыновья и внуки, теперь, подъ эгидой самоуправленія, расцвѣтшіе если и не нравственнымъ, не умственнымъ, то наслѣдственнымъ плутократическимъ блескомъ, въ настоящее время—увы!—слишкомъ достаточнымъ для того, чтобъ прикрыть отсутствіе моральныхъ и интеллектуальныхъ достоинствъ.

Изъ предъидущихъ строкъ никакъ, однако, не слѣдуетъ, чтобы мы одобряли общественный ре-

жимъ, допускавшій возможность администраторовъ въ родѣ гр. Закревскаго: мы указали на его управленіе лишь для поясненія, сколь ничтожнымъ положеніемъ, и сравнительно въ недавнее время, довольствовался нашъ денежный классъ, и слѣдовательно, сколь скромное значеніе нашъ народъ и общество придавали *деньгамъ* вообще.

Теперь, какъ всякому извѣстно, не то; и это *не то* получило свое начало подъ вліяніемъ и давленіемъ обстоятельствъ, вызванныхъ реформой: они едва ли не впервые указали на деньги, какъ *на силу*, способную переставлять соціальныя отношенія, ворочать общественнымъ положеніемъ цѣлыхъ сословій, возвышать одни общественные классы на счетъ приниженія другихъ, и отдѣльнымъ личностямъ доставлять разнообразные способы и пути, *прямо сомнительные*, къ внѣшнему блеску и почету, общественнымъ почестямъ и даже государственнымъ наградамъ.

Крестьянское и дворянское кулачество, запрятавъ въ свои бездонные карманы значительнѣйшую часть и мужицкаго, и помѣщичьяго благосостоянія, скоро смекнуло, какая могущественная сила заключается у него въ рукахъ. Смекнули это, къ сожалѣнію нѣсколько поздно, и застрявшія въ этомъ карманѣ, и почти невылазно, и крестьянство съ дворянствомъ, и каждая изъ этихъ столь противоположныхъ другъ другу общественныхъ группъ стала вырабатывать *новый* кодексъ нравственныхъ и соціальныхъ понятій и воззрѣній, основой коихъ были: *деньги, презрѣніе ко всему* кромѣ денегъ, *поклоненіе* одному золотому тельцу.

Несомнѣнные признаки внѣшняго благосостоянія, вѣнчавшаго эксплоататорскую ревность крестьянскихъ кулаковъ-міроѣдовъ и помѣщичьихъ ростовщиковъ и скупщиковъ, на ряду съ непрерывною цѣпью всевозможныхъ лишеній и нравственныхъ униженій, къ которой нужда приковала многочисленный классъ ихъ кліентовъ—естественно убѣждали и неповоротливую мысль первыхъ, и мятущіеся умы послѣднихъ если и не въ непререкаемой правильности этого кодекса, то по крайней мѣрѣ въ его роковой силѣ, несмотря ни на противорѣчіе его историческимъ преданіямъ народа, ни на отвращеніе послѣдняго отъ столь безнравственнаго культа, какъ культъ однѣхъ денегъ, какъ религія одной эгоистической наживы.

Но разъ этотъ кодексъ сложился въ понятіяхъ людей подъ воздѣйствіемъ впечатлѣній, вызываемыхъ обстоятельствами экономическаго кризиса, обстоятельствами, которыя въ свою очередь были созданы теоретическими увлеченіями реформаторской эпохи, онъ, этотъ кодексъ, быстро вошелъ въ жизнь, проникъ собою почти всѣ стороны гражданскаго строя и выразился въ немъ, прежде всего, союзомъ плутократіи съ бюрократіей, затѣмъ измѣной со стороны многихъ представителей бюрократической среды интересамъ государственной службы и разнаго рода пособничествомъ плутократіи, или даже прямо дезертирствомъ на ея службу изъ-за громадныхъ, непосильныхъ для государства окладовъ вознагражденія, премій и иныхъ пріемовъ дѣловаго гонорара.

Далѣе обозначилось торжественное шествіе союзниковъ на подкопы подъ народное благосостоя-

ніе и государственные интересы, при чемъ они не брезгали и простою покупкою на наличныя, или даже на такъ называемыя «промессы», *душъ* живыхъ, но слабыхъ или безсильныхъ предъ соблазнами нужды и обогащенія *); а по взятіи всѣхъ этихъ траншей передъ крѣпостью, именуемою народнымъ благосостояніемъ, послѣдовалъ такой ея штурмъ, подобія которому не найдется во всей исторіи даже крѣпостной, безправной, безсудной Россіи: мелкія казнокрадство и взяточничество быстро поднялись до степени крупныхъ хищеній, а какъ только хищники оперились, хищенія кончились и начался грабежъ.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что русскіе дѣятели на этомъ поприщѣ не своимъ умомъ дошли до той виртуозности въ пріемахъ, которая людей, еле перебивавшихся, быстро превращала въ богачей, разъ они заручались возможностью грабить отечество.

Иниціаторами и учителями въ искусствѣ предавать и продавать интересы Русской земли, закладывать труды нѣсколькихъ поколѣній Русскаго народа Ротшильдамъ и Блехредерамъ, передавать имъ же все добытое на Руси золото—короче сказать, въ разнообразныхъ пріемахъ политико-экономическаго грабительства страны—наставниками и пайщиками нашей плутократіи явились ино-

*) Законъ о несовмѣстительствѣ государственной службы со службою въ лагерѣ, враждебномъ государственнымъ интересамъ—былъ горчицею, поданною не только послѣ ужина, но даже послѣ разъѣзда съ пира участвовавшихъ въ немъ; задача ихъ была выполнена съ замѣчательнымъ успѣхомъ, въ чемъ имѣется оффиціальное удостовѣреніе—всеподданнѣйшій отчетъ г. министра финансовъ за 1886 г., категорически объявлявшій страну *истощенною до послѣдней крайности.*

земцы всѣхъ націй, при чемъ эта лига цѣлую ¼ вѣка держала въ самой тѣсной блокадѣ тѣ наши административныя сферы, откуда могло исходить сознательное или безсознательное пособничество ея вожделѣніямъ.

Двадцать пять лѣтъ такой вакханаліи не могли не отозваться тождественными явленіями и въ остальныхъ слояхъ народа, возбудивъ въ немъ тѣ же вожделѣнія легкой наживы, а разнообразные и разнородные типы самоуправленія, въ которыхъ расплылась вся наша молодая и неопытная общественная жизнь, и которые всѣ были замѣшаны на одной и той же весьма кислой опарѣ безнадзорности, безотвѣтственности и безнаказанности—дали новое направленіе этимъ болѣзненнымъ инстинктамъ, притянувъ къ себѣ нездоровые элементы общества, отравленные эгоистическими вожделѣніями, вдохновляемые многочисленными примѣрами ихъ безумной удачи и поощряемые повсемѣстнымъ торжествомъ принципа *наживы во чтобы то ни стало.*

V.

Самоуправленіе на русской почвѣ.

Объ одномъ изъ выдающихся административныхъ и общественныхъ дѣятелей прошедшаго царствованія существуетъ преданіе, будто онъ, когда ему, въ частной бесѣдѣ, указывали на недостатки, рѣзко бросающіеся въ глаза въ новосозданныхъ реформами общественныхъ учрежде-

ніяхъ, отозвался на эти указанія замѣчаніемъ, что въ то время, когда эти учрежденія задумывались и проектировались, было не до того, чтобы всматриваться во всѣ подробности проектовъ, ибо главныя заботы дѣятелей, трудившихся надъ этими проектами, направлялись не къ тому, чтобы выработать ихъ въ форму наиболѣе совершенную, а лишь къ тому, будто бы, что бы «вырвать согласіе Верховной Власти» на ихъ практическое осуществленіе, какъ будто Верховная Власть смотрѣла на нихъ непріязненно и не сама стремилась къ ихъ введенію въ преобразованную жизнь народа, а лишь допускала оное какъ неизбѣжную уступку чьимъ-то требованіямъ.

Оставляя вопросъ о достовѣрности или апокрифичности помянутой фразы, какъ не имѣющій особой важности, и допуская даже ея подлинность, нельзя не усумниться въ ея правдивости по существу, ибо приписывать Верховной Власти, добрымъ изволеніемъ своимъ освободившей крестьянъ, нежеланіе дальнѣйшихъ преобразованій, необходимо обусловленныхъ крестьянскою реформой и изъ нея проистекавшихъ, и намѣреніе остановиться въ только что начатомъ пути и оставить въ самомъ неопредѣленномъ положеніи весь гражданскій строй государства—было бы противно не только справедливости, но и здравому смыслу.

Самоуправленіе, дарованное вмѣстѣ съ личною свободой освобожденнымъ отъ рабства крестьянскимъ обществамъ, и по требованію справедливости, и по закону государственной гармоніи не могло оставаться привиллегіей одного крестьян-

ства, ибо городскіе обыватели и сословія, и по условіямъ своего быта, и по размѣрамъ платимыхъ ими повинностей, и по своему соціальному положенію имѣли не менѣе, а гораздо болѣе, чѣмъ крестьяне, правъ на него: отсюда сама собою проистекала необходимость распространить удобства самоуправленія и на городскія населенія.

Неменьшія права на него имѣла и вся совокупность населеній того или другаго уѣзда или губерніи: отсюда проистекла необходимость земскихъ учрежденій.

Далѣе, введеніе въ гражданскую жизнь десятковъ милліоновъ безправныхъ дотолѣ рабовъ и предоставленіе имъ всего разнообразія практическихъ профессій и юридическихъ отношеній не могло не поставить на очередь и вопроса объ учрежденіяхъ, регулирующихъ эти отношенія и обезпечивающихъ эти профессіи—а за неспособностью существовавшихъ дотолѣ судебныхъ учрежденій, погрязшихъ въ крючкотворствѣ, ябедничествѣ и взяточничествѣ, къ воспринятію на себя столь высокой и трудной задачи—и вопроса о реформѣ судебной.

Такимъ образомъ крестьянская реформа являлась главнѣйшимъ и первымъ, но только однимъ звеномъ въ длинной цѣпи преобразованій, которая долженствовала плотно охватить весь устарѣвшій и обветшалый, пережившій себя строй нашей гражданской и общественной жизни, безъ того грозившій разсыпаться если не сразу, то по частямъ, и въ своемъ разрушеніи погребсти подъ своими развалинами и тѣ благіе плоды, какіе могли произойти для народа

и государства вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго рабства — и предполагать, чтобъ историческое *благодушіе* Александра II могло остановиться на мысли о возможности сохраненія $^3/_4$ признаннаго негоднымъ внутренняго *statu quo,* значило бы клеветать на его священную для русскаго народа память, равно какъ и на его политическое разумѣніе и государственное благоразуміе.

Не ближе ли къ истинѣ будетъ, напротивъ, мысль, что ободренный великимъ успѣхомъ перваго реформаторскаго опыта, совершившагося въ неожиданномъ порядкѣ и спокойствіи, благодушный Монархъ обнаружилъ крайнюю спѣшность въ этихъ послѣдующихъ, проистекавшихъ изъ первой реформы, преобразованіяхъ, хотя и намѣченныхъ политическими соображеніями, но отнюдь не настоятельно затребованныхъ со стороны тѣхъ сферъ народной жизни, коихъ они касались, тѣхъ сторонъ народнаго быта, къ исправленію коихъ были предназначены? И не этою ли стремительностью преобразовательныхъ трудовъ объясняется и наименьшая, сравнительно съ крестьянскою, успѣшность всѣхъ остальныхъ реформъ, за нею послѣдовавшихъ?

Не оттого ли, напримѣръ, и зависитъ и незначительная плодотворность хотя бы нашего самоуправленія всѣхъ сортовъ и видовъ, а равно и судебныхъ учрежденій, а также и мало замѣтное экономическое и нравственное ихъ воздѣйствіе на народную жизнь, при сравнительномъ обиліи отрицательныхъ результатовъ, проистекшихъ и проистекающихъ изъ ихъ практической дѣятельности?

Въ своемъ мѣстѣ и въ свое время мы укажемъ на эти отрицательные результаты двухъ важнѣйшихъ послѣ крестьянской реформъ прошедшаго царствованія, теперь же долгомъ совѣсти считаемъ заявить откровенно наше личное мнѣніе: и та и другая не удались преимущественно оттого, что первая, т. е. преобразованіе земскаго, городскаго и сословнаго управленія, совершилась безъ надлежащаго соображенія съ практическими обстоятельствами, условіями и нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ той обширной и разнообразной среды, которой она непосредственно касалась, а вторая, т. е. преобразованіе правосудія, осуществилась не столько на основаніи соображеній съ духомъ и характеромъ народа, а равно съ практическими и даже топографическими условіями и особенностями его быта, сколько въ подражаніе готовымъ, совершенно чуждымъ нашей жизни образцамъ, и притомъ образцамъ, которые приняты за совершенство лишь нашими теоретическими мыслителями, а на практикѣ, въ мѣстахъ, откуда они заимствовались, далеко не пользуются престижемъ безупречнаго совершенства, а нѣкоторыми своими подробностями возбуждаютъ даже небезосновательное недовольство.

Что касается судебной реформы, относительно ея мы въ настоящей главѣ этимъ общимъ замѣчаніемъ и ограничимся, имѣя въ виду посвятить ей особую главу; относительно же земскаго, городскаго и сословнаго управленія считаемъ необходимымъ высказаться съ надлежащею обстоятельностью.

Ни въ чемъ съ такою очевидностью не выразились возвышенный идеализмъ благодушнаго реформатора Россіи, его благородное довѣріе къ своему народу, его безграничная преданность принципамъ нравственной свободы, какъ въ учрежденіяхъ крестьянскаго, земскаго, городскаго и сословнаго самоуправленія. Всѣ законоположенія, коими опредѣлялся его практическій распорядокъ въ своихъ подробностяхъ, составлялись какъ бы людьми *не отъ міра сего,* и притомъ въ руководство людей также не отъ міра сего: главнѣйшими гарантіями разнообразныхъ типовъ самоуправленія эти законоположенія признали *разумъ* и *совѣсть* самихъ управляющихся общественныхъ и сословныхъ группъ, руководящимъ началомъ ихъ дѣятельности зиждущееся на этихъ *собирательныхъ* разумѣ и совѣсти право свободнаго *избранія* тружениковъ общаго блага на общественныя должности, а внѣшнимъ регуляторомъ правильности ихъ дѣйствій на этихъ общественныхъ должностяхъ—гласность, предоставленную большинству общественныхъ собраній въ самоуправляющихся группахъ. Въ свое время всѣ эти либеральные устои новаго земскаго, городскаго и сословнаго быта, утвержденные зодчими, не столько знавшими человѣческую природу, сколько вѣрившими въ нее и ея воображаемыя достоинства, были привѣтствованы восторженными гимнами либеральныхъ теоретиковъ, какъ новыя начала, долженствующія преобразитъ нашу родину въ землю, кипящую млекомъ и медомъ.

Къ сожалѣнію, эти либеральные теоретики не сообразили того же самаго, чего не приняли въ

разсчетъ и сами преобразователи: что въ этомъ мірѣ несовершенствъ на каждую кадку меда всегда находится ложка дегтя, которой, притомъ, оказывается вполнѣ достаточно, чтобы испортить весь медъ, и что поэтому задача истинной человѣческой мудрости заключается: 1) въ томъ, чтобы предусмотрѣть роковую ложку дегтя; 2) локализировать ея вліяніе и парализировать ея дѣйствіе для сохраненія, въ возможно не поврежденномъ состояніи, всей кадки съ медомъ.

Въ медовой кадкѣ нашего самоуправленія этою ложкою дегтя, и дегтя весьма неблагоуханнаго, явились: 1) невѣжество массы населенія относительно высокихъ цѣлей, для достиженія коихъ самоуправленіе было даровано ему Верховною Властію; 2) слабость, а всего чаще и полное отсутствіе въ умахъ населенія идеи общаго блага и чувства гражданскаго долга; 3) преобладаніе въ массѣ надъ этими идеею и чувствомъ узкихъ интересовъ эгоистической личной, или, въ лучшемъ случаѣ, частной сословной пользы, и 4) непривычка населеній къ распорядкамъ самоуправленія, объясняемая почти двухсотлѣтнею, по временамъ весьма крутою, административною, полицейскою и помѣщичьею опекой, цѣлые ряды поколѣній воспитывавшей въ однихъ лишь принципахъ подчиненія приказаніямъ начальства или господина и въ полномъ отрицаніи самостоятельности и инициативы.

И вотъ, съ такими-то сильными тормазами должна была, по мысли реформаторовъ, тронуться по пути соціальнаго и экономическаго прогресса громоздкая колесница нашего самоуправленія,

установленная на хрупкія либеральныя рессоры, спереди имѣя два ненадежныхъ колеса въ видѣ коллективныхъ разума и совѣсти, а сзади два еще менѣе надежныхъ, въ видѣ избирательнаго права и гласности. Можно ли удивляться тому, что она за четверть вѣка не только далеко не уѣхала, но еще сбилась съ прямой дороги, застряла въ грязномъ оврагѣ, два переднія колеса потеряла, а заднія привела въ состояніе совершенно непригодное? Не естественнѣе ли было бы удивляться, еслибъ она, наоборотъ, болѣе или менѣе успѣшно подвигалась по прямому пути, и предваряемая и сопровождаемая такими могущественными препятствіями, какъ тѣ, на кои мы указали?

Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, основаніе разсчитывать на быстрый и серьезный успѣхъ земской дѣятельности, когда большинство избирателей не только не спѣшитъ ни заявлять своихъ избирательныхъ правъ, ни пользоваться ими, а зачастую еще открещивается отъ нихъ, какъ отъ лишней заботы? когда большинство даже *гласныхъ*, удостоенныхъ нравственнымъ довѣріемъ своихъ самоуправляющихся обществъ, и обязанныхъ долгомъ присяги къ достодолжному исполненію добровольно принятыхъ гражданскихъ обязанностей, не проявляютъ съ своей стороны даже самой дешевой энергіи не только къ тому, чтобы ознакомиться съ законоположеніями, опредѣляющими ихъ дѣятельность, съ сущностью своихъ правъ и обязанностей, съ содержаніемъ и характеромъ тѣхъ или другихъ подлежащихъ обсужденію и рѣшенію вопросовъ общаго блага, но и къ тому, чтобы аккуратно посѣщать свои обще-

ственныя собранія, и явившись на оныя, по долгу совѣсти трудиться надъ изученіемъ, обсужденіемъ, рѣшеніемъ предлагаемыхъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ, которыя, за ихъ равнодушіемъ и апатіей къ своимъ обязанностямъ, должны по необходимости откладываться, затягиваться и тѣмъ причинять неизбѣжный ущербъ общественнымъ, а слѣдовательно и государственнымъ, и общенароднымъ интересамъ?

Тѣмъ болѣе есть ли основаніе надѣяться на самоуправленіе въ виду того, что, при суммѣ вышеизложенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, ему постоянно грозятъ пронырливыя домогательства то частныхъ сословныхъ интересовъ, то, еще даже горше, личныхъ эгоистическихъ разсчетовъ, представители которыхъ, пользуясь просторомъ, открываемымъ для ихъ поползновеній на общее благо въ силу общественной апатіи къ дѣятельности самоуправленія, безъ особаго труда и хлопотъ заполняютъ собою всѣ его сферы, пробиваются, сквозь равнодушіе общественныхъ дѣятелей, къ самому его кормилу и безпрепятственно направляютъ его, помимо цѣлей законности, общественнаго права и общаго блага, къ достиженію личныхъ цѣлей корысти или честолюбія, то есть цѣлей прямо противоположныхъ интересамъ блага общественнаго?

А сіи послѣдніе, въ связи съ самоуправленіемъ и въ зависимости отъ него, сколь разнообразны, столь же и существенны, и можно сказать безъ преувеличенія, что все и матеріальное, и умственное, и моральное благосостояніе страны ввѣрено самоуправленію: и пути сообщенія, и народное

врачеваніе, и элементарное образованіе городскихъ и сельскихъ населеній, и податное обложеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, и ихъ экономическое состояніе и преуспѣяніе, и общественное призрѣніе неспособныхъ къ труду, и торговля и промыслы, и даже правосудіе какъ сельскихъ, такъ и городскихъ жителей — что сполна, что частію, что слегка, но — зависятъ и въ своемъ бытіи, и въ своемъ качественномъ и количественномъ состояніи отъ самоуправленія, представляемаго въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ думами, городскими управами и сословными управленіями, въ сельскихъ мѣстностяхъ наибольшей половины Европейской Россіи — земскими собраніями и управами.

И вотъ, изъ сопоставленія этой массы вопіющихъ общенародныхъ интересовъ, покоящихся въ лонѣ самоуправленія, съ тою глубиною равнодушія, какое доселѣ проявляютъ населенія къ его дѣятельности, и обнаруживается если не его мертворожденность, какъ многіе тщатся доказать, то во всякомъ случаѣ его недоношенность, а въ его реальной постановкѣ — непрактичность.

Въ разнообразной до безконечности сферѣ практической жизни бываютъ положенія, существуютъ распорядки, встрѣчаются учрежденія, или сами себя пережившія, т. е. переставшія быть нужными и полезными для населенія, или прямо для него стѣснительныя и тягостныя по несоразмѣрности приносимой ими пользы ни съ ихъ стоимостью, ни съ суммою налагаемыхъ ими на населеніе стѣсненій: уничтоженіе или преобразова-

ніе такихъ положеній, распорядковъ, учрежденій всегда встрѣчается населеніемъ, не смотря на его прославленныя косность, невѣжество и апатію, сочувственно и сопровождается его повседневной благодарностью и благословеніями. За примѣрами ходить недалеко: не говоря уже о крестьянской реформѣ, извѣстно, какъ народъ принялъ преобразованіе воинской повинности; нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ благодарностью встрѣтитъ цѣлые десятки лѣтъ ускользающую отъ осуществленія реформу никого ни отъ чего не гарантирующей паспортной системы, или, напримѣръ, въ столицахъ тоже никого ни отъ чего не обезпечивающей полицейской прописки видовъ, подобно тому какъ встрѣтило столичное простонародье отмѣну бумажно-канцелярской волокиты по выправкѣ такъ называемыхъ адресныхъ билетовъ, *raison d'être* которыхъ и состоялъ-то всего только въ уплатѣ рублеваго больничнаго налога, при чемъ уплата эта связывалась съ потерею наличными расходами и прогуломъ рабочаго времени на сумму большую этой, или уже никакъ не меньшую.

Съ другой стороны, бываютъ положенія, для населеній столь невыносимыя, что для избавленія отъ нихъ встрѣчается надобность въ созданіи новыхъ учрежденій, хотя бы и связанныхъ съ лишнимъ матеріальнымъ отягощеніемъ народа, и всѣ такія учрежденія, не смотря на связанный съ ихъ существованіемъ небывалый прежде расходъ, населенія принимаютъ съ тѣмъ же сочувствіемъ и благодарностью. Извѣстно, какъ народъ отнесся къ новосозданному институту сельскихъ уряд-

никовъ, предугадывая въ его учрежденіи, сквозь временную и случайную недоброкачественность его личнаго состава, первый шагъ къ водворенію расшатаннаго въ сельскихъ мѣстностяхъ порядка; извѣстно, какъ благомыслящее большинство населеній отнеслось къ учрежденному въ концѣ минувшаго царствованія, подъ тягостнымъ давленіемъ политическаго террора, положенію усиленной охраны, и въ частности мы, москвичи, помнимъ всеобщее радостное изумленіе жителей по поводу глухихъ переулковъ, сразу сдѣлавшихся безопасно проходимыми и темною ночью, какъ днемъ, и по поводу очищенія улицъ и площадей въ вечернее время отъ шаекъ праздношатающейся гулящей сволочи, хотя эта усиленная охрана и обошлась одному городу Москвѣ, и продолжаетъ обходиться въ нѣсколько лишнихъ милліоновъ руб. ежегоднаго расхода.

Наконецъ, администрація Нижегородской ярмарки за послѣдніе годы въ высшей степени успѣшно соперничаетъ на поприщѣ правосудія съ судебно-мировымъ институтомъ посредствомъ учреждаемаго ею на ярмарочное время полицейскаго суда: нужно видѣть, какою толпой, за этотъ почти 2-мѣсячный сезонъ, ломятся ярмарочные гости въ этотъ временный пріютъ Ѳемиды, и какое запустѣніе, параллельно съ этимъ оживленіемъ въ судѣ полицейскомъ, царитъ за все это время въ камерахъ мироваго суда, чтобъ убѣдиться, что населенія наши отнюдь не апатичны и не равнодушны къ тому, что прямо задѣваетъ ихъ интересы, и не замедляютъ въ своемъ сочувствіи тѣмъ учрежденіямъ и мѣро-

пріятіямъ, кои, въ ихъ глазахъ и понятіяхъ, не противорѣчатъ имъ, а ихъ обезпечиваютъ, хотя бы даже такими учрежденіями и мѣропріятіями нарушалось обычное теченіе повседневной жизни и съуживались общепризнанныя прерогативы гражданской свободы частныхъ лицъ.

На той же Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ полицейскій судъ временно упраздняетъ утонувшую въ канцелярщинѣ, неповоротливую Ѳемиду общихъ судебно-мировыхъ учрежденій, администрація, по соображеніямъ исключительнаго положенія, возстановляетъ римскую цензуру нравовъ, воскрешая суровыхъ ликторовъ съ ихъ розгами, и населеніе съ признательностью изъ устъ въ уста передаетъ о совершающихся изрѣдка фактахъ болѣе или менѣе чувствительнаго тѣлеснаго наказанія, которому эта цензура подвергаетъ гражданъ, отличившихся особеннымъ неуваженіемъ къ требованіямъ благочинія, порядка и законности.

Короче сказать — народъ, какъ и всякій живой организмъ, не можетъ не быть чувствителенъ къ тѣмъ или другимъ на него вліяніямъ и не относиться къ благопріятнымъ изъ нихъ — сочувственно, къ неблагопріятнымъ для него — непріязненно, и съ этой точки зрѣнія весьма поучительно его *отношеніе* къ самоуправленію во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ, отношеніе, сказывающееся чаще всего непобѣдимымъ *равнодушіемъ* и *безучастностью*, иногда добродушною *насмѣшливостью*, а изрѣдка даже и злымъ *сарказмомъ*, и еще поучительнѣе *постоянство* такого отношенія, продолжающагося безъ измѣненій ровно четверть вѣка.

И ни близкое соприкосновенiе сферъ самоуправленiя съ различными сферами населенiя, ни полная зависимость отъ него разнообразныхъ народныхъ нуждъ и интересовъ, ни изрѣдка встрѣчающiеся примѣры образцовой его дѣятельности на пользу населенiя — не могли ни побороть этого равнодушiя, ни измѣнить этого неблагопрiятнаго воззрѣнiя: отчего бы это? отчего бы это избирательнымъ собранiямъ и земскихъ учрежденiй, и городскихъ, даже столичныхъ думъ, и сословныхъ, даже столичныхъ обществъ — изображать собою и теперь ту же пустыню, какую они представляли въ первые дни нашего самоуправленiя? Отчего бы засѣданiямъ земскихъ собранiй, городскихъ и даже столичныхъ думъ и сословныхъ обществъ и теперь, также какъ четверть вѣка назадъ, страдать тѣмъ же дефицитомъ гласныхъ, который вынуждаетъ таскать ихъ чуть не за полы и не подъ конвоемъ на обсужденiе вопросовъ общаго *интереса?*

Интересъ во всѣ времена и во всѣхъ положенiяхъ великое слово и дѣло: когда два, три и т. д. торговыхъ или промышленныхъ труженика приходятъ къ убѣжденiю, что соединенными силами они могутъ достигать лучшихъ результатовъ, нежели по одиночкѣ, они *естественнымъ* путемъ, безъ какихъ-либо съ чьей бы то ни было стороны принужденiй и рекомендацiй, образуютъ изъ себя товарищество; что такiе *естественные* торговые и рабочiе союзы дѣло и умное, и полезное, и народу понятное, любимое имъ и среди него популярное — это блистательно подтверждается какъ многочисленностью среди него всевозмож-

ныхъ артелей, такъ и по истинѣ изумительною порядочностью и добросовѣстностью, коими славятся всѣ эти учрежденія и въ разсужденіи взаимныхъ между ихъ членами отношеній, и въ разсужденіи ихъ дѣловыхъ отношеній съ своими кліентами.... Но это прекрасное практическое учрежденіе могло ли бы являться таковымъ, когда бы оно организовалось *насильственно* или *искусственно,* когда бы, напримѣръ, каждому торговцу и промышленнику ставилось въ обязанность торговать и промышлять *только* въ составѣ какой-либо артели, или вступленіе въ артели поощрялось бы какими-нибудь искусственными мѣрами? Едвали; всего вѣроятнѣе въ этомъ случаѣ была бы полнѣйшая деморализація артелей и паденіе артельнаго начала въ торговлѣ и промышленности.

А между тѣмъ всѣ притоны нашихъ самоуправленій такъ именно и явились на свѣтъ насильственно организованными, вызванными къ бытію одной теоріей, совершенно готовыми на подобіе гоголевскаго Акакія Акакіевича, который, по мнѣнію своихъ сослуживцевъ, такъ и родился на свѣтъ совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ, или, еще лучше, на подобіе большинства европейскихъ политическихъ конституцій, навязанныхъ народамъ и народцамъ не спросясь ихъ надобностей и желаній, преимущественно по требованіямъ политической моды, навѣянной теоретическими ученіями нѣсколькихъ утопистовъ, или, наконецъ, на подобіе многихъ положеній и статей нашего же свода законовъ, не истекшихъ ни изъ основы народныхъ воз-

зрѣній и обычаевъ, ни изъ практики повседневнаго народнаго быта, навязанныхъ народу единственно по милости составителей свода, и большею частію просто выписанныхъ изъ чуждыхъ намъ законодательствъ, а потому и остающихся доселѣ мертвою буквой вопреки обоимъ золотымъ правиламъ: что всуе законы писать, ежели оные не исполнять, и что незнаніемъ законовъ оправдываться нельзя.

Появленіе этого новаго, непрошеннаго народомъ, чуждаго его понятіямъ и привычкамъ парламентарнаго законодательства сельскихъ и городскихъ конституцій, особенно чуть не на другой день по освобожденіи рабовъ съ пожалованіемъ имъ правъ свободнаго гражданства, для безпристрастнаго наблюдателя носитъ характеръ просто даже комичный: не успѣли десятки милліоновъ безправныхъ существъ вольно вздохнуть, не успѣли надышаться опьяняющимъ воздухомъ личной свободы, какъ правительство опрокидываетъ на ихъ головы, а вмѣстѣ и на головы недалеко въ соціальномъ отношеніи опередившихъ ихъ горожанъ, громоздкую тяжесть свободы общественной, въ видѣ права самопроизвольно вѣдать свое общее хозяйство, свои средства и доходы, свои нужды и потребности матеріальныя и интеллектуальныя, и даже чинить судъ и расправу, само устраняясь отъ всякаго почти вмѣшательства въ ихъ по всѣмъ этимъ сторонамъ жизни дѣятельность и оставляя за собою лишь право скорѣе платоническаго, нежели дѣйственнаго верховнаго за нею надзора!

Единственное оружіе, которымъ оно при этомъ благословило свободныхъ гражданъ на свободную

общественную дѣятельность — были избирательныя права, пользуясь которыми *разумно* и *добросовѣстно*, граждане и долженствовали постоянно сами себѣ обезпечивать безостановочное, безпрепятственное и безпечальное теченіе общественной жизни.

Такимъ образомъ вся философія самоуправленія сводилась, въ сущности, къ одной лишь удачѣ выборовъ: посчастливилось той или другой земской, городской или сословной избирательной группѣ не ошибиться въ *выборѣ* дѣльцовъ, и слава Богу — дѣла могутъ идти болѣе или менѣе успѣшно, а ошибки въ ихъ веденіи ограничиваться случайностями и оплошностями. *Неудаченъ* выборъ, т. е. дѣльцы оказались или малоспособными, или недобросовѣстными — и дѣла останавливаются въ своемъ теченіи или же принимаютъ невѣрное и невыгодное направленіе, а въ послѣднемъ случаѣ и намѣренно направляются не къ общественнымъ пользамъ и истиннымъ цѣлямъ самоуправленія, а къ эгоистическимъ выгодамъ недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, хотя бы цѣною общественнаго разоренія.

И если кто-либо изъ отдѣльныхъ гражданъ той или другой избирательной группы, во-время замѣтивъ это незаконное и гибельное направленіе общественныхъ дѣлъ, вооружился бы гражданскимъ долгомъ и поспѣшилъ съ энергическими мѣрами предупрежденія, его энергія вся неминуемо пропала бы даромъ: коллективные разумъ и совѣсть общественныхъ собраній, какъ учитъ 25-лѣтній опытъ, оказываются въ такихъ случаяхъ — первый черезъ чуръ близорукимъ,

вторая — неразборчивой, и оба крайне неповоротливыми, а помимо безплоднаго обращенія къ нимъ не существуетъ и вовсе никакихъ средствъ къ исполненію подобнаго гражданскаго долга, ибо обращеніе къ администраціи оказалось бы празднымъ, за неимѣніемъ и въ ея рукахъ сколько-нибудь дѣйствительныхъ и быстрыхъ средствъ къ охраненію самоуправляющагося общества отъ грозящихъ ему злоключеній, обращеніе же къ общему правосудію можетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда недобросовѣстные дѣльцы самоуправленія проворовываются до очевидной, вопіющей уголовщины, да и въ этомъ исключительномъ случаѣ уголовщина накрываетъ ихъ не иначе, какъ съ согласія всей избирательной группы, призвавшей ихъ къ дѣятельности.

Безъ этого условія самый распущенный нерадивецъ общаго блага, самый безсовѣстный обманщикъ общественнаго довѣрія, самый отъявленный врагъ общественнаго интереса не могутъ быть даже и преданы въ руки правосудія.

Различныя области нашего самоуправленія и столичнаго, и городскаго, и сословнаго, и земскаго, и крестьянскаго за все 25-лѣтіе ихъ существованія на каждомъ шагу даютъ поразительные факты и нерадѣнія объ общественныхъ интересахъ, и злоупотребленія ими для личныхъ цѣлей, и прямаго расхищенія общаго достоянія личною корыстью его выборныхъ распорядителей и приставниковъ — факты несомнѣнные, неопровержимые, безспорные. Между тѣмъ не было почти случаевъ, когда бы виновники ихъ были своевременно остановлены и пре-

даны правосудію, а когда даже и это случалось — или выходили сухими изъ воды, или испытывали пріятную судьбу крыловскихъ медвѣдя и щуки, тогда какъ, одновременно съ тѣмъ, отъ общественныхъ интересовъ и достоянія оставались или одни пустые сундуки (что еще милость Божія!), или (что, конечно, много хуже), рядомъ съ этими сундуками, громадныя цифры общественныхъ долговъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ этихъ случаяхъ, конечно, всего хуже: это—постепенное растлѣніе населеній ядомъ деморализаціи, который, гибельно разливаясь въ общественномъ сознаніи, воспитываетъ въ немъ пагубную, но твердую мысль о безнаказанности самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, если они касаются области самоуправленія.

Факты такого рода съ первыхъ же дней самоуправленія заявляются ежедневно на всѣхъ перекресткахъ, глядятъ изъ каждаго нумера любой газеты, и всему нашему земскому, крестьянскому, городскому и сословному парламентаризму сообщаютъ въ высшей степени непривлекательную окраску, характеръ коей выражается *безконтрольностью, безотвѣтственностью* и *безнаказанностью,* оправдывая такимъ образомъ настойчивое, упорное къ нему равнодушіе и нерасположеніе населеній, и въ свою очередь привлекая къ нему въ особомъ изобиліи людей безъ прочныхъ общественныхъ принциповъ, но съ опредѣленными цѣлями личнаго эгоизма или честолюбія, спекулянтовъ на общественное довѣріе, а затѣмъ и достояніе—спекулянтовъ, недостойную алчность или честолюбивыя вожделѣнія прикрывающихъ лицемѣрнымъ безкорыстіемъ и фарисейскою заботливостью о благѣ общественномъ.

Подъ тлетворнымъ воздѣйствіемъ этого гражданскаго отребья наши самоуправляющіеся конституціонные парламенты превратились въ безцѣльныя и безсмысленныя говорильни, лишенныя всякаго практическаго вліянія на подлежащія ихъ вѣдѣнію, надзору, обсужденію и рѣшенію дѣла и въ большинствѣ случаевъ замѣненныя прежней канцелярщиной; честные общественные дѣятели вынуждены уступить свое мѣсто *общественнымъ аферистамъ;* общественный разумъ не возвышается до единодушной борьбы съ послѣдними, ограничиваясь безсильными единичными протестами; общественная совѣсть дремлетъ, убаюкиваемая ихъ льстивыми обѣщаніями да дешевымъ ораторскимъ краснобайствомъ, а они, эти незаконныя дѣти избирательныхъ ошибокъ, обязанные своими успѣхами въ крестьянскомъ, земскомъ и городскомъ парламентаризмѣ прискорбнымъ теоретическимъ промахамъ земскаго и городоваго законодательства, отнюдь не признавая своего положенія прочнымъ, торопятся, пока не отстранены отъ дѣловыхъ сферъ самоуправленія, наверстать возможныя неудобства этого послѣдняго случая заблаговременно, путемъ самыхъ неразборчивыхъ аферъ за счетъ общественнаго довѣрія и самыхъ незастѣнчивыхъ плагіатовъ общественнаго достоянія.

Вся совокупность этихъ обстоятельствъ способна лишь окончательно подорвать и безъ того невысокій общественный кредитъ, какимъ наше самоуправленіе располагаетъ, что несомнѣнно и послѣдуетъ, если правительство не поспѣшитъ вырвать его изъ рукъ той нравственно нечисто-

плотной и матеріально ненасытной клики, которая почти повсемѣстно успѣла овладѣть его кормиломъ. . . .

Достигнуть этого вовсе ужъ не такъ трудно, какъ думаютъ: если отъ трехъ неблаговидныхъ терминовъ, опредѣляющихъ теперешній характеръ самоуправленія, отнять отрицательные предлоги, поставивъ его подъ аппаратъ неумолимо безпристрастнаго контроля, а дѣятелей его поставить въ прочныя рамки строгой отвѣтственности и всякое выступленіе изъ этихъ рамокъ быстро карать чувствительными, хотя бы драконовскими наказаніями—для нашего самоуправленія было бы обезпечено возрожденіе къ новой жизни, ибо разбойникамъ самоуправства, мошенникамъ парламентаризма не осталось бы въ немъ дѣла, а ихъ пустыя мѣста не замедлили бы занять честная дѣловитость и общественная добросовѣстность. Тогда бы не замедлили измѣниться и воззрѣнія на него народа, который, наконецъ, быть можетъ и подарилъ бы ему свои симпатіи.

VI.

Практика самоуправленія.

Замѣчателенъ фактъ того однообразія, того, можно сказать, единодушія, съ какимъ всѣ безъ различія наши самоуправляющіяся общества и сословія (за исключеніемъ дворянскаго), въ своей практической дѣятельности, вотъ уже въ теченіе цѣлой четверти вѣка напрягаютъ свое усердіе

къ тому, чтобы всѣмъ направленіемъ и всѣми частными подробностями этой дѣятельности неопровержимо *доказать правительству*, что установленныя имъ формы самоуправленія вовсе не соотвѣтствуютъ ни потребностямъ общества и народа, ни идеѣ общаго блага, ни даже соображеніямъ общенародной гражданской нравственности.

О крестьянскомъ самоуправленіи съ этой точки зрѣнія нечего особенно и распространяться: сельскимъ обществамъ освобожденныхъ крестьянъ оно и не *даровано* было, а просто *предписано* Положеніями 19 февраля, какъ эквивалентъ упраздненной помѣщичьей власти, и притомъ такой, который не требовалъ отъ казны никакихъ затратъ на его осуществленіе. Само собою разумѣется, что вчерашніе рабы и не могли отнестись къ своему самоуправленію ни сколько-нибудь сознательно, ни разумно, ни дѣятельно: съ пассивною покорностью они приняли это право избранія для себя ближайшихъ управителей изъ своей среды, какъ лишнюю повинность, равно какъ и сами избираемые взирали на свой свободный общественный трудъ какъ на лишнее бремя, долженствующее оплачиваться, такъ или иначе, тѣмъ обществомъ, которое ставитъ ихъ на этотъ трудъ.

Съ своей стороны и низшая полицейская администрація, вѣдавшая крестьянскую среду, вообще равнодушная къ функціямъ ея самоуправленія, поставлена была въ непосредственныя отношенія къ его главарямъ, въ лицѣ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, на почвѣ исключительно фискальнаго интереса, и ихъ нравственныя и

практическія достоинства измѣряла единственно степенью аккуратности и исправности ихъ обществъ во взносѣ податей и уплатѣ недоимокъ. Какъ, за симъ, они дѣйствуютъ въ другихъ сферахъ крестьянскаго самоуправленія, заботливо ли относятся къ нуждамъ своихъ избирателей, оправдываютъ ли своею о нихъ попечительностью выразившееся ихъ избраніемъ общественное къ нимъ довѣріе, или же, напротивъ, возбуждаютъ противъ себя справедливое недовольство и ропотъ крестьянъ—до этого, собственно говоря, было мало дѣла и прежнимъ мировымъ посредникамъ, равно какъ и послѣдующимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, а тѣмъ паче исправникамъ и становымъ съ урядниками.

Имѣя въ своихъ рукахъ привычныя и излюбленныя средства внушенія, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій и даже ареста, и дополняя ихъ, при случаѣ, собственноручною расправой, издавна практиковавшейся въ сношеніяхъ низшей администраціи съ простонародьемъ, земская полиція, конечно, не могла стѣснять себя въ употребленіи этихъ средствъ и по отношенію къ старшинамъ и старостамъ, когда эти послѣдніе своею дѣйствительною или невольною нерадивостью о казенномъ интересѣ ставили ее самое въ затруднительное положеніе предъ высшими начальственными инстанціями, возбуждая тѣмъ въ ней противъ себя если и не всегда справедливое, то вполнѣ естественное неудовольствіе и раздраженіе.

Это обстоятельство, въ связи съ непривычкой къ избирательной формѣ управленія, сразу

замѣнившей единоличную, патріархальную, безконтрольную и безаппелляціонную власть помѣщичью, естественно располагало лучшую, домовитѣйшую и наиболѣе добропорядочную часть крестьянства удаляться по возможности отъ личнаго участія въ самоуправленіи, облегчая тѣмъ самымъ доступъ къ нему людей, искавшихъ выборной службы не изъ платоническаго сочувствія къ общему благу, а изъ личныхъ цѣлей корысти, изъ стремленія къ ловлѣ рыбы въ мутной водѣ крестьянскаго невѣжества и простодушія.

При наличности этихъ двухъ условій и безъ того, по самой законодательной постановкѣ своей, довольно мутная вода крестьянскаго самоуправленія не замедлила обратиться въ грязную лужу, надъ которой распоряжались алчныя шайки рыболововъ въ лицѣ выборныхъ управителей, изъ среды коихъ, съ теченіемъ времени, и образовалось ядро теперешняго крестьянскаго кулачества, столь пышнымъ и ядовитымъ цвѣтомъ расцвѣтшаго за послѣдніе годы и почти заглушившаго собою добрые всходы, посѣянные на народной нивѣ освободительною рукой.

Само собою разумѣется, что благія намѣренія, руководившія учредителями крестьянскаго самоуправленія, такъ намѣреніями и остались, и крестьянская конституція дальше Положеній 19 февраля не пошла, а если и пошла, то въ отрицательномъ направленіи: волостные старшина и писарь являются самодержавными властителями волости, волостные сходы декораціями ихъ деспотическихъ рѣшеній, волостные суды съ ихъ обычнымъ правомъ организованною насмѣшкой надъ

правосудіемъ и энергическимъ подспорьемъ питейной торговли, а сельскіе старосты въ своихъ углахъ миніатюрными копіями волостныхъ старшинъ.

Вопіющее самоуправство, безконтрольность поборовъ и распоряженій, произволъ въ расходованіи мірскихъ суммъ, повсемѣстныя растраты ихъ или недочеты, всевозможныя злоупотребленія волостныхъ старшинъ и писарей—вотъ обычныя черты, повседневныя и повсемѣстныя явленія крестьянскаго самоуправленія, никакою своею стороной, кромѣ платежа податей и недоимокъ, никого непосредственно не интересующаго, никѣмъ обязательно не надзираемаго, никѣмъ тѣмъ болѣе не контролируемаго и ни предъ кѣмъ, кромѣ равнодушныхъ къ нему избирателей, не отвѣтственнаго.

Что мудренаго, если такое самоуправленіе не пользуется народными симпатіями, а его представители, хотя бы и выборные, и даже тѣмъ паче, что они выборные, въ народномъ сознаніи успѣшно соперничаютъ съ земскими ярыгами и ярыжками до-Петровской Руси, если титулъ волостнаго старшины, волостнаго писаря, сельскаго старосты и т. д., вмѣсто подобающаго ему почтенія, вызываетъ въ умахъ народа или добродушное презрѣніе, или простодушную зависть, и если сами обладатели этихъ титуловъ, смиренно сознавая отсутствіе къ нимъ народнаго благорасположенія и примиряясь съ несочувственнымъ къ себѣ отношеніемъ населеній, находятъ въ этомъ только лишнее побужденіе вознаграждать себя, за этотъ нравственный ущербъ, матеріальными выгодами, зиждущимися на притѣсненіяхъ,

обманахъ и разореніи того же простодушнаго народа?

Что касается земскаго самоуправленія, то чрезъ всю его 25-лѣтнюю исторію, по бѣлому фону земскихъ учрежденій черными, грязными пятнами проходятъ: 1) тупое равнодушіе массы населеній къ дѣятельности земствъ; 2) корыстолюбивыя вожделѣнія меньшинства ихъ относительно участія въ такъ называемомъ земскомъ пирогѣ, и 3) обусловливаемая этими же вожделѣніями борьба партій, знаменующая себя такими явленіями, которыя имѣютъ очень мало общаго съ понятіями о гражданской добросовѣстности, и очень близко подходятъ подъ различныя статьи уголовнаго кодекса.

Равнодушіе населеній къ различнымъ функціямъ земскаго самоуправленія простирается до размѣровъ истинно баснословныхъ, и примѣры, въ которыхъ оно выражалось, могли бы показаться совершенно невѣроятными, еслибы, къ прискорбію, не были занесены на историческія скрижали земскихъ учрежденій.

Кто бы, напримѣръ, могъ повѣрить скорбной повѣсти о такихъ земскихъ собраніяхъ, на которыхъ, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, предстояло избрать изъ цѣлой сотни крупныхъ землевладѣльцевъ 30 гласныхъ, а явилось изъ всей этой сотни лишь 27 человѣкъ, такъ что имъ и пришлось, безъ всякихъ избирательныхъ манипуляцій, объявить всѣхъ себя гласными, оставшись, впрочемъ, и послѣ того съ—3? А между тѣмъ, по свидѣтельству земскихъ лѣтописей, этотъ

случай имѣлъ мѣсто, въ 80-хъ, кажется, годахъ въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

Въ исторіи Сердобскаго земства извѣстенъ случай, когда масса землевладѣльцевъ слишкомъ въ 250 чел. высылала на избирательное собраніе сначала по 45 избирателей, а потомъ ограничилась цифрой въ 27 человѣкъ.

Не менѣе любопытные эпизоды въ этомъ смыслѣ извѣстны изъ исторіи земствъ: Воронежскаго, гдѣ однажды земское собраніе вовсе не состоялось за дефицитомъ гласныхъ, и Херсонскаго, гдѣ былъ случай, что прибывшіе на губернское земское собраніе гласные, не дожидаясь окончанія сессіи, поразъѣхались, оставивъ всего 16 человѣкъ. Въ Казани одно земское собраніе привлекло на засѣданіе всего 20 гласныхъ, и притомъ столь ненадежныхъ, что изъ нихъ четверо не замедлили выбыть изъ засѣданія, оставивъ товарищей, по выраженію избирательнаго жаргона, *не въ числѣ*. Надежды земцевъ перенеслись на слѣдующій день, но оказались тщетными, такъ какъ и всего-то прибыло гласныхъ 12 чел., и собраніе такъ и не могло состояться.

Въ Вяткѣ былъ случай, живописующій крайнее *упорство* присяжныхъ представителей земскаго самоуправленія въ нерадѣніи о своихъ обязанностяхъ: на одно изъ земскихъ собраній гласные собирались въ теченіе цѣлой недѣли въ одномъ неизмѣнно-недостаточномъ, къ тому же несчастномъ числѣ 13 человѣкъ, и если этотъ скорбный листъ земскаго равнодушія къ своему самоуправленію дополнить комическимъ фактомъ, совершившимся въ Симферопольскомъ земствѣ,

гдѣ однажды былъ избранъ въ гласные земскаго собранія мертвецъ, давно покоившійся вѣчнымъ сномъ на мѣстномъ кладбищѣ—эскизъ для картины самоуправляющейся земской Руси будетъ набросанъ достаточно.

Для дальнѣйшей отдѣлки этой картины какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, богатый матеріалъ представляютъ лѣтописи внутренней жизни земствъ, изъ которыхъ мы узнаемъ факты еще болѣе предыдущихъ поразительные. Они свидѣтельствуютъ, что, за равнодушіемъ всего населенія къ земскому самоуправленію, и пользуясь этимъ равнодушіемъ, смѣтливое меньшинство его, бросившееся на арену земской дѣятельности ради цѣлей личной корысти, опрокинуло кверху дномъ не только идеальныя упованія, возлагавшіяся на самоуправленіе при введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, но и самый смыслъ и букву послѣднихъ, не ограничивая, при томъ, своего произвола надъ земскимъ достояніемъ ни соображеніями приличія и порядочности, ни требованіями здраваго смысла, ни даже общими рамками законности.

Такъ напримѣръ, на первыхъ же дняхъ новосозданныхъ учрежденій обнаружились чудовищныя по своей патріархальности злоупотребленія земскимъ достояніемъ со стороны дѣятелей, ставшихъ къ нему болѣе или менѣе близко: то, напримѣръ, обнаружится, какъ это было, помнится, въ одной изъ сѣверныхъ губерній, что предсѣдатель земской управы пускаетъ въ свой торговый оборотъ содержимое земскаго сундука, наживая при этомъ барыши ко-

нечно не въ этотъ пустой сундукъ, а въ свои карманы, и рискуя, въ несчастномъ случаѣ, потерять въ своихъ неудачахъ и земское достояніе; а то, еще лучше, какъ это было въ Перекопскомъ земствѣ, 'одинъ изъ дѣльцовъ управы уличается въ томъ, что, намѣренно и безпричинно задерживая жалованье служащихъ, суммы, долженствовавшія быть розданными въ видѣ этого жалованья имъ же, пользуясь ихъ крайностью, ссужалъ заимообразно за высокіе %, удерживая, конечно, эти % въ свою, а не земскую пользу.

Красноуфимское земство, параллельно съ отказомъ въ средствахъ на школы, назначаетъ щедрую награду предсѣдателю и членамъ управы (первому въ 500 р., послѣднимъ по 200 р. каждому) за то только, что они исполнили постановленіе собранія о раздачѣ крестьянамъ ссуды изъ земскихъ средствъ.

Балашевское земство, параллельно съ щедрыми наградами предсѣдателю управы (1000 р.), канцелярскимъ управы (720 р.) и завѣдующему городскимъ (?) училищемъ (600 р.), обходитъ своимъ сердобольнымъ вниманіемъ всѣхъ сельскихъ учителей, т. е. тружениковъ на пользу земства, наиболѣе стѣсненныхъ въ средствахъ и нуждающихся и въ нравственномъ и въ матеріальномъ поощреніи. А Днѣпровское земство и еще лучше отличилось, пожертвовавъ изъ земскихъ денегъ 500 р. на покупку серебрянаго блюда для поднесенія альбома мѣстному предводителю дворянства, по случаю оставленія имъ этой должности!

Въ Яранскомъ земствѣ, при взиманіи 3-копѣечнаго сбора за каждый рецептъ съ лицъ, обра-

щающихся къ услугамъ земской медицины—при такой, слѣдовательно, скаредности въ денежныхъ разсчетахъ, земскіе дѣльцы являли чрезмѣрную щедрость по отношенію къ себѣ и своимъ, предоставляя земскія стипендіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ не иначе, какъ дѣтямъ должностныхъ и служилыхъ лицъ земства.

Новоузенское земство еще лучше щегольнуло въ этомъ направленіи, назначивъ предсѣдателю своей управы, въ пособіе на воспитаніе дѣтей, по 500 р. въ годъ, а одному изъ ея членовъ—на тотъ же предметъ по 600 р.

Находились земства, которыя обнаруживали нарочитое педагогическое рвеніе, ассигнуя земскія средства на основаніе гимназій, прогимназій и иныхъ учебныхъ заведеній, какъ разъ одновременно съ поднятіемъ педагогическихъ требованій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа: кому бы могло придти въ голову, что въ этихъ случаяхъ гг. земцы хлопочутъ не о насажденіи просвѣщенія въ районѣ своей дѣятельности, а объ удобствахъ своихъ ребятъ, которымъ не подъ силу пришлись новые порядки и программы общихъ учебныхъ заведеній?

А между тѣмъ въ Лохвицкомъ земствѣ обнаружилась именно эта подкладка земскаго педагогическаго усердія: между земцами проявилось даже разногласіе о томъ, для какого пола дѣтей учреждать прогимназію, мужскаго или женскаго, при чемъ, естественно, отцы семействъ, изобиловавшихъ мальчиками, отстаивали мужскую прогимназію, а ожесточенными пропагато-

рами женскаго просвѣщенія оказывались счастливые производители прелестнаго пола.

Вообще гг., успѣвшіе такъ или иначе, какъ говорится на дѣловомъ жаргонѣ, примазаться къ земскому сундуку или присосаться къ земскому пирогу, въ собственныхъ интересахъ озабочивались возможнымъ разнообразіемъ начинки, которая шла на приготовленіе этого лакомаго пирога. Чѣмъ разбросаннѣе предметы земскаго вѣдѣнія, чѣмъ разнообразнѣе предметы дѣловыхъ отношеній и земскихъ заботъ, тѣмъ удобнѣе для большинства земскихъ дѣльцовъ этого типа достиженіе намѣченныхъ ими цѣлей, на подобіе того, какъ кухаркѣ, нечистой на руку, чѣмъ въ большемъ количествѣ лавокъ придется побывать за провизіей, тѣмъ больше останется барыша изъ хозяйскихъ денегъ. Очевидно въ этихъ, затаенныхъ въ глубинѣ земско-дѣловой души, соображеніяхъ, иные земцы, перепробовавъ всевозможные сорта начинокъ для земскаго пирога, включая и педагогическую — додумались даже до строительной, какъ представляющей наибольшую широту и свободу дѣйствій—и ухлопали болѣе или менѣе прочно земскіе капиталы, и даже опутали земства тягостными долгами, устраивая для земскихъ управъ съ ихъ канцеляріями собственные дома въ малодоходныхъ губернскихъ и вовсе бездоходныхъ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ, за счетъ этихъ же самыхъ строительныхъ расходовъ, уже въ личную собственность пріобрѣтая земли и иныя недвижимыя собственности, обезпечивавшія болѣе или менѣе хорошій и вѣрный доходъ.

Кишмя кишащія этою тлей земскія самоуправленія не могли уже держаться и на высотѣ даже внѣшняго благоприличія и порядочности въ своихъ дѣйствіяхъ: скандалы, достойные частію грязныхъ трактировъ, частію мрачныхъ притоновъ невѣжества, ознаменовали публичную дѣятельность многихъ земскихъ собраній, и между прочимъ Хорольскаго, Чухломскаго, Котельническаго, Дмитріевскаго, Рыльскаго, Льговскаго, Белебеевскаго, Сарапульскаго, Аткарскаго и др.

Вотъ, напримѣръ, предсѣдатель Хорольскаго земскаго собранія, во чтобы то ни стало желающій выкинуть вонъ одного изъ гласныхъ, оказывающаго понятную неуступчивость такому желанію—и въ публичномъ засѣданіи представителей самоуправленія разыгрывается скандалъ чуть не съ площадными ругательствами.

Или вотъ, напримѣръ, разсужденія Чухломскихъ земцевъ о безполезности санитарныхъ мѣръ и о цѣлесообразности, для оздоровленія гнилыхъ колодцевъ, поливанія ихъ Богоявленскою святою водой; или Котельническія земскія разсужденія объ улучшеніи скота и о жеребцахъ - производителяхъ, направленныя предсѣдателемъ намѣренно къ тому, чтобъ неприличіемъ выраженій заставить удалиться нѣсколькихъ дамъ, явившихся на публичное засѣданіе земскаго собранія.

А Дмитріевскіе, Рыльскіе и Вольскіе земскіе скандалы, обнаружившіе земскихъ дѣльцовъ, избирающихъ, избираемыхъ и правящихъ или вовсе безъ узаконеннаго ценза, или съ цензомъ недостаточнымъ! А, наконецъ, развѣ не земскій скандалъ—проворовавшіеся избранники земства,

грабители своихъ избирателей, оставляемые ими же, ограбленными, для продолженія своихъ подвиговъ на земской службѣ, а индѣ даже вновь избираемые на нее, какъ это случилось, между прочимъ, съ Белебеевскимъ, Сарапульскимъ и Аткарскимъ земствами?

Выше мы указали на явленіе исключительное, не часто встрѣчающееся въ исторіи даже земскаго самоуправленія: выборную службу вовсе безъ ценза. За то всевозможныя продѣлки съ закономъ о цензѣ въ земскихъ учрежденіяхъ представляютъ случаи вовсе заурядные, встрѣчающіеся на каждомъ шагу. Вамъ улыбается земская служба, а вашимъ желаніямъ благосклонно улыбаются земскіе воротилы: будьте покойны, если у васъ и нѣтъ ценза, онъ у васъ будетъ. Для этого существуетъ созданный земскимъ пройдошничествомъ, нелегальный, но широко распространенный въ нашихъ земскихъ трущобахъ институтъ такъ называемыхъ фиктивныхъ цензовъ, осуществляемыхъ путемъ или условной продажи, или сдачи въ аренду необходимаго количества десятинъ земли, или покупки ничего не стоющихъ болотъ. Есть даже особый сортъ земель, такъ и называемыхъ цензовыми, на которыхъ ничего не родится и которыя ничего не стоятъ, но которыя годятся для земскаго ценза пройдохамъ, не разбирающимъ средствъ въ стремленіи къ земскому пирогу.

Особое значеніе пріобрѣтаетъ это цензовое плутовство въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда земскій пирогъ становится, почему либо, цѣлью двухъ партій, въ такихъ обстоятельствахъ крайне

ожесточающихся одна противъ другой и потому не разбирающихъ средствъ: тогда цензовыя земли каждою изъ нихъ расписываются на благопріятелей, на подобіе того, какъ для акціонерныхъ собраній расписываются акціи, чтобы обезпечить себѣ возможно большее число голосовъ.

Когда же и этого оказывается недостаточнымъ для одолѣнія противниковъ, пускаются въ ходъ разнокалиберные подкупы избирателей — угощеньемъ, посулами, даже деньгами.

Съ легкой руки Судогодскаго землевладѣльца Храповицкаго, въ борьбѣ своей съ земскою партіей испробовавшаго всѣ эти средства и выписывавшаго даже оркестръ музыки для увеселенія упившихся на его счетъ избирателей, этотъ пріемъ земской борьбы за власть сталъ все больше и больше входить въ моду, что уже и тѣмъ доказывается, что изрѣдка онъ достигаетъ даже судебной гласности.

Кому не извѣстно столкновеніе на почвѣ земскаго самоуправленія въ Духовщинскомъ уѣздѣ мѣстнаго предводителя дворянства съ знаменитымъ самодуромъ-милліонеромъ Хлудовымъ? На какія только хитрости въ этой борьбѣ не пускались ея главнѣйшіе герои: и повальное спаиваніе избирателей, и подкупы ихъ, и фиктивные цензы, и фиктивная болѣзнь предводителя дворянства, съ цѣлію замедлить открытіе сессіи— одно лишь было предано забвенію: достоинство учрежденія, подъ сѣнію котораго разыгрывались эти фокусы избирательной игры, нравственное впечатлѣніе, производимое этою игрой на ея невольныхъ участниковъ и зрителей. . . . .

Но—увы!—эти добропорядочныя соображенія, повидимому, обречены на вѣчное забвеніе въ сферѣ нашего самоуправленія, когда она наполняется кликами и воплями двухъ партій, борющихся изъ за власти, а особенно—когда одну изъ нихъ представляетъ купечество: въ исторіи земскихъ учрежденій не рѣдкость такіе случаи, когда купечество какого-либо промышленнаго или фабричнаго района, задавшись мыслью отстранить стоящую у земскихъ дѣлъ партію и замѣнить ее своею собственною, для того, чтобы дискредитировать предъ населеніемъ земскую дѣятельность, вдругъ поголовно прекращало платежи земскихъ сборовъ. Само собою разумѣется, что искусственно созданная недоимка росла не по днямъ, а по часамъ, земская управа сидѣла безъ денегъ и держала служащихъ безъ жалованья, и въ концѣ концевъ о земскихъ дѣятеляхъ, быть можетъ и безупречныхъ, получалось впечатлѣніе и укоренялось мнѣніе, какъ о людяхъ и нерадивыхъ къ своимъ обязанностямъ, и неспособныхъ къ дѣятельности, которая имъ ввѣрена.

Недоимки, конечно, увеличивались въ такихъ случаяхъ только до той поры, когда непріятные купцамъ земцы устранялись, и совершенно исчезали изъ земскаго бюджета, лишь излюбленные купечествомъ дѣятели принимали въ руки бразды земскаго управленія.

А принимали они эти бразды съ опредѣленно намѣченными заблаговременно цѣлями: сокращеній въ земскомъ обложеніи фабрикъ и заводовъ, освобожденія заводчиковъ и фабрикантовъ отъ тягостныхъ для нихъ заботъ о школь-

номъ и больничномъ благоустройствѣ ихъ заведеній, устройства на земскій счетъ подъѣздныхъ шоссе отъ фабрикъ и заводовъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ и т. п., и вообще верховнаго водительства надъ земскими дѣлами и ихъ общаго направленія согласно съ частными купеческими интересами.

Въ земскомъ самоуправленіи, впрочемъ, купечество если и играетъ видную роль, то только по мѣстамъ, въ округахъ, изобилующихъ фабриками и заводами, да въ тѣхъ еще не весьма многочисленныхъ, гдѣ сосредоточиваются перешедшія къ нему отъ дворянства земельныя имущества. Главное же его торжество, торжество исключительное—въ области самоуправленія городскаго.

Про эту неблагополучную область можно не обинуясь сказать, что она вся поголовно, если не въ кабалѣ, если не въ крѣпостномъ рабствѣ, то въ полновластномъ распоряженіи, а слѣдовательно и *въ самой безпощадной эксплоатаціи купечества.* И нельзя достаточно надивиться той выдержанности, той настойчивости, тому поразительному единодушію, какое проявляетъ это сословіе, разсѣянное по градамъ и весямъ нашего отечества, когда дѣло касается его частныхъ, сословныхъ интересовъ въ сферѣ городскихъ самоуправленій: наблюдающій *à vol d'oiseau* получаетъ впечатлѣніе, какъ будто эти нѣсколько сотъ сословныхъ группъ, немногочисленныхъ, невѣжественныхъ, разсѣянныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ верстъ—составляютъ одну коммерческую армію, отлично

дрессированную и повинующуюся чьей-то однообразной командѣ!

До того похожи повсемѣстно употребляемыя ими средства къ захвату въ свое пользованіе общественныхъ городскихъ достояній, къ устраненію отъ участія въ этомъ пользованіи другихъ городскихъ сословій и къ полновластному, почти деспотическому распоряженію и командованію надъ всѣми сторонами и отраслями городской жизни, не исключая даже, по мѣстамъ и по временамъ, и самой администраціи!

Разумѣя всю массу нашихъ городскихъ поселеній, нельзя опускать изъ виду того общаго соображенія, что большинство, и притомъ бѣднѣйшее, этихъ поселеній составляютъ такъ называемые мѣщане—коренное сословіе горожанъ, и по отношенію къ нему всѣ остальные классы городскихъ обществъ представляютъ незначительное меньшинство. Слѣдовательно, и самоуправленіе, какъ реформа, разсчитанная на улучшеніе городской жизни и предоставленіе городскимъ населеніямъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ ея развитію и къ собственному гражданскому преуспѣянію, долженствовало особливо озаботиться судьбою этого громаднаго большинства гражданъ. Такъ повелѣвали логика и здравый смыслъ; къ сожалѣнію, наша хартія городской конституціи, въ своемъ приложеніи къ практической жизни, не смогла осуществить этихъ повелѣній, а отдала все самоуправленіе городовъ, а слѣдовательно и все разнообразіе городскихъ общественныхъ интересовъ, въ жертву одному лишь купеческому сословію—въ жертву, т. е. *въ добычу*.

И какъ это чуткое къ добычѣ сословіе воспользовалось промахомъ Городоваго Положенія, лѣтописи нашихъ самоуправляющихся городовъ представляютъ блестящіе своею безотрадностью примѣры.

Не успѣвало въ томъ или другомъ городѣ новое Положеніе вступить въ обязательную силу, какъ мѣстные купеческіе толстосумы заполоняли думу, а гдѣ ихъ наличности не хватало для обезпеченія себѣ абсолютнаго большинства, набирали на этотъ предметъ клевретовъ и преданныхъ рабовъ изъ другихъ сословій. Когда, такимъ образомъ, полновластіе ихъ въ совѣтахъ самоуправленія становилось безспорнымъ, обыкновенно выдвигался на арену общественнаго обсужденія одинъ и тотъ же вопросъ—который можно назвать, пожалуй, аграрнымъ.

Дѣло въ томъ, что большинство нашихъ уѣздныхъ, особенно же захолустныхъ, городовъ, представляя собою во многихъ отношеніяхъ тѣ же села и деревни, лишь снабженныя необычайнымъ обиліемъ всякаго рода начальства, испоконъ вѣка владѣютъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ земли, къ нимъ приписанной, которая, тоже испоконъ вѣка, въ каждомъ такомъ городѣ и раздавалась въ аренду городскимъ мѣщанамъ, чтобы они, пользуясь ею сообразно ея качеству и соразмѣрно наличному количеству представляемыхъ ими душъ, снискивали трудомъ рукъ своихъ средства къ существованію. Города не имѣли обычая притѣснять своихъ же бѣднѣйшихъ согражданъ, и сдавали имъ эти земли безъ разсчетовъ на большіе ба-

рыши, по установленнымъ мѣстными обычаями цѣнамъ.

Когда же, подъ эгидою Городоваго Положенія, алчный торговый классъ, хотя и изображавшій, въ общемъ числѣ городскихъ населеній, ничтожное меньшинство, явился подавляющимъ большинствомъ въ средѣ избранниковъ городскихъ самоуправленій, эти городскія земли, доселѣ бывшія почти единственнымъ средствомъ пропитанія бѣднѣйшему большинству жителей, оказались первымъ объектомъ его хищническаго вниманія.

Вслѣдъ за введеніемъ муниципальнаго самоуправленія то въ томъ, то въ другомъ муниципалитетѣ выдвигался вопросъ, повидимому въ высшей степени благонамѣренный, навѣянный какъ будто бы заботливостью о городскихъ интересахъ и попечительностью объ общемъ благѣ городскихъ населеній. Это былъ вопросъ о невыгодной, убыточной эксплоатаціи городскихъ имуществъ и о необходимости изысканія мѣръ къ извлеченію изъ нихъ наибольшей доходности, съ цѣлію употребленія ея на надобности городскаго благоустройства. Вопросъ всюду рѣшался по камертону замаскированныхъ купеческихъ алчныхъ вожделѣній, рѣшеніе это повсюду оказывалось почти тождественнымъ, и выражалось постановленіями объ отобраніи городскихъ земель изъ мѣщанскаго пользованія и объ отдачѣ ихъ въ аренду установленнымъ для общественныхъ имуществъ порядкомъ, т. е. съ публичныхъ торговъ.

Повидимому, дѣло такими рѣшеніями устанавливалось и на незыблемую почву законности,

и на свойственную самоуправленію высоту безпристрастныхъ отношеній къ общественному интересу: но какъ часто въ практической жизни *summum jus*, т. е. высочайшая, абстрактная справедливость оказывается *summa injuria*, т. е. вопіющею неправдой, такъ и въ данномъ случаѣ помянутыя рѣшенія явились могущественнымъ средствомъ къ угнетенію безгласнаго большинства неразборчивымъ въ средствахъ къ наживѣ меньшинствомъ.

Правда, нищимъ мѣщанамъ, дотолѣ пахавшимъ и сѣявшимъ на нѣсколькихъ десятинахъ приходившейся каждому изъ нихъ на долю городской земли, не воспрещалось являться и на вновь заведенные торги: но, вопервыхъ, земля съ торговъ сдавалась въ аренду болѣе или менѣе крупными участками, брать которые каждому въ отдѣльности изъ мѣщанъ было не подъ силу, да не представлялось и надобности, а во вторыхъ, участіе въ торгахъ, по обычаю, обусловливалось взносомъ опредѣленнаго залога, котораго обладателямъ перекосившихся деревянныхъ лачужекъ добыть было не откуда.

Отсюда проистекалъ тотъ фактъ, что торги, устраивавшіеся согласно съ требованіями закона, являлись какою-то комедіей, финаломъ которой неизбѣжно являлся переходъ аренды изъ рукъ многочисленнаго неимущаго мѣщанства въ загребистыя лапы нѣсколькихъ торгашей, способныхъ и къ взносу предварительнаго залога и къ надбавкѣ арендной платы до возможно высшаго предѣла. Такъ это вездѣ и было, и повсюду въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣлись такія зе-

мельныя угодья, они перешли въ руки мѣстныхъ толстосумовъ, и конечно не для сельско хозяйственныхъ надъ ними упражненій, ибо новые арендаторы съ земледѣльческимъ трудомъ были знакомы немного болѣе, чѣмъ съ китайской грамотой, а для недобросовѣстныхъ маклаческихъ оборотовъ. Въ чемъ эти обороты состояли, на этотъ предметъ земскія лѣтописи сохраняютъ множество характерныхъ преданій.

Въ самоуправленіи г. Сквиры, напримѣръ, былъ случай, что всю городскую землю подѣлилъ между собою персоналъ думскихъ гласныхъ на 12-лѣтній арендный срокъ, за арендную плату по 3 р. съ десятины, вмѣсто обычной для той мѣстности платы въ 10—12 р., при чемъ на долю каждаго арендатора пришлось по 12 десятинъ.

Въ Ставрополѣ-Кавказскомъ отнятыя у мѣщанъ городскія земли розданы мѣстнымъ богачамъ большими участками въ аренду за плату 2—3 р. съ десятины, а эти богачи уже сами отъ себя дробятъ ихъ на мелкія доли и раздаютъ въ аренду тѣмъ же мѣщанамъ, но по цѣнѣ въ 10, 15 и 20 р. за десятину.

Въ Трубчевскѣ городская дума принадлежащія городу огородныя земли сдаетъ купцамъ въ аренду по 15 р. за дес., а тѣ отъ себя передаютъ мѣщанамъ, издавна привыкшимъ къ огородничеству на этихъ земляхъ, по 75 р. за дес. Какъ подобный образъ дѣйствій самоуправленія, состоящаго изъ однихъ купеческихъ толстосумовъ, оцѣнивается остальнымъ населеніемъ, это ясно сказалось въ одномъ изъ публичныхъ засѣданій Трубчевской думы, при обсужденіи вопроса

о постройкѣ дома для городскаго училища, ожесточеннымъ столкновеніемъ гласныхъ-мѣщанъ, вотировавшихъ за постройку, съ гласными-купцами, отрицавшими ея необходимость. Не стѣсняясь достоинствомъ мѣста и своего званія, разоренные мѣщане дали полную волю озлобленію, накопившемуся въ ихъ сердцахъ противъ эксплоататоровъ, и бурныя пренія скоро перешли въ буйную взаимную брань, которая ознаменовалась брошенными отъ мѣщанъ въ гласныхъ-купцевъ позорными обвиненіями, уличавшими послѣднихъ въ неблаговидной продажѣ на срубъ за безцѣнокъ принадлежащаго городу строеваго лѣса, въ мошенничествахъ при постройкѣ казармъ, въ плутняхъ при раздачѣ пособій погорѣльцамъ и т. п. Замѣчательно, что купцы-гласные смиренно проглотили всѣ эти мѣщанскія пилюли, и поторопились уважить расходившихся гражданъ согласіемъ на ихъ предложеніе, чѣмъ благополучно для себя и покончили распрю.

Подобныя непріязненныя отношенія гласныхъ-мѣщанъ къ думскому купечеству, объясняемыя безсовѣстными земельными захватами послѣдняго, замѣчаются во множествѣ уѣздныхъ городовъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражаются даже постоянною взаимною враждою и борьбою обоихъ сословій, при чемъ въ иныхъ городахъ мѣщане побѣждаютъ купцевъ, отвоевывая себѣ обратно изъ рукъ богатыхъ узурпаторовъ свое прежнее достояніе, въ иныхъ толстыя мошны купечества склоняютъ побѣду на его сторону.

Такъ, въ Цивильскѣ купцы съумѣли отстоять свои захваты, и мѣщане потерпѣли пораженіе

въ цѣломъ рядѣ муниципальныхъ (конечно словесныхъ) битвъ, но Царевококшайскіе мѣщане были счастливѣе и поле битвы, а вмѣстѣ съ нимъ и поля, захваченныя у нихъ купечествомъ, остались за ними.

Въ Уржумѣ исходъ борьбы также готовился для нихъ благопріятный, еслибъ думскіе дипломаты не ухитрились устроить перемирія, добившись передачи дѣла на разсмотрѣніе самаго безнадежнаго коллегіальнаго учрежденія въ мірѣ, именуемаго особою думскою коммиссіей.

Въ Петровскѣ, въ Вольскѣ, въ Котельничѣ, въ Новомосковскѣ—ведется постоянная глухая муниципальная борьба изъ за этихъ же аграрныхъ купеческихъ захватовъ, и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы взаимное недовольство и раздраженіе, разъ оно зародилось въ умахъ цѣлыхъ двухъ сословій, могло уничтожиться само собою, и гораздо вѣроятнѣе предположить, что муниципальныя учрежденія въ этихъ городахъ станутъ со временемъ ареною такихъ же враждебныхъ схватокъ, какъ и въ выше названныхъ городахъ, а затѣмъ и въ Кадниковѣ, и въ Орѣховѣ, и въ Камышинѣ, гдѣ хотя еще не обнаруживалось ясно опредѣлившейся сословной борьбы, но наличность причинъ, ее вызывающихъ, таже самая, что и во всѣхъ раньше названныхъ городахъ.

И это тѣмъ несомнѣннѣе, что купечество, разъ вкусивши сладости захватовъ, не легко разстается съ ними, и не останавливается ни предъ какими, даже недобропорядочными, средствами,

только бы удержать въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ неправедно доставшуюся добычу.

Чигиринская исторія аграрной борьбы мѣщанства съ купечествомъ, замѣчательная въ высшей степени осмысленнымъ, разумнымъ, можно сказать дипломатическимъ и вмѣстѣ отважнымъ образомъ дѣйствій, какой проявили мѣщане, со стороны купечества ознаменовалась цѣлымъ рядомъ недостойныхъ выходокъ по отношенію къ его противникамъ, выходокъ, завершившихся даже ложными доносами начальству, и если эти позорныя средства борьбы не обезпечили ему въ данномъ случаѣ успѣха, то самая возможность ихъ уже доказываетъ, что купечество, ради обезпеченія за собою хотя бы неправедной мзды, способно на самую ожесточенную и отчаянную борьбу.

Еще болѣе безшабашнаго рвенія и самой отчаянной энергіи проявило оно къ тому, чтобы зажать въ одномъ своемъ кулакѣ и общественный городской кредитъ, къ насажденію коего, развитію и преуспѣянію, въ видахъ поднятія городской промышленности и торговли, правительство приложило особое стараніе учрежденіемъ городскихъ общественныхъ банковъ.

Само собою разумѣется, что и по истинному, идеальному смыслу этихъ кредитныхъ учрежденій, и по особенному характеру денежныхъ средствъ, положенныхъ въ ихъ основу и въ обезпеченіе ихъ финансовыхъ предпріятій, и по соображеніямъ общаго блага, городскіе банки были задуманы законодателемъ на тотъ предметъ, чтобы даровать удобства дешеваго кредита большинству

горожанъ, добывающихъ средства къ существованію тѣми или другими промыслами и торговыми занятіями. Но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, общее свойство всѣхъ реформаторскихъ мѣропріятій прошедшаго царствованія составлялъ возвышенный, безграничный идеализмъ, не считавшійся ни съ несовершенствами человѣческихъ учрежденій, ни съ практическими препятствіями, воздвигаемыми жизнью на пути самыхъ даже зрѣло обдуманныхъ мѣропріятій, ни тѣмъ болѣе съ неблагопріятными для ихъ успѣшности намѣреніями и поползновеніями людей, призванныхъ къ направленію ихъ въ интересахъ общей пользы.

Создавая, въ формѣ городскихъ общественныхъ банковъ, повсемѣстное благодѣяніе, способное широко распространить среди городскихъ населеній промышленность и торговлю, законодатель, заранѣе разсчитавшій на непреложное осуществленіе Городоваго Положенія въ его идеальной обстановкѣ, не могъ уже не допустить и другой логической ошибки, неизбѣжно вытекавшей изъ этой первой, поставивъ, съ теоретической точки зрѣнія совершенно правильно, эти городскія кредитныя учрежденія въ органическую связь и даже зависимость отъ городскаго самоуправленія, и даже самое ихъ существованіе и дѣятельность обезпечивъ городскими капиталами и недвижимыми имуществами всѣхъ городскихъ обывателей.

Въ силу этой, теоретически правильной связи и зависимости, и эти въ сущности благодѣтельныя для городскихъ населеній кредитныя учрежденія исказили свой идеальный характеръ въ

томъ же самомъ смыслѣ и направленіи и по той же мѣркѣ, какъ практика самоуправленія исказила его идеалъ, начертанный Городовымъ Положеніемъ: и какъ въ городскомъ самоуправленіи, вопреки его всесословности, фактическимъ распорядителемъ городскихъ судебъ почти повсемѣстно явилось одно лишь купечество, такъ оно же одно исключительно завладѣло и городскимъ общественнымъ кредитомъ, осуществленнымъ въ видѣ банковъ, обезпеченныхъ всѣмъ городскимъ достояніемъ, т. е. имуществомъ всѣхъ гражданъ въ совокупности и каждаго въ отдѣльности.

Такимъ образомъ, учрежденія, созданныя для всѣхъ горожанъ, и преимущественно, конечно, для тѣхъ изъ нихъ, кто наиболѣе нуждался въ дешевомъ кредитѣ, оказались запертыми на глухо для большинства этихъ именно людей, которымъ и должны, и могли быть полезны, и широко отверстыми опять для однихъ купцовъ, т. е. для гражданъ сравнительно наиболѣе зажиточныхъ, имѣющихъ или свободные капиталы, или, по крайней мѣрѣ, различнаго размѣра денежные обороты.

Алчные инстинкты этихъ людей, воспитанные и преданіями, и профессіей, могли ли не разыграться и съ теченіемъ времени не разбушеваться, когда они увидѣли себя обладателями золотоносныхъ розсыпей, руководителями учрежденій, способныхъ превращать оберточную бумагу въ ассигнаціи и на оборотъ? Могли ли эти люди, освоившись съ организаціей и механизмомъ чудодѣйственныхъ учрежденій, изъ естественнаго въ нихъ чувства эгоистической зависти, не приспособить ихъ къ служенію исключительно *своимъ*

коммерческимъ интересамъ, и не устранить отъ нихъ, какими бы то ни было способами, остальное громадное большинство городскихъ населеній, хотя бы съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы, при этомъ послѣднемъ условіи, легче и безнаказаннѣе эксплоатировать его безденежье и постоянную нужду въ наличномъ оборотномъ капиталѣ? Соображеніе, что ремесленникъ или мелкій торгашъ, имѣй они свободный доступъ къ дешевому кредиту, не пошли бы къ нимъ за дорогимъ — не заключало трудности и замысловатости, и потому захлопнуть передъ этимъ людомъ крышку банковскихъ сундуковъ, чтобы направить его къ своимъ кошелькамъ—представлялось для купечества первѣйшею и существеннѣйшею задачей коммерческой политики.

Когда эта задача была разрѣшена въ желательномъ для него смыслѣ, и оно, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, принялось хозяйничать надъ общественнымъ кредитомъ, первое соображеніе, представшее предъ нимъ, состояло въ томъ, что деньги вовсе не такая вещь, отъ которой можно бы было отказаться, когда она сама напрашивается въ руки. Что съ этой вещью дѣлать, какъ ею распорядиться—это вопросъ другой, и притомъ лежащій въ дальнемъ ящикѣ, и вопросъ этотъ будетъ время обсудить, когда уже деньги въ карманѣ.

И вотъ, первымъ дѣяніемъ, которымъ ознаменовала себя купеческая власть надъ общественнымъ кредитомъ, была патріархальная дѣлежка и разверстка по собственнымъ карманамъ всей денежной наличности, какъ фондовой, такъ и

текущей. Способы этой разверстки поражаютъ своею одинаковостью во всѣхъ городскихъ банкахъ: вексельные займы безъ малѣйшаго соображенія съ кредитоспособностью заемщиковъ, съ требованіями здраваго смысла и съ предписаніями устава банковъ, учетъ векселей отъ встрѣчнаго - поперечнаго, точно также безъ малѣйшаго соображенія съ ихъ благонадежностью или сомнительностью; переписка такихъ векселей изъ года въ годъ, служившая наилучшимъ доказательствомъ ихъ полнѣйшей неблагонадежности; залогъ недвижимыхъ имуществъ безъ соображенія съ ихъ реальной стоимостью, и биржевыхъ бумагъ не только малоцѣнныхъ, но и вовсе ничего не стоющихъ, и даже акцій по несуществующимъ предпріятіямъ; всевозможныя неблаговидныя уловки для привлеченія денежныхъ вкладовъ, начиная съ возвышеннаго по онымъ процента, продолжая лживыми рекламами и кончая фальшивыми отчетами; стремленіе, всего чаще успѣшное, къ подкупамъ административныхъ и общественныхъ властей, со стороны коихъ могла угрожать опасность обнаруженія всѣхъ вышепоименованныхъ преступленій, которыя достойно увѣнчивались такимъ же преступнымъ расхищеніемъ чужаго достоянія, поступавшаго въ кассы банковъ въ видѣ вкладовъ отъ массы лицъ, городскому кредиту совершенно непричастныхъ и постороннихъ.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, себя отъ соперничества другихъ сословій въ пользованіи общественными и частными средствами городскихъ банковъ, купечество не избѣгло и того труднаго къ разрѣшенію вопроса, о которомъ мы выше

упомянули: какъ воспользоваться оказавшимся въ его личномъ распоряженіи изобиліемъ денежныхъ средствъ, особенно въ виду грознаго и недалекаго будущаго, когда нужно же будетъ какъ-либо и чѣмъ-либо оправдать и предъ обществомъ, и предъ правительствомъ, и быть можетъ даже предъ правосудіемъ всю эту наглость лжи, обмановъ, вымогательствъ и хищеній?

А такъ какъ ни мѣстная жизнь, ни окружающая практическая обстановка не представляли способовъ къ прочному, благоразумному и выгодному употребленію большей части этого избытка наличныхъ средствъ, то обладатели ихъ и очутились предъ весьма неутѣшительною, постыдною и роковою дилеммой: или сорить деньгами зря, на фальшивыя потребности личной роскоши, не думая о завтрашнемъ днѣ, или создавать, для ихъ употребленія, хотя и безтолковаго, дутыя, фиктивныя, завѣдомо убыточныя и разорительныя предпріятія, въ единственномъ почти разсчетѣ сослаться на ихъ безуспѣшность, какъ на причину растраты общественнаго достоянія.

Замѣчательно и въ этомъ дѣлѣ однообразіе пріемовъ и единодушіе стремленій, проявленныхъ всероссійскимъ коммерческимъ сословіемъ на всемъ пространствѣ Имперіи, «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» въ ея длину, и «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая» въ поперечникѣ. Пробѣгая длинный скорбный листъ городскихъ банковъ, окончательно проворовавшихся и погибшихъ, уличенныхъ въ томъ и гибнущихъ, а равно обвиняемыхъ въ томъ же и обреченныхъ на гибель, листъ, кото-

рому конца не предвидится и который грозитъ неизбѣжнымъ дополненіемъ даже въ тѣ минуты, когда мы пишемъ эти строки — недоумѣваешь тому одному только, какой порядокъ сообщить этому похоронному синодику нашего общественнаго кредита: хронологическій или топографическій, или же расположить его въ соотвѣтствіи съ размѣрами совершавшихся въ томъ или другомъ банкѣ хищничествъ, или же съ тою или другой степенью обнаруженной при этомъ ловкости и утонченности пріемовъ?

Въ длинной вереницѣ русскихъ городовъ, опозоренныхъ банкрутствомъ ихъ общественнаго кредита, на ряду съ такими центральными пунктами, какова, напримѣръ, Одесса, мелькаютъ ничтожныя уѣздныя захолустья въ родѣ Рославля и Кролевца, рядомъ съ Тамбовомъ, Воронежемъ и Саратовомъ—Алексинъ, Опочка и Гавриловскій посадъ, рядомъ съ Тверью и Ярославлемъ — Одоевъ и Мензелинскъ; съ Орломъ соперничаютъ Камышинъ и Сапожокъ, съ Ковровымъ Козловъ, съ Дмитровомъ Кашира, съ Николаевымъ Михайловъ, съ Маріуполемъ и Котельничемъ Владикавказъ и крѣп. Грозная, etc. etc., и надъ всѣми ими, какъ надъ ничтожествомъ величіе, возвышается Скопинъ, нѣкогда ничтожный уѣздный городишка Рязанской губерніи, нынѣ же стяжавшая всемірную славу родина пресловутаго купца Рыкова, опустѣвшее и разоренное, но зато полное мрачныхъ воспоминаній недавнее гнѣздо необузданной разбойничьей шайки, изъ своего захолустья умѣвшей грабить всю Россію въ теченіе многихъ лѣтъ, своими преступленіями пустившей

своихъ безвинныхъ согражданъ чуть не въ аукціонную продажу, и хотя пойманной и наказанной, но далеко не такъ, чтобъ отвадить своихъ многочисленныхъ подражателей и товарищей по профессіи отъ продолженія финансовыхъ подвиговъ, за которые она хотя отчасти поплатилась.

Лучшимъ послѣднему доказательствомъ является свѣжая новость относительно Вяземскаго городскаго банка, который, пока мы дописывали эти строки, оказался, по безспорно, конечно, вѣрному заявленію г. Смоленскаго городскаго головы, обокраденнымъ на 135,000 слишкомъ рублей—сумма, для не слишкомъ богатой и промышленной производительницы пряниковъ вполнѣ достаточная, чтобъ и ей въ вышепомянутомъ синодикѣ отвести почетное мѣсто.

Уѣздный городъ Скопинъ съ своимъ проворовавшимся общественнымъ банкомъ, въ ряду другихъ многочисленныхъ отличившихся на этомъ же поприщѣ градовъ и весей обновленной Россіи, тѣмъ особенно замѣчателенъ, что на его примѣрѣ съ поразительной ясностью сказалась вся непрактичность нашего общественнаго самоуправленія въ той формѣ, какая ему сообщена законодателемъ, и въ той обстановкѣ, среди какой пришлось ему осуществляться.

«Ваше общее благосостояніе, вы не ребята, а граждане, ну, и вѣдайтесь съ своимъ добромъ и заботьтесь о немъ, какъ сами знаете», объявило правительство, даруя населенію различные виды самоуправленія: «я-же, правительство, буду развѣ только такъ, издали и сверху, наблюдать за вами

и принимать то, что у васъ дѣлается, къ свѣдѣнію».

Первые же дни этой реформы общественнаго строя, ознаменовавшіеся совершенной къ ней безучастностью и тупымъ равнодушіемъ со стороны населенія, должны были убѣдить правительство, что реформа или неудобно для населеній поставлена, или слишкомъ опередила свое время, явившись раньше, чѣмъ слѣдовало, встрѣтивъ поэтому холодный пріемъ отъ неготовыхъ къ ея уразумѣнію и надлежащему практическому осуществленію населеній, или же воплотилась въ чуждыя ихъ духу и обычаямъ, а быть можетъ и не любимыя ими внѣшнія формы.

Но какъ скоро бы правительство въ этомъ убѣдилось, оно, изъ простаго человѣколюбія, должно бы было или взять свои слова назадъ, или, по крайней мѣрѣ, своему платоническому наблюденію сообщить характеръ строгаго, дѣйственнаго надзора, ибо что же можетъ быть опаснѣе оружія въ рукахъ тѣхъ, кто не умѣетъ съ нимъ обращаться?

Къ прискорбію, этого не послѣдовало, и даже теперь, черезъ 1/4 вѣка послѣ реформы, могущественно пособившей разоренію и разграбленію чуть не сотни городскихъ обществъ, объ этомъ лишь начинаютъ смутно, и то изрѣдка, поговаривать. Скопинъ, обворовавшій всю Россію, продолжаетъ стоять живою укоризной нашего самоуправленія, своимъ примѣромъ неопровержимо доказывая, что въ настоящей своей обстановкѣ оно, принося болѣе чѣмъ сомнительную пользу населенію, своею безнадзорностью, безот-

вѣтственностью и безнаказанностью способно нравственно развращать даже честныхъ гражданъ, а плутамъ, мошенникамъ, грабителямъ и честолюбцамъ доставлять средства къ пріобрѣтенію не только общественнаго положенія и вліянія, но и единоличнаго господства и владычества надъ всею совокупностью сторонъ, изъ коихъ слагается административная, общественная и даже частная жизнь не только какихъ-нибудь деревушекъ, а цѣлыхъ городовъ съ населеніемъ маленькаго германскаго герцогства прежнихъ временъ.

И въ этомъ смыслѣ исчадіе Скопина, его прискорбной памяти почетный гражданинъ и неограниченный самодержецъ заслуживаетъ хотя, конечно, не удивленія, но все-таки вниманія и изученія, тѣмъ болѣе, что его жалкими миніатюрами доселѣ кишатъ самоуправленія громаднаго большинства нашихъ селъ, городовъ и даже— incredibile dictu!—столицъ.

Бѣднякъ по происхожденію, пріемышъ зажиточнаго мѣстнаго купца, получившій отъ своего названнаго отца, вмѣстѣ съ именемъ, весьма значительныя денежныя средства и прожившій ихъ, Рыковъ, на подобіе многихъ пронырливыхъ неудачниковъ, сообразилъ, что сфера городскаго управленія представляетъ весьма подходящую ему арену для безпрепятственныхъ и наиболѣе безопасныхъ упражненій надъ перемѣщеніемъ общественныхъ денегъ въ собственные карманы, и, по безвыходности положенія, сначала крѣпко присосался къ Думѣ и при своей хитрости и настойчивости скоро выдѣлился поверхъ ея въ качествѣ городскаго головы.

Но ничтожество уѣзднаго городишки, мало чѣмъ отличавшагося отъ деревни, не давало ему простора для хищнической дѣятельности, къ которой у него сказывались неудержимыя поползновенія, и вскорѣ по полученіи главенства въ Думѣ онъ возбуждаетъ вопросъ объ учрежденіи при ней городскаго банка. Вопросъ разрѣшается благополучно, основывается банкъ съ ничтожнымъ капиталомъ, и онъ мѣняетъ думское предсѣдательское кресло на директорскій стулъ въ банкѣ.

Высокіе проценты по вкладамъ, значительно превышавшіе чистую доходность даже столичныхъ недвижимостей, безчисленныя рекламы въ газетахъ—устремили въ новоявленный банкъ такую массу капиталовъ, что онъ сразу выросъ какъ бы въ солидное финансовое учрежденіе и пріобрѣлъ популярность не только въ своей губерніи и округѣ, а рѣшительно на всемъ пространствѣ Россіи.

Шли годы, популярность увеличивалась, приливъ чужихъ денегъ усиливался, и ихъ, не смотря на щедрое расшвыриваніе, становилось некуда дѣвать: помѣщать за меньшіе проценты въ другія кредитныя учрежденія не было смысла, на какія-либо солидныя предпріятія съ разсчетомъ на большую прибыльность не хватало ни ума, ни знаній, ни опытности—правильной прибыли на уплату процентовъ по вкладамъ банкъ давать не могъ. Вмѣсто благовременной и честной ликвидаціи, или же радикальнаго и безпощаднаго сокращенія операцій, управляемый Рыковымъ банкъ, алчный до чужихъ денегъ, пошелъ страшнымъ путемъ мошенничествъ, подлоговъ, фиктивныхъ

отчетовъ съ дутыми цифрами и сочиненными барышами, въ сущности не добывая на уплату процентовъ по прежнимъ вкладамъ и производя таковую на счетъ новыхъ вкладчиковъ, на свою бѣду изобильно присылавшихъ въ банкъ свои сбереженія.

Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ финансовой славы, пріобрѣтенной искусствомъ ловкаго выманиванія денегъ, развили директорское самолюбіе и жажду наживы до крайней степени, такъ что сознаться въ своей недобросовѣстности являлось для Рыкова дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. И вотъ, онъ выбралъ наиболѣе удобный для себя способъ дѣйствій: жить пока живется, а тамъ будь что будетъ. Но чтобы позволили жить такимъ образомъ какъ можно дольше, нужно было принимать самыя разнообразныя мѣры: купить умъ и волю своихъ обывателей, подкупить властей предержащихъ, устранять всякую возможность дурныхъ толковъ о дѣлахъ банка, и т. д. т. п.

Что касается своихъ согражданъ, съ ними Рыковъ распорядился просто: не имѣя ни малѣйшаго разсчета щадить чужія деньги, онъ надо всѣми ними скоро затянулъ мертвыя долговыя петли, такъ что не оставалось почти никого въ городѣ, кто бы не былъ долженъ банку, отъ городскаго головы до простаго разсыльнаго включительно.

Щедрость Рыкова къ согражданамъ рѣшительно не имѣла границъ: «кредитъ въ банкѣ былъ такъ легокъ, что брали деньги почти всѣ жители Скопина, и платежемъ никого изъ нихъ не стѣсняли». Давались деньги рѣшительно всѣмъ, кто просилъ. Проценты платились только по ничтож-

нымъ долгамъ, а при перепискѣ крупныхъ векселей прикладывались къ суммѣ. «Ставить бланки на векселяхъ допускались люди даже завѣдомо неимущіе, простые разсыльные, не знавшіе ни цѣны векселей, ни отъ кого они написаны». Такъ, нѣкто Шамовъ, не имѣя ничего, былъ допущенъ къ поручительству за Аѳанасова на 294 тыс. р., и самъ Рыковъ говорилъ: «пусть поставитъ бланкъ кто-нибудь, лишь бы былъ грамотный». При такихъ распорядкахъ немудрено, что городской голова Овчинниковъ, при состояніи въ 15 тыс., задолжалъ банку 260 тыс. р.

До какой степени простиралась свобода многоразличныхъ мошенническихъ пріемовъ для сообщенія безпорядочнымъ дѣйствіямъ банка хотя бы кажущейся благовидности, ясно изъ примѣра 78-лѣтняго старца, мѣщанина Овчинникова, человѣка совершенно не имущаго, который, однако, представлялъ отъ своего имени въ банкъ заявленія о вкладахъ на два милліона рублей, о продажѣ и покупкѣ процентныхъ бумагъ на три, четыре милліона, и предъ судомъ чистосердечно сознался, что подписывалъ эти заявленія, какъ онъ выразился, «такъ, *для бумаги*, потому что *сами* Иванъ Гавриловичъ приказали».

Рыковскія щедроты въ отношеніи согражданъ превознесли его престижъ въ ихъ глазахъ столь высоко, что, по справедливости, онъ былъ истиннымъ хозяиномъ города, а вся собирательная муниципальная власть, отъ городскаго головы до послѣдняго думскаго писца, за удовольствіе и честь считала въ своей служебной дѣятельности рабски повиноваться его внушеніямъ и велѣніямъ.

На городскихъ выборахъ должные банку избиратели и гласные всегда выбирали только лицъ, указанныхъ Рыковымъ. Въ Думѣ Рыковъ садился рядомъ съ головой, и по каждому вопросу, предлагавшемуся на обсужденіе гласныхъ, прежде всѣхъ высказывалъ *свое* мнѣніе, каковое и принималось всѣмъ собраніемъ безъ аппелляцій. Если же и бывали протесты, то они всегда оставлялись Думой безъ вниманія.

Для разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ банка думскія собранія назначались по нарочитымъ рецептамъ Рыкова, не стѣснявшагося никакимъ плутовствомъ для удаленія отъ этихъ собраній лицъ, почему-либо казавшихся ему неудобными и не безопасными: однихъ изъ таковыхъ лицъ подъ благовиднымъ предлогомъ удаляли предъ собраніями изъ города, другимъ не присылали повѣстокъ, третьимъ вручали ихъ за нѣсколько минутъ до засѣданія, да и самыя засѣданія начинались въ необычно поздніе часы, иногда даже послѣ полуночи, и т. п. Этимъ достигалось то, что отчеты утверждались безъ преній и разсмотрѣнія и послѣ того Рыкову за его банковую дѣятельность выражалась признательность Думы.

Одиночные протесты, правда, раздавались, но конечно успѣха имѣть не могли. Такъ, еще въ 1868 г. нѣкто Леоновъ, во главѣ другихъ шести обывателей, предостерегалъ Думу на счетъ банка и состоянія его операцій, но ихъ заявленіе было оставлено *безъ послѣдствій*. Черезъ 6 лѣтъ, въ 1874 г., ихъ же заявленіе отъ губернатора Волкова возвращено *не разсмотрѣннымъ*, какъ написанное *не по формѣ*. Жалобы, посылавшіяся

министерству финансовъ, оставлялись безъ вниманія то потому, что представлялись не на гербовой бумагѣ, то потому, что министерство признавало себя не компетентнымъ къ ихъ разсмотрѣнію. Въ виду сего граждане рѣшились прекратить ихъ, окончательно укрѣпившись въ мысли, что *борьба съ Рыковымъ невозможна.* И дѣйствительно, вліяніе его въ городѣ было почти безгранично. Всѣ вѣровали въ Ивана Гавриловича Рыкова, *«все равно какъ въ Бога,* и трепетали передъ нимъ».

А онъ упрочивалъ это вліяніе связями съ бюрократическимъ міромъ, какъ губернскимъ такъ и столичнымъ, заводя должниковъ въ самыхъ различныхъ чиновничьихъ сферахъ, благодѣтельствуя то кредитомъ, то наличными подачками рѣшительно всѣмъ, кому можно было. Такъ, на постоянномъ жалованьи у Рыкова состояли: исправникъ и его помощникъ, помощники пристава, мировой судья, секретарь городской управы, директоръ и инспекторъ реальнаго училища, причты двухъ городскихъ церквей, соборные пѣвчіе, городскіе трубочисты, полицейскіе нижніе чины, телеграфисты, секретарь полицейскаго управленія, судебные пристава, писцы мироваго судьи, почтмейстеръ. Кредитомъ банка пользовались: совѣтникъ Рязанскаго губернскаго правленія Румянцевъ, членъ Тульскаго окружнаго суда Бабинъ, Рязанскій вице-губернаторъ Волковъ, Рязанскій губернаторъ Болдыревъ, прокуроръ Рязанскаго окружнаго суда Полторацкій, князь Оболенскій, графъ Граббе, сенаторъ Червинскій, генералъ-лейтенантъ Фишеръ, дворянскіе предводители Рюминъ и Рѣдкинъ, и т. д. т. п.

Всѣ эти долги были безъ отдачи, потому что и самъ Рыковъ не любилъ требовать ихъ отъ такихъ должниковъ, предпочитая держать ихъ въ матеріальной отъ себя зависимости на случай надобности.

Въ процессѣ Скопинскаго банка находятся указанія и на матеріальную зависимость отъ Рыкова чиновниковъ министерства финансовъ, чѣмъ, конечно, и объясняются поблажки ему со стороны кредитной канцеляріи этого министерства, которая еще лѣтъ за пять до краха *знала*, что онъ неизбѣженъ, что отчеты составляются лживые, въ книгахъ завелись подлоги въ родѣ фиктивной продажи и покупки цѣнностей, и т. п., но ограничилась тѣмъ, что *поставила* это ему *на видъ* и словесно обязала его этого впредь не дѣлать.

По этому поводу впослѣдствіи, на судѣ, самъ Рыковъ высказалъ не безосновательное сожалѣніе, что министерство финансовъ только *совѣтовало*, а *не приказывало* прекратить допущенныя имъ неправильности, что не было въ то время *узды* для банковыхъ дѣятелей.

Зато, когда давно ожидавшійся крахъ послѣдовалъ, оказалось, что всѣ вкладчики, числомъ до 6000 чел. (духовенство, чиновники и военные, церкви и монастыри), ограблены приблизительно на сумму слишкомъ 8 милл. р., изъ которыхъ часть ушла на кредитъ чиновникамъ, часть на подкупъ мѣстныхъ властей, часть на пожертвованія и филантропическіе расходы, весьма значительная часть въ карманы скопинскихъ обывателей, и самимъ Рыковымъ взято отъ 1 до

$1\frac{1}{2}$ милл. р. Вмѣстѣ же съ процентами онъ оказался должнымъ банку свыше 7 милл. р., располагая имуществомъ всего лишь на 150,000 р.

Что касается періода своего Скопинскаго единодержавія, Рыковъ во все его продолженіе являлъ себя истиннымъ азіатскимъ деспотомъ: будучи, по словамъ свидѣтеля Бернарда, человѣкомъ грубымъ и несноснымъ, въ банкѣ онъ не допускалъ никого до серьезнаго участія въ дѣлахъ, и дѣлалъ единственно то, чего самъ хотѣлъ. Остальные всѣ были такъ, «для счету, для числа». Съ каждаго служащаго отбиралась подписка—хранить всѣ дѣла банка въ тайнѣ. Въ городской публичной библіотекѣ, по распоряженію Рыкова, скрывались отъ читателей тѣ нумера газетъ и журналовъ, гдѣ случались неблагопріятные отзывы о немъ или о банкѣ; иногда такіе нумера не достигали своихъ подписчиковъ и чрезъ почту; на той же почтѣ задерживались письма съ корреспонденціями о немъ или о банкѣ, посылавшіяся въ редакціи разныхъ газетъ. Во всѣхъ сферахъ городской жизни Рыковъ пользовался властью самодержавной. Не даромъ однажды онъ сказалъ: «велика птица исправникъ! Захочу и вагонъ исправниковъ мнѣ привезутъ». По его требованію мировой судья даже съ судебными уставами не церемонился, подвергая отвѣтчиковъ даже по гражданскимъ дѣламъ приводу на судъ черезъ полицію.

Черезъ полицію же онъ выгонялъ изъ города, кого хотѣлъ. Одинъ изъ служащихъ банка, Финогеновъ, жилъ на квартирѣ у нѣкоего Брежнева съ сослуживцами своими, Ланскими. Однажды

явился къ нимъ, *по приказанію* Рыкова, *переданному исправникомъ*, помощникъ пристава, и развелъ ихъ всѣхъ по разнымъ квартирамъ. Такъ они по волѣ Рыкова и должны были разъѣхаться, а впослѣдствіи одного изъ Ланскихъ Рыковъ и вовсе выгналъ изъ города, запретивъ его держать гдѣ-либо на квартирѣ. Доктору Битному-Шляхту, за ссору съ Рыковымъ, пришлось поплатиться переводомъ изъ Скопина со службы въ Касимовъ. А съ нѣкіимъ дворяниномъ Мухановымъ, служившимъ въ банкѣ и не понравившимся директору, обошлись съ истинно-азіатскою простотой: разочли, отправили на вокзалъ, усадили въ вагонъ и такимъ образомъ выпроводили изъ города. Также точно распорядились и съ библіотекаремъ, г. Бернардъ.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно; все это было бы невѣроятно, когда бы не было такъ несомнѣнно.

Но что всего грустнѣе и, къ истинному прискорбію всякаго честно мыслящаго гражданина, всего несомнѣннѣе, это—роковая живучесть Рыкова среди нашихъ всевозможныхъ самоуправляющихся обществъ. Напрасно думаютъ, что Рыковъ сосланъ и влачитъ жалкое существованіе тамъ гдѣ-то въ Сибирскихъ тундрахъ: рѣдкая волость, рѣдкое городское сословіе, рѣдкая городская дума не обладаетъ своимъ Рыковымъ того или другаго размѣра, отъ самыхъ грандіозныхъ до самыхъ микроскопическихъ. Духъ Ивана Гавриловича, его принципы, заключающіеся въ отрицаніи всякихъ принциповъ, его пріемы, состоящіе изъ наглости и безстыдства, обмана и нрав-

ственнаго насилія, живутъ и будутъ жить у насъ дотолѣ, пока правительство не покинетъ своего равнодушія къ общественному самоуправленію и не очиститъ его, въ сущности, плодородной нивы отъ сорныхъ травъ, заглушившихъ ее за эти двадцать пять лѣтъ ея *безпризорнаго* прозябанія. Лучшее тому доказательство — чтобъ не ходить далеко—лѣтописи нашего московскаго общественнаго и сословнаго самоуправленія.

Хотя Москва не дошла еще въ своихъ внѣшнихъ муниципальныхъ распорядкахъ до чего-либо подобнаго Скопинскимъ, Орловскимъ и инымъ безобразіямъ, но полнѣйшая тождественность муниципальнаго режима, одинаковость пріемовъ, практикуемыхъ представителями и вождями самоуправленія, замѣчательное сходство ихъ дѣловаго направленія и настроенія съ направленіемъ и настроеніемъ ихъ провинціальныхъ прототиповъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и столичное самоуправленіе отъ прискорбной судьбы провинціальнаго отдѣлено только временемъ.

Въ частности Москва уже и теперь, изъ 25-лѣтней исторіи своего самоуправляющагося муниципалитета, можетъ указать цѣлый рядъ фактовъ, если и не вполнѣ достойныхъ стать на ряду съ образчиками Рыковскаго и Авиловскаго самоуправства, то по практическому характеру своему болѣе или менѣе къ нимъ близкихъ и имъ сродныхъ, а по нравственному значенію и внутреннему смыслу съ ними и вовсе тождественныхъ.

Мысленно припоминая эту исторію, съ перваго своего дня и доселѣ прошедшую на нашихъ глазахъ, можемъ, положа руку на сердце, сказать, что въ ней ни одного дня не приходится на долю того, что принято опредѣлять терминомъ *самоуправленія*, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе водворяется, растетъ и укрѣпляется одно самоуправство главарей муниципальнаго управленія съ ихъ ближайшими сотрудниками, карьеристами общественной службы — самоуправство, поощряемое изумительными къ нему равнодушіемъ и апатіей чуть не двухъ сотъ истинныхъ, по теоріи законодателя, правителей города, и ***еще болѣе изумительной безучастностью всего населенія.***

Дебютомъ московскаго самоуправленія, до воцаренія въ немъ гостинноДворскихъ традицій и идеаловъ, явилось, какъ извѣстно, газовое освѣщеніе. Почему первѣйшая заботливость горожанъ устремилась именно къ этому предмету городскаго хозяйства, хотя въ то время, какъ и теперь, ¼ вѣка спустя, не доставало даже воды для питья? Да потому, что горожанъ объ этомъ и не спрашивали, а гласные остались безгласными предъ волей городскаго головы. А головой былъ князь Щербатовъ, аристократъ по рожденію и воспитанію, европеецъ по образу жизни, вкусамъ и привычкамъ, газовый же свѣтъ въ ту эпоху составлялъ послѣднее слово городскаго комфорта и освѣтительной техники.

Что касается реализаціи этого послѣдняго слова на практикѣ, въ этомъ отношеніи юный самоуправляющійся муниципалитетъ во-очію доказалъ всему свѣту, что онъ былъ совершенно

неспособенъ къ удовлетворительному рѣшенію задачи, за которую взялся: нельзя, при этомъ, сказать, что онъ оказался выше этой задачи, или ниже ея—нѣтъ, онъ какъ-то странно перескочилъ черезъ нее, такъ и оставивъ ее нерѣшенною.

Дѣло газоваго освѣщенія осуществилось такимъ удивительнымъ способомъ, при которомъ и предприниматели, вошедшіе въ договоръ съ Москвою, неоднократно радикально разорялись, и газовые фонари своимъ мракомъ и тьмою успѣшно соперничали съ своими масляными и керосиновыми конкуррентами, и городъ ограничился въ своихъ освѣтительныхъ вожделѣніяхъ сравнительно необширною площадью, заключенною въ поясѣ Землянаго вала, и обыватели ничуть не увлеклись этимъ усовершенствованнымъ видомъ освѣщенія, упорно игнорируя его со дня его возникновенія и доселѣ.

Подробное разсмотрѣніе и изученіе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла однихъ приводило къ заключенію, что въ его неожиданномъ фіаско виновато самоуправленіе, другихъ — заставляло обвинять предпринимателей, но если дерево познается по плодамъ, и труды человѣческіе оцѣниваются сообразно проистекающей отъ нихъ пользѣ, то, избѣгая излишнихъ подробностей, нельзя не признать, что древо муниципальной мудрости, возраставшее столь кислый и горькій плодъ, каково наше газовое освѣщеніе, не далеко ушло отъ евангельской безплодной смоковницы, и муниципальные труды, подъятые для насажденія и произращенія такого плода, заслуживаютъ развѣ

самой дешевой оцѣнки и ровно никакой признательности со стороны населенія.

Послѣдующими дѣяніями молодаго самоуправленія на пути муниципальной славы явились сооруженія мостовъ.

Этими сооруженіями самоуправленіе опять не столько серьезно занялось, сколько увлеклось: начавъ ихъ съ Бородинскаго моста, въ которомъ, дѣйствительно, съ незапамятныхъ временъ ощущалась настоятельная потребность, ибо существовавшій деревянный Дорогомиловскій мостъ на все время весенняго разлива Москвы-рѣки отрѣзалъ всякое сообщеніе съ городомъ для цѣлой Дорогомиловской слободы съ окружающими ее фабриками, заводами и пригородными поселками — городъ продолжалъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи послѣдовательною постройкою мостовъ: Краснохолмскаго— который вовсе ужъ не представлялъ такой жгучей необходимости для населенія, ибо находится въ разстояніи не болѣе 1½ верстъ отъ постояннаго же Москворѣцкаго моста; такъ называемаго Высокаго чрезъ Яузу — въ которомъ сказывалось еще меньше надобности, ибо онъ расположенъ въ ¼ в. отъ постояннаго же такъ называемаго Яузскаго моста; затѣмъ Коммиссаріатскаго, находящагося не болѣе, какъ въ ½-верстѣ отъ Москворѣцкаго, далѣе Крымскаго, расположеннаго въ довольно близкомъ разстояніи отъ большаго Каменнаго моста, и, наконецъ, Новоспасскаго, стоящаго тоже въ весьма недалекомъ разстояніи отъ Краснохолмскаго.

Всѣ эти сооруженія и каждое порознь, и взятыя въ совокупности, потребовали затраты огромнаго капитала, и хотя нельзя отрицать и значительной пользы, какую они приносятъ населенію, облегчая ему пути сообщенія, но нельзя не признать и того, что по части этого рода сооруженій самоуправленіе слишкомъ не въ мѣру проявило усердія: изо всѣхъ этихъ мостовъ съ тремя-четырьмя по крайней мѣрѣ можно бы было пообождать, обративъ издержанныя на нихъ огромныя суммы на удовлетвореніе массы другихъ потребностей населенія, въ которыхъ нужда ощущалась и тогда, какъ ощущается и теперь, между тѣмъ какъ по иному изъ этихъ мостовъ пройдетъ и проѣдетъ какая-нибудь сотня-другая людей въ цѣлый день.

Еще болѣе усердія не по разуму выказало самоуправленіе легкомысленною затратой крупной суммы городскихъ денегъ на постройку такъ называемаго Крытаго рынка: это аляповатое, не приспособленное къ нуждамъ торговцевъ сооруженіе, чуть не цѣлый десятокъ лѣтъ пустовавшее за совершеннымъ отсутствіемъ съемщиковъ, и доселѣ безобразитъ собою одну изъ городскихъ площадей, служа непререкаемымъ доказательствомъ, что подъ эгидой самоуправленія возможны какія угодно злоупотребленія общественныхъ средствъ, помимо дѣйствительныхъ потребностей, на блажныя фантазіи праздномыслія или даже на удовлетвореніе алчныхъ вожделѣній недобросовѣстности.

Исторія построенія этого неудачнаго рынка повѣствуетъ, что о немъ не только никто ни

изъ обывателей, ни изъ торговцевъ не ходатайствовалъ предъ самоуправленіемъ, но даже и не намекалъ, и явился онъ сюрпризомъ и для тѣхъ и для другихъ, и сюрпризомъ рѣшительно ненужнымъ, ибо многіе годы ни на одно изъ его въ высшей степени неудобныхъ торговыхъ помѣщеній не находилось нанимателей.

Значитъ, какъ первая о немъ мысль зародилась, такъ и ея практическое осуществленіе совершилось вовсе безъ участія не только городскихъ жителей, но и представителей, а развѣ съ вѣдома и по желанію немногочисленной группы аферистовъ, успѣвшей возобладать надъ самоуправленіемъ.

Между тѣмъ обывательскихъ средствъ это негодное сооруженіе поглотило весьма достаточную сумму, помнится, около 100 тыс. р., и уже тогда только, когда этотъ капиталъ былъ такъ непроизводительно затраченъ, обнаружилось, что зданіе воздвигалось безъ всякаго соображенія съ нуждами и желаніями людей, для которыхъ предназначалось, или, говоря проще, строилось невѣдомо зачѣмъ, и только дискредитировало предъ населеніемъ авторитетъ самоуправленія, представляемаго Думой, дотолѣ ничѣмъ серьезно не поколебленный.

Изъ дальнѣйшихъ предпріятій нашего самоуправленія, осуществленныхъ въ ближайшій къ намъ періодъ времени, особенно выдаются: постройка Александровскихъ казармъ, эксплоатація Сокольничьей рощи и сооруженіе бойни. Каждое изъ нихъ служитъ, въ той или другой степени, неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что съ по-

стройки Крытаго рынка начался новый періодъ московскаго самоуправленія, т. е. періодъ постепеннаго торжества ничуть не симпатичныхъ пріемовъ городскаго хозяйствованія, впервые обнаружившихся, безъ особенной впрочемъ смѣлости и дерзости, въ исторіи этого сооруженія; поэтому каждое изъ нихъ, полагаемъ, заслуживаетъ болѣе или менѣе обстоятельнаго упоминанія.

Постройка казармъ совершилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во исполненіе Высочайшей воли Дума рѣшила ее въ размѣрахъ, удовлетворительныхъ для помѣщенія двухъ полковъ. По ст. 16-й Высочайше утвержденнаго Положенія о преобразованіи воинской квартирной повинности, приступать къ этой постройкѣ слѣдовало не иначе, какъ по разсмотрѣніи думскихъ проектовъ Строительнымъ Отдѣленіемъ Губернскаго Правленія и особыми лицами по назначенію мѣстнаго воинскаго начальства, обсужденіи ихъ въ особомъ Губернскомъ Распорядительномъ Комитетѣ и утвержденіи военнымъ министерствомъ.

Наше самоуправленіе, напротивъ, начало какъ разъ съ того, чѣмъ слѣдовало кончать, т. е. сначала приступило къ постройкамъ, а затѣмъ уже представило проекты на разсмотрѣніе указанныхъ вѣдомствъ, такъ что, когда первая изъ этихъ инстанцій приступила только къ осмотру мѣстности, выбранной для постройки, то застала работы уже въ полномъ ходу, и не только фундаментъ, но даже и часть стѣнъ выведенными.

Между тѣмъ представленные на разсмотрѣніе и утвержденіе проекты оказались никуда негод-

ными. Такъ, протоколомъ Строительнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія отъ 15 декабря 1877 г. они признаны были неудовлетворительными, вслѣдствіе чего и были возвращены въ Городскую Управу для передѣлки. Постройки, однако, это обстоятельство не остановило.

Вслѣдъ затѣмъ поступила въ Управу записка депутатовъ военнаго вѣдомства, съ своей стороны признававшая эти проекты тоже негодными, и полагавшая необходимымъ постройку остановить, а проекты подвергнуть надлежащимъ измѣненіямъ и предварительному разсмотрѣнію въ вышеуказанномъ порядкѣ.

Управа, не останавливая и послѣ того постройки, а напротивъ, еще ретивѣе продолжая ее, передѣлала, однако, проектъ (при чемъ не преминула составить и дополнительную смѣту на переломку, измѣненія и дополненія сообразно измѣненному проекту, въ суммѣ 434.533 р. 57 к.), но препроводила его уже не въ Строительное Отдѣленіе Губернскаго Правленія, какъ бы слѣдовало, а прямо въ Губернскій Распорядительный Комитетъ.

Послѣдній, впрочемъ, не замедлилъ передать его на заключеніе тогоже Строительнаго Отдѣленія, и такъ какъ нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ Управѣ указаній и новымъ проектомъ не были приняты во вниманіе, то и возникли новыя пререканія, представленныя на рѣшеніе военнаго министра.

Постройка, тѣмъ временемъ, все продолжалась, благо къ прежде ассигнованнымъ средствамъ при-

соединены были и указанные новой дополнительной смѣтой чуть не полмилліона рублей. А въ Петербургѣ, по распоряженію военнаго министра, учреждена была, при Главномъ Инженерномъ Управленіи, особая коммиссія для разсмотрѣнія присланнаго дѣла и разбора возникшихъ пререканій, при чемъ Управѣ было предложено командировать уполномоченныхъ для засѣданія въ этой коммиссіи—одного изъ ея членовъ и двухъ архитекторовъ.

Выборъ управы палъ на строителя Крытаго рынка, г. Холмскаго, и архитекторовъ Попова и Залѣсскаго. Результатомъ ихъ поѣздки явилась новая дополнительная смѣта въ 63,000 слишкомъ рублей, составившая, вмѣстѣ съ другими дополнительными же смѣтами, такой сюрпризъ городу въ 520 слишкомъ тысячъ рублей, что Управа признала за лучшее до поры до времени вовсе не заявлять о немъ ни плательщикамъ, ни ихъ представителямъ, и городъ впервые о немъ узналъ чуть ли не черезъ два года послѣ того, какъ деньги были израсходованы Управой даже *безъ спроса и безъ думской ассигновки.*

Но и всѣ эти мытарства не привели дѣла къ концу и оказались необходимыми новыя ходатайства о томъ, чтобы, во вниманіе къ цѣнности матеріаловъ, дозволено было не ломать нѣкоторыя части каменныхъ построекъ, сложенныхъ на цементѣ, а для сокращенія расхода нѣкоторыя каменныя стѣны замѣнить деревянными, и только послѣ этихъ ходатайствъ просимое раз-

рѣшеніе послѣдовало, чѣмъ и окончились всѣ препирательства.

Какже, по крайней мѣрѣ, наше самоуправленіе, не справлявшееся съ законами и тѣмъ причинившее городу свыше чѣмъ ½-милліонный убытокъ— совершило самое дѣло, т. е. хорошо ли и добросовѣстно ли исполнило постройку?

Увы! Отвѣтъ и на этотъ вопросъ не можетъ быть удовлетворительнымъ. Пишущій эти строки въ свое время имѣлъ случай двукратно осматривать казарменныя постройки и второй разъ, желая провѣрить свои наблюденія, произвелъ подробный осмотръ казармъ въ сообществѣ съ архитекторомъ Фрейденбергомъ, какъ патентованнымъ специалистомъ дѣла. Результаты обоихъ осмотровъ оказались въ высшей степени неутѣшительными, равно какъ и заключенія особой коммиссіи, назначенной Думою, подъ предсѣдательствомъ гласнаго, проф. Муромцева, для разсмотрѣнія отчета по постройкѣ казармъ и освидѣтельствованія ихъ. Только коммиссія Московскаго Архитектурнаго Общества въ своемъ заключеніи высказалась иначе, но за то записка полковника Таубе явилась подтвержденіемъ двухъ предыдущихъ заключеній.

Такимъ образомъ, къ имѣвшимся въ дѣлѣ мнѣніямъ о проектѣ казармъ Строительнаго Отдѣленія Московскаго Губернскаго Правленія и депутатовъ военнаго вѣдомства, а равно и заключеніямъ, явившимся въ результатѣ нашего осмотра казармъ совмѣстно съ г. Фрейденбергомъ, прибавились: заключенія Думской коммиссіи,

мнѣніе коммиссіи Архитектурнаго Общества, и наконецъ, записка полковаго командира, полковника Таубе, съ практическими замѣчаніями о неудобствахъ обитанія нововыстроенныхъ казарменныхъ помѣщеній.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ мнѣній и отзывовъ, и по ихъ существу, и по ихъ разнохарактерности, на столько интересно, что мы считаемъ болѣе удобнымъ, ради наглядности, изложить ихъ въ видѣ таблицы, не отступая, притомъ, и отъ хронологическаго порядка. Вотъ они:

I.

«Въ проектахъ (по постройкѣ казармъ) не обозначены способъ отвода дождевыхъ и грунтовыхъ водъ, изолированіе фундаментовъ и подваловъ отъ сырости, отопленіе и вентиляція»... «Зданія не имѣютъ брантмауеровъ выше крыши»..... «Расположеніе офицерскихъ квартиръ крайне неудобно;... карцерныя печи расположены не у капитальныхъ стѣнъ;... помѣщеній для писарей и учебной команды вовсе не имѣется», и пр. и пр. «Вообще проекты казармъ какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по расположенію и вмѣстимости составлены неудовлетворительно»... (Мнѣніе Строительнаго Отдѣленія Моск. Губ. Правленія—протоколъ 15 дек. 1877 г.)

II.

«Гигіена и выработанное на ея началахъ Высочайше утвержденное Положеніе въ проектахъ игнорированы»..... «Вся мѣстность, прилегающая непосредственно къ заднему фасу казарменныхъ зданій, покрыта сплошь испражненіями воловъ, такъ какъ съ давнихъ поръ мѣсто это служитъ для стоянки гуртовъ, которые нерѣдко заносятъ заразительныя болѣзни».... «Форма и группировка казармъ и относящихся къ нимъ строеній въ гигіеническомъ отношеніи избраны наихудшія;... корридоры, соединяющіе ретирады, слишкомъ коротки;... стѣнъ нѣтъ, а все столбы, и потому пирамидъ для ружей, ранцевъ, котелковъ, патронныхъ сумокъ и пр. негдѣ повѣсить»... «Въ двухъ ротахъ нѣтъ комнатъ ни для унтеръ-офицеровъ, ни для вольноопредѣляющихся;... по числу ротъ недостаетъ очаговъ, нѣкоторыя столовыя удалены отъ кухонь на столько, что придется подносить пищу на разстояніи до 43 саж.»... «Въ классныхъ комнатахъ учебной команды, гдѣ ученики находятся почти весь день, нечѣмъ будетъ дышать, а размѣщеніе таково, что часть учениковъ не въ состояніи будетъ даже слышать голоса учителя»... «Въ фасадѣ явное противорѣчіе съ пла-

номъ».... «Проектъ составленъ крайне неудовлетворительно, такъ какъ, не смотря на громадныя затраты, кромѣ рутинныхъ образцовъ казармъ, могущихъ быть годными за полстолѣтіе назадъ, не введено ничего того, что въ послѣднее время указали опытъ и наука».... (Мнѣніе инженеровъ и депутатовъ военнаго вѣдомства).

III.

«Три двора были болѣе чѣмъ на половину залиты водой;... дворы не только не замощены, но даже не спланированы для надлежащаго стока, хотя за спланировку ихъ заплачено 3735 р. 54 к... Входъ на чердакъ въ офицерскомъ корпусѣ по деревянной лѣстницѣ, а всѣ потолочныя балки совершенно открыты и отъ пожара не защищены. Помои во всѣхъ корпусахъ выносятся сажень за 40 отъ строенія, вслѣдствіе чего кадки съ помоями и отбросами стоятъ въ корридорахъ или на черныхъ лѣстницахъ (даже въ офицерскомъ корпусѣ)... Въ солдатскихъ корпусахъ всѣ нижніе этажи сыры, а мѣстами стѣны совершенно мокры и покрыты плѣсенью даже выше подоконниковъ. Въ помѣщеніи 6-й роты Нарвскаго полка во время сильной оттепели «вода, по словамъ обитателей, въ родѣ ключа бѣжитъ на полъ сквозь стѣну». Въ лазаретѣ, въ кухонномъ отдѣленіи, стѣна такъ сыра, что матрацъ на кровати, стоящей около нея, оказался совершенно мокрымъ; въ пріемномъ покоѣ и въ помѣщеніи полковаго каптенармуса холодно какъ въ погребѣ, ибо тепло изъ душниковъ не идетъ. Кровати въ спальнѣ нестроевой роты того же полка помѣщены частью у совершенно сырыхъ стѣнъ, за неимѣніемъ другаго мѣста, и по отзывамъ обитателей, по утрамъ тяжело вставать отъ головной боли; вообще въ этой части казармъ очень холодно. Въ комнатѣ фельдшера и сосѣдней съ нею, гдѣ работаютъ сапожники, никакого отопленія нѣтъ. Столярная работа по всѣмъ казармамъ въ высшей степени не-

VI.

Приступая къ постройкѣ казармъ безъ разсмотрѣнія и утвержденія проекта въ спеціальныхъ, для того указанныхъ закономъ учрежденіяхъ, городъ, очевидно, «рисковалъ, что выстроенныя казармы или вовсе не будутъ приняты или ихъ придется передѣлывать»....

Первая «передѣлка въ проектѣ повлекла за собою увеличеніе смѣтной стоимости построекъ на 359,986р. (а не на 434,533 р. 57 к., какъ ошибочно исчислено въ докладѣ Городской управы за № 125)» *).

Вся «стоимость казармъ — 2,095,778 р. 54 к. (а не 2,115, 121 р. 17 к., какъ ошибочно напечатано въ докладѣ Управы и не 2,056,108р. 55³/₄ к., какъ выводитъ исполнительная коммиссія). Такимъ образомъ передержка противъ смѣты—521,663 р. 65 к.» **). Объ этой передержкѣ городская Дума была извѣщена «почти черезъ два года послѣ того, какъ деньги были израсходованы, докладомъ Управы за № 125», который, въ свою очередь, «былъ разсмотрѣнъ Думой только черезъ годъ по его представленіи», при чемъ всѣ распоряженія Управы были утверждены.

«Не найдено актовъ: о пріемѣ 800 тыс.кирпича, о работахъ подрядчиковъ Александрова и Веденѣева на сумму 10,683 р. (хотя и уплачено имъ 9,614 р. 70 к.), обмѣра работъ Губонина; нѣкоторыя смѣты вовсе не были провѣрены Городскою Управой (даже смѣта въ

*) Какова ошибка на 75.000 р.!

**) Тогда какъ исполнительная коммиссія указывала на экономію въ 400 слишкомъ тыс. р.! Такова бухгалтерія!

удовлетворительна. Форточки въ окнахъ могутъ отворяться въ большинствѣ случаевъ не иначе, какъ при помощи лѣстницъ...» и т. д. т. п. (Замѣчанія, явившіяся результатомъ осмотра казармъ, произведеннаго авторомъ при участіи архитектора Фрейденберга).

31,609 р. 47 к., по мастерскимъ). Въ отчетѣ исполнительной коммиссіи по солдатскимъ корпусамъ кирпича показано по каждому корпусу болѣе надлежащаго на 75348 шт.»

«Обстановка всего дѣла не мало повліяла на увеличеніе количества израсходованнаго кирпича сравнительно съ количествомъ, исчисленнымъ по смѣтамъ. Тоже повторилось и относительно бутовой кладки въ фундаментахъ».

«Вмѣсто исчисленныхъ по смѣтамъ 588 пуд. пакли употреблено было въ дѣло 2456 пуд., ибо подрядчикъ конопатныхъ работъ не былъ заинтересованъ соблюденіемъ экономіи въ хозяйскомъ матеріалѣ... Нѣкоторымъ подрядчикамъ работа была сдана по цѣнамъ слишкомъ высокимъ... Всѣ вышеприведенныя обстоятельства были прямымъ послѣдствіемъ хозяйственнаго способа производства работъ, руководимыхъ, по видимому, людьми не совсѣмъ опытными и знакомыми со всѣми подробностями строительнаго дѣла...»

Казармы «выстроены прочно и *безъ существенныхъ недостатковъ*... Въ полуподвальныхъ этажахъ замѣчается нѣкоторая сырость, особенно въ столовыхъ...» Въ помѣщеніяхъ для склада хлѣба и оружія сырость на столько значительна, что «лишаетъ возможности сдѣлать изъ этихъ помѣщеній надлежащее употребленіе... Большая сырость въ кухняхъ нестроевыхъ ротъ...» Въ полковыхъ канцеляріяхъ вентиляція «совсѣмъ не дѣйствуетъ, воздухъ спертъ и испорченъ.... Въ ротныхъ помѣщеніяхъ воздухъ сухъ за отсутствіемъ увлажающихъ аппаратовъ. Въ лазаретѣ Копорскаго полка, въ помѣщеніяхъ аптеки и фельдшера, чрезвычайно холодно, зимою не свыше 8° тепла, а часто и меньше; многія печи въ Штабномъ корпусѣ дымятъ, а кухонный чадъ проникаетъ въ помѣщенія офицерскихъ собраній и въ квартиры, при очисткѣ ретирадъ развивается въ ротныхъ помѣщеніяхъ зловоніе, лѣтомъ же запахъ отъ ретирадъ замѣчается постоянно и помимо очистки».... (Заключенія Думской коммиссіи по разсмотрѣнію отчета и освидѣтельствованію казармъ).

V.

«Внѣшній видъ казармъ простъ, но имѣетъ художественный характеръ.»

...«Повсюду чистый воздухъ; на стеклахъ оконъ не было пота, что доказываетъ, что въ помѣщеніяхъ не было избытка влажности даже въ полуподвальномъ этажѣ»... «Въ полковыхъ лазаретахъ комнаты и корридоры свѣтлые, теплые и чистые; воздухъ чистый, особенно въ лазаретѣ, ближайшемъ къ городу».

«Казармы вообще стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ на ряду съ лучшими изъ современныхъ зданій этого рода, какъ русскихъ,такъ и заграничныхъ». (Мнѣніе коммиссіи Московскаго Архитектурнаго Общества) *).

IV.

«Въ полковомъ лазаретѣ для удовлетворенія нуждъ находящихся въ немъ нижнихъ чиновъ и приходящихъ больныхъ, всего до 150 чел., одно судно.... Дежурная комната для фельдшера такъ холодна, что не смотря ни на какія мѣры, температура не превышаетъ 5° R. Въ швальнѣ, гдѣ работаютъ до 125 чел., крайне тѣсно и не имѣется ретираднаго мѣста, какъ при всѣхъ вообще мастерскихъ... Въ плотничной мастерской нѣтъ двойныхъ дверей, сыро и холодно... Комната для фельдшера нестроевой роты сыра и холодна, какъ и комната для храненія оружія... Весь полуподвальный этажъ главнаго корпуса заливается водою, стекающею со двора... На незамощенныхъ дворахъ казармъ въ ненастное время невылазная грязь, въ сухое страшная пыль, проникающая въ казармы... Въ офицерскомъ собраніи полы почти во всѣхъ комнатахъ потрескались, мѣстами опустились и поднялись, и требуютъ частію капитальнаго ремонта, частію замѣны новыми... Въ квартирѣ командира полка въ одной комнатѣ протекаетъ сверху, въ другой крайне сыро, въ углахъ и на стѣнахъ плѣсень... Вода въ колодцахъ известковая и мало годная къ употребленію... Ступени лѣстницъ со стороны главнаго фасада такъ высоки, что въ гололедицу трудно подняться безъ посторонней помощи».... (Записка командира Копорскаго полка, полковника Таубе).

Такимъ образомъ, всѣ мнѣнія и заключенія и о проектахъ казармъ, и о выполненіи ихъ (если не считать мнѣнія Архитектурнаго Общества, которое пожелало отдѣлаться отъ серьезнаго порученія общими фразами въ разрѣзъ очевидной истинѣ), сходятся къ одному: что самоуправленіе, взявшись за эту огромную постройку, нача-

*) Такова смѣлость обращенія съ истиной цѣлой коммиссіи спеціалистовъ!

ло ее противузаконно, продолжало безтолково и безпечно и окончило скверно, промотавъ, при этомъ, свыше ½-милліона городскихъ денегъ безъ всякаго на то со стороны города полномочія и скрывая отъ него этотъ свой неслыханный поступокъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ...

Что же, получили ли его вожаки за все это съ чьей-либо стороны *возмездіе?* Да, получили: приговоромъ Московской Думы отъ 20 октября 1880 г. постановлено всѣ распоряженія Городской Управы по постройкѣ казармъ утвердить, а предсѣдателю и членамъ исполнительной коммиссіи по этой постройкѣ выразить *глубокую благодарность Думы.*

Да еще и этого мало: городу Москвѣ за постройку такихъ казармъ исходатайствована была Высочайшая благодарность, а купцу Протопопову, какъ предсѣдателю исполнительной коммиссіи, даже орденъ Станислава 3-й степени!

Это странное торжество общественной нерадивости и недобросовѣстности, не только превознесенныхъ неразборчивою признательностью городскихъ представителей, но и удостоенныхъ даже Высочайшаго отличія, окончательно развязало руки той группѣ аферистовъ, вліяніе которой на наше самоуправленіе сказалось еще въ сооруженіи Крытаго рынка.

Но на это предпріятіе, какъ оно ни было, сравнительно, ничтожно по размѣрамъ, все же, однако, пальцами указывали, какъ на образчикъ безсмысленнаго и — говоря прямо — безсовѣстнаго расточительства обывательскихъ налоговъ. Казармы, испытавшія на себѣ хозяйственный спо-

собѣ этой группы, примѣненный къ безслѣдному поглощенію болѣе полумилліона городскихъ денегъ, и еще къ пріобрѣтенію этимъ путемъ гражданскихъ отличій,—доказали, что при существующемъ строѣ гражданскихъ отношеній для подобной моли, разъ она завелась въ самоуправленіи, нѣтъ никакихъ предѣловъ и границъ, равно какъ и противъ нея, въ ея естественномъ стремленіи подтачивать общественное достояніе и благосостояніе, не выдумано средствъ...

Сокольничья роща вынесла на своихъ могучихъ вѣтвяхъ послѣдующій опытъ въ этомъ смыслѣ, сотнями необъятнаго размѣра пней, оставшихся отъ 10-и 15-саженныхъ лѣсныхъ великановъ, доказавъ, что подъ эгидою самоуправленія, даже столичнаго, возможны не однѣ двусмысленныя передержки на постройкахъ, не одни безслѣдныя исчезновенія сотенъ тысячъ оплаченныхъ городомъ кирпичей, но и прямо хищническія порубки заповѣдныхъ лѣсовъ, составляющихъ истинно безцѣнное сокровище города. Сущность этой Сокольничьей исторіи въ нашемъ самоуправленіи слѣдующая.

Вслѣдъ за уступкой, по Высочайшей милости въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, въ пользу города исторической Сокольничьей и Оленьей рощи и вскорѣ по введеніи въ ней муниципальнаго хозяйства по Москвѣ распространились слухи о томъ, будто это хозяйство далеко не въ добромъ порядкѣ: будто очистка лѣса отъ бурелома и сухоподстойника производится не въ мѣру широкою и либеральною рукой, и будто вмѣстѣ съ хворостомъ и

валежникомъ лѣсъ очищается и отъ величественныхъ сосенъ и елей, которыя были бы способны еще на долгіе годы служить его лучшимъ украшеніемъ и гордостью.

Небольшая кучка гласныхъ третьяго разряда, заинтересовавшись этими слухами, не полѣнилась провѣрить ихъ на мѣстѣ, и, послѣ нѣсколькихъ добровольныхъ экскурсій по 500 десятинамъ Сокольничьяго лѣса, безъ особеннаго труда убѣдилась въ ихъ основательности. Тогда отъ коновода этой кучки поступило въ Думу заявленіе съ указаніемъ на то, что хищническое истребленіе лѣса въ данномъ случаѣ особенно неблаговидно, такъ какъ городъ далеко еще не разсчитался съ казною и въ той незначительной суммѣ, за какую, по особой Высочайшей милости, пріобрѣлъ это лѣсное сокровище, обязавшись уплачивать оную съ весьма льготною разсрочкой. Къ этому указанію присоединено было и то, что при передачѣ рощи городу Августѣйшій хозяинъ ея поставилъ ему въ непремѣнную обязанность отнюдь не истреблять ея лѣсонасажденій, а заботливо пещись о ихъ сохраненіи.

Заявленіе было передано въ особую коммиссію, которая, не въ примѣръ прочимъ, энергично принялась за порученный ей трудъ. Ея энергія была благовременно поддержана покойнымъ публицистомъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, къ которому присоединились и остальные представители тогдашней московской публицистики. Печатныя обнаруженія и обличенія полились crescendo и вызвали такое волненіе въ московскомъ обществѣ, что городской голова, честно признавши

себя нравственнымъ, по крайней мѣрѣ, виновникомъ Сокольническаго лѣсорасхищенія, счелъ необходимымъ отказаться отъ службы, а вскорѣ за нимъ послѣдовали и два наиболѣе вліятельныхъ въ то время дѣятелей Городской Управы.

Коммиссія тѣмъ временемъ продолжала ревностно трудиться надъ подробнымъ разслѣдованіемъ злоупотребленій въ Сокольничьемъ лѣсномъ хозяйствѣ, и когда окончила его, немедленно же и получила возможность убѣдиться въ безплодности своихъ трудовъ: представители города своимъ приговоромъ постановили дѣло предать волѣ Божіей и сдать въ архивъ, какъ будто устраненіемъ городскаго головы съ двумя его сотрудниками устранялись и разореніе, нанесенное драгоцѣнному городскому имуществу, и убытки, нанесенные имъ городу!

Какъ знаменіе времени отмѣчаемъ тотъ фактъ, что у самого городскаго головы хотя хватило честности скорѣе уйти въ отставку, но гражданскаго мужества на столько, чтобъ просить и требовать гласнаго разслѣдованія и суда надъ собою, чтобы очистить свое имя отъ нареканій—не оказалось...

Когда теперешнему руководителю Московскаго городскаго хозяйства пришло въ голову выдвинуть на очередь вопросъ, первоначальнымъ иниціаторомъ котораго и ревностнымъ пропагаторомъ много раньше былъ пишущій эти строки — вопросъ о сооруженіи городскихъ боенъ, ни за проектами, ни за смѣтами, ни за чужими для ихъ выполненія деньгами дѣло,

конечно, не стало: за послѣдними, въ размѣрѣ двухъ милліоновъ рублей, рѣшено было обратиться въ Берлинъ, при полной возможности получить тѣже деньги простою подпиской у себя дома; къ составленію техническаго проекта на столь сложное и дорогое сооруженіе приглашены были гг. Оберъ и Саблинъ. Они не задержали дѣла и на основаніи ни кѣмъ не разсмотрѣннаго, непровѣреннаго и никакими компетентными лицами или учрежденіями не одобреннаго ихъ проекта составлена была смѣта. Ее тоже не подвергали ни подробному разсмотрѣнію, ни провѣркѣ, и вмѣстѣ съ проектомъ выставили въ Думѣ, для ознакомленія гласныхъ съ обоими этими документами.

Пишущій эти строки, недоумѣвая подобному отношенію къ столь важнымъ для городскаго хозяйства дѣламъ, и опираясь на свою многолѣтнюю строительную практику, на теоретическія свѣдѣнія по строительной части и на спеціальное изученіе вопроса о постройкѣ боенъ въ Петербургѣ и за границей, посвятилъ цѣлую недѣлю на изученіе помянутыхъ документовъ, и въ заявленіи Думѣ, составившемъ результатъ этого изученія, высказался такъ: «Признать нынѣ представляемый проектъ достойнымъ окончательнаго утвержденія Думы, какъ того желаютъ управа и исполнительная коммиссія, нельзя уже потому, что *вопреки закону, вопреки установленному во всѣхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ порядку и обычаю, вопреки,* наконецъ, *здравому смыслу*, техническій проектъ гг. Обера и Саблина на 2-милліонное и столь сложное сооруженіе не былъ не только одоб-

ренъ, но даже разсмотрѣнъ ни однимъ изъ установленныхъ для того техническихъ учрежденій. Единственный техникъ изъ числа 13 лицъ, подписавшихъ докладъ и изъявившихъ себя *компетентными* въ рѣшеніи такого рода спеціальныхъ вопросовъ—и тотъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ ни архитекторомъ, ни гидротехникомъ, ни механикомъ, а вся дѣятельность его была сосредоточена на желѣзнодорожномъ отдѣлѣ строительнаго искусства, который въ данномъ случаѣ не имѣетъ ровно никакого примѣненія. Далѣе, изъ доклада видно, что въ городской строительный совѣтъ были переданы для провѣрки однѣ лишь смѣты, составленныя по этому проекту, *исправленному*, какъ въ докладѣ указано, 13-ю лицами соединеннаго собранія, и что итогъ, *послѣ провѣрки*, составляетъ 1,880,722 р. 77 к. Такая провѣрка 2-милліонной смѣты и самое *заявленіе* исполнительнаго органа, что смѣты провѣрены, представляютъ собой *еще болѣе прискорбное нововведеніе въ нашемъ городскомъ общественномъ управленіи*, чѣмъ даже сейчасъ указанное устраненіе техническаго института отъ дѣла техники: провѣрка смѣты не глядя въ проекты—да развѣ это физически возможно? Развѣ возможно провѣрить требуемое смѣтами количество матеріаловъ и рабочихъ, не имѣя подъ рукой плановъ и разрѣзовъ, по которымъ эти смѣты составлялись? Я просматривалъ эти 2-милліонныя, кое-гдѣ обрызганныя красными чернилами смѣты, и обязанъ заявить, что *онѣ не провѣрены, а только подписаны.*»

Голосъ этотъ остался гласомъ вопіющаго въ

пустыни: «намъ приходится первый разъ за все время входить въ такое подробное разсмотрѣніе проектовъ», сказали мнѣ ихъ составители «не поднимайте этого вопроса», добавилъ при этомъ одинъ изъ нихъ: «такъ было угодно *самому* головѣ».

Заявленіе, составившее трудъ въ нѣсколько листовъ, по краткости остававшагося до засѣданія времени, не могло быть представлено городскому головѣ въ указываемый Городовымъ Положеніемъ срокъ (за три дня до засѣданія), а на собраніи Думы, согласно предложенію ея руководителя, оставлено ею безъ разсмотрѣнія, и все, что авторъ его, побуждаемый гражданскимъ долгомъ, успѣлъ сдѣлать, это—предать все дѣло гласности.

Подобное отношеніе руководителей городскаго общественнаго самоуправленія къ его представителямъ и къ ихъ заботамъ объ интересахъ города, какъ чуждое требованіямъ Городоваго Положенія, оправдано быть, конечно, ничѣмъ не можетъ, и было бы отчасти объяснимо лишь въ томъ случаѣ, еслибы творцы проекта и смѣты представляли собою авторитетъ столь общепризнанный и безспорный, что всякая провѣрка ихъ трудовъ оказывалась бы излишней.

Но о составителяхъ проекта и смѣты по постройкѣ боенъ сказать этого отнюдь нельзя. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ Москвѣ какъ строитель двухэтажнаго деревяннаго въ каменныхъ столбахъ Александровскаго пассажа, сооруженнаго безъ малѣйшаго слѣда какихъ-либо утвержденныхъ плановъ. Другой и вовсе никаки-

ми городскими сооруженіями въ Москвѣ не занимался, а состоялъ много лѣтъ въ провинціи начальникомъ желѣзнодорожнаго участка, а потому ни тотъ ни другой авторитетами строительнаго дѣла названы быть не могутъ.

Очевидно, выбирая ихъ на это дѣло и облекая ихъ довѣріемъ всей Москвы, олигархическій кружокъ городскаго самоуправленія пѣлъ въ унисонъ своему самодержавному владыкѣ; сей же послѣдній и на этотъ разъ, какъ и всегда, руководствовался двумя излюбленными имъ принципами: «нраву моему не препятствуй», во первыхъ, и: «или панъ, или пропалъ»—во вторыхъ.

Послѣдняя фраза, помимо своего исконнаго значенія въ ряду пословицъ и поговорокъ русскаго народа, за послѣдніе годы пріобрѣла и еще другое, частное и мѣстное значеніе, какъ основной принципъ московскаго самоуправленія, провозглашенный торжественно и откровенно его руководителемъ на публичномъ засѣданіи Думы, въ заключеніе преній о разрѣшеніи такъ называемаго водопроводнаго вопроса.

Въ этомъ засѣданіи, которое покойный издатель *Современныхъ Извѣстій* небезосновательно назвалъ *позорнымъ* (т. е. въ томъ смыслѣ, что оно окончилось отказомъ гласныхъ отъ участія въ трудахъ по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ городскаго хозяйства), г. голова, разсуждая о различныхъ способахъ разрѣшенія этого хозяйственнаго вопроса, не безъ преднамѣреннаго, конечно, умысла высказался за избраніе, для сей цѣли, одного *какого-либо* лица и за предоставленіе этому лицу неограниченной власти дѣйствовать

по единоличному своему усмотрѣнію, т. е., какъ тогда и было указано печатью, за *водопроводную диктатуру*.

Умыселъ этотъ заключался, понятно, въ чемъ: изучивъ и интеллектуальныя, и моральныя, и соціальныя свойства и стремленія своей муниципальной паствы, предварительно достаточно выдрессировавъ ее въ искусствѣ благовременнаго, по звонку или паролю, *сидѣнья* и *вставанья*, могъ ли г. голова усомниться, что и на сей разъ она поспѣшитъ утвердить его предложеніе своею санкціей? А разъ эта санкція послѣдуетъ, кого же и облечь диктаторскою властью, какъ не самого проповѣдника диктатуры?

Какъ извѣстно, это именно и случилось: шумными оваціями новому водопроводному диктатору Дума выразила свою признательность за изъявленную имъ готовность принять хлопотливую обузу съ ея коллегіальныхъ плечъ на свои рамена, самъ же диктаторъ, въ прочувствованной рѣчи, высказалъ собранію свой взглядъ на трудную задачу, ему ввѣренную.

Смыслъ рѣчи заключался въ томъ, что водопроводъ будетъ строить онъ, голова, никогда дотолѣ никакого водопровода не строившій, ни техники, ни практики дѣла не вѣдающій; для того же, чтобы имѣть болѣе свободнаго времени для таковой пробы своихъ силъ въ водопроводномъ дѣлѣ, онъ, голова, передаетъ часть прямыхъ своихъ обязанностей своему товарищу, только-что взявшемуся за совершенно незнакомое ему дѣло двухмилліонной постройки боенъ по проектамъ, даже никѣмъ не разсмотрѣннымъ

и не утвержденнымъ; а о могущемъ послѣдовать отъ такого самоуправства результатѣ голова выразился, по отношенію къ себѣ самому, такъ: «панъ или пропалъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяя думѣ обѣщаніе всегда говорить «откровенно», голова въ слѣдующихъ словахъ выяснилъ и могущія быть послѣдствія такой безшабашной постановки дѣла: «если Богъ поможетъ исполнить — поблагодарите, а не осуществится—можетъ быть и не увидите» (засѣд. 2 мая 1886 г., см. стенографическій отчетъ Гор. Думы).

Другими словами: Москва займетъ столько-то милліоновъ на устройство водопровода, чтобы оплачивать этими деньгами водопроводные опыты своего головы, купца Алексѣева, при чемъ, если за эти милліоны Богъ поможетъ ему дать городу воду, то городъ поблагодаритъ его, а если «не осуществится», т. е. если Богъ не поможетъ, то городъ не только не увидитъ воды и занятыхъ для нея милліоновъ, но, «быть можетъ, не увидитъ» и самого купца Алексѣева (какъ это и случилось при разгромѣ городскихъ рядовъ).

Въ томъ же водопроводномъ дѣлѣ встрѣчается и еще фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какіе глубокіе корни пустили въ нашемъ самоуправленіи гостинnодворскіе пріемы неряшливаго и пренебрежительнаго обращенія съ истиной и всякаго рода лжи и обмановъ: извѣстный инженеръ В. А. Титовъ, приглашенный Думой для разсмотрѣнія проектовъ водоснабженія, составленныхъ, съ одной стороны, г. Линдлеемъ, извѣстнымъ строителемъ водопроводовъ въ нѣсколькихъ Западно-Европейскихъ городахъ, а съ другой нашими

инженерами, никогда и никакихъ водопроводовъ не строившими, гг. Кнорре, Шуховымъ и Лембке, изложилъ мнѣніе свое въ двухъ пространныхъ печатныхъ запискахъ, въ которыхъ прежде всего читателя поражаетъ вопросительный знакъ, поставленный имъ передъ словомъ «инженеровъ». По справкѣ оказалось, что знакъ этотъ выражаетъ недоумѣніе г. Титова по поводу присвоенія нѣкоторымъ изъ вышепомянутыхъ лицъ непринадлежащаго имъ званія инженеровъ, каковыми они никогда и не были; изъ дальнѣйшихъ же справокъ обнаружилось, что господа эти вовсе и проекта на водоснабженіе не составляли, а составилъ его извѣстный труженикъ нашего муниципалитета, магистръ ботаники А. Н. Петунниковъ.

Отъ упомянутаго выше торжественнаго и трогательнаго засѣданія 2 мая 1886 г. съ рѣчами, слезами, рукопожатіями и объятіями идетъ уже четвертый годъ, а о водопроводѣ ни слуху, ни духу, потому ли, что правительство воспрепятствовало гостинннодворской затѣѣ, т. е. водопроводной диктатурѣ, или по инымъ причинамъ; у города по прежнему нѣтъ ни воды, ни даже свѣдѣній о томъ, куда утекла та вода, которую брался доставить голова при условіи диктатуры, по проектамъ инженеровъ, которыхъ г. Титовъ отличилъ вопросительнымъ знакомъ.

Одинъ только принципъ, исповѣданный головою въ первыя минуты его диктатуры — принципъ дѣйствованія не на основѣ закона и здраваго смысла, а просто на удачу, руководясь правиломъ: «панъ или пропалъ» —продолжаетъ по прежнему парить въ сферахъ нашего самоуправленія и вре-

мя отъ времени вдохновлять его вождя. Несомнѣннымъ тому доказательствомъ является эпизодъ, совершившійся при погребеніи городскихъ рядовъ, погребеніи, произведенномъ, какъ извѣстно, одною полицейской властью, безъ участія муниципальной. На все московское населеніе, и въ особенности на цѣлыя тысячи торговаго люда, мы помнимъ, эта безучастность городскаго самоуправленія къ такому выдающемуся факту городской жизни, какъ поголовное изгнаніе изъ за прилавковъ на улицу чуть не половины столичнаго торговаго класса—произвела по истинѣ потрясающее впечатлѣніе, усиленное, къ тому же, страшнымъ фактомъ самоубійства въ храмѣ Господнемъ, учиненнаго однимъ изъ такихъ выгнанныхъ на улицу торговцевъ.

Въ этомъ эпизодѣ городской голова далъ населенію блистательное подтвержденіе искренности вышеприведеннаго обѣщанія, такъ ясно и точно формулированнаго имъ въ засѣданіи 2 мая 1886 г.—«если Богъ поможетъ исполнить, поблагодарите, а не осуществится, можетъ быть и не увидите»: увѣряя рядскихъ торговцевъ, что онъ не допуститъ закрытія рядовъ до окончанія предпринятой Думой постройки временныхъ помѣщеній (вопреки объявленному торговцамъ Высочайшему повелѣнію закрыть ряды 1 октября и очевидной невозможности къ этому сроку окончить постройку временныхъ рядовъ по неумѣлому веденію дѣла), г. голова, какъ только увидалъ, что обѣщанія его не осуществились, немедленно исчезъ изъ Москвы... Искавшіе его по всему городу обманутые и разоренные торговцы получали

вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что голова уѣхалъ на югъ...

Таково самоуправленіе даже въ столицѣ. Доказательствомъ же того, что подобный ходъ дѣлъ отнюдь не оскорбляетъ огромнаго большинства гласныхъ, а напротивъ, вполнѣ ими одобряется, служитъ поднесенный головѣ, въ засѣданіи 20 декабря 1888 года, отъ имени 115 гласныхъ адресъ, заканчивающійся словами: «Въ виду всего этого (т. е. всей предшествующей его дѣятельности въ качествѣ головы), гласные Московской Городской Думы почли своимъ долгомъ заявить вамъ публично свое *полное и горячее сочувствіе.*«

Этихъ эпизодовъ изъ исторіи нашего *самоуправленія*, полагаемъ, достаточно для заключенія, что того,что въ теоріи принято обозначать этимъ терминомъ, у насъ вовсе и не существовало, и доселѣ не существуетъ: каждый изъ этихъ фактовъ въ отдѣльности указываетъ на то, что все городовое положеніе, въ своемъ практическомъ примѣненіи, сводилось и сводится у насъ или къ олигархіи, когда глава самоуправленія не отличается силою характера, или къ единовластію и деспотизму, когда онъ обладаетъ личною смѣлостью и дерзостью.

Что касается всего населенія Москвы, простирающагося, безъ сомнѣнія, до милліона душъ, то кто же изъ этого милліона принимаетъ участіе въ самоуправленіи?

Отдаленное, посредственное и ничуть не осязательное—нѣсколько тысячъ душъ избирателей.

Непосредственное, но столь же мало осязательное—180 избранниковъ, изъ коихъ болѣе поло-

вины даже рѣдко являются для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей.

Непосредственное и нѣсколько болѣе осязательное — какая - нибудь четверть этого числа, менѣе 50 лицъ, проявляющихъ свою энергію хотя бы исправнымъ посѣщеніемъ думскихъ собраній; но и изъ этого числа тоже по крайней мѣрѣ половину составляютъ такъ называемые безгласные, никогда не заявляющіе ни своихъ мнѣній, ни какихъ - либо соображеній по предмету общественной пользы, и согласные, т. е. такіе, которые готовы согласиться на что угодно и съ чѣмъ угодно въ угоду не только предсѣдателю, но и случайному сосѣду на собраніи.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе первопрестольной столицы по дѣламъ городскаго самоуправленія и хозяйства представляется какими нибудь двумя дюжинами дѣльцовъ, изъ коихъ половина еще, пожалуй, и къ самоуправленію-то пристегивается не безъ задней мысли о своихъ личныхъ интересахъ, или вовсе не заботясь объ общественныхъ, или же стараясь искусственными средствами направлять общественное дѣло не къ общему благу населенія, а къ цѣлямъ личной или корпоративной корысти и тщеславія.

Слѣдовательно, безупречно благонадежныхъ въ смыслѣ общественной пользы отъ всего представительства Москвы остается развѣ какой нибудь десятокъ гласныхъ, да и изъ этого ничтожнаго числа необходимо вычесть половину на малоспособныхъ, слабохарактерныхъ и т. п.—и вотъ когда только получится приблизительно вѣрная цифра

гласныхъ, заботящихся честно и энергично объ интересахъ исключительно общественныхъ, неспособныхъ сдаваться ни на просьбы, ни на ласкательства.

Но эта цифра, поразительная своей ничтожностью, самою силою вещей обречена на вѣчное меньшинство, на непрестающій протестъ, всего болѣе утомительный для самихъ протестантовъ которые, въ большинствѣ случаевъ, и оканчиваютъ свою общественную дѣятельность добровольнымъ устраненіемъ себя изъ состава Думы, послѣ многократныхъ опытовъ, блистательно подтверждающихъ незыблемую истину, что «одинъ въ полѣ не воинъ».

Тоже торжество олигархической разнузданности, поощряемой равнодушіемъ общественниковъ къ интересамъ общаго блага, представляютъ и сословныя самоуправленія, созданныя по шаблону общественныхъ городскихъ. Непререкаемое тому доказательство имѣется въ 25-лѣтней исторіи нашего-же московскаго мѣщанскаго самоуправляющагося общества. Всѣ эти избранники мѣщанства, призываемые на общественную дѣятельность лишь ради сбора податей съ членовъ своего сословія, да доходовъ съ своихъ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ и расходованія ихъ на содержаніе престарѣлыхъ и бѣдныхъ своихъ собратій—цѣлую четверть столѣтія только тѣмъ и занимались, что, распадаясь на двѣ партіи, междоусобничали другъ съ другомъ и то низлагали враждебныхъ имъ старшинъ, то возводили въ этотъ санъ своихъ клевретовъ, пока, наконецъ,

и были за то наказаны судьбою въ лицѣ пресловутаго мѣщанина Шестеркина.

Сей послѣднiй, пробиравшiйся къ старшинскому сѣдалищу обычнымъ путемъ притворной заботливости о меньшей братiи,объ истинныхъ интересахъ своего сословiя, о прiумноженiи сословнаго достоянiя и развитiи общаго благосостоянiя всѣхъ членовъ многочисленнаго мѣщанскаго общества, усѣвшись наконецъ на желанномъ мѣстѣ, не долго удивлялъ своихъ «милосливыхъ государей» этими прекрасными чувствами и стремленiями: горячая заботливость объ общемъ благѣ стала въ немъ скоро и замѣтно уступать заботамъ о благѣ собственной особы, для чего потребовались и увеличенiе старшинскаго жалованья съ одной тысячи рублей на двѣ, и неоднократныя поѣздки въ Петербургъ по какимъ-то служебнымъ дѣламъ на общественный счетъ, съ крупными ассигновками на путевыя издержки по *тысячѣ* рублей; заботы объ умноженiи сословныхъ доходовъ замѣнились странною снисходительностью къ арендатору общественнаго имущества, успѣвшему въ короткiй срокъ задолжать сословiю значительную сумму арендныхъ денегъ; попеченiе о меньшей братiи выразилось распространенiемъ сословнаго налога на несовершеннолѣтнихъ ребятъ и даже грудныхъ младенцевъ, и т. д. т. п.

И какъ ни сильна была партiя, его поддерживавшая, хоть и успѣла она даже нарисовать на общественный счетъ портретъ старшины и повѣсить его, на память мѣщанскому потомству, въ залѣ общественныхъ засѣданiй, хоть и успѣла и вторичное избранiе ему обезпечить, но его противники тоже

не дремали: оставшись старшиною на второй срокъ, г. Шестеркинъ не дотянулъ до его конца, какъ уже и попалъ подъ судъ за собственныя неблаговидныя манипуляціи на сословныхъ избирательныхъ сходкахъ и за потворство своимъ подручнымъ къ упражненію въ таковыхъ же.

Русскій человѣкъ, по пословицѣ, заднимъ умомъ крѣпокъ, и въ эпизодѣ съ г. Шестеркинымъ мѣщане лишній разъ доказали справедливость этой сентенціи: пока, упоенные торжествомъ надъ своимъ врагомъ, противники его удовлетворяли свою мстительность надъ его портретомъ, низринувъ его со стѣнъ залы сословныхъ собраній и водворивъ на темномъ чердакѣ, ревизія мѣщанскаго дѣлопроизводства, денежной отчетности и наличности обнаружила, что и грудные и совершеннолѣтніе мѣщане раскошеливались далеко не на одну общественную пользу, ибо, за время своего старшинства надъ сословіемъ, г. Шестеркинъ надѣлъ на него, безъ малѣйшихъ съ чьей либо стороны препятствій, тяжкое ярмо почти двухсоттысячнаго долга, уплатой коего и придется, быть можетъ, заняться не одному поколѣнію московскаго мѣщанства.

Освободившись отъ г. Шестеркина, мѣщане не освободились, однако, отъ духа партійныхъ раздоровъ, и не успѣлъ преемникъ его оглядѣться въ оставшемся послѣ него разореніи и сколько нибудь упорядочить дѣла общества, какъ и онъ самъ очутился членомъ и вожакомъ одной партіи, тогда какъ другая половина общественниковъ сформировала другую, конечно не съ миролюбивыми намѣреніями, что уже и сейчасъ сказывается

и на дѣлахъ, и на публичныхъ собраніяхъ общества....

Что же, неужели и это самоуправленіе?

А если такъ, то что же въ немъ привлекательнаго, а главное, что же въ немъ практически полезнаго, удобнаго, выгоднаго и нравственно благотворнаго?

VII.

Администрація.

Хорошей администраціи у насъ никогда не было: съ начала Руси она попеременно находилась подъ воздѣйствіемъ то тѣхъ, то другихъ политическихъ невзгодъ—сперва княжескихъ междоусобицъ, потомъ татарскаго ига, затѣмъ смутнаго времени междуцарствія.

За весь этотъ періодъ нѣсколькихъ столѣтій властелинамъ Русской земли въ пору было думать о сохраненіи ея отъ внѣшнихъ враговъ, а не объ устроеніи внутренняго благосостоянія, заботы о которомъ по необходимости отлагались на грядущія времена. Постоянно пребывая на военномъ положеніи, самъ народъ привыкъ къ тягостнымъ нестроеніямъ быта гражданскаго, и въ своей практической мудрости не ставилъ ихъ въ вину своимъ вѣнценосцамъ, инстинктивно понимая ихъ безпомощность въ этомъ смыслѣ, и невозможность, одновременно съ борьбою противъ внѣшнихъ враговъ, находить досугъ и средства для насажденія

и правильнаго возращенія прочныхъ основъ гражданской жизни.

И если побѣдоносные военачальники, для отдохновенія отъ бранныхъ подвиговъ на ратномъ полѣ посылавшіеся воеводами по различнымъ концамъ Русскаго царства, не могли и по дикости нравовъ тогдашней эпохи, и по собственной соціальной неразвитости, возвыситься до безкорыстнаго служенія своему гражданскому долгу, и на свои государственныя обязанности смотрѣли, въ большинствѣ случаевъ, какъ на средство кормленія, воспитывая въ такихъ же взглядахъ и своихъ подчиненныхъ дьяковъ, поддьячихъ, ярыгъ и ярыжекъ — народъ безмолвно тяготился этимъ порядкомъ, но болѣе или менѣе осязательно противъ него протестовать не признавалъ нужнымъ, справедливо соображая, что кромѣ взаимнаго между нимъ и верховною властью раздраженія подобные протесты ничего не произведутъ, а это злое начало взаимнаго раздраженія не замедлитъ отразиться и на внѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ государства, чѣмъ и не преминутъ воспользоваться со всѣхъ сторонъ окружавшіе его враги.

Династія Романовыхъ застала уже значительно развитую и многочисленную гражданскую администрацію, которая однакожъ представляла собою отнюдь не гармоническое цѣлое, а громоздкую, вѣками по частямъ слагавшуюся, лишенную всякаго опредѣленнаго плана и облика постройку.

И не успѣли, за періодъ менѣе столѣтія, три первые представителя этой династіи разобраться какъ слѣдуетъ въ этой неуклюжей исторической хра-

минѣ, она попала въ руки такого зодчаго, какъ Великій Петръ, который распорядился съ нею точно также, какъ съ своимъ французскимъ парикомъ, т. е. подстригъ, подрѣзалъ, укоротилъ и вообще видоизмѣнилъ ее сообразно своимъ личнымъ воззрѣніямъ, планамъ и вкусамъ, не заботясь ни о согласованіи ея съ нравами и обычаями народа, ни о строгомъ соотвѣтствіи ея съ его истинными интересами и даже нуждами.

И хотя прежній принципъ «кормленія отъ службы» утратилъ значительную долю своего соціальнаго престижа, и его легальность была вовсе даже уничтожена строгими писанными законами о лихоимствѣ, но своей практической живучести онъ не лишился, сохранивъ ее почти въ прежней силѣ, ибо ни способы пополненія личнаго состава администраціи не измѣнились, а еще болѣе укоренились, ни матеріальное вознагражденіе чиновничества не увеличилось до надлежащихъ нормъ даже тогдашней экономической жизни: высшіе административные посты и всѣ значительныя должности по прежнему замѣщались лицами придворнаго класса или ближайшихъ къ нему слоевъ общества, иногда по собственному выбору государя, чаще же въ силу родственныхъ связей и протекціи; низшая администрація набиралась изъ служилаго гражданскаго сословія, и въ значительной долѣ изъ отставныхъ военныхъ служакъ, которые, вступая въ отправленіе обязанностей, въ которыхъ мало смыслили, такъ и смотрѣли на свою новую гражданскую службу, какъ на пріятную синекуру въ вознагражденіе прежде понесенныхъ во славу родины трудовъ и подвиговъ. Строгій законъ

ю лихоимствѣ былъ парализованъ, во первыхъ, закономъ о лиходательствѣ, въ силу котораго подкупающій государственнаго чиновника признается такимъ же преступникомъ, какъ и самъ тотъ чиновникъ, который имъ подкупается, такъ что самое вѣрное средство къ обнаруженію и искорененію лихоимства этимъ же самымъ закономъ и подсѣкалось въ самомъ корнѣ, и, во вторыхъ, несоразмѣрно низкими, сравнительно съ потребностями жизни, окладами казеннаго вознагражденія, искусственно создававшими, подъ охраною вышепомянутаго закона, даже изъ честныхъ чиновниковъ немилосердныхъ взяточниковъ и безжалостныхъ вымогателей.

Такъ шло дѣло со временъ великаго преобразователя почти безъ всякихъ перемѣнъ до нашихъ дней, и нѣкоторыя административныя учрежденія, уцѣлѣвшія въ преобразовательномъ погромѣ минувшаго царствованія, какъ напримѣръ сиротскіе и коммерческіе суды, духовныя консисторіи и т. п., представляя собою до сихъ поръ гнѣзда подчасъ таксированнаго взяточничества, даютъ довольно ясное представленіе о томъ, что изображала собою русская администрація дореформеннаго времени, и каковы были тѣ столоначальники, которыми, по юмористическому замѣчанію Императора Николая Павловича, въ его царствованіе управлялась Россія.

Но каковы бы эти столоначальники ни были, было бы несправедливымъ преувеличеніемъ сказать, что страна вся стенала отъ нихъ, что все населеніе тяготилось ими: нѣтъ; большая половина населенія, въ лицѣ помѣщичьяго и государ-

ственнаго крестьянства, съ ними почти не соприкасалась; дворянство ими пренебрегало и брезговало, духовенство сторонилось ихъ и чуждалось. Главнѣйшею ихъ кліентеллою и жертвою были городскія сословія купцовъ и мѣщанъ, которыя хотя и были свободны, но только отъ личнаго рабства, что же касается дальнѣйшихъ гражданскихъ правъ, то о нихъ имѣли весьма темное понятіе и потому съ благодушіемъ и безобидно принимали подчасъ и полицейскую расправу въ формѣ рукоприкладства, и даже полицейскую порку, или же, при наличности матеріальныхъ средствъ, отъ нихъ откупались посильными мздовозданіями.

Что же значило для нихъ мздоимство разнаго рода приказныхъ, какъ они называли разнообразныхъ представителей низшей администраціи?

Не болѣе, какъ налогъ, да и налогъ притомъ не произвольный, а опредѣленно таксированный административными обычаями, нѣчто въ родѣ теперешнихъ исковыхъ пошлинъ и гербовыхъ марокъ.

Замѣчательно, что гоголевскіе купцы, въ челобитной его «свѣтлости господину *финансову*» на своего городничаго, жаловались вовсе не на взяточничество его, не на то, что онъ вообще *беретъ* съ нихъ, что, очевидно, признавали не противнымъ справедливости, а на то, что онъ беретъ и на Антона, и на Онуфрія, т. е., въ противность административнымъ обычаямъ, вмѣсто одного два раза справляетъ именины, оба раза обязывая ихъ приношеніями, и, слѣдовательно, вынуждая ихъ, путемъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ занятій, возмѣщать этотъ двойной убы-

токъ все съ той же обывательской шкуры, а въ томъ числѣ, конечно, и съ чиновничьей...

Съ другой стороны, было бы ребячествомъ утверждать, что послѣднія административныя реформы измѣнили въ чемъ-либо *существо* нашихъ административныхъ учрежденій, коснулись ихъ традицій и обычаевъ, неудобныя изъ нихъ устранили и замѣнили иными, болѣе желательными и соотвѣтственными духу времени: по крайней мѣрѣ, что Антоны и Онуфріи существуютъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, вѣдомствахъ, въ томъ неоднократно оффиціально признавались сами ихъ начальники.

Воображать, что всѣ становые пристава и исправники довольствуются однимъ жалованьемъ, и поступаютъ на эти должности изъ военныхъ офицеровъ или изъ столоначальниковъ и даже начальниковъ отдѣленій различныхъ гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ, не имѣя въ виду неокладныхъ сборовъ, тоже могутъ только одни фантазеры, слѣпые въ практическомъ повседневномъ быту; еще менѣе основаній предполагать подобное безкорыстіе, напримѣръ, въ урядникахъ, хотя они и составляютъ новый, только что народившійся служебный институтъ, и по соціальному положенію, изъ коего выходитъ ихъ большинство, получаютъ вознагражденіе, сравнительно съ другими представителями низшей администраціи, болѣе или менѣе удовлетворительное.

Да и вообще нельзя не признать основательнымъ того соображенія, что честность и безкорыстіе чиновничества отнюдь не покупаются тѣмъ или другимъ окладомъ жалованья, а нахо-

дятся въ зависимости отъ всего строя нравственныхъ, общественныхъ и юридическихъ воздѣйствій, вліяющихъ на его служебное поведеніе.

Не было ли бы, въ самомъ дѣлѣ, необъяснимымъ чудомъ, если бы вопреки обладающему человѣческою жизнью великому и повсюдному закону наслѣдственности, сыновья и внуки убѣжденныхъ, закоренѣлыхъ взяточниковъ, воспѣтыхъ Гоголемъ, Щедринымъ и иными сатириками нашей литературы, всѣхъ этихъ Сквозниковъ, Земляникъ, Тяпкиныхъ, Мухрышкиныхъ, Живоглотовъ, Порфиріевъ Петровичей, Птицыныхъ и пр. и пр.— вступая на ту же торную житейскую дорогу, по которой съ неопороченнымъ внѣшнимъ достоинствомъ прошли ихъ дѣды и отцы все свое поприще въ семъ мірѣ, вступая на нее, притомъ, *образованными*, быть можетъ, именно на мздоимныя деньги, смогли *честно* и *искренно*, и притомъ *поголовно, отречься* отъ отеческихъ и дѣдовскихъ традицій, которымъ и сами-то, между прочимъ, обязаны, и даже своимъ образованіемъ?

А если бы и дѣйствительно отреклись, то можно ли бы было подобному отреченію придавать серьезное значеніе? Что юность идеальна, что она склонна протестовать и обвинять, это извѣстно; но извѣстно и то, что ея идеаловъ, протестовъ и филиппикъ хватаетъ на очень короткій срокъ времени, какъ скоро ей приходится окунуться въ повседневный омутъ практической жизни, и изъ этого омута неисправимыми идеалистами выходятъ ничтожныя исключенія. Тѣ же, кто слѣдуютъ общему правилу, т. е. большинство, или безсознательно, или даже сознательно, начинаютъ

осуществлять въ своей дѣятельности тѣ же традиціи, въ которыхъ сами воспитались, дѣлая лишь формальную уступку духу времени, новымъ обстоятельствамъ и инымъ формамъ, выработаннымъ жизнью, что мы и видимъ въ послѣдовательномъ ходѣ нашей общественной жизни.

Когда темное, грубое, невѣжественное приказное взяточничество было достаточно осмѣяно и опозорено литературой, послѣдующія поколѣнія взяточниковъ, отнюдь не укорачивая рукъ, озаботились устраненіемъ изъ дѣловаго языка ненавистнаго и докучнаго имъ слова: *взятка*, замѣнивъ его благозвучнымъ и даже нравственно благоухающимъ словомъ: *благодарность*, и тотъ же самый взяточникъ, гордо поднявъ голову, сталъ, при случаѣ, возмущаться, когда заходила рѣчь о взяткахъ, объясняя, что онъ взятокъ не беретъ, а если и принимаетъ благодарность, то это дѣло совсѣмъ другое. Въ дальнѣйшемъ своемъ полетѣ по этому направленію чиновничья мысль замѣнила грубыхъ Антоновъ и Онуфріевъ деликатными *праздничными*, а еще дальше и выше—очень хорошо извѣстными въ періодъ желѣзнодорожной и банковской горячки *промессами*.

Суть дѣла, конечно, отъ этого ничуть не измѣнялась, и старая прадѣдовская родная *взятка*, нарядившись въ болѣе утонченный костюмъ, лишь сдѣлалась обширнѣе въ размѣрахъ, да какъ-то стыдливѣе и застѣнчивѣе, что еще больше способствуетъ увеличенію ея размѣровъ. И та самая административная послуга обывателю, на которую, напримѣръ, въ старину была опредѣленная такса, какъ на калачъ, и иногда такса весьма незна-

чительная, теперь, въ видѣ *благодарности*, оплачивается вдесятеро дороже, ибо не всякій знаетъ, гдѣ дать, когда дать, кому дать и сколько дать, и еще за вразумленіе и наученіе въ этомъ смыслѣ долженъ платить третьимъ лицамъ.

И что въ этомъ отношеніи мы подъ вліяніемъ реформъ не только не подвинулись ни на одинъ шагъ по пути прогресса, а напротивъ, отступили назадъ сравнительно съ давнопрошедшимъ дореформеннымъ бытомъ, это блистательно доказывается простымъ сравненіемъ героевъ Гоголевскаго *Ревизора* съ героями Скопинско-Рыковской эпопеи.

Тогда какъ первые чиновники мздоимничали сепаративно, каждый за свой страхъ и рискъ, и даже не покушались на сформированіе разбойничьей шайки, купецъ Рыковъ, грубою силою своей мошны, съумѣлъ всю городскую и уѣздную администрацію превратить въ сплоченную разбойничью шайку, чтобы съ большимъ успѣхомъ надъ ней атаманствовать.

И дѣйствительно, близко родственные гоголевскому чиновничеству по принципамъ и практическимъ пріемамъ дѣятельности, его скопинскіе потомки различаются по цѣлямъ этой дѣятельности: у перваго она направлялась единственно корыстолюбіемъ, и исключительно къ наживѣ; у послѣднихъ же она опредѣлялась не однимъ корыстолюбіемъ, но и рабскимъ, унизительнымъ для государственныхъ чиновниковъ, страхомъ передъ потомкомъ тѣхъ самыхъ сивыхъ бородачей, бороды коихъ, отзывавшіяся капустой, были такъ

близко знакомы со всемогущею дланью Сквозника - Дмухановскаго.

И если гоголевскій судья за пару борзыхъ щенковъ, конечно, былъ бы готовъ не только покривить, но и совсѣмъ опрокинуть ржавые вѣсы дореформеннаго правосудія, то въ Скопинѣ мы видимъ, что мировой судья, выбранный самими же гражданами, за Рыковское жалованье, изъ рабскаго страха предъ уѣзднымъ самодуромъ, нагло швыряется уже новыми судебными уставами, не стѣсняясь своею судейскою цѣпью для того, чтобъ совершать, по приказанію Рыкова, оскорбительныя и противозаконныя насильственныя дѣйствія надъ совершенно безвинными гражданами.

Если гоголевскій почтмейстеръ преступно вскрывалъ чужую корреспонденцію, то дѣлалъ это, какъ мы знаемъ, лишь изъ любопытства, усиленнаго притомъ инстинктомъ самосохраненія; въ Скопинѣ же почтовое вѣдомство состояло въ постоянномъ рабствѣ у купца Рыкова, исправляя при его *особѣ* должность почтовыхъ сыщиковъ.

И если гоголевскій городничій, въ экстазѣ необузданнаго самовластія, не остановился даже передъ экзекуціей мирной гражданки, подвергнувъ сѣченію розгами унтеръ-офицершу Пошлепкину, то онъ явилъ этимъ поступкомъ возмутительное злоупотребленіе власти, но все-же власти *собственной*; въ Скопинѣ же, хотя и не наблюдалось случаевъ порки прелестнаго пола, за то практиковались пріемы еще болѣе возмутительнаго насилія надъ свободными гражданами, и не по личному усмотрѣнію *полиціи*, а по *приказанію* купца

Рыкова, воля котораго, сообщенная *исправникомъ* квартальному, насильственно перегоняла свободныхъ гражданъ съ одной квартиры на другую, вовсе лишала крова и совершенно изгоняла изъ городскихъ предѣловъ.

Наконецъ, гоголевскій городничій, инкриминированный предъ Хлестаковымъ вѣроломными купцами, при счастливомъ для него оборотѣ обстоятельствъ, первое, что дѣлаетъ, это — напоминаетъ кляузникамъ о своей власти, и оглашаетъ воздухъ побѣдными кликами грядущаго начальническаго по отношенію къ нимъ мщенія: въ Скопинѣ же не было ни у кого изъ чиновниковъ никакой власти, вся она была ими самими продана и предана одному купцу, который исправниковъ считалъ какими-то рабочими животными при своей особѣ, хвастаясь, что захоти онъ, ему «цѣлый вагонъ исправниковъ привезутъ».

Существуетъ преданіе, будто Императоръ Николай Павловичъ, выходя изъ театра послѣ представленія *Ревизора*, сказалъ: «да, сегодня всѣмъ досталось, а мнѣ больше всѣхъ».... Кому и въ какой мѣрѣ досталось отъ Скопинской трагикомедіи, къ прискорбію для Россіи разыгранной не въ театрѣ, а на сценѣ дѣйствительной жизни, это, безъ сомнѣнія, всѣмъ еще памятно. Но не одни вопли ограбленныхъ, слезы вдовъ и сиротъ, проклятія нищихъ составляютъ ея наслѣдіе: она оставила еще во много разъ болѣе грустное и страшное наслѣдство, въ видѣ печальной истины, свидѣтельствующей о томъ, что наша администрація со временъ Гоголевскаго *Ревизора*, т. е. приблизительно за ³/₄ вѣка, не

только не улучшилась, а напротивъ, ухудшилась, и сохраняя исконное свойство продажности, пріобрѣла еще новое и притомъ худшее—способность къ кабальному рабству и полному своему обезличенію передъ денежнымъ мѣшкомъ.

Выше мы сказали, что это явленіе—*страшное*, и не откажемся отъ своихъ словъ. Административное мздоимство, а тѣмъ болѣе продажность—столь не желательный и опасный факторъ общественной жизни, что за народъ, развивающійся подъ его воздѣйствіемъ, за его нравственныя, соціальныя и даже политическія воззрѣнія и принципы по неволѣ становится страшно, ибо администрація, какъ и судъ, какъ и церковь, какъ и литература — также одна изъ практическихъ школъ народной нравственности, и если въ этой школѣ народъ будетъ поучаться одной только премудрости неправеднаго стяжанія, то горе такому народу, горе тѣмъ большее, что это именно такая школа, съ которой онъ *волей-неволей*, а *непосредственно* и *непрерывно* соприкасается, и *не соприкасаться не можетъ*.

Въ судъ я пойду или по собственной надобности, или по его вызову, и вообще говоря, большинство вовсе не пользуется услугами суда, значительная часть населенія имѣетъ къ нему отношенія очень рѣдко, а не мало и такихъ счастливцевъ, что, съ гордостью поднявъ голову, самодовольно заявляютъ, что они «по судамъ съ роду не таскались и не намѣрены таскаться».

Въ церковь я иду точно также по доброму изволенію, движимый побужденіями личнаго благочестія, и весьма рѣдко — требованіями благочести-

ваго обычая, а при современной расшатанности понятій и одичалости нравовъ не мало найдется людей, и вовсе не знающихъ церкви, не хотящихъ ее знать и постыдно хвастающихся этимъ.

Тѣмъ паче литература: ея воздѣйствіе, обусловливаемое, притомъ, извѣстною степенью умственнаго развитія и даже такими внѣшними и случайными причинами, какова, напримѣръ, грамотность, простирается едва ли на $1/_{100}$ часть всего населенія.

Не то администрація: я не могу выйти на улицу безъ встрѣчи съ городовымъ, не могу перемѣнить квартиры безъ сношенія съ полицейскимъ участкомъ, не могу ни послать, ни получить денегъ безъ посредства почтоваго и полицейскаго чиновника, не могу ни шагу ступить на пути разнообразныхъ отправленій повседневной жизни или безъ разрѣшенія, или безъ вѣдома, или, по крайней мѣрѣ, безъ наблюденія того или другаго административнаго лица или учрежденія.

И если въ этой непрерывной и безконечной вереницѣ взаимоотношеній администраціи съ гражданами, послѣдніе, всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, будутъ выносить общее представленіе о ея повальномъ мздоимничествѣ или даже о ея поголовной продажности, какъ выяснилъ Скопинскій процессъ, спрашивается: какимъ понятіямъ, сужденіямъ и умозаключеніямъ подобное представленіе можетъ послужить основою въ умахъ, притомъ, въ большинствѣ неразвитыхъ, невѣжественныхъ, не просвѣщенныхъ и грубыхъ? Въ свою очередь, созиданію какихъ практическихъ

принциповъ послужатъ эти понятія, сужденія и умозаключенія?

Почему знать? Быть можетъ, будущій философъ современной нашей исторіи этими умозаключеніями и принципами и объяснитъ и ту лихорадку наживы и обогащенія, и ту позорную денежную гегемонію, которыя поработили себѣ умы теперешняго нашего общества, развратили значительную часть народа, и доселѣ держатъ и то и другую въ своемъ нравственномъ рабствѣ?

И какъ не видится ни конца, ни границъ этой гегемоніи и этому рабству, такъ не видится никакихъ признаковъ, которые бы подавали надежду на качественное измѣненіе къ лучшему громаднаго по численности личнаго состава нашей администраціи: въ этомъ отношеніи дальше заботъ о внѣшнихъ улучшеніяхъ обще - государственнаго административнаго механизма и его мѣстныхъ составныхъ частей реформы минувшаго царствованія не пошли, и во всей громоздкой административной машинѣ ограничились перемѣною различныхъ гаекъ и винтовъ однихъ другими, подъ новыми названіями, не коснувшись главнаго, кореннаго зла, испоконъ вѣка покрывавшаго всю эту машину злокачественною ржавчиной и парализовавшаго ея дѣятельность.

Ржавчина эта проявляется: безотвѣтственностью въ верхнихъ слояхъ администраціи и безнадзорностью—въ нижнихъ.

Если вглядѣться въ существо обязанностей любаго изъ важнѣйшихъ сановниковъ администраціи, въ неограниченную почти ничѣмъ полноту

его правъ въ области его административнаго вѣдѣнія, естественно является вопросъ: а чѣмъ же, однако, отвѣчаетъ этотъ неограниченный властелинъ своего вѣдомства, всего чаще весьма обширнаго, способнаго оказывать могущественное вліяніе на необъятную массу практическихъ интересовъ народной и общественной жизни, въ случаѣ обнаруженной имъ на своемъ высокомъ посту неспособности и даже недобросовѣстности, и даже въ томъ случаѣ, когда вредъ, причиненный этими его свойствами народной жизни, не подлежитъ спору, являясь несомнѣнною очевидностью?

Да ровно ничѣмъ не отвѣчаетъ: если онъ министръ или равный ему по рангу чиновникъ, то за роковую ошибку, отъ которой иногда неминуемо должны страдать цѣлыя поколѣнія стомилліоннаго народа, равно какъ и за цѣлый рядъ подобныхъ систематическихъ ошибокъ, а иногда и сознательныхъ злоупотребленій, самое большее, что его можетъ постигнуть, это — потеря министерскаго портфеля, всего чаще съ перемѣною его на почетное званіе члена государственнаго совѣта.

И если онъ даже губернаторъ, или равный ему по значенію чиновникъ, то за неразумное, нерадивое, иногда недобросовѣстное, а изрѣдка и злонамѣренное отношеніе къ населенію цѣлой губерніи, онъ, оставляя свой постъ, въ большинствѣ случаевъ награждается саномъ сенатора, или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, причисляется къ министерству на предметъ назначенія на какую-либо иную административную службу.

Такъ вверху; внизу, конечно, иное дѣло: всѣ

эти становые, исправники и т. п. мелкота окружены въ своихъ дѣйствіяхъ сравнительно большимъ контролемъ и чаще бываютъ въ отвѣтѣ, но неудобство въ томъ, что подвести любаго изъ нихъ подъ надлежащій отвѣтъ сопряжено съ неимовѣрными трудностями: для этого нужно, чтобъ они сами вышли изъ всякихъ границъ въ своихъ служебныхъ злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ, и уже слишкомъ откровенно и нагло практиковали ихъ. Иначе—если, напримѣръ, урядникъ, становой, исправникъ и т. д. т. п., въ своей законопреступной дѣятельности будутъ руководиться благоразуміемъ и осторожностью, не привлекая къ себѣ ни административнаго вниманія, ни раздражая населенія чрезмѣрными притѣсненіями, т. е. отпуская на его массу извѣстное количество притѣсненій равномѣрными порціями, они могутъ считать свою служебную карьеру—въ существѣ нерѣдко карьеру взяточничества и вымогательства — болѣе или менѣе прочною.

И обусловливается это преимущественно тою логическою ошибкой, которая прошла чрезъ все наше законодательство и, если не ошибаемся, присуща законодательствамъ и другихъ странъ. Эта ошибка — возвысившаяся до степени непреложнаго административнаго принципа, хотя, въ сущности, и составляетъ вопіющее противорѣчіе человѣческой природѣ—заключается въ общемъ правилѣ, въ силу коего административныя взысканія съ служилаго чиновничества изъяты изъ вѣдѣнія общаго правосудія, равно какъ и преступленія чиновниковъ по службѣ. Такимъ обра-

зомъ проступки и преступленія, совершаемыя тѣмъ или другимъ чиновникомъ по службѣ, подвергаются взысканіямъ и разслѣдованіямъ только тогда, когда жалобы на оныя обратятъ на себя вниманіе непосредственнаго надъ этимъ чиновникомъ начальства.

Но въ этомъ начальствѣ нужно предполагать далеко не заурядное безпристрастіе и идеальную справедливость, чтобы ожидать отъ него постоянной готовности жертвовать идеѣ служебной правды и требованіямъ общегосударственной пользы чиновниками, которыхъ оно же и на службу ставитъ, которымъ и покровительствуетъ, которыхъ и награждаетъ, и съ которыми, такъ или иначе, но необходимо чувствуетъ себя болѣе солидарнымъ, нежели съ угнетаемымъ ими населеніемъ; гораздо естественнѣе, напротивъ, ожидать, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ непосредственное начальство, т. е. такой же чиновникъ двумя-тремя рангами выше, возьметъ инкриминируемаго подчиненнаго подъ свое протекторское крылышко и приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы обезсилить воздвигаемыя противъ него обвиненія, въ которыхъ, къ тому же, естественно расположенъ видѣть и косвенный подкопъ подъ свою начальническую репутацію.

Въ силу такой постановки взаимоотношеній населенія и администраціи, помимо безнадзорности и безнаказанности послѣдней, обусловливается и наблюдаемое въ практической жизни неравенство этихъ отношеній.

Не ходя за примѣрами далеко, достаточно указать ближайшій. Если любой гражданинъ на-

несетъ какому-либо чиновнику или даже нижнему полицейскому чину, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, оскорбленіе — это составляетъ, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, весьма важное преступленіе, за которое судятъ чуть ли не присяжные.

Если, наоборотъ, оскорбленіе въ нѣсколько разъ болѣе тяжкое нанесетъ любому гражданину, ну, хотя бы городовой или урядникъ— оскорбленный долженъ жаловаться на оскорбителя не мировому судьѣ, а его ближайшему начальнику, т. е. полицейскому участковому или становому приставу; послѣдніе передаютъ жалобу, конечно въ своемъ освѣщеніи и съ своими заключеніями, дальнѣйшей по порядку инстанціи, т. е. полицеймейстеру или исправнику, которымъ, большею частію, ни жалобщикъ ни отвѣтчикъ равно неизвѣстны, и которые уже и поэтому естественно располагаются смотрѣть на дѣло глазами докладчиковъ.

Но если даже и этого не предполагать, одна перспектива длинной полицейской процедуры, связанной съ обычною канцелярской волокитой, совершенно отниметъ у любаго гражданина охоту искать, при такомъ порядкѣ подсудности, удовлетворенія съ оскорбителя, принадлежащаго къ личному составу полиціи. Такимъ образомъ населеніе, благодушно примиряющееся съ административными поборами, при случаѣ терпитъ съ такимъ же благодушіемъ и отъ административнаго произвола, еще болѣе утверждаясь въ мысли, что «худой миръ лучше доброй ссоры», съ администраціей, по крайней мѣрѣ.

Все это ощущается въ извѣстной мѣрѣ даже и въ такихъ центральныхъ пунктахъ, каковы столицы, съ сравнительно наибольшею суммой гарантій общественнаго благосостоянія и личной свободы гражданъ, а по мѣрѣ удаленія отъ нихъ въ глубь страны чувствуется, конечно, съ постепенно увеличивающеюся ясностью, а по мѣстамъ и по временамъ—сказывается въ населеніи даже болѣзненнымъ чувствомъ его жалкой гражданской безпомощности, какъ это было, напримѣръ, въ Скопинѣ.

И если бы намъ возразили, что Скопинъ нельзя признавать образцомъ для остальныхъ мѣстностей Россіи, ибо онъ создалъ исключительное положеніе и для населенія, и для администраціи, мы бы, конечно, не стали настаивать на несомнѣнности и наличности исключительныхъ явленій, опозорившихъ Скопинскую администрацію, для всѣхъ прочихъ градовъ и весей матушки - Руси, но нашлись бы чѣмъ отпарировать это возраженіе: Скопинская администрація представляла одну изъ разновидностей гражданскаго управленія, созданнаго по одному типу для всей Имперіи, и потому то, что случилось съ нею въ Скопинѣ, могло и можетъ, при благопріятныхъ для того условіяхъ, въ той или другой мѣрѣ, случиться и въ любомъ изъ прочихъ городовъ и сельскихъ округовъ, и въ этомъ смыслѣ вся Россія, болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ отношеніи и направленіи, въ миніатюрѣ или въ увеличенныхъ размѣрахъ, не только можетъ, но при извѣстныхъ условіяхъ и должна, и дѣйствительно нерѣдко представляетъ собою образъ и подобіе Скопина.

VIII.

Судъ.

Предъидущую главу мы начали съ указанія на то, что у насъ никогда не было *хорошей* администраціи: настоящую главу приходится начать аналогическимъ указаніемъ на то, что *суда* въ нашемъ отечествѣ, за продолжительный періодъ, протекшій со времени Уложенія царя Алексѣя Михайловича до судебныхъ уставовъ Императора Александра II, и вовсе не было. Вереница безчисленныхъ узаконеній и постановленій, издававшихся безпрерывнымъ усердіемъ одной администраціи, безъ всякихъ справокъ съ народными нуждами, воззрѣніями и обычаями, была систематизирована лишь въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія въ видѣ громоздкой и необъятной библіотеки, извѣстной подъ названіемъ Свода законовъ. По своей обширности, разнохарактерности, неопредѣленности и иногда прямо разнорѣчивости однихъ положеній съ другими Сводъ этотъ, безсильный служить истиннымъ цѣлямъ правосудія, былъ слишкомъ удобенъ для того, чтобы, при потворствѣ судебной администраціи, облегчать злонамѣреннымъ или недобросовѣстнымъ людямъ достиженіе цѣлей, правосудію прямо противоположныхъ, внушаемыхъ сутяжничествомъ, кляузничествомъ и ябедой.

Наслѣдіе этого безсуднаго времени осталось и до сихъ поръ въ томъ оттѣнкѣ пренебреженія, какой сказывается даже въ народномъ языкѣ, когда

онъ касается лицъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ судебному дѣлу: общимъ терминомъ *подъячихъ* народъ обозначалъ доселѣ все многоразличіе до-реформенной судебной администраціи, и въ смыслѣ, соединяемомъ съ этимъ терминомъ, даже въ манерѣ произношенія, даже въ интонаціи при этомъ голоса никто, конечно, никогда не найдетъ и не разслышитъ чего-либо уважительнаго къ лицамъ, имъ обозначаемымъ. Самый процессъ судопроизводства въ устахъ народа обозначается насмѣшливо - презрительнымъ терминомъ *волокиты*, а обращаться къ правосудію на его языкѣ значитъ *таскаться* по судамъ, и отнюдь не значитъ чего-либо дѣловитаго, степеннаго, добропорядочнаго.

И если новые судебные уставы, на другой же день ихъ практическаго осуществленія, успѣли привлечь къ себѣ народныя симпатіи, поколебать въ народномъ умѣ предубѣжденіе противъ судебной волокиты, наполнить его душу умиленіемъ, восторгомъ и свѣтлымъ упованіемъ на побѣду правды надъ кривдой, то вотъ уже и ихъ вѣчная заслуга предъ Русскимъ народомъ, вотъ уже и незыблемый, несокрушимый памятникъ ихъ благодушному творцу. Мы помнимъ первые дни мировыхъ учрежденій въ Россіи: люди, которымъ досталось на долю въ эти незабвенные дни личнымъ опытомъ извѣдать великую разницу вчерашняго полицейскаго и административнаго суда съ новымъ, созданнымъ судебною реформой, не вѣрили своимъ ушамъ, протирали въ изумленіи глаза, сомнѣваясь въ дѣйствительности происходящаго съ ними и предъ ними, и изъ

рѣдкаго судебнаго засѣданія присутствовавшая на немъ публика уходила безъ слезъ умиленной благодарности къ отеческому милосердію Царя, даровавшаго народу прямой, скорый, безмездный доступъ къ судебной правдѣ.

Первые дѣятели судебной реформы, отъ высшихъ до низшихъ ея сферъ, проникнутые общимъ идеальнымъ порывомъ къ высокой цѣли— поставить ея достоинство на надлежащую высоту, ободряемые общимъ къ ней и къ себѣ умилительнымъ сочувствіемъ, высоко держали знамя правосудія, которымъ осѣнила народъ державная благость, и усиліями личныхъ талантовъ, знаній, усердія восполняли тѣ недостатки и недомолвки судебныхъ уставовъ, которыя успѣли обнаружиться вскорѣ по ихъ введеніи въ жизнь, равно какъ тѣми же усиліями по возможности устраняли и практическое несоотвѣтствіе реформированныхъ общихъ началъ правосудія съ сохранившими обязательную силу судебными подробностями Свода законовъ и Уложенія о наказаніяхъ.

Съ теченіемъ времени, когда первые восторги, вызванные неожиданно благодѣтельными результатами судебной реформы, нѣсколько поулеглись, первоначальная ретивость ея дѣятелей поугомонилась, и началось съ одной стороны спокойное изслѣдованіе и обсужденіе характера реформы и началъ, положенныхъ въ ея основу, а съ другой — постепенное проведеніе въ жизнь этихъ началъ на почвѣ юридическихъ отношеній, вышепомянутые недостатки, недомолвки и несоотвѣтствія оказались первымъ пробнымъ кам-

немъ, на которомъ и судъ, и прокуратура, и адвокатура, и кассаціонныя учрежденія Правительствующаго Сената начали испытывать внутреннюю силу и практическую цѣлесообразность новыхъ судебныхъ учрежденій. Это всестороннее испытаніе, хотя и окончилось торжествомъ судебныхъ уставовъ надъ противоборствовавшими имъ направленіями, вліяніями и ученіями, тѣмъ не менѣе обнаружило общественному сознанію не мало въ ихъ практической постановкѣ такихъ неудобствъ и недостатковъ, которые охладили къ нимъ всеобщее восторженное удивленіе, а къ ихъ теоретическимъ основамъ поколебали уваженіе.

Что касается этихъ основъ—общихъ всѣмъ реформамъ прошедшаго царствованія и заключающихся въ чрезмѣрной идеализаціи человѣческихъ отношеній,—то онѣ именно въ значительной мѣрѣ и способствовали тому прискорбному обстоятельству, что недостатки и неудобства судебныхъ уставовъ выразились въ весьма рѣзкихъ практическихъ формахъ, недовольство коими является вполнѣ естественнымъ и многихъ направляетъ къ мысли и утверждаетъ въ убѣжденіи о малопригодности судебныхъ уставовъ вообще.

Дѣло въ томъ, что составители ихъ, какъ и многихъ другихъ государственныхъ актовъ минувшаго царствованія, на столько возвышенно смотрѣли на нравственную природу человѣка, что съ возможными и неизбѣжными на практикѣ уклоненіями отъ ея нормы вовсе почти не признавали нужнымъ соображаться, какъ будто и гражданское, и уголовное, и аппелляціонное, и кассаціонное судопроизводство должно было пред-

ставлять не примиреніе враждебныхъ столкновеній между противоположными интересами людей, а какую-то условную игру или забаву, гдѣ для того, чтобы все шло правильно, достаточно было участвующимъ предварительно договориться не плутовать.

Мировой судья призывался, по мысли судебныхъ уставовъ, судить не только по закону, но и по внутреннему убѣжденію; распри по имущественному интересу уполномочивался, до извѣстныхъ суммъ, разрѣшать окончательно и безаппелляціонно; личный составъ судей каждаго района облекался высшею судебною властью, въ видѣ аппелляціонной инстанціи для каждаго изъ нихъ самихъ, взятаго въ отдѣльности.

Очевидно, что законодатель не допускалъ возможности судей, способныхъ фиктивное внутреннее убѣжденіе, зиждущееся отнюдь не на совѣсти, а на личныхъ, и нерѣдко эгоистическихъ соображеніяхъ и внушеніяхъ, ставить выше даже прямаго и точнаго закона; не допускалъ и возможности судебныхъ ошибокъ по отношенію къ денежнымъ искамъ не свыше 15 р., искреннихъ ли или преднамѣренныхъ и сознательныхъ; не допускалъ ни возможности, ни даже естественности коллегіальнаго судебнаго лицепріятія и пристрастія по отношенію къ рѣшеніямъ, поставленнымъ тѣмъ или другимъ членомъ судебнаго коллегіума въ отдѣльности. Наконецъ, и это главное—законодатель былъ, очевидно, увѣренъ въ непогрѣшимости судебныхъ выборовъ, и слѣдовательно въ невозможности неудобнаго и негоднаго состава судебныхъ коллегіумовъ, этихъ пер-

выхъ и непосредственныхъ регуляторовъ судейскаго разумѣнія и совѣсти.

Практическими послѣдствіями такой возвышенной со стороны законодателя довѣрчивости къ человѣческой природѣ, и послѣдствіями, для репутаціи судебныхъ уставовъ весьма неблагопріятными, не замедлили оказаться: 1) множество приговоровъ, постановляемыхъ не только въ нарушеніе и оскорбленіе закона, но и въ ущербъ здравому смыслу, когда законъ и смыслъ расходятся въ умѣ судьи съ внушеніями кумовства, личной пріязни или дѣловыхъ и денежныхъ связей и отношеній; 2) масса безаппелляціонныхъ, но несомнѣнно сознательныхъ и злонамѣренныхъ судебныхъ ошибокъ по отношенію къ мелкимъ гражданскимъ искамъ не свыше 15 р., идущимъ конечно въ большинствѣ отъ наибѣднѣйшей части населенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда ея интересы противорѣчатъ личнымъ видамъ и соображеніямъ судей; 3) изобиліе аппелляціонныхъ рѣшеній, освящающихъ судейскія несправедливости сознательно, изъ личныхъ соображеній дружества и товарищества, связывающихъ персоналы коллегіальныхъ судебно-мировыхъ учрежденій, и наконецъ 4) повсемѣстное обиліе, въ личномъ составѣ судебно-мироваго выборнаго института, людей не только неспособныхъ къ надлежащему исправленію судейскихъ обязанностей, но и вообще въ моральномъ и интеллектуальномъ смыслѣ негодныхъ и ненадежныхъ, что неопровержимо и многократно доказано множествомъ даже судебныхъ процессовъ, героями которыхъ оказываются излюбленные люди различныхъ мѣстныхъ город-

скихъ и сельскихъ обществъ, удостоиваемые избраніемъ въ высокое званіе мировыхъ судей. Здѣсь, очевидно, судебные уставы ни при чемъ, и лишь встрѣтились съ общимъ для всей реформированной Россіи неудобствомъ, заключающимся въ радикальныхъ недостаткахъ избирательнаго начала, недостаткахъ, отзывающихся одинаково на всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ нашихъ, гдѣ это начало легло въ основу практическихъ отношеній.

На ряду съ вышесказанными существенными недостатками судебныхъ уставовъ, обнаружились и другіе, и тоже въ связи и зависимости отъ слишкомъ идеальнаго воззрѣнія законодателя на практическую жизнь.

Роль судьи, безспорно, высокая; справедливость его рѣшеній—весьма желательна. Но разсуждая о практической важности правосудія, нельзя упускать изъ вида и того соображенія, что она въ полной зависимости отъ быстраго, точнаго и цѣлесообразнаго практическаго осуществленія цѣлей, правосудіемъ преслѣдуемыхъ.

Нищій-поденьщикъ, взыскивающій съ безсовѣстнаго богача-купца недоплаченныя ему за работу деньги, конечно благословитъ судью за справедливый приговоръ въ его пользу. Но восторгъ его значительно охладѣетъ, когда онъ тутъ же узнаетъ, что до момента взысканія онъ можетъ десять разъ умереть съ голода.

А между тѣмъ всѣ процессуальныя формальности и судебными уставами, и судебною практикой, на основаніи ихъ выработанной, какъ будто нарочно соединяютъ всевозможныя удобства для отвѣтчиковъ къ отлыниванію отъ ис-

полненія судебныхъ рѣшеній, и всевозможныя затрудненія для истцовъ въ ихъ стремленіи къ достиженію конечныхъ исковыхъ цѣлей.

Доказать это можно первымъ попавшимся подъ руку примѣромъ изъ повседневной и повсюдной практики мироваго суда, проведя любой гражданскій процессъ съ момента его предъявленія на судѣ и до момента его окончательнаго рѣшенія въ единственной желательной для истца формѣ— т. е., если разумѣть чисто денежное исковое дѣло, какъ это является въ огромномъ большинствѣ процессовъ, въ формѣ полученія надлежащей суммы наличными деньгами.

Выведенный изъ терпѣнія неаккуратностью или, нерѣдко, очевидной недобросовѣстностью должника, кредиторъ заявляетъ противъ него денежный искъ.

Мировой судья отсчитываетъ, по установившемуся почти вездѣ обычаю, со дня этого заявленія двухнедѣльный срокъ и назначаетъ на 15-й день судоговореніе, распоряжаясь о вызовѣ въ судъ къ этому дню отвѣтчика. Истецъ, весьма возможно, что успѣвшій уже и проголодаться по винѣ чужой недобросовѣстности, уходитъ, однако, успокоенный, съ пріятною перспективой черезъ двѣ голодныхъ недѣли поправить желудокъ, а до того времени питаться преимущественно надеждой.

Однако черезъ двѣ недѣли, аккуратно явившись на судъ, онъ не находитъ своего отвѣтчика, хотя и узнаетъ отъ судьи, что повѣстка ему вручена, а это значитъ, что онъ, истецъ, имѣетъ право требовать заочнаго рѣшенія. Тре-

буетъ, и рѣшеніе готово: взыскать не только сполна, но еще и съ судебными расходами. Но вотъ бѣда: заочное рѣшеніе ровно ничего не значитъ, если отвѣтчикъ не пропуститъ двухнедѣльнаго срока для подачи просьбы о пересмотрѣ его, а такъ какъ онъ, конечно, этого срока не пропуститъ, то и въ результатѣ заочнаго рѣшенія получается нуль, и истцу приходится перенести надежды, пожалуй, еще на мѣсяцъ впередъ.

Если предположить, что и вторичное рѣшеніе состоится въ пользу истца, то и тутъ еще дѣлу не конецъ: отвѣтчикъ заявляетъ на рѣшеніе неудовольствіе, а это значитъ, что онъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе мироваго съѣзда, вслѣдствіе чего истцу снова приходится переносить надежды мѣсяца на полтора, на два впередъ. Но и по минованіи этого срока, и даже по утвержденіи съѣздомъ судейскаго рѣшенія, судебныя мытарства не кончаются, ибо начинается послѣднее изъ нихъ, и притомъ всѣхъ горшее.

Получивъ, черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ резолюціи съѣзда, исполнительный листъ, истецъ долженъ предъявить его судебному приставу, а послѣдній назначить день для исполненія рѣшенія. Въ этотъ роковой день вдругъ обнаруживается, что или отвѣтчикъ куда-либо выбылъ, или съ него нечего взять, или даже имущество, на которое обращено взысканіе, оказывается вовсе не ему принадлежащимъ, или, наконецъ, онъ, т. е. отвѣтчикъ, и самъ вовсе не розысканъ.

Такимъ образомъ, и рабочее время, и докучныя хлопоты, и судебныя пошлины, и розовыя надежды оказываются потраченными лишь для

того, чтобы въ результатѣ получилась, вмѣсто кровныхъ трудовыхъ денегъ, злостная, горькая и обидная судебная насмѣшка надъ признанною самимъ судомъ правдой.

Между тѣмъ для полученія этой насмѣшки понадобились: одинъ рабочій день для заявленія иска, другой для перваго судоговоренія, третій для вторичнаго разбирательства, четвертый для разбирательства на мировомъ съѣздѣ, пятый для полученія исполнительнаго листа, шестой для предъявленія его судебному приставу, и, наконецъ, седьмой для присутствованія при исполненіи рѣшенія.

Итого цѣлая рабочая недѣля *плюсъ* судебныя пошлины и другія неотвратимыя при столь утомительномъ хожденіи сверхбюджетныя траты.

Всего же времени со дня предъявленія иска до полученія окончательной судебной фиги приблизительно понадобилось: двѣ недѣли *до* заочнаго рѣшенія, мѣсяцъ *отъ* заочнаго рѣшенія *до* вторичнаго разбирательства, двѣ недѣли на аппелляціонный отзывъ, мѣсяцъ со дня его представленія до разсмотрѣнія на съѣздѣ, недѣля на полученіе исполнительнаго листа, и двѣ недѣли со дня предъявленія его приставу до исполненія рѣшенія, итого, слѣдовательно, почти четыре мѣсяца голодныхъ надеждъ, къ тому же въ концѣ концовъ разбитыхъ и осмѣянныхъ.

Спрашивается: стоитъ ли такихъ четырехмѣсячныхъ мытарствъ съ понятнымъ душевнымъ раздраженіемъ, съ сердечной тревогой, да еще въ большинствѣ случаевъ съ голоднымъ брюхомъ, да съ потерей цѣлыхъ семи рабочихъ дней и по-

слѣднихъ грошей, какой-нибудь 16-или 20-рублевый искъ? И не равняется ли такое правосудіе, хотя бы и обставленное самыми прекрасными формальностями, по своему окончательному результату полному безсудію?

Нужно имѣть въ виду, что лица, имѣющія частыя соприкосновенія съ судомъ, составляютъ исключеніе, что каждый гражданинъ, взятый въ отдѣльности, имѣетъ надобность въ правосудіи лишь изрѣдка, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ, почему и не имѣетъ никакого представленія о дѣйствительной постановкѣ судебныхъ распорядковъ, и по истинѣ прискорбно для репутаціи правосудія, если, при первомъ же къ нему обращеніи, онъ получитъ отъ него услугу, подобную выше изображенной.

Больному важно не то, кто его лечитъ, какими лекарствами, по чьей системѣ и согласно ли съ требованіями медицинской науки и врачебнаго искусства, а то, чтобы его вылечили, вернули ему утраченное здоровье; и если врачи, призванные къ его постели и не съумѣвшіе ему помочь, будутъ его увѣрять, что они лечили его строго сообразно съ предписаніями медицины, то и ему отъ того не станетъ легче, и о нихъ онъ получитъ понятіе не слишкомъ для нихъ лестное, и конечно пожалѣетъ, что къ нимъ обратился.

Не также ли точно, и притомъ совершенно естественно и разумно, пожалѣетъ о своемъ обращеніи къ правосудію гражданинъ, послѣ четырехмѣсячныхъ хлопотъ и заботъ о своемъ правомъ дѣлѣ добившійся только насмѣшки надъ нимъ? Не въ правѣ ли онъ сказать, что ходилъ въ судъ

вовсе не для уроковъ юридической практики, а за полученіемъ трудовыхъ денегъ, и что то правосудіе, при помощи котораго не достигается его конечная цѣль, правосудіе плохое, что не стоитъ къ нему обращаться, и что если въ его дѣлѣ блистательно проведены всѣ требуемыя закономъ формальности и обрядности судопроизводства, а денегъ онъ все таки не получилъ, то отъ этого ему не легче?

За то много легче ему становятся сношенія съ правосудіемъ, и много успѣшнѣе по ихъ конечнымъ результатамъ, когда онъ, въ этихъ сношеніяхъ, обращается къ посредничеству адвокатуры, и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что въ практической постановкѣ правосудія заключаются существенные недостатки: если бы оно отправлялось на основаніи точныхъ, изъ народнаго разума, совѣсти и обычая проистекшихъ законовъ, строго между собою согласованныхъ, то процессуальныя формальности и обряды, въ свою очередь строго согласованные съ духомъ и буквою законовъ, лишь бы облегчали населенію непосредственный къ нему доступъ и довѣрчивое съ нимъ обращеніе.

Къ сожалѣнію, наша судебная практика обнаруживаетъ фактъ совершенно противоположнаго характера: безпомощность гражданина предъ судебными обрядами и формами, и стремленіе его, по возможности, освобождаться отъ докучныхъ хлопотъ судопроизводства, передавая ихъ тягость лицамъ, спеціально ихъ изучившимъ и

изъ ихъ знанія и торговли этимъ знаніемъ сдѣлавшихъ свою профессію.

Къ еще большему сожалѣнію, наша профессіональная адвокатура съ первыхъ же дней своего существованія проявила несомнѣнное стремленіе не столько служить правосудію, сколько удовлетворять жаждѣ наживы и обогащенію. При наличности такого направленія, она, естественно, пренебрегаетъ низменными сферами судебно-мировой инстанціи и избѣгаетъ сношеній съ небогатою, въ большинствѣ случаевъ, кліентеллой, имѣющей отношенія преимущественно къ этой инстанціи, выбирая кліентовъ съ дѣлами, возможно болѣе для нея выгодными, отнесенными къ вѣдѣнію Окружнаго суда.

Появленіе сколько-нибудь свѣдущаго адвоката, напримѣръ присяжнаго повѣреннаго, въ камерѣ мироваго судьи и съ первыхъ-то дней судебной реформы производило сенсацію, а теперь и вовсе составляетъ рѣдкость, объясняемую развѣ какою-нибудь случайною надобностью въ услугахъ мироваго правосудія у его богатаго кліента.

Такимъ образомъ большинство небогатаго населенія вынуждается или прибѣгать къ услугамъ сомнительнаго качества ходатаевъ, или же распутываться въ сѣтяхъ процессуальной формалистики собственными силами, и какой изъ этихъ способовъ лучше, какой хуже—даже и рѣшить трудно.

Въ результатѣ собственныхъ усилій весьма легко, какъ мы видѣли, получается *нуль*, да еще и не одинъ, а вмѣстѣ съ нѣсколькими *минусами*; послѣдствіемъ адвокатской услуги, при ея неудачѣ, тотъ же *нуль*, но съ минусами гораздо болѣе значитель-

ными, ибо дороговизна этихъ сомнительныхъ ходатаевъ равняется ихъ алчности и безцеремонности, послѣднія же, особенно въ сношеніяхъ съ темною массой бѣднаго люда, отнюдь не стѣсняются границами добросовѣстности. Въ случаѣ даже вполнѣ удачнаго окончанія процесса, кліентъ все-таки остается въ болѣе или менѣе чувствительномъ дефицитѣ, ибо значительная, если не львиная доля исковой суммы отдается имъ адвокату.

Такимъ образомъ, практическая постановка судопроизводства въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, безспорно облегчивъ населенію *доступъ* къ правосудію, уничтоживъ судейское взяточничество и вымогательство въ грубыхъ его формахъ, процвѣтавшихъ въ дореформенное время, въ значительной мѣрѣ парализовала эти удобства, вызвавъ къ жизни и ихъ нежелательные эквиваленты: неспособность правосудія къ осуществленію его рѣшеній, съ одной стороны, и ненормальную постановку адвокатуры—съ другой.

Этимъ и объясняется замѣтное охлажденіе народа къ мировому суду, который такъ восторженно былъ имъ встрѣченъ въ первые дни его существованія. Практическая мудрость народа, сталкиваясь съ неудобствами новыхъ судебныхъ порядковъ и сравнивая ихъ съ прежними, не безъ свойственнаго ей цинизма замѣчаетъ, что если прежніе подъячіе и брали, то брали за дѣло, а нынѣшній адвокатъ хотя также возьметъ, но неизвѣстно еще, сдѣлаетъ ли дѣло, такъ что въ иныхъ случаяхъ при прежнемъ взяточничествѣ выходило и много скорѣе, и много дешевле, и вся разница

въ томъ, что прежде платили самимъ судьямъ, а теперь адвокатамъ—разница для плательщика ничуть не существенная. За то разница громадная въ томъ, что прежде никакихъ адвокатовъ не знали, теперь же безъ нихъ обходится развѣ одна нищета.

Всѣ вышеизложенныя замѣчанія въ той же мѣрѣ относятся и къ уголовной сторонѣ мироваго правосудія, съ тѣмъ развѣ занимательнымъ дополненіемъ, что большинство уголовной его кліентеллы ничуть не нуждается въ адвокатурѣ, равно какъ, по той же причинѣ, не имѣетъ мотивовъ хорониться отъ судебной кары: не говоря уже о тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда преступники смотрятъ на преступленіе, какъ на средство къ полученію полнаго тюремнаго пансіона на тотъ или другой срокъ, значительная ихъ часть, по своимъ низменнымъ нравственнымъ понятіямъ и по своему незавидному соціальному положенію, въ тюремной высидкѣ видятъ не столько позоръ и наказаніе, сколько отдохновеніе отъ голодной свободы на сравнительно сытыхъ тюремныхъ харчахъ и привольное тунеядство на казенный счетъ, которыя, послѣ тяжелой работы ради исключительно дневнаго пропитанія, едва ли могутъ представлять для нихъ что-либо ужасное.

Область окружнаго суда за истекающую четверть вѣка его существованія вызывала нерѣдко сильные и не всегда безосновательные противъ себя протесты въ обществѣ и печати. Эти протесты, въ пылу полемики, доходили до размѣровъ, вызывавшихъ по истинѣ болѣзненное чувство у

людей, которымъ дороги интересы родины, а слѣдовательно и правильная постановка въ ней суда, довѣріе и уваженіе къ нему населенія, тотъ ореолъ, которымъ долженъ быть окруженъ судъ скорый, строгій и правый: то изображали эту область обширнымъ бассейномъ съ сотнями привольно плавающихъ въ немъ щукъ, то ареной для словесныхъ турнировъ прокурорскаго и адвокатскаго краснорѣчія, то трибуной для издѣвательства современныхъ софистовъ надъ законами совѣсти и логики, то игорнымъ домомъ, гдѣ въ азартной игрѣ игроки мечутъ карты на человѣческое счастіе, общественную, служебную и семейную честь, на гражданскія и семейныя права людей, на всевозможныхъ размѣровъ денежныя суммы и т. д., тогда какъ истина разыгрывается якобы въ лоттерею, колесо которой вертится адвокатами и прокурорами, то, наконецъ, святилищемъ возможнаго въ семъ мірѣ правосудія, гдѣ общественная совѣсть совершаетъ великое судейское тайнодѣйствіе, направленное къ наказанію порока и преступленія и защитѣ добродѣтели и невинности, но святилищемъ, которое для этого тайнодѣйствія призываетъ не истинныхъ жрецовъ справедливости, а случайныхъ прохожихъ съ улицы, вслѣдствіе чего и само теряетъ свое священное достоинство, преображаясь въ «судъ улицы».....

Долго не кончили бы мы этого перечня сравненій, къ которымъ подавала поводъ существующая у насъ постановка окружнаго суда, и которыя вызывались въ обществѣ и печати тѣми или другими судебными рѣшеніями, ошибками, а подчасъ—увы!—и тенденціями.....

Что касается, въ частности, гражданскаго судопроизводства этой инстанціи—о немъ ничего нельзя сказать иного кромѣ того, что сказано выше относительно мироваго суда, развѣ съ тѣмъ дополненіемъ, что: 1) здѣсь немыслимо обходиться безъ адвокатовъ, и притомъ несомнѣнно надежныхъ, а вслѣдствіе этого и правосудіе обходится несравненно дороже; 2) здѣсь полное торжество адвокатуры, и едва ли не ея одной, такъ какъ, извѣстными ей одной способами, она находитъ нерѣдко возможность пробираться къ самымъ вѣсамъ гражданской ѳемиды, и, пользуясь ея слѣпотой, продѣлывать надъ ними всевозможныя манипуляціи, требуемыя интересами не правосудія, а ея самой и ея кліентеллы.

Не станемъ выдавать за непреложную истину, но не можемъ и вовсе обойти молчаніемъ фактъ, на который указываютъ, какъ на повсемѣстное, будто бы, явленіе въ судебныхъ сферахъ, и который является въ формѣ постоянной и неоплатной задолженности не малой части судебнаго персонала свѣтиламъ мѣстной адвокатуры, задолженности, отчасти объясняемой несоразмѣрностью его содержанія съ требованіями общественнаго положенія и дороговизною жизни. И такъ какъ дыма безъ огня не бываетъ, то, полагаемъ, и этотъ фактъ напрашивается на разслѣдованіе, хотя бы для удостовѣренія въ его вымышленности, которое въ интересахъ репутаціи судебнаго сословія, конечно, какъ нельзя болѣе желательно, а въ интересахъ правосудія и вовсе необходимо.

Судъ присяжныхъ у всѣхъ передъ глазами: о достоинствахъ его говорено такъ много, и всѣ они, при соединеніи извѣстныхъ условій, такъ

легко достижимы, что о нихъ нѣтъ особой надобности и распространяться. Недостатки же его заключаются въ томъ, что на его сужденіяхъ не могутъ не отражаться общественныя воззрѣнія и понятія со всѣми присущими имъ несовершенствами и абсурдами.

Если бы предположить судъ присяжныхъ въ Содомѣ, то конечно противуестественный порокъ, которымъ прославился этотъ библейскій городъ, всегда бы выходилъ оправданнымъ.

Присяжные засѣдатели изъ абхазскихъ горцевъ, привыкшихъ за малѣйшее оскорбленіе выпускать кишки своимъ ближнимъ, конечно всегда оправдали бы самаго отчаяннаго дуэлиста.

Злостный банкротъ предъ двѣнадцатью торговцами, изъ которыхъ четверо уже выворачивали карманы, четверо выворачиваютъ, а остальные четверо собираются выворотить, конечно покажется не столько преступникомъ, сколько неудачникомъ, не столько грабителемъ, сколько зарвавшимся смѣльчакомъ, и т. д. т. п.

Словомъ, судъ присяжныхъ всегда и вездѣ— судъ именно общественной совѣсти, и его достоинство не можетъ не быть въ зависимости отъ того уровня, на которомъ эта совѣсть въ данномъ мѣстѣ и въ данное время находится. Возвыситься надъ нимъ, при такихъ условіяхъ, ему нѣтъ возможности, и потому какіе бы то ни было толки о его, будто бы, воспитательномъ значеніи для общества—не болѣе, какъ логическое недоразумѣніе.

Къ этому существенному и неустранимому недостатку въ нашемъ судѣ присяжныхъ присое-

диняются: 1) въ большинствѣ случаевъ неизбѣжная слабость и неумѣлость предварительнаго слѣдствія, поручаемаго молодымъ людямъ, едва успѣвшимъ получить университетскій дипломъ; 2) свойственное вообще русскому человѣку сердоболіе къ преступникамъ, склонное видѣть въ нихъ непремѣнно несчастныхъ, и 3) беззащитное положеніе присяжныхъ, въ большинствѣ людей необразованныхъ, не развитыхъ, невѣжественныхъ и даже нерѣдко безграмотныхъ, предъ трескотнею адвокатскаго краснобайства, которое представляется имъ, естественно, верхомъ человѣческой мудрости и вѣнцомъ краснорѣчія. Что же удивительнаго, что у насъ то и дѣло общественная совѣсть выпускаетъ на волю головорѣзовъ, полоумныхъ отце-и-жено-и-дѣто-убійцъ, дерзкихъ святотатцевъ, наглыхъ грабителей и разбойниковъ, не говоря уже о герояхъ воровства, подлога, мошенничества и плутни?

Нельзя, кромѣ того, обойти молчаніемъ и многочисленныхъ другихъ неудобствъ, которыя испытываетъ наша общественная совѣсть въ лицѣ присяжныхъ, призываемыхъ къ исправленію ихъ великой обязанности безъ всякаго соображенія съ ихъ личнымъ и соціальнымъ положеніемъ, на основаніи однихъ лишь внѣшнихъ признаковъ гражданской благонадежности, выражаемой предварительной судебной неопороченностью.

Объ этихъ неудобствахъ свидѣтельствуютъ удостовѣренные факты: и нищенскаго побирошничества присяжныхъ на кусокъ хлѣба въ теченіе той самой сессіи, на которой они изображаютъ общественную совѣсть, согнанные для этой высокой

цѣли за нѣсколько десятковъ верстъ безъ гроша въ карманѣ, и даже подкупа присяжныхъ, и не только деньгами, а простымъ угощеньемъ въ трактирахъ, и т. п.

Наконецъ, главнѣйшій недостатокъ суда присяжныхъ, и недостатокъ *пока* неизбѣжный и неустранимый, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что, составляя самъ по себѣ послѣднее слово юридическаго прогресса, вѣнецъ современнаго законодательства и драгоцѣннѣйшій перлъ нашихъ судебныхъ уставовъ, онъ вынужденъ, постановляя свои приговоры, сообразоваться съ такимъ во всѣхъ отношеніяхъ обветшалымъ анахронизмомъ, каково наше Уложеніе о наказаніяхъ, оставшееся неизмѣннымъ посреди полнаго почти обновленія всѣхъ сторонъ гражданской жизни, глухимъ ко всѣмъ новымъ требованіямъ, ею предъявляемымъ, и безучастнымъ ко всему разнообразію обстоятельствъ и отношеній, ею созданныхъ и создаваемыхъ.

Въ заключеніе два-три слова о верховномъ судилищѣ кассаціонной инстанціи, рѣшенія коей, какъ извѣстно, имѣютъ законодательную силу въ судебной практикѣ: давно уже не безъизвѣстно, что безчисленное множество этихъ рѣшеній за цѣлые двадцать пять лѣтъ новаго суда представляетъ, въ своихъ подробностяхъ, массу противорѣчій, одно другое побивающихъ, при чемъ одна и таже статья закона въ различныхъ рѣшеніяхъ за различными нумерами толкуется различно. Это не только не облегчаетъ правосудія, но и способствуетъ частымъ судебнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ, и ловкому адвокату сто-

итъ лишь выбрать, смотря по надобности, то или другое рѣшеніе, чтобы напустить судьямъ туману въ глаза и расположить ихъ къ той именно ошибкѣ, какая ему желательна въ интересахъ его кліента. Достигается это безъ особаго труда, ибо судья, знающій всѣ кассаціонныя рѣшенія, былъ бы такимъ же чудомъ, какъ Юлій Цезарь, знавшій по именамъ и въ лице всѣхъ своихъ солдатъ.

IX.

Что дѣлать?

Въ этой послѣдней главѣ книги, посвященной изложенію нашихъ воззрѣній и наблюденій надъ современнымъ состояніемъ общественной и гражданской жизни Русскаго народа, для того, чтобы съ возможною и желательною обстоятельностью высказать наши *pia desideria*, считаемъ необходимымъ резюмировать положенія и выводы, разсѣянные въ предыдущихъ главахъ: указавъ неудобства и недостатки, замѣчаемые въ той или другой области народнаго быта, легче будетъ намѣтить и тотъ путь, которому должно слѣдовать въ ихъ устраненіи и исправленіи, и даже существенный характеръ самыхъ исправленій, измѣненій и улучшеній, требуемыхъ тою или другою областью жизни, короче сказать — легче будетъ видѣть, *что* предстоитъ *дѣлать* въ той или другой изъ этихъ областей.

Наше крестьянство по-реформеннаго времени обнаружило стремленія: къ неумѣренному пользованію выгодами личной свободы и даже къ злоупотребленію ею, къ пренебреженію сельско-

хозяйственнымъ трудомъ и къ замѣнѣ его отхожими заработками внѣ дома и семьи.

Дворянство, вслѣдствіе давней привычки къ одной только формѣ сельско-хозяйственныхъ занятій, выражавшейся даровымъ трудомъ крѣпостнаго крестьянства, отчаявшись въ возможности и выгодности земледѣлія и землевладѣнія на новыхъ началахъ, частію отшатнулось отъ своихъ хозяйствъ, устремившись на чуждыя ему профессіи, частію сократило хозяйства и уменьшило заботливость о ихъ поддержаніи и улучшеніи, результатомъ чего явилось сокращеніе его доходовъ, и безъ того уменьшившихся вслѣдствіе эмансипаціи. При отсутствіи навыка къ сбереженіямъ, представлявшимся почти не нужными при существованіи крѣпостныхъ отношеній, при традиціонной привычкѣ не стѣсняться въ удовлетвореніи повседневныхъ освященныхъ обычаемъ потребностей, это двукратное уменьшеніе доходовъ отразилось на цѣломъ сословіи или обѣднѣніемъ, или и совершеннымъ разореніемъ значительной его части.

Самоуправленіе, кривою линіей прорѣзавшее всю русскую преобразованную жизнь сверху до низу, отъ затерявшейся въ глуши деревушки до палатъ столичныхъ муниципалитетовъ, проникшее почти во всѣ области гражданскаго быта, отъ призрѣнія бѣдныхъ до суда, отъ сельскихъ школъ до путей сообщенія, отъ податнаго обложенія до торговли и промысловъ, и во всѣ эти сферы народной жизни внесшее не столько порядка и прогресса, сколько деморализаціи и отравы, страдаетъ однимъ общимъ недугомъ, который

проявляется одновременно въ трехъ болѣзненныхъ формахъ: безнадзорности, безотвѣтственности и безнаказанности, и мы полагаемъ, что не напрасно посвятили этимъ явленіямъ наиболѣе значительную долю вниманія по сравненію съ другими явленіями современной жизни.

Что касается администраціи, то она, непосредственно за всеобъемлющимъ значеніемъ, какое имѣла въ до-реформенной нашей жизни, подъ давленіемъ преобразованій сразу лишилась значительной доли и своего нравственнаго престижа, и практическаго вліянія на дѣла, и если въ качественномъ отношеніи своего личнаго состава не испытала особо замѣтныхъ улучшеній, но значительнымъ уже соціальнымъ прогрессомъ слѣдуетъ признать и тотъ фактъ, который, надѣемся, никто оспаривать не станетъ: это — присущее современной администраціи внутреннее убѣжденіе, что не *всѣ* для *нея* одной, какъ было въ дореформенномъ быту, а напротивъ, *она* для *всѣхъ* гражданъ вообще и для *каждаго* изъ нихъ въ частности, что ея роль въ общественной жизни въ точномъ смыслѣ слова *служебная*, и *только* служебная, а не распорядительная и организаторская. Присутствіе этого соображенія сказывается въ направленіи всей современной администраціи отъ самыхъ нижнихъ до самыхъ верхнихъ ея слоевъ, и выражается даже въ отрицательныхъ проявленіяхъ ея дѣятельности: въ наиболѣе вопіющихъ злоупотребленіяхъ ея служебнымъ долгомъ выражается всего чаще не столько *ея* исключительное давленіе на населеніе, ту или другую его часть или отдѣльныхъ

гражданъ, сколько давленіе на *нее* самое той или другой общественной корпораціи или даже отдѣльной личности, почему-либо въ данномъ мѣстѣ и въ данное время нравственно и матеріально возобладавшихъ надъ населеніемъ и вмѣстѣ съ его массой подчинившихъ себѣ и администрацію.

Наконецъ судъ, хотя и не вполнѣ разочаровавшій населеніе за двадцать пять лѣтъ своего существованія въ своихъ достоинствахъ и въ своемъ почти магическомъ значеніи, какое придавалъ ему народъ въ первые дни судебной реформы, но обнаружившій, тѣмъ не менѣе, массу недостатковъ и неудобствъ въ практической постановкѣ, требуетъ тщательнѣйшей и быстрѣйшей расчистки отъ плевелъ, которыми успѣла прорасти его благодатная нива, требуетъ немедленнаго и разумнаго законодательнаго удобренія этой нивы, для того, чтобы благія сѣмяна, брошенныя въ нее судебною реформой, дали успѣшные всходы, и чтобы всходы эти не заглохли, подъ вліяніемъ законодательной неподвижности, консерватизма и ретроградства, отъ сорныхъ травъ, подъ этимъ же вліяніемъ быстро разростающихся.

Вотъ какъ мы резюмируемъ современное положеніе главнѣйшихъ сторонъ нашего преобразованнаго общественнаго и гражданскаго строя. Что нужно сдѣлать для того, чтобы этотъ строй не шатался, а утверждался, и не на идеальномъ пескѣ либеральныхъ фантазій, а на прочной основѣ здраваго смысла—отвѣтъ на этотъ вопросъ мы и предложимъ здѣсь вниманію читателей.

Прежде всего—нѣсколько общихъ соображеній. Общественный и гражданскій строй народной жизни, также какъ и политическій, и государственный, и всякій другой, отнюдь нельзя подвергать даже отдаленному сравненію съ какимъ-либо архитектурнымъ сооруженіемъ: только что выстроенное зданіе, буде оно не удовлетворяетъ ожиданіямъ, на него возлагавшимся, можно разобрать до послѣдняго камня въ фундаментѣ, чтобы затѣмъ соорудить новое, согласно своимъ желаніямъ и предположеніямъ. Не таково зданіе гражданскихъ и общественныхъ учрежденій въ человѣческихъ обществахъ: составляя нѣчто цѣльное и нераздѣльное съ общественнымъ организмомъ, для потребностей коего созидаются, они не могутъ выносить никакихъ потрясеній, никакихъ значительныхъ и существенныхъ измѣненій, а тѣмъ болѣе совершеннаго уничтоженія, не производя потрясенія и во всемъ общественномъ организмѣ.

Поэтому и не желательна какая бы то ни было радикальная ломка такихъ учрежденій, да притомъ и безполезна. Совершенства человѣку и человѣчеству не дано въ удѣлъ: ихъ и святая обязанность, и цѣль—не болѣе, какъ стремленіе къ улучшенію разнообразныхъ условій своего существованія въ семъ мірѣ, а этого улучшенія трудно было бы ожидать, еслибъ каждый недостатокъ того или другаго человѣческаго учрежденія подвергалъ опасности и самое его существованіе.

Отсюда первое правило и государственной, и народной мудрости: беречь то, что создано жизнію, ограничивая прогрессивныя стремленія част-

ными измѣненіями, дополненіями и улучшеніями существующаго, и отнюдь не доводя ихъ до его абсолютнаго разрушенія и уничтоженія. Исправить неудобное готовое—и гораздо проще, и дешевле, и скорѣе, нежели уничтожить и опять создавать новое, и никто не станетъ рвать въ клочья новаго, неловко сшитаго платья, для того, чтобы бросивъ эти лоскутья, снова шить другое, а конечно употребитъ мѣры, чтобы готовое передѣлать въ удобное.

Обязываемся высказать эту общую сентенцію въ томъ соображеніи, чтобы кто-либо не подумалъ, что, указывая на недостатки современныхъ учрежденій, мы склоняемся къ мысли о ихъ совершенной непригодности и слѣдовательно безполезности ихъ существованія, а отсюда и цѣлесообразности уничтоженія.

Напротивъ: не говоря уже о личной свободѣ крестьянства, о сравнительномъ увеличеніи вообще личной свободы гражданъ, и самоуправленіе во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, и администрація со всѣми несовершенствами своей практической постановки и неудобствами ея для населенія, и судъ со всѣми аномаліями своихъ практическихъ подробностей—уже однимъ качествомъ готовыхъ, созданныхъ жизнію учрежденій заслуживаютъ право не только на существованіе, но и на сочувствіе, и только этимъ послѣднимъ и объясняются указанія на присущіе имъ недостатки, освобожденіе отъ которыхъ и желательно, и достижимо.

Не о каждомъ, кто молчитъ объ этихъ недостаткахъ, было бы справедливо заключить, что онъ такъ дѣлаетъ потому, что не сочувствуемъ са-

мымъ учрежденіямъ; но о томъ, кто говоритъ, слѣдуетъ заключить, что онъ сочувствуетъ, и только потому и говоритъ, что сочувствуетъ и не можетъ не сочувствовать.

Деревня наша, съ момента ея освобожденія, страдаетъ недугомъ безвластія и безначалія: на этотъ недугъ давно уже обращено вниманіе и общества, и печати, и правительства; къ уврачеванію его давно замышлялись различныя средства, и институтъ урядниковъ былъ первою пробой этихъ средствъ.

Но какъ одинъ фельдшеръ безсиленъ противъ повальной болѣзни цѣлой деревни, такъ и урядникъ, хотя и пробудилъ въ разнуздавшемся мужикѣ смутное представленіе о законѣ и порядкѣ, далѣе пойти въ этомъ направленіи оказался безсиленъ и по собственной нравственной безпомощности, и по ограниченнымъ правамъ своего служебнаго положенія, и вслѣдствіе тупаго, но упорнаго сопротивленія среды, въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать хотя и на пользу ея самой, но мѣрами, далеко ей не симпатичными.

Что на урядника правительство и само смотрѣло, какъ на полумѣру, какъ на первый опытъ, это доказывается и новоучрежденнымъ институтомъ уѣздныхъ начальниковъ и вообще предстоящею реформой уѣзднаго управленія: фельдшеръ оказался слабосиленъ и не компетентенъ для исцѣленія болѣзни, и вотъ, къ нему и надъ нимъ назначается врачъ, съ большимъ запасомъ интеллектуальныхъ силъ, съ большимъ райономъ правъ, съ обширнѣйшею сферою вліянія.

Какъ этотъ врачъ поведетъ дѣло врачеванія, какихъ результатовъ достигнетъ, это вопросъ будущаго, предрѣшать который нѣтъ смысла, но несомнѣнно то, что уже одно присутствіе живой власти должно оказать благотворное вліяніе на жизнь, сложившуюся въ безвластіи и безначаліи. Въ благоустроенныхъ городахъ добропорядочная полиція не сидитъ на каждой тумбѣ и не толчется на каждомъ углу, а напротивъ, изображаетъ какъ бы невидимку; но ни денныхъ грабежей, ни разбоевъ, ни уличныхъ побоищъ въ такихъ городахъ, тѣмъ не менѣе, не происходитъ, ибо всякій знаетъ, что въ случаѣ надобности полиція выростаетъ изъ земли, и это общее сознаніе водворяетъ въ сотняхъ тысячъ жителей отрадную увѣренность въ общественной безопасности.

Но не однимъ безвластіемъ и безначаліемъ страждетъ наша деревня: при ихъ косвенномъ воздѣйствіи освобожденный мужикъ обзавелся и другими недугами, пожалуй не менѣе для него опасными, а въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи еще болѣе вредными. О нихъ мы болѣе или менѣе обстоятельно говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ, и здѣсь попробуемъ только указать цѣлесообразныя мѣры къ тому, чтобы разсѣять замѣчаемое въ крестьянствѣ равнодушіе и небреженіе къ своей исконной и вѣчной кормилицѣ-землѣ, снова привязать его къ ней такъ, какъ онъ привязанъ былъ въ эпоху крѣпостнаго рабства, и охладить его безсмысленное рвеніе изъ скучной деревни на развеселое проживаніе среди городскихъ и фабричныхъ трущобъ, внѣ дома и семьи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ этого достигнуть? Если крестьянинъ сокращаетъ или вовсе бросаетъ хлѣбопашество, и если это прискорбное явленіе мало по малу изъ разряда исключеній начинаетъ переходить въ общее правило, было бы легкомысленнымъ объяснять его какою-либо общей причиной въ родѣ огульной лѣности, повальнаго пьянства и т. д., и гораздо добросовѣстнѣе будетъ объяснить: или 1) дурнымъ качествомъ земли, или 2) случайнымъ истощеніемъ почвы, по существу плодородной, или, наконецъ, 3) недостаточнымъ количествомъ земли, не способной даже при сравнительно достаточныхъ урожаяхъ прокармливать земледѣльца и его семью. Причины эти извѣстны не со вчерашняго дня, и къ устраненію ихъ или измѣненію надлежащія мѣры указываются и историческимъ опытомъ, и современными обстоятельствами, и политико-экономическими соображеніями.

Гдѣ земля является для крестьянина мачихой, недоборы съ нея онъ самъ издавна научился и привыкъ покрывать отхожими заработками и кустарными промыслами, а въ позднѣйшее время и фабричнымъ трудомъ. Гдѣ плодородная почва подвергается истощенію, тамъ необходимо усиленное и разумное удобреніе, а для этого—болѣе или менѣе благоустроенное усадебное хозяйство. Гдѣ, наконецъ, не хватаетъ земли, хотя бы и доброкачественной, тамъ требуется или разселеніе, или даже, какъ мѣра чрезвычайная, переселеніе.

И вотъ, для правительственной и общественной заботливости открывается обширное поле дѣятельности, направленной къ тому, чтобы воз-

вратить крестьянина землѣ, отъ которой его отрываютъ и обстоятельства, къ счастію временныя и случайныя, и собственное его малодушіе и неразуміе.

Благовременное и соразмѣрное съ необходимостью воспособленіе крестьянству въ развитіи кустарныхъ промысловъ, гдѣ они уже существуютъ, и въ созданіи тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; матеріальная или даже прямо денежная помощь ему на благоустроеніе его частныхъ разоренныхъ хозяйствъ, въ видѣ ссудъ на обзаведеніе домашнимъ и рабочимъ скотомъ для тѣхъ изъ землепашцевъ, которые вынуждаются неблагопріятными обстоятельствами вести хозяйство безкоровное и даже безлошадное, тѣмъ самымъ обрекая свои земли на конечное истощеніе и безплодіе; облегченіе тѣмъ земледѣльцамъ, которыхъ гнететъ тѣснота и малоземелье, разселенія по мѣстностямъ болѣе просторнымъ, и даже переселенія въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности въ тѣхъ случаяхъ, когда простое разселеніе не осуществимо—вотъ главнѣйшія мѣры, намѣченныя теперешними обстоятельствами крестьянства къ тому, чтобы сдѣлать для него земледѣльческій трудъ не только неизбѣжнымъ, но и привлекательнымъ.

Какъ организовать эти разнообразные виды вспомоществованія, на кого возложить ихъ осуществленіе, въ какихъ формахъ ихъ выразить—это уже вопросъ, подлежащій рѣшенію власти административной и общественной; мы-же, съ своей стороны, укажемъ на Крестьянскій банкъ, который безъ особыхъ затрудненій могъ бы рас-

ширить и программу, и размѣръ своихъ операцій, не ограничивая ихъ ссудами лишь для увеличенія территоріи крестьянскихъ владѣній.

Денежная помощь на расширеніе или созданіе кустарнаго дѣла, на упорядоченіе или поправку захудалыхъ частныхъ хозяйствъ, на разселеніе и даже переселеніе—можетъ представляться рискованною лишь на взглядъ банковой рутины, основанной на опытѣ, почерпнутомъ изъ быта большихъ городовъ, гдѣ кредитныя учрежденія ограничиваютъ свою помощь незначительнымъ кружкомъ людей прочной состоятельности, отказывая въ ней людямъ, дѣйствительно нуждающимся.

Деревенскіе кулаки всею своею практикой подтверждаютъ основательность этого соображенія, на операціяхъ крестьянскаго кредита отнюдь не разоряясь, а день ото дня богатѣя, не смотря на то, что практикуютъ самую опасную форму кредита — въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ документовъ, записей и формальностей, что называется изъ полы въ полу и всего чаще съ глазу на глазъ.

Что касается въ частности разселенія и переселенія, то, помимо непосредственной помощи переселенцамъ, правительство могло бы облегчить разрѣшеніе весьма важнаго для государства переселенческаго вопроса предоставленіемъ переселенцамъ въ арендное пользованіе громадныхъ земельныхъ пространствъ, которыми, слава Богу, такъ богата казна рѣшительно во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, при чемъ переселенцы, конечно, и не подумали бы даже о ничтожной долѣ тѣхъ льготъ, какими тоже правитель-

ство ублажало въ разное время переселенцевъ-чужестранцевъ, а напротивъ, обезпечивали бы казнѣ по крайней мѣрѣ тотъ же земельный доходъ, какой она и доселѣ получала, вмѣстѣ съ тѣмъ избавляя ее отъ необходимости содержать болѣе или менѣе значительный служебный персоналъ для завѣдыванія этими землями и эксплуатаціи ихъ.

Но одновременно съ этимъ рядомъ мѣръ, долженствующихъ, путемъ облегченія крестьянскаго хозяйства, возвратить крестьянина землѣ, которую онъ, въ сущности, продолжаетъ любить, необходима и другая мѣра, разсчитанная на то, чтобы положить конецъ или хотя предѣлъ странному явленію крестьянскаго абсентеизма, составляющаго не болѣе, какъ безсмысленнѣйшій видъ злоупотребленія личною свободой. Разумѣемъ здѣсь безцѣльное и бездѣльное шатаніе мужичья изъ деревень на воображаемые городскіе и столичные заработки, съ единственнымъ имуществомъ въ видѣ ржаваго топора, съ единственнымъ умѣньемъ колоть дрова, но съ неисцѣлимымъ стремленіемъ къ привольной городской жизни съ трактирными чаями и, по деревенскимъ понятіямъ, легкими и крупными деньгами.

Эти новоявленные Робинзоны легкой добычи, низводя серьезное дѣло отхожихъ промысловъ до низкой степени простаго бродяжничества, наводняя собою и безъ того густо заселенные города и столицы, и тѣмъ способствуя пониженію заработной платы въ этихъ крупныхъ центрахъ промышленной и торговой дѣятельности до крайняго, почти невыносимаго *minimum*'а, лишь отбиваютъ

кусокъ хлѣба у мѣстнаго кореннаго чернорабочаго люда, не достигая сами той прямой цѣли, которою прикрываютъ свои поползновенія къ безшабашнымъ скитаніямъ и шатаніямъ. Поденный заработокъ, въ большинствѣ случаевъ выпадающій на ихъ долю, весь сполна проживаютъ они на дорогихъ городскихъ харчахъ, развлеченіяхъ и соблазнахъ, да кромѣ того, то и дѣло остаются и безъ всякаго заработка, существуя чѣмъ Богъ послалъ, и, не смѣя вернуться въ деревню безъ добычи, сплошь и рядомъ поступаютъ въ ряды городскаго и столичнаго пролетаріата, увеличивая на цѣлыя тысячи и десятки тысячъ человѣкъ и безъ того не малочисленные контингенты подонковъ городскаго населенія, а затѣмъ, по минованіи паспортныхъ сроковъ, переходятъ въ темный разрядъ формальныхъ бродягъ, откуда уже не далеко и до преступленій.

Современная административная практика, въ случаяхъ обнаруженія такихъ нелегальныхъ обывателей, выпроваживаетъ ихъ, на казенный счетъ, такъ называемымъ этапнымъ порядкомъ, во свояси, но какъ они являются къ своимъ пенатамъ въ значительной степени отравленные городскими привычками къ разнаго рода излишествамъ, а нерѣдко и къ бездѣльничеству, то деревня не знаетъ, что съ ними дѣлать, и бываетъ рада-радехонька сбыть ихъ опять съ своихъ плечъ на городскіе или столичные харчи.

Этому порядку, или, вѣрнѣе, безпорядку крестьянскаго колобродничества въ города и столицы и обратно долженъ быть положенъ конецъ, и положить его не представлялось бы, по види-

мому, особыхъ затрудненій: для этого стоило бы только установить съ крестьянскихъ обществъ, отпускающихъ своихъ членовъ въ отхожіе заработки, взысканія убытковъ, причиняемыхъ казнѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда на ея счетъ производится насильственное водвореніе блудныхъ сыновъ деревни въ ихъ отеческія нѣдра.

На счетъ чего другаго, а на счетъ лишнихъ расходовъ наша деревня весьма понятлива и до крайности чувствительна, и десятокъ-другой такихъ взысканій былъ бы вполнѣ достаточенъ для вразумленія цѣлаго сельскаго округа на счетъ невыгодности неосмотрительнаго роспуска деревенскихъ работниковъ, отъ своей зачастую пустующей земли, на сторону, для продажи своихъ рабочихъ рукъ по чужимъ угламъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не пожелать существенныхъ облегченій и для истинныхъ тружениковъ отхожаго промысла, которые до сихъ поръ считаются цѣлыми уѣздами и губерніями: въ этомъ направленіи наиболѣе цѣлесообразною мѣрой было бы уничтоженіе паспортной системы въ ея настоящемъ видѣ, и совершенное освобожденіе этихъ тружениковъ изъ зависимости отъ крестьянскихъ обществъ при условіи аккуратнаго платежа ими узаконенныхъ податей и сборовъ.

Деревня, болѣе или менѣе снисходительная къ своимъ блуднымъ сынамъ, въ ущербъ справедливости и здравому смыслу по истинѣ немилосерда и безпощадна къ этимъ своимъ членамъ, которыми могла бы только гордиться: нѣтъ того притѣсненія, отъ котораго она отказалась

бы, чтобы предъявить свою силу и власть надъ отхожимъ работникомъ, разъ онъ оказывается удачливымъ и счастливымъ въ своей городской или столичной трудовой карьерѣ, и нѣтъ для него средства противъ этихъ притѣсненій, кромѣ какъ откупаться отъ нихъ, пріобрѣтая благосклонность и сельскаго общества, и сельскаго начальства, и даже своей семьи не иначе, какъ постоянными въ ихъ пользу матеріальными пожертвованіями.

А какъ при этомъ деревня еще смотритъ на столичные и городскіе заработки, какъ на неисчерпаемый денежный сундукъ, и алчность ея къ деньгамъ прямо пропорціональна ея всегдашнему безденежью, то нерѣдко хорошій отхожій работникъ и оказывается ни болѣе, ни менѣе какъ дойною коровой и для своей семьи, и для своихъ сельскихъ старосты, старшины и писаря, а пожалуй и урядника, да при случаѣ и для цѣлой деревни.

И этому порядку тоже желательно положить предѣлъ, и это весьма не трудно: такъ какъ *raison d'etre* перемѣнной паспортной системы, по крайней мѣрѣ для крестьянства, заключается преимущественно въ обезпеченіи, какое она представляетъ къ безнедоимочному взысканію съ крестьянъ подлежащихъ сборовъ, то для тѣхъ плательщиковъ, которые производятъ ихъ взносы аккуратно, она теряетъ свой смыслъ, и потому для крестьянина, разъ отпущеннаго деревней для заработковъ и до недоимки себя не доводящаго, не представляется ни малѣйшей разумной нужды въ ежегодной, или даже чаще, перемѣнѣ одного клочка бумаги на другой, а един-

ственно надобнымъ оказывается лишь оффиціальное удостовѣреніе во взносѣ имъ подлежащихъ сборовъ, въ формѣ ли почтовой росписки объ отсылкѣ ихъ къ мѣсту назначенія, или, еще проще, въ формѣ полицейской квитанціи на томъ же паспортѣ, что слѣдующіе съ него за такой-то срокъ сборы мѣстною полиціею, по мѣсту его нахожденія, получены для препровожденія куда слѣдуетъ.

Этотъ не хитрый, но практичный порядокъ и тѣмъ еще желательнѣе, что его введеніемъ было бы положено прочное основаніе къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства на пути къ совершенному уничтоженію паспортной системы, кромѣ общаго стѣсненія не приносящей никакихъ результатовъ.

И по матеріальному, и по интеллектуальному, и по юридическому своему положенію въ ряду другихъ сословій государства, и по своему политическому для государства значенію приходясь совершенными антиподами другъ другу, недавніе крѣпостные рабы и рабовладѣльцы, крестьянство и дворянство, по странной прихоти судьбы замѣчательно сходятся въ одномъ: въ полной почти тождественности соціальныхъ и экономическихъ недуговъ, которыми оба страдаютъ, каждое, конечно, въ различныхъ размѣрахъ и на свой ладъ.

Крестьянство не съумѣло воспользоваться, какъ подобаетъ, благомъ личной свободы и выгодами, отъ него зависящими: дворянство также неумѣло воспользовалось свободными наличными средства-

ми, поступившими въ его распоряженіе въ обмѣнъ за потерю крѣпостнаго права, безслѣдно проживши и полученныя отъ правительства выкупныя бумаги, и оставленныя за нимъ лѣсныя угодья, и опутавъ себя земельнымъ кредитомъ и частными долгами.

Крестьянство пренебрегло земледѣльческимъ трудомъ, стремясь промѣнять его на иныя подходящія профессіи: дворянству опостылѣли его недавнія помѣщичьи гнѣзда, съ новыми условіями существованія потерявшія прежнюю прелесть, а затѣмъ и землевладѣльческое положеніе, и сельско-хозяйственный трудъ.

И крестьянство и дворянство одновременно устремились изъ деревни въ города и столицы, откуда первое водворяется насильно на прежнія мѣста, а второе, по окончательномъ истощеніи всякихъ рессурсовъ, нерѣдко возвращается въ покинутыя прадѣдовскія гнѣзда съ запущенными усадьбами и разореньімъ хозяйствомъ, чтобы влачить прискорбное существованіе среди обломковъ прежняго величія, довольства и власти.

Крестьянское безденежье, въ связи съ тяжкими условіями ростовщическаго кредита, грозило совершеннымъ истощеніемъ почвы, а слѣдовательно гибелью земледѣлія, а отсюда и полнымъ разореніемъ земледѣльческаго класса, что и вызвало со стороны правительства заботливость объ основаніи спеціальнаго кредитнаго учрежденія для удовлетворенія настоятельныхъ земледѣльческихъ нуждъ; дворянское безденежье, въ связи съ одинаковыми условіями, но только въ размѣрахъ во много разъ обширнѣйшихъ, тѣмъ же самымъ гро-

зило большинству помѣщичьяго класса, для воспособленія коему былъ основанъ спеціальный льготный кредитъ для помѣстнаго дворянства.

Дворянскій земельный банкъ, также какъ и Крестьянскій, далеко еще не завершилъ цикла своихъ операцій, и осень для того, чтобы считать высиженныхъ имъ цыплятъ, долго еще не наступитъ; но существуютъ указанія, способствующія заключенію, что и эта не первая уже матеріальная помощь дворянству издерживается имъ помимо ея прямыхъ цѣлей, безъ особыхъ улучшеній въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, ради которыхъ эта помощь преимущественно и организовалась.

И если въ этихъ свѣдѣніяхъ есть доля правды, то невольно является вопросъ о томъ, цѣлесообразна ли эта форма кредитнаго вспомоществованія, и не полезнѣе ли была бы та-же мѣра съ характеромъ болѣе спеціальнымъ, съ характеромъ вспоможенія не *вообще* дворянству, а именно *помѣстному*, и именно той его части, которая не только *владѣетъ* землею, но и посвящаетъ свои труды земледѣльческому и вообще сельско-хозяйственному дѣлу?

Въ самомъ дѣлѣ, чего правительство, вмѣстѣ со всѣми благо-и-здравомыслящими людьми, можетъ желать для дворянства?

Во первыхъ, извѣстной нормы матеріальнаго благосостоянія: но это цѣль низменная, для достиженія которой, быть можетъ, хватитъ и одной реформы уѣзднаго управленія, если дѣйствительно должности земскихъ начальниковъ и иныя въ этомъ преобразуемомъ управленіи предоставля-

ются помѣстному дворянству, между прочимъ, и въ этихъ видахъ.

Во вторыхъ—и это главнѣйшее и необходимѣйшее въ интересахъ какъ самого дворянства, такъ и государства, и его величія и крѣпости—сохраненія за нимъ, какъ за сословіемъ, первенствующаго политическаго положенія, пользуясь коимъ оно, вмѣстѣ съ князьями, царями и императорами, строило, утверждало и возвеличивало государственное зданіе Русской земли и международное могущество Русской Державы.

Но такъ какъ это положеніе въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ, какъ Россія, не можетъ принадлежать никакому иному классу, кромѣ землевладѣльческаго, то и понятны становятся всевозможныя со стороны правительства жертвы для того, чтобы сохранить за дворянскимъ сословіемъ этотъ именно характеръ землевладѣльческаго класса.

Но такой классъ можетъ имѣть дѣйствительное политическое значеніе и вліяніе только при условіи личнаго участія въ общенародномъ земледѣльческомъ и сельско-хозяйственномъ трудѣ: за $^1/_4$ вѣка по-реформенной жизни авторитетъ дворянства сильно поколебался, это безспорно; но также безспорно и то, что явленіе это какъ разъ совпало съ широкимъ дворянскимъ абсентеизмомъ, съ поголовнымъ бѣгствомъ помѣщиковъ отъ своихъ земель, съ гибельнымъ и для нихъ, и для страны пренебреженіемъ ихъ къ земледѣльческимъ занятіямъ.

А такъ какъ возвратъ къ нимъ для большинства дворянъ возможенъ лишь на условіи упорядоченія

земледѣльческаго и усадебнаго хозяйства, нынѣ доведеннаго до такого же почти плачевнаго положенія, какое замѣчается у крестьянъ съ ихъ безкоровностью и безлошадностью, то и помощь правительства не было ли бы полезнѣе специализировать въ смыслѣ льготнаго кредита на предметъ удобренія полей, лѣсоразведенія, обзаведенія благоприличнымъ и вполнѣ достаточнымъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ въ видѣ домашняго и рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, машинъ и т. п., да и такой кредитъ открывать только дворянамъ, живущимъ въ своихъ помѣстьяхъ и посвящающимъ сельскому хозяйству свои досуги, знанія и таланты?

А то вѣдь земельный кредитъ, получаемый въ силу одного только факта землевладѣнія, легко можетъ и миновать сельское хозяйство, и ни одной копѣйкой не упасть ни на разоренныя дворянскія хозяйства, ни на запущенныя или истощенныя поля. Какая можетъ быть польза сельскому хозяйству, если землевладѣльцы того или другаго земледѣльческаго района, проживающіе кто за границей, кто въ столичныхъ и иныхъ городахъ, получивъ ссуду изъ Дворянскаго банка, оставятъ свои имѣнія по прежнему въ хищнической арендѣ, или въ томъ же разореномъ состояніи, въ какомъ они находились и раньше?

А между тѣмъ на такой именно оборотъ дѣла и появляются за послѣднее время указанія, и въ заключеніе мы не можемъ не повторить, что если въ этихъ указаніяхъ есть хотя доля правды, то истинная и желательная цѣль Дворянскаго банка едва ли когда будетъ имъ достигнута.

Въ добропорядочно поставленныхъ и матеріально обезпеченныхъ семьяхъ высшаго и средняго класса общества встрѣчается обычай, художественно изображенный гр. Л. Толстымъ въ его *Дѣтствѣ и Отрочествѣ;* заключается онъ въ томъ, что сыну, достигшему или извѣстнаго возраста, или опредѣленія на службу, или поступленія въ высшую школу, родители добровольно предоставляютъ извѣстную долю самостоятельности: молодой человѣкъ получаетъ отдѣльную квартиру, въ которой можетъ жить какъ угодно и принимать кого угодно, извѣстную сумму ежемѣсячныхъ карманныхъ денегъ на личныя надобности съ правомъ издерживать ихъ по своему усмотрѣнію, и возможность пользоваться своимъ временемъ, какъ и на что ему заблагоразсудится. Вотъ нѣчто подобное этому и сдѣлало правительство, даруя своему народу самоуправленіе.

Но въ тѣхъ же семьяхъ, о которыхъ мы говоримъ, съ указанною перемѣной въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ отнюдь не связывается полнѣйшій отказъ родителей отъ всякаго наблюденія за ихъ поведеніемъ и вмѣшательства въ ихъ жизнь, въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ наблюденіемъ выясняются факты, требующіе такого вмѣшательства. Напротивъ, ни одинъ умный отецъ, ни одна умная мать не потерпятъ, если сынъ, удостоенный отъ нихъ извѣстною долей свободы, вмѣсто разумнаго пользованія начинаетъ ею злоупотреблять, если свою отдѣльную квартиру обратитъ въ притонъ подозрительныхъ и неблагонадежныхъ людей, если свои деньги начнетъ проматывать на неблагопристойныя нужды не-

воздержности и излишествъ, а свои досуги посвящать не труду и благоприличнымъ развлеченіямъ, а оргіямъ и распутству.

Отъ этой прерогативы умныхъ родителей правительство, создавая самоуправленіе, къ сожалѣнію отказалось: его дѣти, получивъ право сами хозяйничать въ своей квартирѣ, вести свои расходы и устраивать распорядки своей жизни, оставлены были безъ всякаго надзора за ихъ дѣйствіями, и не мудрено, что ихъ скоро окружили толпы недобросовѣстныхъ, подозрительныхъ и неблагонадежныхъ людей, понявшихъ, что на ихъ улицѣ настаетъ праздникъ, ибо хозяева не достаточно опытны и дальновидны, да и черезъ чуръ молоды, а надзора за ними старшихъ не имѣется.

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ существу всѣхъ созданныхъ либеральными реформами учрежденій, мы должны признать, что изо всѣхъ ихъ самоуправленіе всѣхъ сортовъ и видовъ представляетъ самое балованное чадо, въ дѣйствительности освобожденное отъ всякаго надзора за своими дѣяніями, отъ всякой отвѣтственности за нихъ, въ случаѣ обнаруженія въ нихъ тѣхъ или другихъ закононарушеній и даже преступленій, и даже отъ всякой серьезной и чувствительной кары, если, какъ это бываетъ въ одномъ изъ тысячи случаевъ, оно и привлекается къ законной отвѣтственности.

И земское, и городское, и сословное самоуправленія самыми дѣйствующими положеніями о нихъ такъ поставлены, что противъ допускаемыхъ ими въ сферахъ ихъ дѣятельности злоупотребленій почти вовсе не существуетъ никакихъ средствъ:

масса земскихъ, городскихъ, сословныхъ плательщиковъ, на средства которыхъ всѣ ихъ самоуправленія и существуютъ, и дѣйствуютъ, и злоупотребляютъ своими дѣйствіями, играетъ такую же роль какъ и тѣ моллюски, изъ неисчислимой массы которыхъ создаются такъ называемые коралловые острова, и единственное право каждаго такого моллюска, за тѣ нѣсколько рублей или ихъ десятковъ, которые онъ обязательно жертвуетъ въ видѣ земскихъ, городскихъ и сословныхъ налоговъ, это—послать самоуправленію то или другое количество избирателей.

Въ свою очередь единственное право этихъ послѣднихъ, это—избрать изъ своей среды то или другое извѣстное число выборныхъ, которые и являются хозяевами самоуправленія, но только не практическими, а теоретическими.

Для реальнаго же и надъ всѣмъ организмомъ и механизмомъ самоуправленія, и надъ ними самими распоряженія и владычества они опять таки должны изъ своей среды выбрать то или другое число лицъ, составляющихъ персоналы земскихъ, городскихъ и сословныхъ управъ, которыя только въ своихъ рукахъ фактическую власть и сосредоточиваютъ, ревниво устраняя отъ дѣйствительнаго въ ней участія собранія, ихъ уполномочивающія.

При этомъ, буде не только тотъ или другой плательщикъ, не только тотъ или другой избиратель, но даже тотъ или другой выборный удостовѣряются въ недобросовѣстномъ, или неблагоразумномъ, или вообще вредномъ для ихъ общихъ и частныхъ интересовъ, какъ гражданъ и плательщиковъ, направле-

ніи дѣлъ, они, каждый въ отдѣльности, совершенно безсильны не только измѣнить или остановить такое направленіе, но даже обратить на него своевременное вниманіе администраціи, а тѣмъ паче правосудія. По положеніямъ о земскихъ учрежденіяхъ и городовому, истинные представители земствъ, городскихъ и сословныхъ обществъ, каждый въ отдѣльности — лишены даже права дѣйственнаго протеста противъ неправильностей, злоупотребленій и даже преступленій выборнаго самоуправленія.

Предположимъ, напримѣръ, что въ силу избирательной ошибки, весьма часто повторяющейся въ сферахъ нашего самоуправленія вслѣдствіе совершенной непривычки населенія къ избирательной системѣ, предсѣдателемъ земской управы или городскимъ головой оказывается не только самодуръ, не только наглый лжецъ, способный на всевозможные подлоги, но просто воръ: на ворѣ, какъ извѣстно, шапка горитъ, и обстоятельство это, конечно, не можетъ укрываться долго отъ смышленыхъ, наблюдательныхъ и сколько нибудь добросовѣстныхъ гласныхъ.

И вотъ, находится изъ нихъ такой, которому удается констатировать непререкаемый фактъ предсѣдательскаго или главенскаго закононарушенія, подлога, хищенія.

По кореннымъ правиламъ общежитія, если я, идя по улицѣ, вижу воришку, вытаскивающаго у прохожаго изъ кармана кошелекъ, то обязанъ крикнуть: *караулъ*, обратить на воришку вниманіе полиціи и оказать ей содѣйствіе къ его задержанію.

По правиламъ же самоуправленія далеко не такъ: если гласный видитъ, что голова сознательно обманываетъ думу, совершаетъ служебные подлоги, крадетъ, и вздумаетъ пожаловаться на него администраціи—послѣдняя отъ него даже заявленія не приметъ; если отъ нея онъ обратится къ правосудію въ лицѣ прокурорскаго надзора—надзоръ безнадежно пожметъ плечами и отвѣтитъ, что это не его дѣло. Если онъ вздумаетъ обратиться къ гласности, печатно заявивъ о предсѣдательскомъ или главенскомъ обманѣ, подлогѣ, воровствѣ, то и этотъ выстрѣлъ окажется промахомъ, ибо печатныя обвиненія ни для администраціи, ни для суда, по отношенію къ самоуправленію обязательной силы не имѣютъ, а самъ инкриминируемый, конечно, не обидится на печатный позоръ и къ гласному суду обидчика не позоветъ изъ весьма понятныхъ соображеній.

Послѣднему остается, такимъ образомъ, одинъ путь для того, чтобы придать своему обвиненію практическій характеръ: пропагандировать его среди своихъ собратій-гласныхъ, и, достаточно распространивши его въ ихъ средѣ, изъ нихъ организовать партію для борьбы съ предсѣдателемъ.

Но если даже и эта борьба кончится успѣшно, и предсѣдательскія беззаконія станутъ очевидными для всѣхъ, его отвѣтственность, а тѣмъ паче наказаніе, все-таки болѣе чѣмъ сомнительны, ибо опять-таки право уличеннаго обманщика, мошенника, вора признать или не признать таковымъ остается за всѣмъ собраніемъ гласныхъ, и только тогда, когда этотъ обманщикъ, мошенникъ или воръ постановленіемъ думы, земскаго или со-

словнаго собранія будетъ торжественно утвержденъ въ этомъ званіи, можетъ состояться передача его въ руки общаго правосудія.

Если же принять въ соображеніе: равнодушіе большинства нашихъ общественныхъ избранниковъ къ общественнымъ интересамъ, трудности, предстоящія обыкновенно подобнымъ протестантамъ въ достиженіи ихъ цѣлей, значительный періодъ времени, потребный для ихъ осуществленія, мягкость даже уголовнаго правосудія по отношенію къ преступленіямъ этого сорта, и, главное, легкость, съ какою любой предсѣдатель подобнаго общественнаго собранія, имѣющимися въ его распоряженіи средствами, можетъ обезпечить себѣ въ какомъ угодно общественномъ дѣлѣ искусственное большинство, то станетъ весьма понятно, что: 1) находчивый предсѣдатель успѣетъ запутать и даже пустить по міру цѣлый городъ, уѣздъ или сословіе, пока попадетъ подъ судъ, да и 2) изъ суда выйдетъ или оправданнымъ, или приговореннымъ къ какому нибудь такому наказанію, которое отнюдь не воспрепятствуетъ ему, какъ Крыловскому медвѣдю по разграбленіи ульевъ, «со свѣтомъ распрощаться, въ берлогу теплую забраться, и лапу съ медомъ тамъ сосать, да у моря погоды ждать».

Такая постановка нашего самоуправленія едва ли не болѣе всего и дискредитируетъ его въ общемъ мнѣніи, и способствуетъ все большему и большему среди него утвержденію укоренившагося въ немъ произвола и самоуправства, и потому терпима быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ какъ нельзя болѣе желателенъ законодательный

пересмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ и городоваго, а равно и положеній, опредѣляющихъ постановку сословнаго и сельскаго самоуправленія, съ тѣмъ, чтобы ограничить въ его сферѣ искусственно создаваемые произволъ, самоуправство и гегемонію меньшинства надъ равнодушнымъ, неповоротливымъ, лишеннымъ организаціи большинствомъ.

Достигнуть же этого, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, иначе нельзя, какъ поставивъ самоуправленіе, во всѣхъ подробностяхъ его дѣятельности, подъ спеціальный, и при томъ, съ своей стороны, строго отвѣтственный административный контроль, предоставивъ правосудію возможно широкое право вмѣшательства въ дѣятельность самоуправленія, когда оно будетъ находить это необходимымъ, и уполномочивъ не только каждаго гласнаго, не только каждаго избирателя, но и каждаго плательщика— привлекать къ гражданской и уголовной отвѣтственности, за свой собственный рискъ, дѣятелей самоуправленія, когда таковой будетъ находить это для себя болѣе удобнымъ.

Независимо отъ сего, законодательнаго вниманія заслуживаетъ, собственно въ городскомъ самоуправленіи, и то обстоятельство, что оно почти вездѣ сосредоточивается въ рукахъ преимущественно одного купеческаго и вообще торговаго и промышленнаго сословія, образуя изъ себя, такимъ образомъ, не всесословное учрежденіе, какъ то предполагается городовымъ положеніемъ, а спеціально сословное, хотя и призванное къ служе-

нію интересамъ и пользѣ всего городскаго населенія.

Обстоятельство это достаточно объясняетъ сказывающійся во всѣхъ городскихъ самоуправленіяхъ фактъ небреженія къ обще-городскимъ интересамъ и принесенія ихъ въ жертву спеціальнымъ интересамъ одного, при томъ наиболѣе зажиточнаго класса, въ ущербъ нуждамъ прочихъ классовъ населенія, и конечно должно быть устранено, и по несоотвѣтствію съ цѣлями законодателя, даровавшаго самоуправленіе, и по вредному вліянію на общій прогрессъ городской жизни и на совокупность интересовъ всего городскаго населенія, и наконецъ—по деморализующему воздѣйствію на населеніе тѣхъ низменныхъ традицій и идеаловъ, которые присущи этому общественному классу.

Чего пожелать въ будущемъ нашей администраціи?

Прежде всего улучшенія ея содержанія и съ этою цѣлью возможно частаго пересмотра служебныхъ штатовъ на предметъ возвышенія ихъ до такой средней нормы, которая бы вполнѣ удовлетворяла и дѣйствительной стоимости жизни въ то или другое время и въ томъ или другомъ мѣстѣ, и условіямъ соціальнаго положенія, и требованіямъ служебной обстановки.

Во II выпускѣ нашего сочиненія мы уже имѣли случай указывать на недостаточность матеріальнаго вознагражденія нашихъ военныхъ офицеровъ: но если *подпоручиковъ* перевести съ военнаго языка

на языкъ гражданской службы, и переименовать въ соотвѣтствующій чинъ *губернскихъ секретарей*, то едва ли многіе изъ нихъ удержатъ свои теперешніе армейскіе полковые оклады, ибо изъ безчисленной тьмы этихъ *губернскихъ секретарей* развѣ ничтожныя исключенія придутся на долю счастливцевъ, получающихъ, даже по современнымъ, возвышеннымъ чиновничьимъ окладамъ, отъ 500 до 600 р. жалованья въ годъ.

Точно также изъ *титулярныхъ совѣтниковъ*, т. е., въ переводѣ на военный языкъ, *капитановъ*, едва ли много найдется людей, получающихъ содержаніе въ размѣрѣ того, какое имѣетъ капитанъ въ званіи ротнаго командира, и ужъ конечно великая рѣдкость встрѣтить коллежскаго или статскаго совѣтника, т. е. по военному языку полковника, который бы получалъ на казенной службѣ содержаніе, равное получаемому полковникомъ въ званіи полковаго командира.

Большинство нашего служилаго чиновничества до сихъ поръ, говоря общими итогами, жалкимъ образомъ перебивается, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, на жалованьи отъ 15 до 50 р. въ мѣсяцъ, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ—отъ 50 до 100 р., и выше этой цифры восходитъ лишь въ видѣ особыхъ исключеній.

Спрашивается: если предположить въ немъ идеальное безкорыстіе, т. е. довольство однимъ казеннымъ жалованьемъ, можно ли было бы назвать это *кормленіемъ* отъ службы, и не вѣрнѣе ли было бы назвать *голоданьемъ* на службѣ? И гдѣ бы это можно было достать десятки тысячъ идеалистовъ, способныхъ предать и душу и тѣло

столь мало симпатичному труду, каковъ трудъ низшей и средней административной службы, за столь ограниченное мздовоздаяніе?

А потому и всѣ разсужденія о низости взяточничества, о необходимости его преслѣдованія—будутъ праздными, доколѣ снизу до верху административной лѣствицы всѣ граждане, обреченные судьбою восхожденіемъ по ступенямъ оной совершать свой жизненный путь, не будутъ болѣе или менѣе прочно обезпечены хотя бы въ насущномъ хлѣбѣ, сообразно съ требованіями служебной обстановки и общественнаго положенія.

И вотъ, если когда-либо это послѣдуетъ (а когда либо это должно же послѣдовать, и какъ только въ сознаніи правительства и народа утвердится мысль, что недостаточное питаніе административныхъ тружениковъ и составляетъ главнѣйшую причину и административной недоброкачественности и служебнаго лихоимства, оба они уразумѣютъ необходимость болѣе гуманнаго отношенія къ потребностямъ этихъ тружениковъ, и не остановятся для того ни предъ какими расходами и даже, если бы понадобилось, предъ новыми налогами, которые во всякомъ случаѣ оказались бы много легче того нелегальнаго налога, какой этому же чиновничеству платитъ народъ въ формѣ взяточничества и вымогательства), непосредственно затѣмъ необходимо будетъ всѣми, отъ правительства зависящими средствами, всѣми мѣрами правосудія, всѣми законными карами, не только строгими, но хотя бы даже драконовскими, истреблять изъ административной сферы пресловутый принципъ кормленія отъ службы,

которому не такъ еще давно безмолвно покровительствовало само правительство, и на который доселѣ въ случаяхъ весьма нерѣдкихъ вынуждается смотрѣть сквозь пальцы, а иногда косвенно и поощрять его.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же, какъ не такимъ поощреніемъ, могутъ представляться многочисленныя назначенія на различныя административныя должности лицъ совершенно другаго рода службы, зачастую не имѣющихъ никакого понятія о новыхъ обязанностяхъ, тщательное и добросовѣстное исполненіе коихъ потребуется отъ нихъ съ перваго же дня по вступленіи на должность?

Въ области частныхъ отношеній, руководимыхъ обычною логикой, здравымъ смысломъ и соображеніями личной выгоды и пользы, едва ли кто пригласитъ фельдшера на должность повара, или наоборотъ, акушерку въ гувернантки, или наоборотъ, почтальона въ конторщики, или наоборотъ, и т. д. т. п.

Въ области же административной у насъ чуть не ежедневно совершаются назначенія ничуть не менѣе странныя: успѣвшихъ выслужить геморой чиновниковъ—урядниками и околодочными, полковыхъ поручиковъ и капитановъ—участковыми и становыми приставами и исправниками, гусарскихъ полковниковъ полицеймейстерами, педагоговъ правителями канцелярій, профессоровъ управляющими питейно - акцизныхъ сборовъ, министрами и пр. т. п., строевыхъ генераловъ оберъ - полицеймейстерами и губернаторами, и т. д.

Независимо отъ впечатлѣнія, производимаго такими назначеніями, отъ административныхъ упущеній и промаховъ, неизбѣжныхъ со стороны чиновниковъ, не знающихъ того дѣла, за которое они берутся, подобный способъ пополненія административнаго контингента вреденъ еще и потому, что препятствуетъ выработкѣ административныхъ преданій, которая и невозможна въ силу того, что лица, поступающія на начальственные посты изъ другихъ вѣдомствъ государственной службы, естественно не сами прилаживаются къ режиму подчиненной имъ служебной сферы, а эту послѣднюю начинаютъ налаживать на тотъ режимъ, который имъ знакомъ по прежней ихъ службѣ. Отсюда, при нерѣдкой смѣнѣ начальствующихъ лицъ, происходитъ то, что въ различныхъ административныхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, вмѣсто незыблемыхъ дѣловыхъ преданій, выработанныхъ послѣдовательнымъ опытомъ дѣлопроизводства, руководятъ дѣятельностью чиновниковъ непостоянныя системы то того, то другаго начальника, смѣняющіяся одна другою вмѣстѣ съ перемѣщеніями самихъ начальниковъ.

Все это явленія отнюдь не желательныя, для достоинства администраціи прямо вредныя, и потому подлежащія устраненію. Самое желательное въ административной жизни направленіе должно заключаться въ томъ, чтобы личный составъ административныхъ учрежденій постепенио и послѣдовательно, сообразно, конечно, со своими способностями и усердіемъ, безъ всякихъ скачковъ поднимался по лѣстницѣ служебной іерар-

хіи снизу вверхъ, изъ своей же среды выдѣляя лучшія силы для служенія государству и на самыхъ высшихъ степеняхъ административной службы.

Околодочный надзиратель, увѣнчивающій свою долговременную, безпорочную и усердную службу званіемъ оберъ-полицеймейстера, былъ бы въ этой отвѣтственной и многотрудной должности, конечно, гораздо полезнѣе любаго строеваго генерала, равно какъ и губернаторъ изъ исправниковъ, уже по тому одному, что ему личнымъ опытомъ извѣстна была бы до мельчайшихъ подробностей вся подчиненная ему служба, и онъ бы не бродилъ въ потемкахъ при исполненіи своихъ обязанностей, не нуждался бы въ секретаряхъ, а властною рукой распоряжался бы въ подвѣдомственной ему сферѣ, какъ настоящій ея хозяинъ.

Но это все *desideria*, хотя и *pia*: когда-то еще правительство, освободившись отъ рутинныхъ взглядовъ на характеръ и направленіе административной службы, усвоитъ эти истинно разумныя и строго логическія воззрѣнія, когда-то освятитъ ихъ непререкаемою законодательною санкціей, а между тѣмъ пальятивы противъ современныхъ недостатковъ и неудобствъ, ощущаемыхъ населеніемъ вслѣдствіе аномалій въ сферѣ распорядковъ административной службы, возможны и теперь, и нѣкоторые изъ нихъ осуществимы даже безъ особыхъ затрудненій.

Нѣтъ сомнѣнія, что и небрежность, и дѣловая распущенность, и поползновенія къ служебному лихоимству, замѣчаемыя въ современномъ чинов-

ничествѣ, сократились бы въ болѣе или менѣе значительной степени, если бы не только служебныя преступленія, но и проступки даже дисциплинарнаго характера были изъяты изъ подъ покрова административно-канцелярской тайны и отошли въ вѣдѣніе общаго правосудія, т. е. еслибы каждое административное лице, помимо изволенія своего непосредственнаго начальства, за всѣ безъ исключенія служебныя проступки и преступленія, кѣмъ бы то ни было обнаруженныя, подлежало суду двухъ общихъ судебныхъ инстанцій, и если бы, при этомъ, каждому гражданину, подъ его личной отвѣтственностью, предоставлено было право вчинать въ этихъ инстанціяхъ гражданскіе и уголовные иски противъ административныхъ неправильностей, несправедливостей и притѣсненій, и если бы, наконецъ, лиходательство, какъ дѣяніе въ большинствѣ случаевъ недобровольное, а вынужденное, притомъ административными же злоупотребленіями, было вычеркнуто изъ Уложенія о наказаніяхъ.

А такъ какъ эти пальятивы гораздо и проще, и легче достижимы, то они, въ данное время, и должны быть признаны наиболѣе желательными и настоятельными.

Что касается сферы правосудія, то мы уже указали на тѣ печальныя явленія, которыя создала практическая постановка новыхъ судебныхъ уставовъ.

Явленія эти, въ области мироваго суда, заключаются, во первыхъ, въ сравнительной медлен-

ности судопроизводства и частію отъ нея зависящей безцѣльности всей судебной процедуры. Устранить эти явленія, полагаемъ, было бы возможно.

Наибольшую важность для населенія, и притомъ бѣднѣйшаго, мировой судъ представляетъ своею гражданскою стороной, облегчая денежныя взысканія, и преимущественно мелкія.

Въ виду сего, по дѣламъ этого рода, почему бы не допустить соединенія въ лицѣ мироваго судьи обоихъ органовъ правосудія, и судебной и исполнительной, по отношенію къ искамъ безспорнымъ и неопровержимымъ?

Предположимъ для такихъ исковъ, вмѣсто теперешняго, хотя бы такой сокращенный порядокъ судопроизводства: истецъ представляетъ разсчетную книжку, подписанный счетъ, росписку и т. п. Судья обязываетъ отвѣтчика въ теченіе хотя бы трехъ сутокъ, не болѣе, явиться въ судъ для личнаго объясненія по исковому документу, т. е., въ громадномъ большинствѣ случаевъ, для признанія подлинности документа и своей обязанности погасить оный. Разъ это признаніе состоялось оффиціально, на судѣ, всѣ дальнѣйшія формальности становятся излишними, и судья постановляетъ рѣшеніе о немедленномъ обезпеченіи иска наложеніемъ ареста на имущество отвѣтчика, и затѣмъ о продажѣ его для погашенія иска.

Несомнѣнно, что этотъ упрощенный порядокъ судебныхъ рѣшеній былъ бы не по сердцу только тѣмъ, кто привыкъ къ судебной волокитѣ, какъ къ безмездному средству до послѣдней крайности

затягивать денежные разсчеты. Что же касается большинства бѣднѣйшаго населенія, то для него въ этомъ порядкѣ судопроизводства воскресли бы первые дни мироваго суда, доселѣ вспоминаемые не иначе, какъ съ благословеніями.

Во вторыхъ, папская непогрѣшимость мировыхъ судей относительно извѣстнаго размѣра исковъ, какъ рѣшительный абсурдъ, должна подлежать устраненію изъ судебныхъ уставовъ, равно какъ несостоятельнымъ оказывается и учрежденіе аппелляціонной инстанціи надъ рѣшеніями мировыхъ судей изъ нихъ же самихъ.

Свой своему по неволѣ братъ, а добрый братъ едва ли способенъ быть безпристрастнымъ критикомъ сужденій своего брата, и потому было бы гораздо болѣе согласно съ справедливостью—учреждать аппелляціонныя инстанціи для мироваго суда внѣ всякой отъ него зависимости, хотя бы, напримѣръ, изъ лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора.

При этомъ условіи меньше бы оставалась подъ спудомъ и весьма часто встрѣчающаяся малоспособность и совершенная негодность выборныхъ мировыхъ судей, и самыя ошибки судебныхъ выборовъ потеряли бы значительную долю своего роковаго и развращающаго вліянія на населеніе, да и вообще стали бы повторяться рѣже, ибо и сами кандидаты на судейское званіе, въ виду прокурорской ферулы, стали бы искать его только тогда, когда бы чувствовали себя достаточно способными съ честію носить оное.

Правосудію окружныхъ судовъ нельзя не пожелать, въ его гражданской части, какъ можно

меньше зависимости отъ адвокатовъ, а для сего сравнительно наибольшей обезпеченности ихъ личнаго состава въ матеріальномъ отношеніи, т. е., увеличенія содержанія членовъ и предсѣдателей судовъ до нормы, требуемой ихъ высокимъ служебнымъ и виднымъ общественнымъ положеніемъ.

Уголовной же ѳемидѣ необходимы: 1) возможно совершеннѣйшая постановка предварительнаго слѣдствія, а для сего изъятіе этой важнѣйшей части уголовнаго процесса изъ неопытныхъ рукъ молодежи, лишь теоретически свѣдущей въ юридической наукѣ, и между тѣмъ почти повсемѣстно завладѣвшей дѣломъ предварительнаго слѣдствія, и передача онаго въ крѣпкія и болѣе надежныя руки опытныхъ практиковъ-юристовъ; 2) возможно тщательнѣйшій выборъ присяжныхъ засѣдателей, съ устраненіемъ изъ ихъ состава нерѣдко встрѣчающагося въ немъ общественнаго отребья, а для сего установленіе извѣстныхъ признаковъ, опредѣляющихъ крайнюю норму требованій для избранія въ таковые, какъ напримѣръ: ту или другую степень имущественной состоятельности, общественное положеніе, поведеніе, грамотность и т. д.

Но всего необходимѣе законодательный трудъ, долженствовавшій, по простой логикѣ вещей, непосредственно слѣдовать за введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и однако доселѣ еще и не предпринятый, трудъ по истинѣ гигантскій, едва ли не равный первоначальному труду Сперанскаго надъ Сводомъ законовъ. Это—трудъ согласованія, съ одной стороны, судебныхъ уставовъ

съ указаніями ихъ 25-лѣтней практики, а съ другой—согласованія съ ними законодательныхъ подробностей Свода законовъ, подробностей, изъ которыхъ однѣ устарѣли, другія упразднены судебными уставами, третьи въ прямомъ съ ними противорѣчіи, и т. д.

Сверхъ того, многія отрасли законодательства, необходимость подробнаго и тщательнаго формулированія коихъ требуется современною жизнью, въ Сводѣ законовъ вовсе отсутствуютъ, такъ какъ въ эпоху, когда онъ собирался, и самыя явленія, вызывающія эту необходимость, не только не тревожили общественнаго сознанія, но и вовсе не существовали. Таковы законодательства: акціонерное—за отсутствіемъ въ то время акціонернаго дѣла, санитарное—за отсутствіемъ не только въ общественномъ сознаніи, но и въ правительственныхъ сферахъ тогдашней эпохи опредѣленнаго представленія о важности и необходимости санитарнаго дѣла, и отчасти—строительное, по незначительному въ тѣ времена развитію строительной дѣятельности.

Все это и многое другое требуетъ и созидательной, и организаторской, и коррективной законодательной работы надъ Сводомъ законовъ и судебными уставами Александра II, и трудно было бы, со стороны русской юстиціи, придумать къ наступающему новому вѣку лучшій подарокъ нашему правосудію, какъ этотъ плодотворный для грядущихъ поколѣній русскаго народа трудъ, имѣющій лечь въ основаніе праваго суда, или, что тоже, судебной правды на Руси.

